

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
БОЗРЕНИЕ

№ 3

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 3

МАЙ-ИЮНЬ 2023

Журнал основан в 1889 г.
Выходит 6 раз в год
Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);
“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва),
С.А. Арутюнов (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, главный редактор (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
П.С. Куприянов (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
Е.В. Попова (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Университет Северной Каролины, Чапел-Хилл, США),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHSS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссорин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чவர்ь (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67
Интернет-сайт: <https://eo.iea.ras.ru>
e-mail: ethnoreview@iea.ras.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences

ETNOGRAFIČESKOE OBOZRENIÉ

№ 3

MAY-JUNE 2023

Founded in 1889
Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografija (1926–1930); Sovetskaja Etnografija (1931–1991)
Publication frequency: 6 issues per year
Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Pavel Kupriyanov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitry Mikhel (RANEP, Moscow), **Evgeniya Popova** (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Trubina (University of North Carolina at Chapel Hill, USA)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:
Rm 1807, 32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia;
phone +7 (495) 938-1867

Website: <https://eo.iea.ras.ru>; e-mail: ethnoreview@iea.ras.ru

Специальная тема номера: Профессия и общество: любовь за деньги

(отв. ред.: А.А. Новик, О.Д. Фаис-Леутская)

<i>О.Д. Фаис-Леутская, А.А. Новик.</i> Антропологическое исследование европейской проституции: опыт и перспективы	5
<i>С.А. Сиднева.</i> О “спутниках и спутницах радости”: гендерно-национальный состав представителей сферы интимных услуг в современной Греции	23
<i>А.А. Новик.</i> Втайне и в открытую: неисповедимые пути запретной профессии в Албании.....	43
<i>А.Н. Кожановский.</i> Женская проституция в современной Испании: неопределенность очевидности	70
<i>А. Мажиа.</i> “Любовь за деньги” в Сардинии: к вопросу об этноантропологическом исследовании феномена проституции в традиционном обществе (пер. с ит. О.Д. Фаис-Леутской)	85
<i>О.Д. Фаис-Леутская.</i> Проституция в Сицилии: взгляд в прошлое	104

Физическая антропология

<i>Т.А. Сюткина, В.В. Куфтерин.</i> Краниология населения Средней Азии рубежа эр: многомерная статистика против индивидуально-типологического подхода?	125
<i>А.Г. Козинцев.</i> На кого были похожи карасукцы?	150

Интервью

<i>Д.М. Бондаренко, Е.И. Филиппова.</i> Постколониальный мир – это не только страны, в прошлом бывшие колониями, это весь современный мир (интервью)	165
--	-----

Статьи и материалы

<i>М.В. Осипова.</i> Визуальный образ айнов в живописных работах и гравюрах XVI – начала XIX в.: историко-этнографический источник или художественный вымысел?	187
<i>П.А. Кислицына.</i> Телесность в биографических нарративах негетеросексуальных людей	206

Критика, обзоры, рецензии

<i>А.А. Сирина.</i> Уцелевшие части: возвращение архива Широкогоровых (рец. на: Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых: В 2 т. Т. 2. Ч. 1, 2. М., 2022)	226
<i>Т.Д. Соловей.</i> Быть услышанным властью и обществом (рец. на: Антропология и этнология: современный взгляд. М., 2021)	232
<i>О.К. Шиманская.</i> Современное старообрядчество как живая память (рец. на: Душакова Н.С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М., 2022)	237

Special Theme of the Issue: Profession and Society: Love for Money

(guest editors *A.A. Novik and O.D. Fais-Leutskaia*)

<i>Fais-Leutskaia, O.D., and A.A. Novik.</i> Anthropological Study of European Prostitution: Experiences and Perspectives [Antropologicheskoe issledovanie evropeiskoi prostitutsii: opyt i perspektivy]	5
<i>Sidneva, S.A.</i> On “Companions of Joy”: The Gender/Ethnic Composition of Sex Workers in Modern Greece [O “sputnikakh i sputnitsakh radosti”: genderno-natsional’nyi sostav predstavitelei sfery intimnykh uslug v sovremennoi Gretsii]	23
<i>Novik, A.A.</i> Secretly and Openly: The Inscrutable Ways of the Forbidden Profession in Albania [Vtaine i v otkrytuiu: neispovedimye puti zapretnoi professii v Albanii]	43
<i>Kozhanovsky, A.N.</i> Female Prostitution in Contemporary Spain: Uncertainty of the Obvious [Zhenskaia prostitutsiia v sovremennoi Ispanii: neopredelennost’ ochevidnosti]	70
<i>Maxia, A.</i> The “Love for Money” in Sardinia: On the Question of an Ethnoanthropological Study of the Phenomenon of Prostitution in Traditional Society [“Liubov’ za den’gi” v Sardinii: k voprosu ob etnoantropologicheskom issledovanii fenomena prostitutsii v traditsionnom obshchestve]	85
<i>Fais-Leutskaia, O.D.</i> Prostitution in Sicily: A Look into the Past [Prostitutsiia v Sitsilii: vzgliad v proshloe]	104

Biological Anthropology

<i>Syutkina, T.A., and V.V. Kufterin.</i> Craniometric Study of Central Asian Population at the Turn of the Era: Multivariate Statistics Versus Typological Approach? [Kraniologiiia naseleniia Srednei Azii rubezha er: mnogomernaia statistika protiv individual’no-tipologicheskogo podkhoda?]	125
<i>Kozintsev, A.G.</i> Whom Did the Karasuk People Resemble? [Na kogo byli pokhozhi karasuktsy?]	150

Interview

<i>Bondarenko, D.M., and E.I. Filippova.</i> Not Only Former Colonies but the Whole Contemporary World Is Postcolonial [Postkolonial’nyi mir – eto ne tol’ko strany, v proshlom byvshe koloniiami, eto ves’ sovremennyi mir (interv’iu)]	165
--	-----

Research Articles

<i>Osipova, M.V.</i> Visual Image of the Ainu in Paintings and Engravings of the 16 th – Early 19 th Centuries: Historical and Ethnographic Source or Artist’s Imagination? [Vizual’nyi obraz ainov na zhivopisnykh polotnakh i graviurakh XVI – nachala XIX v.: istoriko-etnograficheskii istochnik ili khudozhestvennyi vymysel?]	187
<i>Kislitsyna, P.A.</i> Embodiment in Biographical Narratives of Non-Heterosexuals [Telesnost’ v biograficheskikh narrativakh negeteroseksual’nykh liudei]	206

Book Reviews and Critiques

<i>Sirina, A.A.</i> Surviving Fragments: Regaining the Shirokogorov Archive [Utselevshie chasti: vozvrashchenie arkhiva Shirokogorovykh]: A Review of Puteshestviia cherez sibirskuiu step’ i taigu k antropologicheskim kontseptsiiam. Etnoistoriia Sergeia i Elizavety Shirokogorovykh: V 2 t. T. 2. Ch. 1, 2 [Journeys through the Siberian Steppes and Taiga to Anthropological Concepts: The Ethno-history of Sergei and Elizabeth Shirokogoroff. Vol. 2. Pt. 1, 2], edited by D. Arzyutov, D. Anderson, and S. Podrezova	226
<i>Solovei, T.D.</i> To Be Heard by the Authorities and Society [Byt’ uslyshannym vlast’iu i obshchestvom]: A Review of Antropologiiia i etnologiiia: sovremennyi vzgliad [Anthropology and Ethnology: A Modern View], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova	232
<i>Shimanskaya, O.K.</i> The Old-Believing of Nowadays as a Live Memory [Sovremennoe staroobriadchestvo kak zhivaia pamiat’]: A Review of Prozhivaemaia istoriia: kak staroobriadtsy vspominaiut o svoem proshlom [The Lived History: How Old-Believers Remember Their Own Past], by N.S. Dushakova	237

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ПРОФЕССИЯ И ОБЩЕСТВО: ЛЮБОВЬ ЗА ДЕНЬГИ
(отв. ред. – О.Д. Фаис-Леутская, А.А. Новик)**

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПРОСТИТУЦИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

О.Д. Фаис-Леутская, А.А. Новик

Оксана Давидовна Фаис-Леутская | <http://orcid.org/0000-0002-2757-2434> | oxana-fais@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Александр Александрович Новик | <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109> | njual@mail.ru | к. и. н., заведующий центром европейских исследований, ведущий научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

страны Европы, национальная проституция, традиционное общество, полевая работа, современность

Аннотация

Настоящая статья представляет собой введение к блоку публикаций, посвященных месту проституции в современной культуре и повседневности, а также эмическому видению населением различных регионов Европы этого явления. Модель оказания (преимущественно женщинами) канонических интимных услуг за плату, получившая, в частности, название “национальная (традиционная) проституция”, сформировалась в конце XIX в. и до недавнего времени превалировала на рынке секса. Приходится констатировать, что, в отличие от древних (культурных, патриархальных) и многих современных (“иноэтнических” – ввиду активизации миграционных процессов; “иногендерных” – мужской, трансгендерной проституции; “инновационных” – *webcam* и т.д., связанных с расширением сектора эскорт-услуг) видов проституции, “традиционная” форма, продолжая оставаться востребованной, а порой и доминирующей, крайне редко предстает объектом исследования. Авторы публикаций, вошедших в настоящий блок, предпринимают попытку полевого изучения, этнографической реконструкции и антропологического анализа феномена “традиционной проституции” на примере ряда европейских стран – Греции, Албании, Испании и Италии (двух ее регионов – Сардинии и Сицилии). В тематический блок вошли статьи С.А. Сидневой, А.А. Новика, А.Н. Кожановского, А. Мажиа, О.Д. Фаис-Леутской.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено в рамках планов НИР ИЭА РАН и МАЭ РАН

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Фаис-Леутская О.Д., Новик А.А. Антропологическое исследование европейской проституции: опыт и перспективы // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030016> EDN: СОКАНГ

Fais-Leutskaja, O.D., and A.A. Novik. 2023. Antropologicheskoe issledovanie evropeiskoi prostitutsii: opyt i perspektivy [Anthropological Study of European Prostitution: Experiences and Perspectives]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030016> EDN: СОКАНГ

Тема проституции в течение длительного времени не перестает привлекать внимание исследователей. Большой интерес к ней обусловлен тем, что речь идет о чрезвычайно многогранном, полиформном, древнем (с легкой руки Р. Кипплинга широкое распространение получило определение проституции как “древнейшей на земле профессии”¹) и одновременно вневременном, дожившем до наших дней и, по всей видимости, не собирающемся сдавать позиции явлению. Свою роль, несомненно, играет и “пикантность” этой темы, поскольку, по словам итальянского семиотика Дж. Марроне, «ничто не волнует людей больше, чем пища, смерть и секс, – эти сюжеты остаются наиболее “рейтинговыми” и востребованными как в повседневности, так и в науке» (Marrone 2022: 82). Иллюстрируя эту, высказываемую неоднократно и до него мысль Дж. Марроне апеллирует к двум произведениям киноискусства – фильмам М. Феррери “Большая жратва” (1973) и П. Гринуэя “Повар, вор, его жена и ее любовник” (1989).

Объем посвященных феномену проституции исследований, зарубежных и отечественных, поражает воображение (Bullough et al. 1977). Достаточно многочисленны и получившие широкую известность произведения художественной литературы, затрагивающие тему проституции и вносящие немалый вклад в освещение и осмысление этого явления. В этом ряду тексты, принадлежащие перу средневековых японских авторов, романы русских и европейских классиков (Г. де Мопассана, Л.Н. Толстого, Э. Золя, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна) и современных латиноамериканских писателей (Г. Гарсия Маркеса, Ж. Амаду, П. Козльо и др.), произведения литераторов последнего поколения.

Однако вернемся к интерпретации проблем проституции в академическом дискурсе. На первый взгляд эта тема представляется настолько разработанной, что, кажется, трудно добавить что-либо новое. Действительно, на протяжении длительного времени проблемам проституции и проституток уделяли пристальное внимание не только мыслители-моралисты, идеологи разных эпох, но и врачи, юристы, общественные и церковные деятели, представители правоохранительных органов и государственные мужи. Впоследствии к ним примкнули историки, социологи, психологи и психиатры, религиоведы, мифологи, философы, а в наши дни – специалисты по миграциям, сексологи, политики, представители социальных и общественных движений, такие, например, как правозащитники, феминистки и т.д. Проституция исследовалась в ее профанной и сакральной ипостасях, в ее древних и современных формах, с разных точек зрения и в различных ракурсах.

Как показывает анализ библиографии, между второй половиной XIX и началом XX в. во всем мире, включая Россию, тема проституции и проституток (ибо тогда проституция в глазах окружающего мира еще была по преимуществу женским занятием), скандальная и запретная, начинает становиться весьма популярной и злободневной, ее освещение впервые вызывает общественный резонанс, наблюдается всплеск исследовательской активности. В численном отношении преобладают работы медиков: И. Блоха, немецкого дерматолога, психиатра и психоаналитика, основателя сексологии (Bloch 1912), его соотечественника, дерматовенеролога А. Блашко (Blaschko 1893; 1900), американского терапевта В.В. Зангера (Sanger 1913), французского сифилидолога Л. Мартино (Martineau 1885), знаменитого итальянского психиатра и криминалиста Ч. Ломброзо (Lombroso, Ferrero 1893), целого ряда российских врачей (Кузнецов 1871; Тарновский 1888; Поспелов 1890; Покровская 1900; Манасеин 1904; Сабинин 1905; др.); немало работ юристов (Frégier

1840; *Mayhew* 1861; *Ахшарумов* 1889; *Дерюжинский* 1902; *Елистратов* 1903, 1909; др.), а также журналистов и писателей-публицистов, обличающих проституцию как общественный порок и пытающихся выявить ее корни (напр., *Wardlaw* 1842, 1843; *Dufour* 1851; *Гиляровский* 1887; *Fuchs* 1909–1912; *Sorge* 1919)². Важно отметить, что выходящая за рубежом литература на данную тему с разной степенью оперативности переводилась и печаталась в России, выдерживая порой несколько изданий – к примеру, книга французского врача Э. Дюпуи (*Дюпуи* 1907, 1991).

Исторические события бурного XX в., преимущественно его первой половины (в частности, установление в Италии, Испании и Германии тоталитарных режимов, в системе нравственных координат которых проститутки были категорией населения не просто маргинальной, а подлежащей сегрегации и даже уничтожению), повлекшие за собой изменение морально-идеологических установок и, как следствие, векторов научного поиска, обусловили длительный перерыв в активном изучении феномена проституции. Новый виток интереса к нему в странах Европы и мира, во многом predeterminedный сексуальной революцией и дестабилизацией ряда запретных прежде тем, начинается в 1970-е годы и не утихает до сих пор. В России тема проституции переживает подъем и становится остроактуальной в эпоху перестройки и в последовавшие за ней годы. Изменение социальной парадигмы и многих морально-этических приоритетов и норм повлекло за собой концептуальную либерализацию и романтизацию порицаемых ранее видов деятельности. В наши дни, утратившая былую повышенную остроту и притягательность, эта тема становится объектом преимущественно социологического (*Габияни, Мануильский* 1987; *Голод* 1988, 1999; *Голосенко, Голод* 1998; *Русакова, Яковлева* 2010; *Русакова* 2018), криминологического (напр., *Хотченков* 1991; *Станская* 2005), исторического (напр., *Ильхов* 2007) и гендерного (напр., *Ходырева* 2006) анализа.

Однако, как подчеркивают специалисты, было бы серьезной ошибкой утверждать, что проституция “относится к числу изученных и даже сколько-либо изученных явлений” (*Ruggiero* 1989: 27). Если говорить о различных аспектах этого феномена, различных полях и ракурсах его исследования, то необходимо признать, что тема проституции освещена неполно и неравномерно (*Ibid.*).

Во-первых, даже поверхностный взгляд на состояние изученности темы убедительно доказывает, что, по сравнению с такими “составляющими” этого гигантского исследовательского поля, как секс и эротика, проституция нечасто становится объектом научного интереса, анализа и исторической реконструкции. В этом плане показателен пример шеститомного фундаментального академического труда “История сексуальности в культуре”, изданного в Оксфорде в 2011 г. и охватывающего период с древнейших времен до наших дней. Заявленная составителями тема проституции не получает полноценного освещения и фактически оказывается вытесненной и задавленной другими сюжетами: гетеро- и гомосексуальностью; сексуальными отклонениями и девиациями; эротикой; связанными с сексом верованиями и правовыми нормами, медициной, патологией и заболеваниями; определением места секса в народной культуре и т.д. (*Reakman* 2011). От внимания исследователей нередко ускользает и феномен “старой доброй”, или – если пользоваться заимствованным и достаточно точным термином – “национальной (традиционной)” проституции (*Gibson* 1989: 47)³. Под ней понимается совокупность сформировавшихся в конце XIX в. в странах Старого и Нового Света и дошедших до наших дней специфических национальных моделей оказания за плату канонических сексуальных услуг

преимущественно женщинами в публичных домах или в съемных помещениях (*indoors*), либо вне их, “на улице” (*outdoors*), с сутенером или без него.

При этом исследования древних сакральных или средневековых форм проституции (см., напр.: *Bullough, Brundage* 1994, 1999; *Rossiaud* 1996) в численном, а порой и в качественном отношении превалируют над исследованиями сегодняшней (или относящейся к недавнему прошлому) практики продажи сексуальных услуг. Многие работы, вышедшие в последние десятилетия, тяготеют к многоохватности и обобщениям, а конкретика часто приносится в жертву масштабности и описательности (*Roberts* 1992; *Hope Ditmore* 2006; *Ringdal* 2007; *Carroll* 2018); к тому же некоторые из подобных “глобальных” изданий на поверку оказываются претендующими на научность откровенно популярными публикациями склонных к графомании авторов, муссирующих “пикантную тему” (напр., *Князькин* 2006; *Штерениус* 2006).

Во-вторых, среди исследований, посвященных современной проституции, работы, затрагивающие “национальную (традиционную)”, т.е. женскую ее форму, оказываются, как отмечают многие ученые (напр., *Mollica* 2015: 11), в несомненном меньшинстве по сравнению с изучающими мужскую, трансгендерную, детскую, виртуальную, “миграционную” и др. (хотя это во многом объясняется и изменившимися в наши дни реалиями рынка сексуальных услуг, иначе говоря – “спросом и предложением”, и сегодняшней, продиктованной политическими факторами и социальной модой либерализацией нравов, и де-табуизацией многих прежде запретных в обществе сексуальных тем, в том числе и темы гомосексуальности и трансгендерности).

В-третьих, далеко не все “границы” проституции в равной степени получили полноценное научное освещение на сегодняшний день, тем более если вполне обоснованно рассматривать “торговлю собой” не как профессию, а как сложное общественное явление. Это “не просто совокупность проституток и их поведения, а плюс способы и агенты организации их деятельности... и постоянные потребители проституции, спрос со стороны которых ее воспроизводит” (*Голосенко, Голод* 1998: 14), и – добавим – окружающий и оценивающий проституток социум. Уточним в этой связи: если работы историков, медиков, социологов, юристов, а с недавних пор сексологов, специалистов по миграциям и философов внесли весомый вклад в изучение феномена проституции, то, например, исследования психологов, в которых делается попытка осмысления личностной специфики женщин, продающих себя за деньги, на сегодняшний день можно отнести к новаторским в мировой науке (см., напр.: *Löw, Ruhne* 2011), а публикаций этнографов, этнологов, антропологов, посвященных “национальной (традиционной)” проституции практически нет.

Разумеется, нельзя не вспомнить в этой связи работы “классиков” – М. Мид (*Mead* 1928) или Б. Малиновского (*Malinowski* 1929), а также исследования М. Фуко (*Foucault* 1980), однако они концентрируют внимание на интерпретации в парадигме антропологии проблем сексуальности человека, а не на исследовании конкретного феномена проституции. И хотя в последние десятилетия начинают появляться немногочисленные, но ценные в научном отношении этнографические документальные описания бытия и повседневности проституток, часто построенные на свидетельствах самих “тружениц панели” (*Tabor* 1971; *Delacoste, Alexander* 1987; *Kelly* 2008; *Adler* 2013; *Centini* 2019; *Bernieri* 2021), и антропологические исследования проституции (*Whelehan* 2001; *Perlongher* 2008; *Maksimowski* 2012; *Dewey, Zheng* 2013; *Roy* 2019), в целом состояние этнографической/антропологической изученности этого

явления оставляет желать лучшего. Часто исследования, позиционируемые как антропологические, таковыми не являются. Так, например, безусловно значимый в научном отношении труд И.С. Кона (*Кон* 1997) охарактеризовать как антропологический (как это заявлено) можно с определенной натяжкой: исторические, социологические и сексологические методы и подходы к проблеме явно берут верх над антропологическими, а тема проституции “тонет” среди других социально-эротических сюжетов. Пример квазиантропологического труда – работа бразильского историка и социолога Ф. Кунья Феррари (*Cunha Ferrari* 2022), предпринявшего смелую, но увы(!) не совсем удачную попытку осмыслить в философско-антропологическом ключе и в глобальном масштабе вопросы маскулинности, сексуальной культуры и проституции.

Хуже всего при этом приходится, как уже было сказано выше, феномену “национальной проституции”. Крайне невелико число регионоведческих исследований эмпирики этого явления, посвященных его конкретным чертам и проявлениям в отдельных странах и ареалах (напр., *Perkins, Lovejoy* 2007), его тщательному и детальному анализу⁴. И если публикации о проституции в Новом Свете, например в США, не говоря уже о странах Латинской Америки (*Prostitution in the Americas n.d.*) или Азии (напр., *Truong* 1990), обладают достаточно солидной библиографией, то проституция в странах Европы значительно реже становится объектом изучения.

Отметим, что в современном европейском и мировом этнографическом/антропологическом дискурсе крайне скупо освещаются не только сугубо “внутренние” проблемы проституции, но и такие вопросы, как, например, восприятие социумом “тружениц на ниве платного секса”, отношение к ним, их место в локальной социальной иерархии в недавнем прошлом и в наши дни. Анализ этих аспектов мог бы если не способствовать решению проблемы проституции в мире, то, по крайней мере, внести свой (пусть скромный) вклад в дело ее декриминализации и оптимизации контроля над ней.

Состояние изученности проституции в отдельных регионах Европы, таких как, например, Средиземноморье и Балканы, можно охарактеризовать как плачевное. Тем не менее эти территории, благодаря специфике социального и культурного микроклимата, характеру исторического прошлого и политическим пертурбациям на протяжении времени, напластованию различных традиций, социальных норм и морально-этических установок, культурной консервативности и тяготению к сохранению традиционности, во многом определяющих специфику бытования того или иного социокультурного феномена, в том числе и проституции, необычайно интересны с научной точки зрения. Отсутствие такого рода исследований актуализирует и этнографическую реконструкцию, и антропологическое изучение продолжающей оставаться востребованной, а часто и доминирующей в европейских регионах “национальной (традиционной)” проституции во всем ее богатстве и многообразии.

Как известно, все регионы Европы в XX – начале XXI в. были включены, пусть и в разной степени, в глобальные процессы размывания традиционных устоев, бытовых привычек и патриархального уклада, характеризовавшего семейную жизнь подавляющего числа жителей Старого Света. Свобода отношений между полами, снятие табу на обсуждение интимной сферы в коллективном (более узком) и общественном (более широком) дискурсах, пренебрежение к заведенным порядкам и, как следствие, стремительное разрушение прежнего института брака (учитывая существовавший на протяжении веков порядок выбора, а скорее навязывания, брачного партнера, запреты на разво-

Рис. 1. Уличная сцена, один из информантов экспедиции.
Булькиза, Албания. Сентябрь 2010 г. Фото А.А. Новика

ды при церковном венчании), размывание авторитета церкви и т.д. – все эти новые веяния принимались постепенно, с оглядкой на мнение окружающих, прежде всего “продвинутых” соседей по континенту, часто в силу экономической, а значит и политической, целесообразности. Проституция, точнее ее легализация (выход из подполья), виделась особенно вопиющим и вызывающим отторжение у консервативной части общества “нововведением”. Так, еще в первые десятилетия XX в. совместное проживание мужчины и женщины без заключения брака в большинстве европейских стран воспринималось как грубое нарушение заведенного порядка. Обратимся за примером к Албании, во многом сохраняющей архаичные взгляды и практики до настоящего времени (архаика и заброшенность многих албанских городов иногда бросается в глаза; см., напр., Рис. 1). В 1922 г. произошел заслуживающий упоминания эпизод, хорошо иллюстрирующий настроения и реальности начала прошлого века. В Дурресе, крупнейшем порте Албании, бдительные соседи сообщили в

полицейский участок о “непозволительном совместном проживании” адвоката Йована М. и некой Сабрие С. (AQSh 1922). Незамедлительно вызванная в полицию, смущенная женщина не смогла предъявить чиновникам свидетельства о браке и лишь пожимала плечами – она со своим гражданским мужем (такого термина в то время и вовсе не существовало) прожила пять лет, не оформляя отношений, так как он был православным, а она мусульманкой. Заподозрив возможное занятие проституцией, скрываемое за ширмой совместного проживания, полиция поспешила выслать женщину из Дурреса. Адвокату потребовались невероятные усилия, хождение по инстанциям и обращения к властям, прежде чем ему возвратили гражданскую жену. Министерство же внутренних дел, оказавшись в проигрыше, не успокоилось: раз сомнительной особе позволили вернуться в Дуррес, ей строжайше запретили въезжать в столицу страны – Тирану (*Baxhaku, Karp* 2014: 155–156).

Борьба за либерализацию сексуальных отношений и легализацию проституции в Европе в течение XX в. периодически обострялась. Лидерами в этой непростой схватке стали Дания и Нидерланды: в соперничестве друг с другом именно они первыми на планете разрешили порнографию, проституцию, однополые связи и браки, усыновление детей однополыми родителями и т.д. (о подведенной под эти “нововведения” законодательной базе в Дании и Нидерландах см.: *Danish Policy* 2023; *Prostitution* 2023). При этом выступающие инициатором кампании за изменение отношения к этим вопросам в умах и сознании подданных Нидерланды порой не успевали за Данией с принятием того или иного решения парламентом. Получив пример “передовых” стран, другие государства Европы и мира также отваживались на соответствующие реформы. На современную ситуацию в сфере интима, личной жизни и сексуальных услуг в странах Старого Света влияет становящееся все более общим законодательство Европейского Союза (обязательные к исполнению или носящие рекомендательный характер акты и юридические тексты публикуются и выкладываются на официальном сайте ЕС) (*EUR-Lex* 2023).

Чтобы стать членом Евросоюза, странам-кандидатам необходимо гармонизировать законодательную базу. Сохраняющиеся в уголовных кодексах ряда стран статьи, предусматривающие не только гражданскую, но и уголовную ответственность за проституцию, под давлением еврочиновников подвергаются сиквестированию либо полной отмене. При этом в странах – членах объединения соответствующее законодательство может разниться. К примеру, в Швеции отменено наказание за занятие проституцией, но введена административная ответственность для потребителей услуг “жриц любви”. Франция, где проституция находилась на легальном положении, по примеру Швеции в 2016 г. ввела штрафы для клиентов, оставив право торговать собой “по собственной воле”. Германия легализовала проституцию и взяла ее, как и следовало ожидать, под контроль. В Италии древнейшая профессия, можно сказать, в фаворе (она не запрещена и находится вне контроля), но под запретом оказалось сутенерство. Кажущаяся полной свобода в Нидерландах также имеет подводные камни: в королевстве запрета на проституцию и содержание домов терпимости не было почти никогда, а вот легализованы “милые” учреждения специальным законом были лишь в 2000 г.

При этом важно, что декриминализация (снятие уголовной ответственности) и либерализация (наивысшая степень которой – признание в качестве трудовой деятельности со всеми вытекающими правами, социальными начислениями, назначением пенсий и проч.) проституции коррелируют с жесто-

чением (и весьма существенным) наказания за другие, связанные с ней виды активности: втягивание в интим-услуги близких и дальних родственников, коллег по работе (младших старшими по положению), мигрантов – за содействие им в получении виз, вида на жительство, в заключении фиктивных браков и т.д., а главные “вишенки на торте” – вступление в связь с малолетними и несовершеннолетними, а также трафик проституток и организация каналов вовлечения в эту деятельность новых лиц, что не только оценивается выносящими судебные вердикты как современная работоторговля, но и обществом воспринимается исключительно негативно (что не всегда случается с другими видами преступлений – к примеру, со страниц печати и из уст обывателей часто раздается вопрос: почему за наркотики такие большие сроки?) (Kodi Penal 2014 [1995]; Danish Policy 2023; Prostitution 2023; АМАЭ 2022: 46–48).

В сегодняшней Европе регулярно вспыхивают скандалы, связанные с трафиком проституток, расследуются и другие преступления сексуального характера. Очень часто в этих случаях вину пытаются свалить на других – на *чужих*. Это справедливо даже для освещения темы проституции в научной литературе. Так, в исследовании актуальных этнологических проблем, опубликованном Этнографическим музеем Гамбурга, говорится:

Открытие границ в 1989 г. привело к феномену чрезвычайного распространения явления проституции в Вене, Берлине и многих других городах <...> В странах Востока быстро распространилась молва, что на Западе женщины могут быстро заработать легкие деньги. Они [женщины] происходили из всех стран общества, даже гимназистки из Чехии, бывшие монастырские послушницы из Польши и студентки из Украины направлялись в Западную Европу (Girtler 1999: 122).

По-видимому, в Гамбурге, порте мирового значения, до появления “десанта” восточноевропейских женщин о проституции слыхом не слыхивали!

Не проходит и недели, чтобы в странах ЕС не случались какие-то громкие задержания проституток и их покровителей – и тогда национальные СМИ, позиционирующие свою объективность, как правило, педалируют именно тему *чужих*. Так, в Италии пресса регулярно поднимает шумиху, привлекая внимание к разоблачению албанских кланов проституток и сутенеров. А албанские СМИ начинают кампанию по освещению, к примеру, “накрытия” очередного борделя, которым руководил экстрадированный из Греции гражданин – пусть и этнический албанец, но *чужой*, поскольку жил в другой стране (один такой случай произошел в октябре 2018 г., когда L.Sh., 40-летний житель с. Горай, округ Кучова, был осужден судом высшей инстанции Грамша на девять лет тюремного заключения за “организацию проституции с отягчающими обстоятельствами, согласно ст. 114/а/1/6 Уголовного кодекса Албании”) (Ekstradohet nga Greqia 2018; см. также: Kodi Penal 2014 [1995]). Однако, как показывает практика, инициаторами, посредниками и конечными потребителями услуг по большей части являются *свои* – “старые добрые” европейцы.

До бурных событий XX в. благонравные *пурмуттер* расценивались как дань традиции, пережиток старорежимных правил и заведенного порядка удовлетворения сексуальных потребностей. В наши дни, при самом либеральном подходе к проституции (при добродушном, а порой и восхищенном восприятии “жриц любви”), в ряде стран неоднозначным остается отношение к содержателям публичных домов или заведений под безобидными вывесками служб знакомств, массажных салонов, салонов красоты, саун и проч., в действительности оказывающих интимные услуги за плату. Более того, согласно исследовани-

ям, проведенным социологами и антропологами, деятельность хозяев борделей воспринимается как эксплуатация (Голосенко, Голод 1998; *Peakman* 2011). На этот счет можно привести многочисленные комментарии в интернет-блогах, а также высказывания в прессе знаменитостей и представителей истеблишмента (недавно одна американская звезда сказала: “Я уже привыкла к проституткам, но ненавижу сутенеров”) (см., также: Люди не могут 2022).

Гармонизация законодательств не приводит автоматически к единым мнениям/суждениям о проституции и одинаковым ее оценкам не только жителями всего европейского континента, но и гражданами отдельных стран. Разные взгляды на этот феномен отражают как специфику разных социальных страт и возрастных категорий, конфессиональную принадлежность, происхождение индивидов (региональное, локальное или этническое), так и особенности укорененности тех или иных подходов к морально-нравственным устоям общества, т.е. мы имеем дело прежде всего с очень личными и нередко изменчивыми приоритетами и “разрешениями” для себя, что требует изучения при помощи не количественных, а качественных методов.

“Цивилизованное” отношение к проституции – плод работы в течение многих последних десятилетий различных акторов (кукловодов?), формирующих общественное мнение: законодателей, политиков, представителей прессы, педагогов, исследователей, деятелей культуры и искусства и др. Разобраться в сложных механизмах смены парадигмы в отношении феномена проституции в разных обществах, отличающихся историческими судьбами, культурным и социальным опытом, моральными приоритетами и проч., призваны работы антропологов, взявших на себя труд изучения такого сложного и многогранного явления, как предоставление сексуальных услуг за плату.

В предлагаемом ниже блоке статей делается попытка решения этих задач на материале, детально иллюстрирующем бытование проституции в Греции, Албании, Испании и двух регионах Италии (Сардинии и Сицилии). Предлагая зарисовки, отражающие региональную специфику практики предоставления “любви за деньги”, авторы в первую очередь основываются на своих полевых исследованиях, что сообщает представленным публикациям особую научную ценность.

Изучение проституции не только позволяет осветить историческое и современное бытование этого феномена, проанализировать роль, которую “работницы” (а порой и “работники”) “сферы платных любовных услуг” традиционно играли и играют в социуме, рассмотреть особенности этического восприятия и оценки обществом представительниц древнейшей профессии, но и проливает свет на само это общество, на его мораль и традиции, нравственные, правовые и гендерные установки, этические и поведенческие предпочтения, ментальные и духовные нормы, тем самым внося существенный вклад в исследование культурных, социальных, политических реалий Европы и в развитие антропологической европеистики в целом.

Примечания

¹ В начале 1889 г. был опубликован сборник рассказов Р. Киплинга “Черным по белому”. Действие одного из них – “В городской стене” – происходит в Британской Индии, а героиня рассказа, прекрасная куртизанка Лалан, сравниваемая с древнегреческими гетерами, как раз и является представительницей “самой древней в мире профессии” (*Kipling* 1889).

² Наряду с публицистическими нередко были “литературные произведения” откровенно порнографического характера (напр.: *Бабилов* 1870).

³ Этому понятию близок по значению британский концепт *common prostitution* (The Crown Prosecution Service 2004).

⁴ Имеющиеся работы касаются преимущественно средневековой региональной конкретики (*Karras* 1998; *Findlen et al.* 2003; *Geremek* 2006; др.).

Источники и материалы

- АМАЭ 2022 – *Новик А.А.* Балканская экспедиция – 2022. Этнолингвистические исследования на Балканах. Полевая тетрадь. Автограф. 29.07.2022 – 17.08.2022; 28.08.2022 – 25.09.2022 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Б/н. 98 л.
- Бабилов* 1870 – *Бабилов К.И.* Продажные женщины. Проституция. Картины публичного разврата на востоке, в античном мире, в средние века, в настоящее время во Франции, Англии, России и других государствах Европы. М.: Типографии И. Смирнова и П.Е. Шюман, 1870.
- Гиляровский* 1887 – *Гиляровский В.А.* Трущобные люди: этюды с натуры. М.: Тип. бр. Вернер, 1887.
- Люди не могут 2022 – Люди не могут быть товаром: 7 мифов о проституции // VOICE. 14.11.2022. <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/stil-zhizni/lyudi-nemogut-byt-tovarom-7-mifov-o-prostituticii>
- AQSh 1938 – Arkivi Qendrori i Shtetit. Tiranë. Dosjet 1938.
- Bernieri* 2021 – *Bernieri C.* (a cura di) Wanda. L'ultima maitresse. Milano: Jouvence, 2021.
- Danish Policy 2023 – Danish Policy on Prostitution and Trafficking for Sexual Exploitation // EUCPN. European Crime Prevention Network. 2023. <https://eucpn.org/document/danish-policy-on-prostitution-and-trafficking>
- Ekstradohet nga Greqia 2018 – Ekstradohet nga Greqia i dënuari për prostitucion në Shqipëri // indeksADMonline. 23.10.2018. <https://indeksonline.net/ekstradohet-nga-greqia-i-denuari-per-prostitucion-ne-shqiperi>
- EUR-Lex 2023 – EUR-Lex: EU law. 2023. <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>
- Fuchs* 1909–1912 – *Fuchs E.* Illustrierte Sittengeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart. V. 1–3. München: Albert Langen, 1909–1912.
- Kipling* 1889 – *Kipling R.* In Black and White. Allahabad: A.H. Wheeler, 1889.
- Kodi Penal 2014 [1995] – Kodi Penal i Republikës së Shqipërisë. Miratuar me ligjin nr. 7895, datë 27.01.1995. Botim i Qendrës së Botimeve Zyrtare, dhjetor 2014. https://www.drejtesia.gov.al/wp-content/uploads/2017/11/Kodi_Penal-1.pdf
- Prostitution 2023 – Prostitution // Government of the Netherlands. 2023. <https://www.government.nl/topics/prostitution>
- Prostitution in the Americas s.d. – Prostitution in the Americas // Wikipedia. n.d. https://en.m.wikipedia.org/wiki/Prostitution_in_the_Americas (дата обращения: 25.02.2023).
- Roy* 2019 – *Roy P.K.* The Role of State in Prostitution: An Anthropological Exploration in a Frontier City of Bangladesh // Zenobo.org. September 4, 2019. https://zenodo.org/record/3386549#.Y8DwyE_P2Um
- Sorge* 1919 – *Sorge W.* Geschichte der Prostitution. Berlin: Potthof, 1919.
- The Crown Prosecution Service 2004 – The Crown Prosecution Service: Offences Against Public Morals and Decency // Archive.org. 12.05.2004. http://www.cps.gov.uk/legal/section12/chapter_d.html

Wardlaw 1842 – Wardlaw R. Lectures on Female Prostitution: Its Nature, Extent, Effects, Guilt, Causes, and Remedy. Glasgow: J. Maclehose, 1842.

Wardlaw 1843 – Wardlaw R. Lectures on Magdalenism: Its Nature, Extent, Effects, Guilt, Causes, and Remedy. Glasgow: Redfield, 1843.

Научная литература

Ахиарумов Д.Д. Проституция и ее регламентация. Доклад обществу русских врачей в Риге. Рига: Тип. Л. Бланкенштейна, 1889.

Габиани А.А., Мануильский М.А. Цена “любви” (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 61–68.

Голод С.И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 65–70.

Голод С.И. Сексуальная эмансипация женщин и проблема Другого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 2. С. 105–114.

Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998.

Дерюжинский В.Ф. Международная борьба с торговлею женщинами. СПб.: Типография Сената, 1902.

Дюуи Э. Проституция в древности и половые болезни. СПб.: Журнал “Тайна жизни”, 1907.

Дюуи Е. Проституция в древности. Кишинев: Logos: Л.Ф. “AZ”, 1991.

Елистратов А.И. О прикреплении женщины к проституции (Врачебно-полицейский надзор). Казань: Типография Имп. ун-та, 1903.

Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. Казань: Типография Имп. ун-та, 1909.

Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М.: Новый хронограф, 2007.

Князькин И.В. Всемирная история проституции. М.: АСТ; СПб.: СОВА, 2006.

Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.

Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России. СПб.: Изд-во В.С. Балашева, 1871.

Манасеин М.П. Отчет о деятельности комиссии для обсуждения вопроса о врачебно-полицейском надзоре за проституцией в связи с общим вопросом о борьбе с нею, состоящей при II отделении Русского общества охранения народного здоровья // Русский медицинский вестник. 1904. № 10. С. 334–345; № 11. С. 401–408.

Покровская М.И. Борьба с проституцией. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900.

Поспелов А.И. Санитарный надзор за проституцией в Париже и Брюсселе: из путевых заметок по заграничному путешествию по Парижу и Брюсселю. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890.

Русакова М.М. Опыт “накопленных неудач” женщин, вовлеченных в проституцию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия, Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 439–454.

Русакова М.М., Яковлева А.А. Региональная специфика современной российской проституции (на примере Санкт-Петербурга и Оренбурга) // Петербургская социология сегодня. 2010. № 2. С. 455–471.

Сабинин А.Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое

- воздержание. Профилактика проституции. Историко-профилактический этюд. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1905.
- Станская А.А.* Проституция несовершеннолетних – социальная и правовая проблема общества. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
- Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм. Доклад русскому сифилидологическому и дерматологическому обществу. СПб.: Издание К. Риккера, 1888.
- Хотченков Ю.М.* (ред.) Проституция и преступность. М.: Юридическая литература, 1991.
- Ходырева Н.В.* Современные дебаты о проституции. Гендерный подход. СПб.: Алетейя, 2006.
- Штерениус М.* Всемирная история всемирной проституции. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
- Adler L.* La Vie Quotidienne Dans Les Maisons Closes: 1830–1930. Paris: Fayard, 2013.
- Baxhaku F., Капо К.* Gra të përgjithshme. Histori prostitucioni shqiptar në periudhën e Zogut. Tiranë: Dituria, 2014.
- Blaschko A.* Syphilis und Prostitution vom Standpunkt der öffentlichen Gesundheitspflege. Berlin: Karger, 1893.
- Blaschko A.* Hygiene der Prostitution und venerischen Krankheiten. Jena: G. Fischer, 1900.
- Bloch I.* Die Prostitution. Berlin: L. Marcus, 1912.
- Bullough V. et al.* A Bibliography of Prostitution. N.Y.: Garland, 1977.
- Bullough V.L., Brundage J.A.* Sexual Practices and the Medieval Church. Amherst: Prometheus Books, 1994.
- Bullough V.L., Brundage J.A.* (eds.) Handbook of Medieval Sexuality. N.Y.: Routledge, 1999.
- Carroll J.L.* Sexuality Now: Embracing Diversity. Boston: Cengage Learning, 2018.
- Centini M.* Bordelli torinesi: Quando le case chiuse erano aperte. Torino: Il Punto – Piemonte in Bancarella, 2019.
- Cunha Ferrari P.* Antropologia da Masculinidade, da Prostituição e do Sexo: Estudos de Gênero. Rio de Janeiro: Novas Edições Acadêmicas, 2022.
- Delacoste F., Alexander P.* (eds.) Sex Work: Writings by Women in the Sex Industry. San Francisco: Cleis Press, 1987.
- Dewey S., Zheng T.* Ethical Research with Sex Workers: Anthropological Approaches. N.Y.: Springer, 2013.
- Dufour P.* Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde: depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours. Paris: Seré, 1851.
- Findlen P., Fontaine M., Osheim D.J.* Beyond Florence: The Contours of Medieval and Early Modern Italy. Redwood City: Stanford University Press, 2003.
- Foucault M.* The History of Sexuality. Vol. 1. N.Y.: Vintage Books, 1980.
- Frégier H.A.* Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures. Paris: Chez J.-B. Baillière, 1840.
- Geremek B.* The Margins of Society in Late Medieval Paris. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Gibson M.* Il caso italiano // La storia della prostituzione / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989. P. 47–50.
- Girtler R.* Prostitution und Pornographie im 19. und 20. Jahrhundert // Unser Europe. Beiträge zur europäischen Kulturgeschichte (Mitteilungen aus dem Museum für

- Völkerkunde Hamburg; Neue Folge, Bd. 29) / Hrsg. W. Köpke, B. Schmelz. Bonn: Holog, 1999. S. 115–127.
- Hope Dittmore M.* Encyclopedia of Prostitution and Sex Work. Vol. I–II. Santa Barbara: Greenwood Publishing Group, 2006.
- Karras R.M.* Common Women: Prostitution and Sexuality in Medieval England. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Kelly P.* Lydia's Open Door: Inside Mexico's Most Modern Brothel. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Lombroso C., Ferrero G.* La donna delinquente: la prostituta e la donna normale. Torino: L. Roux, 1893.
- Löw M., Ruhne R.* Prostitution: Herstellungsweisen einer anderen Welt. Berlin: Suhrkamp, 2011.
- Malinowski B.* The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea. N.Y.: Harvest Books, 1929.
- Maksimowski S.* A Brief History of the Anthropology of Sexuality, and Theory in the Field of Women's Sex Work // The University of Western Ontario Journal of Anthropology. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 23–38.
- Marrone G.* Gustoso e saporito. Introduzione al discorso gastronomico. Firenze; Milano: Bompiani, 2022.
- Martineau L.* La prostitution clandestine. Paris: A. Delahaye et É. Lecrosnier, 1885.
- Mayhew H.* London Labour and the London Poor: Encyclopaedia of the Condition and Earnings of Those That will Work, Those That cannot Work, and Those That will Not Work: The London Street-Folk... L.: Griffin; Bohn, 1861.
- Mead M.* Coming of Age in Samoa: A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization. N.Y.: William Morrow & Company, 1928.
- Peakman J.* (ed.) A Cultural History of Sexuality, 6 vols. Oxford: Berg Publishers, 2011.
- Perkins R., Lovejoy F.* Call Girls: Private Sex Workers in Australia. Perth: University of Western Australia Press, 2007.
- Perlongher N.* O negócio do michê – A prostituição viril em São Paulo. São Paulo: Fundação Perseu Abramo, 2008.
- Mollica M.* Cose erotiche e proibite di Sicilia e d'Italia. Milano: Erotica, 2015.
- Ringdal N.J.* Love for Sale: A World History of Prostitution. N.Y.: Grove Atlantic, Inc., 2007.
- Roberts N.* Whores in History: Prostitution in Western Society. N.Y.: Harper Collins, 1992.
- Rossiaud J.* Medieval Prostitution. N.Y.: Barnes & Noble, 1996.
- Ruggiero G.* Vizi e virtù nel Rinascimento // La storia della prostituzione / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989. P. 25–39.
- Sanger W.W.* The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World. N.Y.: Medical Publishing Co, 1913.
- Tabor P.* Pauline's: Memoirs of The Madam on Clay Street. Chicago: Touchstone Publishing Company, 1971.
- Truong T.-D.* Sex, Money and Morality: Prostitution and Tourism in Southeast Asia. L.: Zed Books, 1990.
- Whelehan P.* An Anthropological Perspective on Prostitution: The World's Oldest Profession. Lewiston: Mellen, 2001.

Editor's Introduction

Fais-Leutskaia, O.D., and A.A. Novik. Anthropological Study of European Prostitution: Experiences and Perspectives [Antropologicheskoe issledovanie evropeiskoi prostitutsii: opyt i perspektivy]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030016> EDN: COKAHG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Oxana Fais-Leutskaia | <http://orcid.org/0000-0002-2757-2434> | oxana-fais@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Alexander Novik | <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109> | njua@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

European countries, national prostitution, traditional society, field work, modernity

Abstract

This article is an introduction to the journal's special theme on "Profession and Society: Love for Money" where contributors discuss the place of prostitution in modern culture and everyday life and attempt to examine the phenomenon as viewed locally, in emic perspectives, in various regions of Europe. The canonical model of providing (mostly by women) intimate services for a fee, which became generically known as "national" or "traditional" prostitution, took its distinctive shape in the late 19th century and remained dominant in the market of sexual services up until the recent time. This model, oddly enough, has been understudied in the humanities and social sciences and has received less attention than, for example, some ancient (cult, patriarchal) or modern forms of prostitution (among the latter are "ethnic" forms, which emerged due to the intensification of migration processes, "gender-specific" – such as male or transgender – forms, or various "innovative" forms that have arisen due to the use of webcams, technologies, etc.). The contributors (S.A. Sidneva, A.A. Novik, A.N. Kozhanovsky, A. Maxia, and O.D. Fais-Leutskaia) present an array of viewpoints on the phenomenon of traditional prostitution, offering perspectives grounded in field studies, ethnographic reconstruction, and anthropological analysis of cases examined in a few European regions (Greece, Albania, Spain, Sardinia, and Sicily).

References

- Adler, L. 2013. *La Vie Quotidienne Dans Les Maisons Closes: 1830–1930* [Daily Life In Brothels: 1830–1930]. Paris: Fayard.
- Akhsharumov, D.D. 1889. *Prostitutsiia i ee reglamentatsiia. Doklad obshchestvu russkikh vrachei v Rige* [Prostitution and Its Regulation: Report to the Society of Russian Doctors in Riga]. Riga: Tipograhyyia L. Blankenshteina.
- Baxhaku, F., and K. Kapo. 2014. *Gra të përgjithshme. Histori prostitucioni shqiptar në periudhën e Zogut* [Common Women: History of Albanian Prostitution in the Zogu Period]. Tiranë: Dituria.

- Blaschko, A. 1893. *Syphilis und Prostitution vom Standpunkt der öffentlichen Gesundheitspflege* [Syphilis and Prostitution from the Point of View of Public Health Care]. Berlin: Karger.
- Blaschko, A. 1900. *Hygiene der Prostitution und venerischen Krankheiten* [Hygiene of Prostitution and Venereal Diseases]. Jena: G. Fischer.
- Bloch, I. 1912. *Die Prostitution* [The Prostitution]. Berlin: L. Marcus.
- Bullough, V., et al. 1977. *A Bibliography of Prostitution*. New York: Garland.
- Bullough, V.L., and J.A. Brundage, eds. 1999. *Handbook of Medieval Sexuality*. New York: Routledge.
- Bullough, V.L., and J.A. Brundage. 1994. *Sexual Practices and the Medieval Church*. Amherst: Prometheus Books.
- Carroll, J.L. 2018. *Sexuality Now: Embracing Diversity*. Boston: Cengage Learning.
- Centini, M. 2019. *Bordelli torinesi: Quando le case chiuse erano aperte* [Turin Brothels: When Closed Houses Were Open]. Torino: Il Punto – Piemonte in Bancarella.
- Cunha Ferrari, P. 2022. *Antropologia da Masculinidade, da Prostituição e do Sexo: Estudos de Gênero* [Anthropology of Masculinity, Prostitution and Sex: Gender Studies]. Rio de Janeiro: Novas Edições Acadêmicas.
- Delacoste, F., and P. Alexander, eds. 1987. *Sex Work: Writings by Women in the Sex Industry*. San Francisco: Cleis Press.
- Deriuzhinskii, V.F. 1902. *Mezhdunarodnaia bor'ba s torgovleiu zhenshchinami* [International Fight Against Trafficking in Women]. St. Petersburg: Tipografia Senata.
- Dewey, S., and T. Zheng. 2013. *Ethical Research with Sex Workers: Anthropological Approaches*. New York: Springer.
- Dufour, P. 1851. *Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde: depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours* [History of Prostitution among All the Peoples of the World: From the Most Remote Antiquity to the Present Day]. Paris: Seré.
- Dupouy, E. 1907. *Prostitutsiia v drevnosti i polovye bolezni* [Prostitution in Antiquity and Sexual Diseases]. St. Petersburg.
- Dupouy, E. 1991. *Prostitutsiia v drevnosti* [Prostitution in Antiquity]. Kishinev: Logos: L.F. "AZ".
- Elistratov, A.I. 1903. *O prikreplenii zhenshchiny k prostitutsii (Vrachebno-politseyskii nadzor)* [On the Attachment of a Woman to Prostitution (Medical and Police Supervision)]. Kazan': Tipografia Imperatorskogo universiteta.
- Elistratov, A.I. 1909. *Bor'ba s prostitutsiei v Evrope* [The Fight Against Prostitution in Europe]. Kazan': Tipografia Imperatorskogo universiteta.
- Findlen, P., M. Fontaine, and D.J. Osheim. 2003. *Beyond Florence: The Contours of Medieval and Early Modern Italy*. Redwood City: Stanford University Press.
- Foucault, M. 1980. *The History of Sexuality*. Vol. 1. New York: Vintage Books.
- Frégier, H.A. 1840. *Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures* [Dangerous Classes of the Population in the Big Cities, and Ways to Make Them Better]. Paris: Chez J.-B. Baillière.
- Gabiani, A.A., and M.A. Manuilskii. 1987. Tsena "liubvi" (obsledovanie prostitutok v Gruzii) [The Price of "Love" (Study of Prostitutes in Georgia)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 6: 61–68.
- Geremek, B. 2006. *The Margins of Society in Late Medieval Paris*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson, M. 1989. Il caso italiano [The Italian Case]. In *La storia della prostituzione*

- [History of the Prostitution], edited by G. Ruggiero, 47–50. Firenze: Giunti.
- Girtler, R. 1999. Prostitution und Pornographie im 19. und 20. Jahrhundert [Prostitution and Pornography in the 19th and 20th Centuries]. In *Unser Europe. Beiträge zur europäischen Kulturgeschichte (Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde Hamburg; Neue Folge)* [Our Europe: Contributions to European Cultural History (News from the Museum of Ethnology. Hamburg; Neue Folge)], edited by W. Köpke and B. Schmelz, 29: 115–127. Bonn: Holos.
- Golod, S.I. 1988. Prostitutsiia v kontekste izmeneniia polovoi morali [Prostitution in the Context of Changing Sexual Morality]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 2: 65–70.
- Golod, S.I. 1999. Seksual'naia emansipatsiia zhenshchin i problema Drugogo [Sexual Emancipation of Women and the Problem of the Other]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* II (2): 105–114.
- Golosenko, I.A., and S.I. Golod. 1998. *Sotsiologicheskie issledovaniia prostitutsii v Rossii (istoriia i sovremennoe sostoianie voprosa)* [Sociological Studies of Prostitution in Russia (History and Current State of the Issue)]. St. Petersburg: Petropolis.
- Hope Ditmore, M. 2006. *Encyclopedia of Prostitution and Sex Work*. Vol. I–II. Santa Barbara: Greenwood Publishing Group.
- Iliukhov, A.A. 2007. *Prostitutsiia v Rossii s XVII veka do 1917 goda* [Prostitution in Russia from the 17 Century to 1917]. Moscow: Novyi khronograf.
- Karras, R.M. *Common Women: Prostitution and Sexuality in Medieval England*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Kelly, P. 2008. *Lydia's Open Door: Inside Mexico's Most Modern Brothel*. Berkeley: University of California Press.
- Khodyreva, N.V. 2006. *Sovremennye debaty o prostitutsii. Gendernyi podkhod* [The Modern Debate about Prostitution: Gender Approach]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Khotchenkov, Y.M., ed. 1991. *Prostitutsiia i prestupnost'* [Prostitution and Crime]. Moscow: Yuridicheskaiia literatura.
- Kon, I.S. 1997. *Seksual'naia kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia: Strawberry on a Birch Tree]. Moscow: O.G.I.
- Kniazkin, I.V. 2006. *Vsemirnaia istoriia prostitutsii* [The World History of Prostitution]. Moscow: AST; St. Petersburg: SOVA.
- Kuznetsov, M.G. 1871. *Prostitutsiia i sifilis v Rossii* [Prostitution and Syphilis in Russia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo V.S. Balasheva.
- Lombroso, C., and G. Ferrero. 1893. *La donna delinquente: la prostituta e la donna normale* [The Criminal Woman: The Prostitute and the Normal Woman]. Torino: L. Roux.
- Löw, M., and R. Ruhne. 2011. *Prostitution: Herstellungsweisen einer anderen Welt* [Prostitution: Ways of Manufacturing Another World]. Berlin: Suhrkamp.
- Maksimowski, S. 2012. A Brief History of the Anthropology of Sexuality, and Theory in the Field of Women's Sex Work. *The University of Western Ontario Journal of Anthropology* 20 (1): 23–38.
- Malinowski, B. 1929. *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. New York: Harvest Books.
- Manasein, M.P. 1904. Otchet o deiatel'nosti komissii dlia obsuzhdeniia voprosa o vrachebno-politseiskom nadzore za prostitutsiei v sviazi s obshchim voprosom o bor'be s neiu, sostoiaushchei pri II otdelenii Russkogo obshchestva okhraneniia narodnogo zdравиia [Report on the Activities of the Commission to Discuss the Issue

- of Medical and Police Supervision of Prostitutes in Connection with the General Issue of Combating It, Consisting of the II Branch of the Russian Society for the Protection of Public Health]. *Russkii meditsinskii vestnik* 10: 334–345; 11: 401–408.
- Marrone, G. 2022. *Gustoso e saporito. Introduzione al discorso gastronomico* [Tasty and Flavorful: Introduction to Gastronomic Discourse]. Firenze; Milano: Bompiani.
- Martineau, L. 1885. *La prostitution clandestine* [Clandestine Prostitution]. Paris: A. Delahaye et É. Lecrosnier.
- Mayhew, H. 1861. *London Labour and the London Poor: Encyclopaedia of the Condition and Earnings of Those that will Work, Those that Cannot Work, and Those That will not Work: The London Street-Folk...* London: Griffin; Bohn.
- Mead, M. 1928. *Coming of Age in Samoa: A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization*. New York: William Morrow & Company.
- Mollica, M. 2015. *Cose erotiche e proibite di Sicilia e d'Italia* [Erotic and Forbidden Things of Sicily and Italy]. Milano: Erotica.
- Peakman, J., ed. 2011. *A Cultural History of Sexuality*, 6 vols. Oxford: Berg Publishers.
- Perkins, R., and F. Lovejoy. 2007. *Call Girls: Private Sex Workers in Australia*. Perth: University of Western Australia Press.
- Perlongher, N. 2008. *O negócio do michê – A prostituição viril em São Paulo* [Michê's Business: Virile Prostitution in San Paulo]. San Paulo: Fundação Perseu Abramo.
- Pokrovskaiia, M.I. 1900. *Bor'ba s prostitutsiei* [Fighting with Prostitution]. St. Petersburg: Tipographiia P.P. Soikina.
- Pospelov, A.I. 1890. *Sanitarnyi nadzor za prostitutsiei v Parizhe i Briussele: iz putevykh zametok po zagranichnomu puteshestviu po Parizhu i Briusseliu* [Sanitary Supervision of Prostitution in Paris and Brussels: From Travel Sites on the Overseas Route to Paris and Brussels]. St. Petersburg: Parovaia skoropechatnia P.O. Yablonskogo.
- Ringdal, N.J. 2007. *Love for Sale: A World History of Prostitution*. New York: Grove Atlantic, Inc.
- Roberts, N. 1992. *Whores in History: Prostitution in Western Society*. New York: Harper Collins.
- Rossiaud, J. 1996. *Medieval Prostitution*. New York: Barnes & Noble.
- Ruggiero, G. 1989. Vizi e virtù nel Rinascimento [Vices and Virtues in the Renaissance]. In *La storia della prostituzione* [History of the Prostitution], edited by G. Ruggiero, 25–39. Firenze: Giunti.
- Rusakova, M.M. 2018. Opyt “nakoplennykh neudach” zhenshchin, vovlechennykh v prostitutsiiu [The Experience of “Accumulated Failures” of Women Involved in Prostitution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii Sotsiologiia* 11 (4): 439–454.
- Rusakova, M.M., and A.A. Yakovleva. 2010. Regional'naia spetsifika sovremennoi rossiiskoi prostitutsii (na primere Sankt-Peterburga i Orenburga) [Regional Specialization of Modern Russian Prostitution (On the Example of St. Petersburg and Orenburg)]. *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia* 2: 455–471.
- Sabinin, A.K. 1905. *Prostitutsiia. Sifilis i venericheskie bolezni. Polovoe vozderzhanie. Profilaktika prostitutsii. Istoriko-profilakticheskii etiud* [Prostitution; Syphilis and Venereal Diseases; Sexual Impact; Prevention of Prostitution; Historical and Preventive Etiology]. St. Petersburg: Tipographiia P.P. Soikina.
- Sanger, W.W. 1913. *The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World*. New York: Medical Publishing Co.

- Shterenshis, M. 2006. *Vsemirnaia istoriia vsemirnoi prostitutsii* [The World History of World Prostitution]. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Stanskaia, A.A. 2005. *Prostitutsiia nesovershennoletnikh – sotsial’naia i pravovaia problema obshchestva* [Prostitution of Minors is a Social and Legal Problem of Society]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
- Tabor, P. 1971. *Pauline’s: Memoirs of The Madam on Clay Street*. Chicago: Touchstone Publishing Company.
- Tarnovskii, V.M. 1888. *Prostitutsiia i abolitsianizm. Doklad russkomu sifilidologicheskomu i dermatologicheskomu obshchestvu* [Prostitution and Abolitionism: Report to the Russian Syphilidological and Dermatological Society]. St. Petersburg: Izdanie K. Rikera.
- Truong, T.-D. 1990. *Sex, Money and Morality: Prostitution and Tourism in Southeast Asia*. London: Zed Books.
- Whelehan, P. 2001. *An Anthropological Perspective on Prostitution: The World’s Oldest Profession*. Lewiston: Mellen.

О “СПУТНИКАХ И СПУТНИЦАХ РАДОСТИ”: ГЕНДЕРНО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СФЕРЫ ИНТИМНЫХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ

С.А. Сиднева

Светлана Александровна Сиднева | <http://orcid.org/0000-0002-2937-5434> | lucia80@mail.ru | к. филол. н., доцент кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения | Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

проституция, новогреческая культура, гендер, идентичность, мораль

Аннотация

Данная работа посвящена проституции в Греции XX–XXI вв. Автор, в частности, рассматривает роль этого феномена в регулировании общественных отношений (с отсылкой к многовековой традиции) и изменения гендерно-национального состава представителей “секс-бизнеса”. Переломные моменты в существовании “любви за деньги” были сопряжены с экономическими кризисами и подъемами в стране, с мировыми миграционными процессами, с новыми тенденциями в международной политике и идеологии Евросоюза, членом которого Греция является с 1981 г. Так, если в сфере интимных услуг в 1990–2000-е годы преобладали работники и работницы иностранного происхождения, то после кризиса 2008 г., как показали исследования социологов Афинского университета “Пандион”, возросло количество греческих граждан. Что касается гендерного аспекта, особенно интересным представляется изучение отношения в остающемся патриархальном обществе современной Греции к мужской проституции. Большое внимание в статье уделено лингвистическому материалу – современным номинациям представителей древнейшей профессии.

Отношение в греческом обществе к проституции на протяжении всей истории страны было неоднозначным. Так, в Древней Греции мы находим примеры культов, практикующих священную храмовую проституцию (на Кипре и в Коринфе), и регулирования фактически на государственном уровне сферы интимных услуг (в афинском полисе). Известны и случаи мужской проституции, связанной с однополыми отношениями, фактически легализиро-

---

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сиднева С.А. О “спутниках и спутницах радости”: гендерно-национальный состав представителей сферы интимных услуг в современной Греции // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 3. С. 23–42. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030028> EDN: COUZPN

Sidneva, S.A. 2023. O “sputnikakh i sputnitsakh radosti”: genderno-natsional’nyi sostav predstavitelei sfery intimnykh uslug v sovremennoi Gretsii [On “Companions of Joy”: The Gender/Ethnic Composition of Sex Workers in Modern Greece]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 23–42. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030028> EDN: COUZPN

ванными и одновременно осуждаемыми. Позднее христианская мораль и османское владычество отчасти изменили отношение к этому явлению в разных его формах, что нашло отражение в грекоязычной культуре. Однако связь священного и низменного встречается в образах раскаявшихся блудниц из византийской житийной и святоотеческой литературы. Бытовые детали жизни “спутниц радости”, как иногда именовали в древности служительниц Афродиты, можно найти в памфлетах Прокопия Кесарийского, обличающих императрицу Феодору, жену императора Юстиниана, и даже в сочинениях отцов церкви и житиях святых. Во время османского правления из-за некоторых особенностей мусульманской культуры на территории Греции почти исчезает женская проституция, но появляется мужская (фиксируются такие случаи). Наконец, в новообразованном греческом государстве в XIX в. отдельные кварталы портовых городов снова наполняются “жрицами любви”. Отметим, что этническая структура занятых в сфере интимных услуг будет меняться в последующие два века в зависимости от международной политической и экономической ситуации.

Данная статья обращается к гендерно-национальному составу проституток в Греции XX–XXI вв. Одной из задач является исследование специфики отношения современных греков к феномену проституции (с отсылкой к многовековой традиции).

При изучении истории вопроса, как часто происходит с греческим материалом, ученые обращаются преимущественно к античному миру или Византии, оставляя в тени современные реалии. Прежде всего стоит упомянуть обстоятельную научно-популярную монографию Г. Лихта “Сексуальная жизнь в Древней Греции”, в которой через призму античных литературных источников, эпиграфики и изобразительного искусства всесторонне изучены мораль, нравственные принципы и взаимоотношения древних греков в интимной сфере, включая платные сексуальные услуги. Автор отмечает двойственность восприятия античным обществом гетер и однополый любви. По сравнению с работницами *диктерионов* Солона, гетеры занимали более высокую ступень социальной лестницы. Особо отмечается их связь со сферой сакрального: именно гетеры часто исполняли функции *иеродул*, священных служительниц Афродиты, и сами могли становиться объектом поклонения – вплоть до того, что им воздвигали алтари в храмах (Лихт 1995). Но по закону даже гетерам запрещалось вступать в законный брак с афинскими гражданами. Достаточно вспомнить знаменитую речь “Против Неэры”, приписываемую оратору Демосфену, в которой как раз рассматривается подобный случай (Демосфен 1994: 273–314).

В книге доктора медицинских наук Э. Дюпуи “Проституция в древности” феномен анализируется прежде всего с точки зрения истории медицины. Тем не менее исследователь отмечает двойную мораль древнегреческих авторов, которые полностью одобряли учрежденные Солоном “государственные” публичные дома, так как в них работали чужеземные рабыни и рабы, а налоги с доходов от таких заведений шли в общественную казну. Э. Дюпуи цитирует древнегреческого поэта и комедиографа Филемона (ок. 360–264 до н.э.), по мнению которого, подобные учреждения спасали многочисленную молодежь Афин, отличающуюся жгучим темпераментом, от непозволительных излишеств (Дюпуи 1991). При этом “порчей нравов” считались частные публичные дома, которые набирали в “спутницы радости” не только чужестранок, но и греческих женщин из низших классов. Если “общественно полезная” (в случае государственного регулирования домов терпимости) или “священная” (в случае храмовой проституции) функция осуществляется чужими, то она почти не осуждается.

О храмовой проституции и институте гетер пишет греческий исследователь Г. Карафулидис, основной акцент он делает на быте, медицинских и косметических секретах “спутниц радости” (*Καραφουλίδης* 2005). Необходимо отметить, что работа современного грекоязычного автора лишена морализаторского тона или осуждения, которые фиксировались, например, при рассмотрении аналогичных тем в конце XIX – начале XX в.

Ряд публикаций грекоязычных и отечественных авторов посвящен проституции в Византии. Греческие исследователи часто рассматривают проблему с точки зрения изучения материальной культуры, быта жриц любви, а также регулирования их деятельности на законодательном уровне (*Κουκούλης* 1948–1955; *Πετρόπουλος* 1980). Особому порицанию (когда анализируются христианские источники) подвергается *χρυσάργιον* – налог на публичные дома, введенный законом Константина Великого в 326 г. Получается, что византийское государство продолжало регулировать и этот деликатный аспект социальной жизни, несмотря на христианские нравственные нормы. Примечательно, что законы Константина о морали строго осуждали прелюбодеяние на постоянной основе, т.е. запрещали женатым мужчинам иметь постоянных любовниц, но не запрещали и им, и юношам “платную любовь” от случая к случаю. Таким образом, к проституции относились отчасти как к услуге, лежащей в рамках коммерческих, а не морально-нравственных категорий. Такое отношение в целом характерно и для эпохи Солона, и для эпохи Демосфена. Демосфен в одной из своих защитных речей говорил о “законности” связи мужчины и проститутки из государственного борделя-диктериона.

В работах отечественных ученых Н.Н. Болгова и Т.В. Смирницких проблема рассматривается с точки зрения влияния христианской морали на восприятие феномена проституции в Византии. В раскаявшихся грешницах византийской житийной литературы хорошо представлено сочетание низменного и сакрального. Такие святые отцы, как Мефодий Патарский, учили, что аскетический подвиг раскаявшейся и отречшейся от страстей блудницы выше и трудней подвига не ведающей искушений чистой девицы. Византийские писатели также снисходительно относятся к торгующим своим телом “бесстрастно”, из-за нужды. Хронисты Зосима и Евагрий отмечают, что иногда матери продавали своих детей, а отцы заставляли заниматься дочерей проституцией из-за крайней нищеты, и стесненные обстоятельства, при всем осуждении торговли телом, могли служить оправданием для родителей и тем более для не обладающих своей волей в патриархальном обществе детей (*Болгов, Смирницких* 2008). Отголоски подобного сложного отношения к проституции присутствуют и в современном греческом социуме.

Большую хронологическую лауну заполняют исследования греческого историка, сотрудника Средиземноморского института в г. Ретимно М. Сариянниса, занимавшегося периодом Османского владычества в Греции. Одной из тем его кандидатской диссертации стали маргинальные общественные группы в османском Константинополе XVI–XVIII вв. В своей работе М. Сарияннис затрагивает и феномен мужской проституции, к которой зачастую привлекались кучеки (от тур. *köçek* – “верблюжонок, детеныш”) – мальчики, переодевавшиеся в женскую одежду и выступавшие с танцами в тавернах и кофейнях Константинополя и других крупных городов Османской империи. М. Сарияннис рассматривает случаи греческих мальчиков. Хотя в основном кучеки должны были исполнять развлекательные танцы на банкетах, свадьбах, обрезаниях, нередко их принуждали к интимным связям гомосексуального характера. Стоит отме-

тить, что в Османский период грекам отводится примерно та же роль, которую ранее граждане афинского полиса отводили чужестранкам. По положению в обществе *кучеков* можно сравнить с древнегреческими *авлетридами* – музыкантшами, танцовщицами и актрисами, которые одновременно могли оказывать интимные услуги. М. Сарияннис замечает, что некоторые *кучеки* могли подняться и до статуса, близкого к занимаемому древнегреческими гетерами: стать “музами” османских поэтов, воспеваемыми в любовных стихах. Про женскую проституцию в этот период, как замечает греческий исследователь, источники не говорят фактически ничего (*Σαρηγιάννης* 2005). Это можно объяснить особым укладом мусульманского общества с его традицией многоженства и институтом наложниц, что значительно сокращало количество социально незащищенных женщин, вынужденных самостоятельно обеспечивать себя.

Исследований, посвященных специфике проституции в Новой Греции, немного, но некоторые из них содержат ценный фактологический материал, описывающий быт и устройство домов терпимости и знаменитых кварталов “красных фонарей” в XIX–XX вв. Стоит упомянуть прежде всего книги Г. Лазоса, Е. Николаиду и С. Паппаиоанну (*Λαζός* 2010; *Νικολαΐδου* 2022; *Παπαϊωάννου* 2022). Исключение – работа И. Петропулоса, который рассматривает феномен проституции в ракурсе новогреческих традиционной культуры и языка, но ограничивается рамками первой половины прошлого века (*Πετρόπουλος* 1980). Стоит отметить, что в последние годы, исходя из моего анализа греческих СМИ, восприятие древнейшей профессии меняется, это отражается и в появлении новых терминов для обозначения ее представителей. Лингвистический материал хорошо показывает определенные тенденции в современном греческом социуме. Отмечу, что лингвистический аспект ранее не затрагивался в исследованиях греческого феномена проституции.

Женская проституция XX–XXI вв.

Начиная с момента образования в 1821 г. Новой Греции и до первой половины XX в. на территории государства преобладает женская проституция. Наиболее известными кварталами с домами терпимости разных категорий – от хорошо обустроенных салонов до жалких клетушек – были “Вурла” (*Βούρλα*) и “Труба” (*Τρούμπα*) в афинском порту Пирей. Квартал *Τρούμπα* продержался до 70-х годов прошлого века, хотя период его расцвета пришелся на 1950-е годы. По всей Греции между Первой и Второй мировыми войнами шла слава о “ночных бабочках” из Салоник, в частности был популярен квартал “Бара” (*Μπάρα*), который даже называли “городом проституток”.

Как и в древности, “официальные” греческие дома терпимости первой половины XX в. по большей части концентрируются в портах или на окраинах городов, что лишний раз подчеркивает маргинальность ремесла. Сведения о деревенской проституции в Греции фактически отсутствуют, если не считать редких упоминаний информантов о том, что некоторые вдовы или незамужние женщины, оставшиеся без средств существования, могли тайно принимать у себя за подарки и различные формы материальной поддержки деревенских мужчин, а также участвовали в сексуальной инициации молодых людей (ПМА 2018). Но этот “приработок” все же нельзя отнести к регулярной деятельности, в Греции профессиональная проституция – преимущественно городское явление. Некоторые информанты рассказывали также о феномене “квартальной проститутки” (*πόρνη της γειτονιάς*). Ею могла стать

гречанка из бедного района, которая практиковала свое ремесло в одиночку и обслуживала, как правило, только мужчин своего квартала (ПМА 2018). Такие женщины осуждались обществом, но при этом соседи старались защищать их от карающей руки закона.

За проституткой XX и даже XXI в. сохраняются функции приобщения юношей к мужской жизни. Сам процесс, особенно в довоенное время, был практически ритуалом, а в ряде случаев напоминал пародию на свадебные обряды. Молодой человек, которого называли “новобранец” или “новичок” (*πρωτόρης*), как правило, поручался опытной даме, но иногда нанималась проститутка, которая должна была его немного высмеять, употребляя скабрёзные шутки и подначивания. В исследовании, посвященном греческим домам терпимости, этнограф И. Петропулос описывает эпизоды, когда друзья или даже отец приводят в бордель юношу для получения первого сексуального опыта (*Πετρόπουλος* 1980).

Что касается этнического состава проституток, то он был достаточно разнообразным. В Салониках, например, особо ценились так наз. *লেখেস* (*λέχες*). И. Петропулос возводит это слово к принятому в некоторых языках обозначению поляков (напр., русское лях, сербское *lekh*, турецкое *leh* и т.д.), но в данном случае этим термином обозначали женщин и польского, и венгерского происхождения (*Πετρόπουλος* 1980).

Особо выделялись среди “жриц любви” салоникийские еврейки. Греческий исследователь оставил без комментария этот значимый факт, хотя он ярко отражает изменение (ухудшение) положения в городе целой этнической группы. На самом деле в Салониках проживала довольно крупная еврейская община, составлявшая едва ли не половину населения города, ее члены играли ведущую роль в торгово-предпринимательской и культурной жизни. До 20-х годов XX в. положение евреев можно было бы охарактеризовать как стабильное и привилегированное. Но в 1917 г. обширный пожар уничтожил кварталы, где они проживали, что нанесло существенный урон общине. Во время греко-турецкой войны 1919–1922 гг. наблюдается приток греческих беженцев в Салоники из Малой Азии, обостряется конкуренция за рабочие места и территорию. Это становится причиной напряженных отношений между еврейской общиной и новоприбывшими, особенно в отстраиваемых после пожара кварталах, куда подселают малоазийских беженцев. И хотя правительство Э. Венизелоса и впоследствии режим И. Метаксаса нельзя заподозрить в антисемитизме, они не смогли сдержать погромы, инициированные ультранационалистической партией “Национальный союз Греции” (*Καλλис* 2006). В период между двумя войнами положение некогда процветающей общины существенно ухудшается, уровень жизни снижается, вследствие чего в борделях появляются еврейские женщины. Парадокс заключался в том, что, будучи местными, представителями греческой культуры, из-за этноконфессиональных различий они воспринимались как чужие.

В исследованиях авторов XX в. есть упоминания о гречанках – “жрицах любви” из портовых городов Патры и Волос. Этническая принадлежность проституток из Измира не уточнена, но можно предположить, что ими могли быть гречанки, бежавшие после малоазийской катастрофы 1922 г.; известно, что некоторые из них исповедовали православие, приводятся даже их имена. Хотя свое имя работницы сферы интимных услуг часто меняли – такая практика (и в отношении рабов тоже) была распространена с древности, когда использовалось “говорящее” прозвище, указывающее на какое-то достоинство девушки

или на ее происхождение. На рубеже XIX–XX вв. проститутки в Греции иногда “галлицизировали” свои настоящие имена или пользовались их диминутивами. Можно предположить, что уменьшительно-ласкательные формы, которые традиционно применяются для называния детей, в данном случае как бы дополнительно подчеркивают снижение социальной ответственности субъекта. Мои информанты, говоря уже о второй половине XX в., часто упоминали девушек, использовавших англицизированные имена вроде Мэри, Дженни и т.д. (ПМА 2006, 2018), что можно расценить как своего рода коммерческий прием, поднимавший статус “товара”. Особо стоит упомянуть редкие случаи отказа гречанок в пользу иностранного имени от “крещеного”, потому что женщины считают кощунством использовать его при таком ремесле. В этом проявлялась особая форма смирения и религиозности. Известна и обратная практика: некоторые девушки из стран Восточной Европы и Африки иногда “эллинизировали” свои имена, видимо, для облегчения общения с греческими клиентами. В любом случае изменение имени маркировало перемену социального статуса и отказ от изначальной идентичности и происхождения.

О восприятии проституции в первой половине XX в. можно судить по отдельным образцам греческой народной и городской культуры. Например, в песнях *ребетика*, греческой разновидности авторского “блатного” городского романа, исполняемого под народную музыку, иногда используется образ падшей женщины, которая обозначается тем же термином, что и блудница византийских житий – *η αμαρτωλή* (“грешница”, “блудница”). К тому же, в подобных текстах не случайно с иронией подчеркивается набожность грешницы. Приведем отрывок из песни “Блудница” (*Η αμαρτωλή*) 1937 г. Й. Петропулеоса:

Что ты хочешь в церкви, грешница,
Отбивая поклоны с утра до десяти,
Отбивая поклоны с утра до десяти?

Весь мир не хочет верить,
Что такая женщина может стать монашкой,
Что такая женщина может стать монашкой¹
(*Η αμαρτωλή* n.d.).

Некоторые исследователи жанра *ребетика* предлагают отделять романтизированный образ “свободной женщины”, обозначаемый этим же словом (*η αμαρτωλή*), от образа собственно проститутки, для которой использовался термин *πουτάνα* (“путана”, “шлюха”). Однако, в песне *ребетика* на стихи В. Цицаниса, также озаглавленный “Блудница” (*Η Αμαρτωλή*), содержатся недвусмысленные намеки на род деятельности “грешницы”:

Зачем свой образ жизни менять ради двух побрякушек, безумная?
Зачем тебе венки свой топтать, чтобы по жизни блудницей стать?
Зачем тебе венки свой топтать, чтобы по жизни блудницей стать?
Теперь ты бродишь по улицам с пустым и холодным сердцем,
Но двери, что встретят тебя каждую ночь, покажутся тебе тяжелыми.
Но двери, что встретят тебя каждую ночь, покажутся тебе тяжелыми.

И каждую ночь ты будешь в любом прохожем искать покупателя
И стыдливо в свете неона проведешь мимо нас своего очередного любовника.
И стыдливо в свете неона проведешь мимо нас своего очередного любовника
(*Greekstixoi* n.d.).

В свою очередь, слово *πουτάνα* могло встречаться и как ругательство, и как имеющее комический оттенок обозначение любой женщины. Но необходимо

заметить, что *η αμαρτωλή* чаще использовалось по отношению к девушке, вызывающей любовь, восхищение, страсть, сочувствие или горечь из-за ее падения, даже при всей иронии над ее религиозным пылом. Для создания негативного образа корыстной, продажной женщины в жанре *ребетика* совершенно неожиданно используется термин в стилистике святоотеческой литературы – *η πονηρή* (“лукавая”, “чертовка”). В форме мужского рода такое обозначение в византийских житиях становилось устойчивым эпитетом дьявола.

Кинематограф Новой Греции представил яркий, почти аллегорический образ блудницы в фильме “Никогда в воскресенье”. Фильм вышел в 1960 г. и получил премию Каннского кинофестиваля за лучшую женскую роль в исполнении греческой актрисы Мелины Меркури. Главная героиня – портовая проститутка Илия из Пирея. Она занимается своей работой в будние дни, но отказывается обслуживать клиентов по воскресеньям. Американский ученый-классик решает “спасти” Илию, так как видит в ней едва ли не воплощение самой Эллады, втопанной в грязь. Однако сухой, живущий умом, а не сердцем главной героиней не понимает женщину, как не понимает и живой культуры Новой Греции. Его план перевоспитания – попытка поставить свою ученицу в застывшие рамки уже отжившей культуры, далекой от действительности. При этом сама Илия – “свободная и жизнерадостная” “жрица любви”, выбирающая клиентов себе по нраву. Она похожа на персонажей упомянутого выше жанра народных песен и *ребетика*. Такой идеализированный образ проститутки, едва ли не символизирующий вызов патриархальным устоям или буржуазной морали, будет встречаться и в более поздних работах греческих писателей, сценаристов, авторов песен и даже в статьях и высказываниях журналистов.

С точки зрения закона сегодняшняя проституция в Греции носит полуправильный характер. Вообще попытки правового регулирования проституции предпринимались несколько раз в XX–XXI вв. Поступали предложения признать ее криминализованной или, наоборот, полностью легализовать. Согласно законопроекту 3032/1922 предполагалось установление надзора за непристойными женщинами и наказание их, вплоть до тюремного заключения. Но этот законопроект так и не был реализован. Законом № 3310/1955 “О борьбе с венерическими заболеваниями” для женщин, занимающихся оказанием платных услуг интимного характера, был установлен минимальный возраст 18 лет. За ним последовал закон № 4095/1960, в соответствии с которым проституткам на аренду дома и гостиничного номера требовалось специальное разрешение – его нужно было получать в полиции. Закон № 2734/1999, действующий до настоящего времени, фактически подтверждает принятую ранее норму относительно минимального возраста для занятия проституцией – 18 лет. Кроме того, законом предусматривается, что работница сферы интимных услуг обязана оформлять законный вид на жительство в стране и проходить регулярные медицинские обследования на предмет венерических, психических заболеваний или наркомании. Лицензия на профессиональную деятельность выдается теперь местными властями. Публичные дома не должны размещаться в памятниках архитектуры или находиться в радиусе 200 м от общественных учреждений (напр., школ), зданий городского управления и церквей. По новым законам № 4238/2014 и № 4249/2014 дома терпимости не могут размещаться в отелях от трех звезд и выше.

Сейчас места предоставления интимных услуг часто маскируются под массажные и СПА салоны и ночные клубы, а вместо “рекламы” девушек в классических борделях на первый план выходят предложения в интернете. Но по-прежнему в греческих городах есть специальные точки, площадки, на

которых можно встретить “секс-работниц” низшего звена. Однако, вопреки принятым в стране законам, локализация “жриц любви” перестает быть периферийной, маргинальной. Если с древности и до середины прошлого века проституткам отводилось место “за городскими стенами”, что на символическом уровне означало социальную смерть, исключение из общества, то начиная с 70-х годов XX в. “ночных бабочек” обоего пола можно заметить фактически в центре Афин: в районе площади Омония и даже вблизи здания парламента страны. Современные греки проявляют довольно толерантное отношение к смещению локаций представителей маргинальной профессии. Откровенно высказался по этому поводу в интервью греческой журналистке Марии Анагностаки в 2013 г. афинский писатель и поэт-песенник Левтерис Пападопулос. На вопрос, как он относится к тому факту, что некогда престижный и элегантный район его проживания (окрестности пл. Виктории) наводнили мигранты и проститутки, он ответил: “Люблю проституток, ненавижу сутенеров”. Пападопулос также подчеркнул некоторую “жертвенность” “жриц любви”, клиентами которых зачастую становятся люди с различными физиологическими и психологическими проблемами (*Папаδόπουλος* 2013).

Греческая журналистка и исследовательница феномена проституции Е. Николаиду в своей книге “В домах греха вчера и сегодня. Журналистское расследование феномена проституции от древности до наших времен” отмечает, что в 90-е годы XX в. существенно поменялся национальный состав проституток. Большой приток девушек наблюдался из стран бывшей Югославии, а также из России, Украины и стран Африки. Приведу пример из личного опыта: во время студенческой практики в Афинах в 1998 г. в повседневном общении с греками стоило назвать страну происхождения, как следовали предложения непристойного характера. Иными словами, девушки из стран бывшего СССР на тот момент нередко стереотипно воспринимались как работницы сферы интимных услуг или легкодоступная добыча. Подобное восприятие, по крайней мере русскоязычных женщин, изменилось после 2000-х годов. Отчасти это связано с изменением стереотипа представлений о русских вообще: в них стали видеть богатых, платежеспособных туристов и приобретателей недвижимости на греческих островах.

Во время кризиса 2008 г. в Греции был замечен стремительный рост сектора интимных услуг в целом. Этот феномен заинтересовал специалистов из организаций по правам человека, а также антропологов и социологов из Афинского университета общественных и политических наук “Пандион” (*Πάντειον Πανεπιστήμιο Κοινωνικών και Πολιτικών Επιστημών*). Научный сотрудник отделения социологии Г. Лазос на одном из семинаров, организованных греческой некоммерческой организацией по защите прав и здоровья человека “PRAXIS” совместно с Главным секретариатом Общества равноправия полов (*Γενική Γραμματεία Ισότητας των Φύλων*), представил результаты своего исследования. В его докладе сообщалось, что в последние годы соотношение иностранных граждан и греков, предоставляющих платные интимные услуги, менялось в сторону стремительного роста последних. Именно этот факт и привлек особое внимание греческих социальных служб и журналистов. Красноречивый материал был представлен в греческих СМИ журналисткой Мирто Пападопуло, которая также отметила большое число греческих гражданок среди представительниц древнейшей профессии. Кроме того, на фото, сделанных Пападопуло, есть и мужчины-проститутки (*MyrtoPapadopoulou n.d.*).

С одной стороны, если опираться на исследования Университета “Пандион”, кажется, что проститутки – греческие гражданки осуждаются больше, чем иностранки (срабатывает древняя модель двойных стандартов). Поскольку в полицию обращаются за защитой чаще “отечественные” “жрицы любви”, и эти факты становятся благодаря СМИ широко известными, общество порицает соотечественниц, ступивших на путь порока. Но такой вывод может быть не совсем верным, учитывая, что нет открытой информации о деятельности иностранных гражданок, что могло бы повысить уровень их осуждения в обществе. С осторожностью стоит относиться и к понятию “греческий гражданин”; ученые из афинского университета не всегда уточняют его значение, но не обязательно имеется в виду этнический грек.

В 2015 г. “PRAKSIS” провела еще одно исследование в Афинах, Салониках, Комотини, Янине, Ларисе, Пиргосе и Патрах, т.е. в крупных промышленных городах Греции. Результаты были представлены 29 апреля 2015 г. в Афинах в Министерстве иностранных дел на семинаре Главного секретариата Общества равноправия полов. Докладчики еще раз подтвердили тот “тревожный” факт, что в сфере интимных услуг появляется все больше гречанок. Отдельно был отмечен рост числа мужчин и трансвеститов среди проституток. Научный сотрудник центра “PRAKSIS” М. Мудатсу после опроса респондентов составила список стран происхождения работниц сферы интимных услуг, среди которых Греция заняла одно из лидирующих мест (практически вровень с Румынией). Вверху этого списка также оказались женщины из Нигерии, Албании и Болгарии (Οι πιάτσες της Αθήνας n.d.). На семинаре было отмечено и то, что иностранки чаще становятся жертвами нелегальной проституции – одной из форм современной работорговли; запуганные своими хозяевами, они не обращаются в полицию.

Однако в 2018 г. мои респонденты из Афин подчеркивали, что в сфере интимных услуг преобладают женщины из Восточной Европы (Украина, Польша) и Балкан (Румыния, Албания). Это подтверждают и некоторые греческие СМИ. Спорность преобладания с некоторых пор греков в этой сфере подтверждают и другие данные. Но, пожалуй, можно согласиться с приведенным выше утверждением относительно общественной реакции на явление: чужие, иностранцы, вызывают в греческом социуме больше сочувствия как жертвы работорговли, чем греческие граждане, вынужденные заниматься этим ремеслом из-за стесненных жизненных обстоятельств. Для иностранцев находятся и другие оправдания: многие являются беженцами, потерявшими кров и средства существования; нередко и они сами, и их ремесло рассматривается в духе древнегреческих мыслителей как “необходимое зло”. Это подтверждают и данные, полученные мной в результате опроса респондентов: некоторые из них с негодованием подчеркивали тот факт, что среди гречанок, занимающихся древнейшей профессией, преобладают женщины преклонного возраста! (PIMA 2018)

Примечательно, что “PRAXIS” совместно с Университетом общественных и политических наук составлял профиль клиентов, среди которых выделялась группа неженатых молодых людей, иногда даже довольно юного возраста (младше 18 лет). Последние могли обращаться в публичные дома для получения первого сексуального опыта. Но, в отличие от начала XX в., когда действие было ритуализировано и поддерживалось членами семьи и друзьями, сейчас это скорее тайный акт приобщения к взрослой жизни, скрываемый от старшего поколения. Некоторые греческие исследователи отмечают, что раньше в публичные дома обращались также женатые мужчины за получением услуг, которые считались неприличными в рамках семейных отношений и исполнения

супружеского долга. Сегодня, когда семейные пары иначе относятся к своей интимной жизни, подобного рода клиенты встречаются все реже.

Своеобразное восприятие феномена женской проституции демонстрируют представители греческих феминистических обществ. Изначально многие “жрицы любви” объявили себя феминистками и заявили о своей солидарности с движением, а само движение поддержало их, признав их “солидарность” (Тσατσαρίδου 2019). Это не удивительно. В контексте политической борьбы с официальной властью и ее институтами проститутток как союзников рассматривали и представители радикальных левых течений Греции. Симптоматично высказывание греческого антрополога И. Петропулоса в документальном фильме “Другой мир” (“Ένας κόσμος υλόγειος”) 2013 г. в отношении ряда маргинальных общественных слоев. Автор выразил свое восхищение людьми, которые, по его словам, борются со всякой властью и выживают, несмотря на преследование полиции, уголовного кодекса и подленькую мораль мелкой буржуазии.

Однако сейчас греческое феминистическое движение позиционирует иное мнение: проституция является следствием и движением эксплуатации, а не борьбой с ней. При этом современные греческие феминистки не осуждают самих проститутток, видя в них жертв секс-индустрии. Кроме того, ссылаясь на социальные стереотипы, представительницы движения подчеркивают тот факт, что, хотя продажная любовь сама по себе нейтральна, она ассоциируется прежде всего с женским полом, тем самым принижая его.

Одна из современных феминисток Сиси Вову из организации “Μωβ” высказалась по поводу проституции следующим образом:

Хотя проституция в целом неприемлема, я думаю, что она не должна быть запрещена, потому что в обществе с классовым неравенством несправедливо преследовать уличных проститутток, а не другие виды проституции, которые невозможно доказать и цена которых – карьерный или общественный рост. И не так уж важно, продает женщина свое тело на час, на ночь или на всю жизнь (Πορνεία στην Αθήνα 2016).

Слова Вову отдают иронией, но их суть в том, что, если на настоящий момент явление нельзя уничтожить, тогда его нужно хотя бы легализовать и снизить степень стигматизации представительниц древнейшей профессии.

Неожиданно отношение к занятию “жриц любви” как к проявлению свободного духа в борьбе против ханжеских устоев консервативного буржуазного общества обнаруживается в упомянутой выше книге Е. Николаиду, но только по отношению к одной из героинь. Остальные действующие лица лишены идеализации, а их жизни – это свидетельства личных трагедий. В книге приводится интервью, взятое автором у “последней афинской гетеры” Габриэлы Ушаковой. В отличие от обычных “ночных бабочек”, которыми становились полуграмотные девушки из бедных городских низов или деревень, Габриэла действительно напоминала античных гетер. Она была эрудирована, прекрасно играла на музыкальных инструментах и говорила на многих языках. Габриэла происходила из семьи русских мигрантов, вынужденных бежать в Грецию в годы революции. В 1980-е годы вышла ее автобиографическая книга, по которой театральные режиссеры Полина Гианаки и Костас Феррис поставили спектакль. А в 2015 г. на сценах греческих театров шла еще одна постановка по сценарию Кирки Карали – “Габи”. В 1988 г. греческий музыкант и композитор А. Калдарас посвятил Габриэле свою песню. По мотивам автобиографии Г. Ушаковой писательница Пасхалия Травлу написала роман “Санде и ликер из роз” (“Σαντέ και λικέρ τριαντάφυλλο”). Последняя афинская гетера занималась благотворительностью

и помогала Спротивлению во время Второй мировой войны, о чем говорится и в ее автобиографии, и в воспоминаниях о ней. Стоит отметить, что иногда в СМИ Ушакову называли “святой блудницей” (*ἁγία πόρνη*). Имя Габриэлы Ушаковой неожиданно появляется в греческом сетевом женском журнале *Womentoc*, где ей посвящена статья едва ли не в панегирических тонах. Последнюю афинскую гетеру описывают как “женщину-бурю”, бросившую вызов общественным устоям и “настолько любившую любовь, чтобы сделать ее своим занятием” (*Τραυλόυ* n.d.). “Древнейшую профессию” Ушаковой прощают – в глазах современников эта женщина как бы олицетворяет архетип древнегреческой почитаемой гетеры или святой блудницы византийских житий. Правда, в житиях ее осудили бы именно за “любовь к искусству”, которая в данном случае трактуется не как пагубная страсть, а как признак некоторого бескорыстия и свободы.

Если обратиться к современной культуре, можно отметить интересную тенденцию, которую демонстрирует греческий театр последних лет: появляется немалое количество пьес, затрагивающих тему проституции. Это отмечает и один из обозревателей театральных новинок Христос Паридис (*Παρίδης* 2022). Заслуживает внимания сценическая постановка романа Августо Корто “Рена”, где история Греции XX в. представлена через жизнь проститутки Рены. Страна как метафора падшей женщины – довольно дерзкое и даже кощунственное сравнение; в этой постановке снова неожиданно обнаруживается параллель с кающимися грешницами византийской святоотеческой литературы. Критики сравнивали героиню Корто с почти блаженной проституткой Кабирией в фильме итальянского режиссера Ф. Феллини.

Особенно интересны произведения, в которых героями становятся проститутки трансгендеры и трансвеститы. В 2022 г. вышел один такой спектакль, поставленный театральной группой “CARTEL”. Немного о предыстории этой постановки: в 1962 г. греческий драматург Алекос Галанос написал пьесу “Красные фонари”, действие которой происходит в знаменитом пирейском квартале *Τρόμπα*. В свое время автора обвиняли в приукрашивании жизни афинских проституток, но сочинение имело успех и неоднократно ставилось на театральных подмостках, а созданный на его основе кинофильм дважды выходил на широкий экран. В 2022 г. группа “CARTEL” ставит спектакль по переработанному Василисом Бисбикисом сценарию, в котором действие “Красных фонарей” перенесено в наше время, а главными действующими лицами становятся не падшие женщины, как в тексте Галаноса, а трансгендеры. Если проанализировать отзывы зрителей, выясняется, что большинство не оценило новаторства.

В 2015 г. в театре “Хора” вышел спектакль “Яма греха” по сценарию Георгия Маниотиса. Первая постановка пьесы на греческой сцене относится к 1979 г. Тогда произведение ожидаемо спровоцировало осуждение церкви и консервативных кругов греческого общества, поскольку касалось такой деликатной проблемы, как проститутки-трансгендеры, – хотя у постановщиков не было цели шокировать общественность и защитить права ЛГБТ в духе актуальной этики стран Евросоюза, они стремились обличить двойную мораль так наз. добропорядочных граждан и показать их тайные грехи. В современном прочтении акценты смещены, но постановка стала, по мнению критиков и зрителей, худшей в репертуаре театра. Трансгендеры-проститутки в качестве главных героев встречаются и в театральных работах Государственного театра Северной Греции (Салоники), таких как “Ее звали Ева” Антониса Боскоитиса (2018) и “Лучший” Фомы Коровиниса (2018).

Мужская проституция в XX–XXI вв.

Надо отметить, что мужская проституция в современной Греции наименее освещена в исследованиях антропологов и социологов. При этом она нашла отражение в разных формах новогреческой культуры и часто воспринимается как свидетельство определенного континуитета греческой истории.

Если обратиться к исторической традиции, можно отметить, что в отношении однополых любви древнегреческие авторы довольно толерантны, осуждается именно “любовь за деньги”. Одобрение и одновременно осуждение гомосексуальных связей можно найти у Лукиана, который называл их преступлением против законов природы и “бросанием семян на бесплодный камень”, но при этом считал, что любовь мальчиков выше любви женщин (*Лукиан* 2001: 66). Крайне негативное отношение, но не к феномену однополых любви, а именно к мужской проституции отмечается в речах Эсхина, обличающих Тимарха. Поираванный за таким ремеслом афинянин лишался всех гражданских прав, т.е. приравнивался по статусу к презренному чужаку (*Дюпуи* 1991). Но законы Солона опять же свидетельствуют о том, что предоставление интимных услуг рабами из *диктерионов* не возбранялось и фактически было легализовано.

Византийское общество, руководствуясь христианской моралью, традиционно осуждает однополые отношения, считая их “одержимостью”, “содомским грехом”. Византийская эпоха, оставившая множество свидетельств о разных формах женской проституции, предоставляет скудный материал о продажной любви мужчин.

Если говорить о локализации, греческая мужская проституция на рубеже XIX–XX вв. сохраняет связь с миром Востока, с османской традицией. Случаи однополых мужских связей за деньги фиксируются в Малой Азии, египетской Александрии, Константинополе, Измире, но также в портовых городах Греции и на Эгейских островах. Исследователи обходят стороной данный факт, но косвенные сведения о мужской проституции мы можем найти, например, в творчестве хрестоматийного греческого поэта К. Кавафиса (1863–1993), некоторые скандальные стихи которого неохотно комментируются изучающими его творчество. С одной стороны, лирика К. Кавафиса не является историческим документом, но с другой – в ней отображаются определенные реалии греческого общества начала XX в. С этой точки зрения стоит выделить несколько стихотворений поэта: “Пусть так”, “Чтобы войти навеки”, “Дни 1909, 1910 и 1911 годов”. Конечно, не стоит воспринимать описанное как реально пережитый опыт самого К. Кавафиса, скорее это плод его фантазии, но у персонажей определено были прототипы. В “Пусть так” лирический герой тайно, “чтоб не увидел полицейский”, рассматривает подпольно продающуюся порнографическую карточку прекрасного юноши и называет его “олицетворением блаженства сладострастного Эллады” (*Кавафис* 2011: 339). Фраза имеет двойное значение, отсылая одновременно и к канонам древнегреческой красоты, и к выражению “греческая любовь”, которое могло быть эвфемизмом однополых отношений. Факт тайной продажи фотокарточки (“чтоб не увидел полицейский”) и описание обстановки намекают на низкий социальный статус натурщика, на его род деятельности, а также на криминализированность продажи подобной печатной продукции. В “Чтобы войти навеки” описывается любовное приключение лирического героя в “дальнем уголке трактира за деревянной загородкой”. Тексты обоих стихотворений содержат лишь косвенные указания на греческое происхождение героев. Кроме того, сам поэт имел константинопольские корни, хотя

и родился в египетской Александрии, поэтому именно эти города часто становятся местом действия в его стихах. К. Кавафис внимателен к бытовым деталям. В “Днях 1909, 1910 и 1911 годов” точно указано место действия – Александрия и есть непосредственное обращение к теме мужской проституции. Приведем этот текст полностью в переводе Е. Солоновича:

Матроса одного с Эгейских островов
он сыном был. Работал в скобяной лавчонке.
Жил впроголодь, несчастный. Одевался,
как нищий. На ногах худые башмаки,
в ладони ввелись ржавчина и масло.

После того, как лавку на замок
хозяин закрывал, нигде на огонек
не ждали юношу. Мир был к нему жесток.
Ах если б он надеть нарядную рубашку мог,
которой столько раз в витрине любовался!
И чтоб ее купить позволил кошелек,
он торговал собой – за талер или за два отдавался.
Не думаю, что славная Александрия знала в прошлом
нежнее юношу. Увы, он не привлек
вниманья скульптора, и живописец не увековечил
его таким, каким он прежде был.
Он в лавке красоту свою калечил,
беспутством по ночам себя губил –
и скоро из него все соки выжала работа и порок (*Кавафис* 2011: 195).

В этом стихотворении (как и в упомянутом фильме “Никогда в воскресенье”, и в романе “Рена”) образ эллинистической красоты десакрализован и низведен до уровня дешевой проститутки.

Говоря о мужской проституции, стоит уточнить сам термин. Этот феномен достаточно вариативен. Чаще всего по умолчанию имеется в виду форма, ориентированная на клиентов-мужчин, главенствовавшая на протяжении веков в обществах патриархального типа. В современном греческом обществе фиксируется и форма оказания мужчинами платных сексуальных услуг женщинам – эти случаи крайне редки, и речь идет скорее о жиголо-одиночках; причем за такие услуги готовы платить преимущественно состоятельные пожилые иностранки из стран Западной Европы, Великобритании и США, а не гречанки. Еще одна форма – уличные проститутки-мужчины – в Греции второй половины XX – начала XXI в. получила достаточно широкое распространение.

В рамках данного исследования был изучен документ, выпущенный в 2012 г. греческим Министерством здравоохранения и социальной поддержки. Он представляет собой отчет о мужской проституции и программу медицинской и правовой помощи лицам из этой маргинализованной группы греческого социума. Ее представители, как следует из документа, подвергались стигматизации и разным формам дискриминации, вплоть до отказа в медицинском обслуживании. Утверждалось, что из-за большой скрытности мужской проституции помощь “секс-работникам” затруднена. Согласно отчету, на 2012 г. подавляющее большинство мужчин, занимающихся проституцией, были иностранцами (90–95%), а большинство клиентов – греками. Среди иностранцев, торгующих телом, фиксировались в основном афганцы, иранцы и албанцы, реже пакистанцы; встречались в небольшом количестве болгары, украинцы, беженцы из Бангладеш и Молдовы. Местом концентрации мужчин назывались районы Афин, близкие к центру города: площади Омония, Виктории и Коция (*Kotzia Square*) и Марсово поле.

За последние годы места дислокации мужчин-проститутков практически не поменялись: их по-прежнему можно встретить и в окрестностях площади Омония, и в районе Метаксургио. По словам информантов, на Омонии, однако, все чаще торгуют своим телом греки из неблагополучных семей, пристрастившиеся к наркотикам, а в Метаксургио концентрируются выходцы из стран Африки и другие иностранцы (ПМА 2018). В официальных греческих СМИ в последние годы можно найти информацию о мужчинах-проститутках из развивающихся стран, многие из которых являются беженцами из мест, где ведутся боевые действия. Как и в 2012 г., называются выходцы из Афганистана и Пакистана (см., напр.: *Κωδωνάς* 2021). Стоит отметить, что в этих странах (за исключением периодов правления талибов в Афганистане) фиксировались случаи сексуального рабства – *бача-базы*, жертвами которого становились несовершеннолетние мальчики, исполнявшие (подобно турецким *кучекам*) танцы в женской одежде. По достижении совершеннолетия юноши могли начать вести обычную мужскую жизнь, особенно если появлялся состоятельный покровитель, который обеспечивал их достойной работой. Среди пакистанцев и афганцев, предоставляющих сексуальные услуги мужчинам в Греции, очень много молодых (иногда, вероятно, скрывающих свой истинный возраст) людей. В настоящее время мы наблюдаем своеобразную инверсию османской традиции: проституцией занимаются представители мусульманских стран, а их клиентами становятся греки. Греческие СМИ отмечают, что многие мигранты, торгующие собой на площадях Греции, не являются по природе гомосексуалистами, но вынуждены обслуживать именно мужчин.

Отражение проституции в языке греческих СМИ и в греческой фразеологии

Проанализируем лингвистический материал, характеризующий “древнейшую профессию”. Можно констатировать, что и словоупотребление, и фразеология остаются практически неизменными с античных времен. В новогреческом языке существует ряд номинаций работников интимных услуг, некоторые из них могут быть маркированы как грубая лексика, некоторые как политически корректные эвфемизмы. В обычном повседневном языке используется, как правило, слово *πόρνη* (“проститутка”), в древности оно служило для обозначения работниц *диктерионов*. Однако в СМИ часто можно встретить термин *η ιερόδουλη* (*иеродула*), буквально отсылающий к “священной” функции проститутки; он переводится как “священная раба”, его аналог – русское выражение “жрица любви”. *Η ιερόδουλη* в эпоху Античности использовалось в отношении храмовых служительниц Афродиты, но в современном языке оно приобрело расширительное значение. Сохраняется и слово, позаимствованное из жанра *ребетика*, – *η αμαρτωλή* (“грешница, блудница”); в нем сказывается влияние церковной стилистики святоотеческой литературы. Близким ему по значению является выражение *η άσεμνη γυναίκα* (“бесстыдная, обесчещенная, нескромная, неприличная женщина”), хотя оно почти ушло из стремящихся к политически корректным формулировкам СМИ, но встречается, например, в исследовательской литературе, наряду с терминами *η κοινή*, *η δημόσια γυναίκα* (“публичная женщина”). Примечательно, что это же прилагательное (*άσεμνος*) по отношению к мужчине не является эвфемизмом древнейшей профессии, а описывает его характерные черты и переводится как “бесстыдный, бесчестный, наглый человек”. А определения *δημόσιος* или *κοινός* в сочетании со словом *άνδρας*

(“мужчина”), в зависимости от контекста, будут переводиться как “обычный человек”, “публичная, известная личность” и даже “государственный служащий”.

Для обозначения женщин-проституток в языке греческих СМИ встречается также вариант *οι πιάτσες* (“площадная”), восходящий к итальянскому *piazza*, он образован по принципу метонимии, когда место работы лежит в основе номинации работниц. Итальянизм можно считать и термин *πούτανα*, который имеет и форму мужского рода – *πούτανος*, но, однако, не используется по отношению к мужчинам-проституткам, а является увеличительно-пренебрежительным обозначением “секс-работниц” (“шлюшенция”) в языке повседневного общения или в новогреческом фольклоре. Мужчин, торгующих телом, в греческих СМИ называют *άδρας πόρνη* или *αρσενική πόρνη* (букв. “мужчина-проститутка”, “проститутка мужского пола”).

Все вышеперечисленные термины, хотя широко используются в СМИ, литературе и повседневном языке, считаются недостаточно политкорректными. Более подходящими с этих позиций являются номинации *εργαζόμενος/η στο σέξ, σεξεργάτης* или *σεξεργάτρια*, буквально переводимые на русский язык как “работающий/ая в сфере сексуальных услуг”, “секс-работник” или “секс-работница”. Причем термин в форме женского рода используется чаще, так как предполагается, что это преимущественно женская профессия. Однако на заседаниях организаций, занимающихся защитой прав маргинализированных слоев населения, или феминистических обществ иногда поднимается вопрос о том, чтобы заменить форму женского рода на более “нейтральную” форму мужского рода. Приведем характерный пример:

Это то, чего мы хотим. Пусть термины “секс-работник”, “секс-работница”, зазвучат, будут поняты и приняты. Мы хотим отменить такие клеймящие понятия, как “шлюха”, “путана”, “раба любви”. Это вызывает сильную реакцию в обществе... Интерес, удивление, сплетни. Что значит секс-работница? Почему ты называешь ее так, а не иначе? <...> В чем-то, конечно, стигматизация встречается и в нашей среде: под секс-работником стереотипно подразумевается женщина. Даже у меня самой, хотя я являюсь тем самым секс-работником... Женщина, транс... Все это связывается прежде всего с женщиной (Στο Red Umbrella Athens 2017).

Эта цитата интересна еще и тем, что в данном случае речь идет о рефлексивной “секс-работнице”, которая одобряет инициативы, связанные с изменением привычных номинаций на более политкорректные. Универсальный характер, с точки зрения правозащитников и феминисток, носит также субстантивированное причастие *εκδιδόμενος/η*, переводимое как “выставленный/ая” (букв. “проституированный/ая”).

Бросается в глаза обилие поговорок и пословиц, в которых упоминаются проститутки. Приведем некоторые из них, отображающие как негативное отношение к представительницам древнейшей профессии, так и терпимое: “Деревня горит, а шлюха причесывается/моется!” (“Τό χωριό καίγεται κι ή πούτανα χτενίζεται! /λούζεται!”); “Не иди по новой дороге, не выбирай старую шлюху” (“Καινούργιο δρόμο μήν περνάς/παλιά πούτανα μήν ψηφάς”); “Храни тебя Господь от нового капитана и старой шлюхи” (“Ο θεός νά σε φυλάει από καινούργιο καπετάνιο κι από παλιά πούτανα”); “Лучше шлюха, чем сплетница” (“Κάλλιο πούτανα παρά γλωσού”). Двойственный смысл может иметь поговорка “Где колокола пробыют, педик со шлюхой тут как тут” (“Όπου χτυπάει καμπάνα/ή πούστης, ή πούτανα!”): с одной стороны, имеется в виду, что продажную любовь можно найти повсюду, ей не помеха даже церковные запреты, с другой – здесь содержится намек на парадоксальную набожность представителей древнейшей

профессии. Кроме того, поговорка может свидетельствовать о скептическом отношении к служителям церкви, не чужающимся земных радостей. Примечательно, что обценное слово *πόστης* в греческих народной культуре и бытовом языке нередко служит оскорбительным вариантом обозначения мужчины, торгующего своим телом, даже если он не является гомосексуалистом; эта номинация лишней раз подчеркивает ориентированность мужской проституции в Греции на мужчин, а не женщин.

* * *

Изучение феномена продажной любви в греческом обществе XX–XXI вв. позволяет сделать ряд выводов. В этой сфере деятельности преобладают женщины, услуга платной любви ориентирована на клиента-мужчину, даже в случаях мужской проституции, что свидетельствует о патриархальности современного греческого общества.

В настоящее время, и в этом отличие от прошлых веков, проститутки переместились с окраин города и из портовых районов ближе к центру, хотя это противоречит требованиям закона. Деревенская проституция для Греции скорее не характерна.

В отношении общества к женской проституции от древности до наших дней в целом прослеживается преемственность. Наибольшее сочувствие вызывают работницы сферы интимных услуг иностранного происхождения, их оправдывают, даже предлагается признать их деятельность законной, легальной. При этом в реальной практике как раз “жрицы любви” из других стран по большей части становятся жертвами трафикинга – нелегальной проституции как одной из форм работорговли.

Кризисные экономические явления способствуют изменению национального состава “секс-работников” обоих полов в пользу увеличения доли греков, но все же преобладают в сфере интимных услуг выходцы из стран Восточной Европы, Балкан, Африки, Ближнего Востока. Эти флуктуации соотношения *своих* и *чужих* вызывают тревогу исследователей, общественных организаций и обывателей.

В XX в. в греческом искусстве (литературе, кинематографе, театре, музыке) находит отражение романтизированный образ падшей женщины. Иногда это символ почти священной жертвенности, готовности продать свое тело ради общественного блага или из “чистой любви к искусству”, напоминающей служение древним богиням любви. Иногда, например в жанре городского романа и в народных песнях, на уровне номинаций прослеживается связь со стилистикой христианских житий. Иногда образ проститутки переосмысливается в духе политической борьбы с мелкобуржуазной моралью и институтами власти. В последние годы старые сюжеты получают новую трактовку, а на сцену выходят новые персонажи – трансгендеры и трансвеститы. Их образы чаще используются для иллюстрации актуальных общественных проблем, связанных с правовым статусом сексуальных меньшинств, с двойной моралью общества и т.д. Однако греческая публика демонстрирует скорее консервативные взгляды, предпочитая изначальные варианты произведений.

Оригинальное отношение к феномену женской проституции проявляют феминистические организации Греции, которые, с одной стороны, выступают против объективизации женского тела и восприятия его как товара, но с другой – рассматривают деятельность некоторых представительниц древнейшей

профессии как максимальное выражение свободы или вызова патриархальным общественным устоям и предлагают легализовать ее.

Роль современной греческой проститутки как участника сексуальной инициации молодых людей остается, но менее ритуализирована, чем в первой половине XX в.

На бытовом уровне мужская проституция вызывает скорее негативное отношение, в культуре же она овеяна трагически-запретным ореолом. Локализация и этнический состав мужчин-проституток менялись с течением времени. В начале XX в. можно было встретить греков, занимающихся продажей тела, преимущественно на территориях, находящихся под турецким влиянием и встроенных в мусульманскую модель культуры. В самой Греции продажная любовь все же оставалась прерогативой женщин. В Афинах второй половины XX – начала XXI в. все чаще фиксируются случаи продажи тела мужчинами, в их числе как греки, так и представители других этносов (обычно из Ближнего Востока, Африки, реже из Восточной Европы).

Современный лингвистический материал дает отсылки к “священной” функции проституток в плане эвфемистических номинаций ремесла. Сам термин становится объектом дискурса, основная задача которого – избавление от политически некорректных понятий, обозначающих работников древнейшей профессии, от разного рода стигматизаций и указания на их пол. Но преобладание номинаций женского рода показывает, что все-таки это ремесло воспринимается в современном греческом обществе как преимущественно женское. Фразеология дополнительно отображает амбивалентное отношение к древнейшей профессии.

Примечания

¹ Все переводы с греческого языка сделаны автором статьи.

Источники и материалы

Демосфен 1994 – *Демосфен*. Речи: В 3 т. Т. 2 / Пер. В.Г. Боруховича. М.: Памятники исторической мысли, 1994.

Кавафис 2011 – *Кавафис К.* Полное собрание стихотворений. М.: ОГИ, 2011.

Лукиан 2001 – *Лукиан*. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. Н.П. Баранов. СПб.: Алетейя, 2001.

ПМА 2006 – Полевые материалы автора. Афины, Салоники (Греция). 2006 г.

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Афины, о-в Кефалония (Греция). 2018 г.

Greekstixoi n.d. – Η αμαρτωλή. ΣΤΙΧΟΙ Η // Greekstixoi n.d. <https://www.greekstixoi.gr/stixoi/%CE%B7-%CE%B1%CE%BC%CE%B1%CF%81%CF%84%CF%89%CE%BB%CE%AE-3/> (дата обращения: 17.01.2023).

Η αμαρτωλή n.d. – Η αμαρτωλή // Greeklyrics. N.d. https://www.greeklyrics.gr/stixoi/Η_amartwlh/ (дата обращения: 22.12.2022).

MyrtoPapadopoulous n.d. – MyrtoPapadopoulous Photography. N.d. <http://www.myrtopapadopoulous.com/iinterviews-presentations> (дата обращения: 17.01.2023).

Καραφουλίδης 2005 – *Καραφουλίδης Γ.* Θεραπευτικά και αφροδισιακά βότανα. Αρχαίες αφροδισιακές συνταγές. Αθήνα: Δρομών, 2005.

Κωδωνάς 2021 – *Κωδωνάς Π.* Ένας 28χρονος εκδιδόμενος μιλά στο News 24/7 2021 για την εργασία στο σεξ, για τις πιάτσες της Αθήνας, αλλά και για τους ανήλικους

εκδιδόμενους, που ενώ η Αστυνομία ξέρει, κάνει ότι δε βλέπει. 28 Φεβρουαρίου 2021 // News 24/7. <https://www.news247.gr/afieromata/ekdidomenoi-andres-ena-koino-mystiko-stis-piatses-tis-omonoias-kai-toy-metaxoyrgeioy.9154618.html>

Παπαδόπουλος 2013 – Παπαδόπουλος Α. “Αγαπώ τις πουτάνες, δεν ανέχομαι τους νταβατζήδες!” // Ogdoo.gr. 31.05.2013. <https://www.ogdoo.gr/prosopa/synenteykseis/leyteris-papadopoylos-agapo-tis-poytanes>

Νικολαΐδου 2022 – Νικολαΐδου Ε. Στα σπιτια της αμαρτιας – Χθες και σημερα. Μια δημοσιογραφικη ερευνα για το φαινομενο της πορνειας απο την αρχαιοτητα εως σημερα. Αθήνα: Κάκτος, 2022.

Οι πιάτσες της Αθήνας n.d. – Οι πιάτσες της Αθήνας: Ποιες είναι. Ελληνίδες ιερόδουλες ζητούν σεξ με 5€ για να επιβιώσουν // Φήμες, blog. <https://www.fimes.gr/2018/05/piatses-athina-2> (дата обращения: 22.12.2022).

Παρίδης 2022 – Παρίδης Χ. Η σεξεργασία στο ελληνικό θέατρο μέσα από 12 έργα // Lifo.gr. 02.02.2022. <https://www.lifo.gr/culture/theatro/i-sexergasia-sto-elliniko-theatro-mesa-apo-12-erga>

Πορνεία στην Αθήνα 2016 – Πορνεία στην Αθήνα: 10 ευρώ το σεξ, 4 το τάι στην οδό Ιάσωνος // SDNA. 06.04.2016. <https://www.sdna.gr/mensdna/article/187723/porneia-stin-athina-10-eyro-seks-4-tai-stin-odo-iasonos>

Στο Red Umbrella Athens 2017 – Στο Red Umbrella Athens, η εργασία στο σεξ αντιμετωπίζεται με το σεβασμό που της αρμόζει // Propaganda. 01.10.2017. <https://propaganda.gr/stories/red-umbrella>

Τραυλού n.d. – Τραυλού Π. Γαβριέλλα Ουσάκοβα: Η “πόρνη των Αθηνών” που βαφτίστηκε “αγία” για τις φιλανθρωπίες της // Womentoc. N.d. <https://www.womentoc.gr/stories/article/gavriella-ousakova-i-porni-ton-athinon-pou-vaftistike-agia-gia-tis-filanthropies-tis> (дата обращения: 10.01. 2023).

Τσατσαρίδου 2019 – Τσατσαρίδου Σ. Η πορνεία στην σύγχρονη Ελλάδα // The Safia Blog. 12.03.2019. <https://thesafiablog.com/2019/03/12/analysis-tsatsaridou>

Научная литература

Болгов Н.Н., Смирницких Т.В. От страстей греха к подвигу аскетизма: феномен святости раскаявшихся блудниц в ранней Византии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 21. С. 589–596.

Дюбуи Е. Проституция в древности. Кишинев: Logos, 1991.

Καλλис Α.Α. Еврейская община Салоник в осаде: антисемитское насилие летом 1931 года. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Λιχτ Γ. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.

Λαζος Γ. Πόρνεια και διεθνική σωματεμπορία στη Σύγχρονη Ελλάδα. Αθήνα: Καστανιώτης, 2010.

Κουκούλες Φ. Βυζαντινών Βίος και Πολιτισμός. Τ. Α’–ΣΤ’. Αθήνα: Παπαζησης, 1948–1955.

Παπαϊωάννου Σ. Το φρικτόν τέμενος της αμαρτίας. Α’ Μέρος: Το πορνείο των Βούρλων Δραπετσώνας μέσα από γραπτές πηγές. Αθήνα: Πειραιάς, 2022.

Πετρόπουλος Η. Το μπουρδέλο. Αθήνα: Γράμματα, 1980.

Σαρηγιάννης Μ.Γ. Περιθωριακές ομάδες και συμπεριφορές στην οθωμανική Κωνσταντινούπολη, 16ος–18ος αιώνας. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2005.

Research Article

Sidneva, S.A. On “Companions of Joy”: The Gender/Ethnic Composition of Sex Workers in Modern Greece [O “sputnikakh i sputnitsakh radosti”: genderno-natsional’nyi sostav predstavitelei sfery intimnykh uslug v sovremennoi Gretsii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 23–42. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030028> EDN: COUZPN ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Svetlana Sidneva | <http://orcid.org/0000-0002-2937-5434> | lucia80@mail.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

prostitution, modern Greek culture, gender, identity, morality

Abstract

The article examines the phenomenon of prostitution in Greece of the 20th–21st centuries, the attitudes toward it, and its role in the regulation of social relations with reference to tradition. Noticeable and interesting to study are the changes that took place during this period in the gender/ethnic composition of representatives of the sphere of intimate services. The turning points for change were economic crises and upsurges in the country, migration processes, as well as new directions in international politics and ideology of the European Union, which Greece joined in 1981. In the 1990s–2000s, for example, workers of foreign origin prevailed in the sphere of intimate services. The crisis of 2008 led to the increase in the percentage of Greek citizens in this sphere, according to studies conducted by sociologists at the Pandion University of Athens. With regard to the gender aspect, it is especially interesting to study the attitudes toward male prostitution in a patriarchal society, which modern Greece still essentially is. Particular attention in the article is paid to linguistic material shedding light on contemporary nominations of representatives of the most ancient profession.

References

- Bolgov, N.N., and T.V. Smirnitikh. 2008. Ot strastei grekha k podvigu asketizma: fenomen sviatosti raskaiavshikhsia bludnits v rannei Vizantii [From Passion of Sin to Exploit of Asceticism: Phenomenon of Sanctity of Ex-Fornicatrixes in Early Byzantium]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 21: 589–596.
- Dupouy, E. 1991. *Prostitutsiia v drevnosti* [Prostitution in Antiquity]. Kishinev: Logos.
- Kallis, A.A. 2006. *Evreiskaia obshchina Salonik v osade: antisemitskoe nasilie letom 1931 goda* [The Jewish Community of Salonica Under Siege: The Antisemitic Violence of the Summer of 1931]. Oxford: Oxford University Press.
- Koukoules, F. 1948–1955. *Bisantinon bios kai politismos. T. A'–ΣΤ'* [Byzantine Life and Culture. 6 vols. Vol. 1]. Athens: Πολιτισμός.
- Lazos, G. 2010. *Porneia kai diethniki somatemboria sti Synkhroni Ellada* [The Prostitution and International Trafficking in the Modern Greece]. Athens: Kastaniotis.

- Liht, G. 1995. *Seksual'naia zhizn' v Drevnei Gretsii* [Sexual Life in Ancient Greece]. Moscow: KRON-PRESS.
- Papaioannou, S. 2022. *To frikton temenos tis amartias. A' Meros: To porneio apo Vourla Drapetsonas mesa apo graptas piges* [The Horrible Temple of Sin. Pt I, The Brothel of the Vourla Drapetsonas through Written Sources]. Athens: Piraeus.
- Petropoulos, I. 1980. *To bourdelo* [The Whorehouse]. Athens: Grammata.
- Sarigiannis, M.G. 2005. *Perithoriakes omades kai symperifores stin othomaniki Konstantinoupoli, 16–18 aionas* [Marginal Groups and Behaviours in Ottoman Istanbul, 16th–18th Centuries]. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki.

ВТАЙНЕ И В ОТКРЫТУЮ: НЕИСПОВЕДИМЫЕ ПУТИ ЗАПРЕТНОЙ ПРОФЕССИИ В АЛБАНИИ

А.А. Новик

Александр Александрович Новик | <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109> | njual@mail.ru | к. и. н., заведующий центром европейских исследований, ведущий научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

проституция, Западные Балканы, мачизм, сексуальность, рефлексии в обществе, обычное право, законодательство

Аннотация

В исследовании в парадигме антропологии анализируются перипетии занятия женской проституцией на западе Балкан в XX – начале XXI в. Сложная судьба региона, сумевшего на протяжении жизни всего трех поколений сменить несколько общественно-политических формаций, культурных кодов и центров цивилизационного притяжения, оказала огромное влияние на восприятие обществом феномена торговли собой для сексуальных действий: от позитивной оценки коммерческой целесообразности и “блага для мужчин” до резкого осуждения “буржуазной эксплуатации” и состояния безысходности несчастных “жертв феодальных отношений и хищного капитализма”, от полного замалчивания самого факта существования явления до тайного восхищения смелостью жриц любви и, как следствие, многочисленных рефлексий в СМИ и истэблишменте, вызванных необходимостью изменения уголовного кодекса страны касательно занятий проституцией под давлением Евросоюза с целью гармонизации законодательных актов. В Албании, с сохраняющимися до настоящего времени многочисленными патриархальными пережитками в глубинке и “высоко продвинутыми” отношениями между полами в столичном регионе, наблюдаются различные подходы представителей разных страт социума к оценке “любви за деньги”, на что направлен главный фокус исследовательского интереса автора, работающего с полевыми изысканиями на Балканах в течение 30 лет.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено в рамках плана НИР МАЭ РАН

Секс, сексуальность, продолжение рода, фертильность, интимные отношения, тайные знания посвящения в мир эротических грез и любви всегда оставались в приоритетах познания и практики каждого индивидуума и коллектива, даже если человек и общество пытались в определенные периоды

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Новик А.А. Втайне и в открытую: неисповедимые пути запретной профессии в Албании // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 43–69. <https://doi.org/10.31857/S086954152303003X> EDN: COVOIQ

Novik, A.A. 2023. Vtaine i v otkrytuiu: neispovedimye puti zapretnoi professii v Albanii [Secretly and Openly: The Inscrutable Ways of the Forbidden Profession in Albania]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 43–69. <https://doi.org/10.31857/S086954152303003X> EDN: COVOIQ

истории табуировать или скрывать пологом целомудрия данную сферу. В определенных моменты именно приобщение к “взрослой” жизни, как отмечает в своей теоретической работе по обрядам перехода Арнольд ван Геннеп, маркировало переход из одной социальной страты в другую – от неженатой молодежи к семейной, детородной, “полноценной” и самодостаточной части сообщества (*van Gennep* 2004 [1909]). Однако в течение взросления и зрелости – этих двух ответственных периодов жизни – наблюдаются приливы социальной турбулентности, требующие выхода сексуальной энергии, поисков интимного партнера, погружения в неведомый до поры до времени мир удовольствия и страсти, похоти и вседозволенности. У некоторых – и даже у многих(!) – представителей человечества такие взрывы активности не проходят до последнего рубежа (или обряда перехода) – до самой смерти. И здесь на пути человека, подавленного тяжестью желания и увлекаемого соблазнами мира, безоружного, с одной стороны, перед силами природы, а с другой – перед довлеющими запретами традиционного уклада, встает такой устойчивый социальный институт, как профессиональная проституция в лице представительницы/представителя этой “древнейшей профессии” (название, с легкой руки Редьярда Киплинга прочно вошедшее в лексикон [*Kipling* 1889: 135–173]).

Не нужно быть профессиональным антропологом, чтобы констатировать тот факт, что подавляющее большинство соитий мужчин и женщин на земле происходит не с целью зачать нового члена общества, а ради удовольствия, удовлетворения желания, в силу привычки и социальной ответственности перед супругом, партнером и т.д. Дети нередко становятся неожиданным либо даже нежеланным плодом таких телесных связей. При всей очевидной важности для общества тема секса и интимных отношений не стала не только ключевой, но даже сколь-либо значимой для исследований социальных и культурных антропологов, историков, филологов и других специалистов; “копание в телах и душах” людей было отдано на откуп почти исключительно психологии, целительству и профессиональной медицине – сексологии и психиатрии. Можно назвать лишь немногочисленные работы на тему сексуальности и общества на этнологической “базе” (*Freud* 1901; *Malinowski* 1929; *Foucault* 1980; *Кон* 1997; *Ratsch* 1997; *Clarke* 2001; *Adler* 2013; др.), а на балканском материале таких исследований почти нет. Определенным исключением являются связанные с интимной стороной жизни родинная обрядность и брачные отношения – по ним как раз создана обширнейшая научная литература, объединяющая эмпирику разных народов мира и подкрепленная теоретическими разработками известных ученых (Славянские древности 1995–2012; *Tirta* 2006; др.). Но и в этих исследованиях наблюдения над практиками, традициями и соответствующей рефлексией в обществе, а также их анализ стыдливо прерываются, как только речь заходит непосредственно о сексе и сексуальности (см., к примеру: *Tirta* 2006: 313), оставляя читателю возможность додумать самому или положиться на собственный опыт.

Если обратиться к такой теме, как проституция в современном обществе, то нужно признать, что она практически полностью табуирована в этнологической науке на балканском материале, при том что почти столетие она оставалась на пике популярности у ряда европейских авторов, писавших о любви за деньги в античном мире – в Древней Греции и Древнем Риме (*Dufour* 1851; *Sanger* 1913). О проституции в Албании вышла лишь одна монографическая работа “Публичные женщины. История албанской проституции в период Зогу” историка Фатоса Баджаку и журналистки Клэдианы Капо (*Baxhaku*,

Каро 2014). Основанное прежде всего на архивных данных (исключительно из Государственного центрального архива Албании) и литературных источниках, исследование не анализирует этнографические материалы и не содержит напрашивающихся антропологических рефлексий, а является плодом интереса в албанском обществе в большей степени к монархии и самой личности короля Ахмета Зогу (1895–1961; годы правления 1928–1939) и в меньшей – к древнейшей профессии.

Проституции – явлению, пронизывающему балканское общество на протяжении столетий (пусть и с различной интенсивностью), “улучшающему” телесное, духовное и социальное самочувствие преимущественно мужчин, замалчиваемому, наказуемому или скрываемому в разные периоды (в зависимости от взглядов, преобладающих в обществе), посвящается данная работа, материалы для которой были собраны автором в 1990–2022 гг. Интерес сфокусирован на женской проституции, так как именно этот вид профессиональной активности затрагивает большее число акторов. Ареалом исследования стали Западные Балканы, прежде всего территория Албании¹. Автор ставит следующие научные задачи: выяснение степени принятия/отторжения албанским обществом явления проституции; оценка включенности практик оказания интимных услуг в традиционную культуру Балкан, до настоящего времени характеризующуюся рядом исследователей как патриархальная и маскулиная (*Gjergji 2002; Tirta 2006: 236–250*); анализ места и роли секса за деньги в современном социуме, подвергающемся революционным трансформациям в силу глобализации информационного пространства и тренда на “международность”; отражение темы сексуальности в общественном дискурсе, говорящем о стремлении главным образом политической элиты присоединить Албанию к Европейскому Союзу и не всегда очевидным “европейским ценностям”.

Воспоминания об античных нравах и мачизм

В антропологии широко распространена теория традиции территории, предполагающая сохранение культурных пережитков, экономических паритетов и социальных практик при смене этнического, конфессионального, расового, цивилизационного состава населения, культурного кода и языка (*Мыльников 1997*). В значительной степени такие подходы могут быть приложены и к явлению проституции; впрочем, что касается Албании, данный теоретический подход вряд ли работает. Образование греческих полисов на западе Балканского п-ова (с VIII в. до н.э.), а позже вхождение иллирийских земель в Римскую империю, сопровождавшееся переформатированием греческих городов в римские мегаполисы и управлением прежде полунезависимых территорий консулами из центра, привели к включению этой части Западных Балкан в единое культурное пространство огромного государства (*Anamali, Prifti 2002*). Так, Диррахий, получивший при римлянах название Эпидамн (совр. Дуррес), в период расцвета Римской империи насчитывавший около 200 тыс. жителей (в наше время в этом крупнейшем порте страны и втором по численности населения городе Албании проживает около 100 тыс. чел. [INSTAT 2022]), стал центром развлечений с огромным числом таверн и борделей. Сюда стекалась римская знать, пересекавшая Апеннины по Виа Апия на лошадях, мулах и ослах, а Адриатику – на парусно-гребных

судах, здесь начиналась римская дорога Виа Эгнатия, соединявшая Адриатическое побережье с Эгейским морем (*Anamali, Prifti* 2002; *Иванова* 2006: 60). Для работы в борделях специальные агенты, объезжавшие сельскую местность, “рекрутировали” провинциальных девушек и юношей и сулили им золотые горы. В портовом городе наивные молодые люди оказывались “без документов” и вынуждены были отрабатывать свой хлеб (у любого антрополога должно возникнуть ощущение дежавю – словно и не прошло двух-трех тысяч лет с того времени) (ср.: *Ringdal* 2007). В городе “новобранцев” знакомили с культурой сексуальных удовольствий. Здесь же их обучали уходу за своим телом, что в империи было возведено в ранг культа: посещение терм, удаление волос с тела, использование благовоний для всех горожан, в том числе и для работников сферы интимных услуг, было непременным условием принятия в круг “цивилизованных” граждан (*Домосилецкая, Новик* 2022: 24). О былом процветании столицы удовольствий в наши дни свидетельствуют как сохранившиеся античные развалины, так и передающиеся исторические былички.

Вон, как огнями светится Дуррес! И к нему направляется корабль. А в древности он был знаменит своей кухней и проститутками... Здесь побывали все известные нам деятели культуры и политики, поэты, философы. Ты же знаешь историю о том, как однажды сюда приехал Цицерон, потратил в лупанариях все деньги. Оставшись без гроша, просил помощи у матери, и только когда она деньги прислала, смог уехать обратно в Рим (АМАЭ 2022. Беседа за ужином с албанкой, 1966 г.р., уроженкой с. Требишт, краина Голоборда, депутатом Парламента Албании; Голем, округ Каваия; сентябрь 2022 г.).

Данные “мемораты” не относятся, вне сомнения, к традиционным знаниям, передающимся от поколения к поколению, а представляют собой информацию, транслируемую литературой, СМИ, в последние годы – глобальной паутиной (АМАЭ 2022: 46–48). Профессиональной проституции, равно как и многим другим явлениям и социальным институтам, не суждено было сохраниться в том виде, в каком она существовала в эпоху Цезаря. Римское правление на территории современной Албании сменила Византия, позднее сюда вторглись норманны; здесь правили болгарские цари, анжуйская династия, сербские короли, местные феодалы; в XIV в. пришла Венецианская республика (именно к венецианскому правлению относится первое письменное упоминание профессиональных проституток в городском статуте Шкодры², крупнейшего до середины прошлого столетия урбанистического центра страны), а в XIV–XV вв. практически весь Балканский п-ов оказался во власти султанов, подчиненный стремительной османской конницей. От римских *лупанариев* (лат. *lupānar* или *lupānārium* – “публичный дом”) не осталось и следа. Если в Античной Греции правил бал культ красивого, сильного и здорового тела (умащивание тела оливковым маслом и благовониями стало почти обязательной практикой личной гигиены референтных слоев общества), а в римскую эпоху культура терм и омовений стала почти религией, – и все это было тесно связано с актуальной концепцией привлекательности, с сексуальностью и миром интима, с открытостью половых отношений, включая продажную любовь – то с приходом новых правителей и установлением идеологии победителей, ситуация изменилась кардинальным образом. Города Диррахий, Аполлония, Бутринт и др., возникшие на западе Балканского п-ова в VII–VI вв. до н.э. и оказывавшие существенное влияние на окружающее население и хинтерланд в самых разных аспектах, включая сексуальные отношения, гигиену и культуру ухода за телом, теряют

Рис. 1. Берат, Албания. Сентябрь 2010 г. Фото А.А. Новика

свое значение: со II в. н.э. в Эпидамне (бывшем Диррахии) подпольно функционирует христианский храм; в III в. погибает Аполлония вследствие катастрофического землетрясения; в 551 г. после нападения вестготов Бутринт с его роскошными театром и стадионом постепенно превращается в пастбище для овец и коз (*Anamali, Prifti* 2002). Смена парадигмы отношения к выпячиванию либо, наоборот, сокрытию интимной стороны жизни, равно как и к собственному телу, произошла в период правления Византии – с V по XV в. В государстве, идеологически опиравшемся на христианскую доктрину, была принята аскеза: отрицание физического и физиологического начал в человеке и утверждение превалирования духовного, соответственно, осуждение греховной телесности и всего, что может вызвать “дурные” мысли и желания. Изгнание “беса греха” стало на долгий период определять внешний вид и отношение человека к окружающему миру. Любые сексуальные отношения вне брака строго порицались, а отклонение от нормы грозило казнью на костре (так в правление Юстиниана стали караться уличенные в гомосексуальных связях, что быстро редуцировало укоренившуюся, как писали современники, среди мужчин в эпоху античности однополую любовь) (Io Δεθνης 2003).

Пришедший на смену византийскому османский культурный код знаменовал изменение отношения к телу, сексуальности, интимной сфере. Так, мусульманская мораль, с одной стороны, требовала сдержанности в проявлении чувств, включая прописанные правила поведения. Здесь уместно вспомнить “дома холостяков”, строившиеся в больших городах для молодых неженатых людей, к примеру, в г. Берате (Рис. 1) рядом с “Мечетью холостяков” (алб. *Xhamia e beqarëve*; выдающийся памятник архитектуры XIX в.). Организация совмест-

ных проживания неженатой молодежи и проведения досуга в своей основе имела цель снизить сексуальную напряженность и оградить горожанок от возможных домогательств, а общество от эксцессов. С другой стороны, ориентальная культура с ее соблазнами (поэзия *бейтеджи*³, литература, музыка, танцы, философия) транслировала обостренную сексуальность в ее разных проявлениях, включая костюм и времяпрепровождение в кофейнях, *чайханэ*, *хаммамах* и т.д. (Десницкая 1987: 18–35; Иванова 2006: 166–169, 193–194).

Вместе с тем узкая лазейка для телесного соития с женщиной – для неженатых мужчин и с “чужой” женщиной – для женатых оставалась. Чтобы ею воспользоваться, нужно было обладать платежеспособностью. В османский период большую популярность получили *ахэнги* (алб. *ahéng, -u*) – музыкально-танцевальные группы; их выступления стали непременным атрибутом общественных мероприятий по случаю религиозных торжеств и важных политических событий и семейных праздников зажиточных граждан как в городах, так и в сельской местности. В состав *ахэнгов* очень часто входили *ченги* (алб. *çengí, -a*) – одновременно и танцовщицы, и певицы, развлекавшие публику исполнением традиционного репертуара. Нередко неофициальным, побочным, а в действительности весьма ощутимым приработком див от народного искусства было оказание сексуальных услуг (*Vaxhaku, Kapo* 2014: 35–52). Молодость, привлекательная внешность, эффектная фигура и мастерство в “профессиях” (обеих) служили мерилom общественного “признания”, приближения к власти предрежащим и уровня доходов (см.: Magubi 2003). Так, наиболее прославившиеся *ченги* становились платными любовницами *вали* (правителей вилайетов) и *кадиев* (судий), а менее успешные довольствовались улаживанием горожан средней руки и зажиточных крестьян. Важная черта института *ахэнгов* в Албании – этническая принадлежность музыкантов: практически все участники групп были цыганами⁴. Связь с артисткой, становящаяся достоянием молвы, не воспринималась обществом как акт интимных отношений за деньги, а оценивалась как любовная победа мужчины – и чем больше таких связей он мог себе позволить, тем более успешным человеком его считали окружающие. В быту, в традиционной культуре такой подход был настолько укоренен, что долго сохранялся и после приобретения Албанией независимости в 1912 г., а *ахэнги* сохраняли свое предназначение неизменным до середины XX в. Со сменой общественной и политической парадигмы после прихода к власти коммунистов в 1944 г. ансамбли изменили свои функции (стали исключительно развлекательными коллективами) и продолжили жизнь в фольклоре и народном творчестве – здесь стоит указать на протагонистов песен и баллад, влюбившихся в “чернооую *ченги*” (Folklor 1963–1966).

“Это все чужие!”

Бурная история XX в. принесла на запад Балкан революционные преобразования; в Албании это королевское правление Гогенцоллернов, создание республики, доморощенная монархия, итальянская фашистская, а затем немецкая нацистская оккупация, длительная эпоха монизма с безуспешной попыткой строительства социализма с опорой на собственные силы, демократические преобразования с начала 1990-х годов (Смирнова 2003). Все эти исторические перипетии – помимо изменения экономических, общественных и культурных установок – привели к многочисленным различиям в стереотипах поведения, гендерных отношениях, в понимании сексуальности и свободы ее выражения

Рис. 2. Пожилой албанец на муле; патриархальные картины можно увидеть в центре города и сегодня. Гирокастра, Албания. Сентябрь 2010 г.
Фото А.А. Новика

у албанцев разных регионов Албании. Одно оставалось долгое время неизменным для большинства жителей страны: вера в “вековые нравственные устои общества” (*Gjeçovi, Fox 1989*), которые, казалось, не допускали никаких моральных отступлений – ни неконтролируемых взаимоотношений между полами, ни тем более такого явления как проституция.

Знаешь, среди цыган встречаются светловолосые. Это дети от связей с албанцами и турками. Ведь *евги* по природе смуглые, черноволосые и кареглазые. Они пришли вместе с турецкой армией. Обслуживали ее. Женщины готовили, стирали солдатам. Ну и оказывали интимные услуги, за деньги, понятно. Мужья им не запрещали. От таких связей и рождались светлые дети. Сообщество их принимало. Много веков так было. Албанки этим не промышляли (АМАЭ 2018. Информант – албанец из с. Дарза, область Корча, 1938 г.р., профессор; беседа записана в Тиране в сентябре 2018 г.).

Сохраняющееся в албанском обществе показное пуританство в вопросах взаимоотношения полов и сексуальной жизни во многом базируется на многовековом патриархальном укладе предыдущих поколений (Рис. 2). Жесткие

нравы были обусловлены традицией горцев и прописаны в кодексах права и чести (“Канун Лека Дукагына” и “Канун Скандербега”) (см.: *Gjeçovi, Fox* 1989). Несмотря на глубинные трансформации политической, социальной, экономической систем и культурных ориентиров, произошедшие в десятилетия, последовавшие после объявления независимости в 1912 г., семейные ценности, интимная сфера жизни продолжают оставаться в значительной степени неприкосновенными и табуированными. Любое нарушение правил в этой области воспринимается как грубое вторжение в заведенный порядок и ритм жизни, виновных при этом стараются найти или “назначить” из числа *чужих*.

Так, еще в начале XX в., когда во время правления Ахмета Зогу (Ахмет Зогу сделал карьеру в качестве министра внутренних дел, позже премьер-министра, а затем и короля Зогу I), имевшего богатый опыт жизни за границей и инициировавшего открытие первых публичных домов, тема легализации проституции в получившей независимость Албании имела широкую огласку и вызвала нешуточную дискуссию в обществе. Нарушителей традиционной морали нашли быстро – ими оказались, согласно полицейским сводкам, в основном иностранки, приехавшие в годы военного лихолетья (Балканских войн 1912–1914 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг.) в страну вслед за контингентом иностранных армий, размещенных здесь в ходе боевых действий. “Жрицы любви из Греции, Сербии, Италии, Черногории и других стран устремились на огонек наживы в нашу благонравную страну, где о таком позорном явлении, как проституция, прежде и не слыхивали”, – приблизительно так писали публицисты и говорили политики 1910–1930-х годов (см., напр.: *Java* 1936). При этом даже само слово “проституция” чаще всего заменялось эвфемизмами, такими как “непозволительное”, “свободное поведение” и т.п. Очень выразительный пример декларации любви к своей родине, где негативных явлений быть не может по определению, а если они и есть, то принесены издалека и чужими, но никак не *своими*! Слабой уступкой правде было признание пламенными патриотами того факта, что в проституцию были вовлечены местные цыганки. Однако если мы обратимся к донесениям префектов полиции городов Дуррес, Тирана, Шкодра, Гирокастра, Корча, Пекин и др., датированным 1920–1930 годами и сохранившимся в Государственном центральном архиве Албании, то увидим, что наряду с именами иностранок, а также цыганок⁵, немало албанских имен и фамилий, что не вяжется с официальной версией распространения проституции и вовлеченности в нее *своих* и *чужих*: “Тирана, 1931. 1. Милица югославка, 2. Флора гречанка, 3. Мария М. югославка, 4. Назмия косоварка, 5. Тушья Идрзит из Камзы, 6. Наджие из Улчина, 7. Лючие из Шкодры <...>” (*Baxhaku, Karo* 2014: 110–112). Вот другой пример – донесение инспектора мэрии Тираны от 1938 г.:

Нижеследующим имеем честь сообщить в ответ на запрос...

1. В этом городе открыто 5 борделей.
2. В этих борделях работает 71 публичная женщина, из которых 5 гречанок, 2 югославки, 2 французенки и 62 албанки.
3. За год число женщин в борделях увеличилось на 10, из них 8 албанок и 2 гречанки <...>
5. За год высланы 4 женщины, из которых 1 из Чехословакии 43 лет, 2 немки 17 и 46 лет и 1 болгарка 30 лет (AQSh 1938).

Как видим, для представителей власти большее значение имела не этническая принадлежность “публичных женщин”, а их гражданство – если говорить канцелярским языком – “по паспорту”. Среди них было немало уро-

женок Косово, албанок из соседней Югославии, которых не воспринимали *своими*, а относили к *чужим*.

Помимо архивных источников и относительно многочисленных публицистических материалов в периодике, мы находим свидетельства встречи общества с “новой” древнейшей профессией в литературных памятниках. Так, один из самых известных албанских писателей Петро Марко (1913–1991), чьи годы ученичества прошли в портовом г. Влёра, вспоминал, как он со своими однокашниками был взволнован фактом открытия публичного дома (согласно предписанию министра внутренних дел). Долго не решавшийся лишиться девственности, он при подтрунивании приятелей все же отправился “навстречу взрослой жизни”. Однако, когда будущий литератор переступил порог “запретного дома” и увидел очень некрасивую женщину, цыганку, гречанку или сербку, потребовавшую сразу заплатить, быстро ретировался – это стало моральной травмой на многие годы (Marko 2000). В воспоминаниях Марко на первый план выходит все тот же фактор – фактор *чужого*.

Новая волна проституции была вызвана Второй мировой войной, когда вслед за оккупационными армиями (вначале итальянской в апреле 1939 г., а затем немецкой в 1943 г.) в страну прибыло немалое число “жриц любви”. В отличие от периода Балканских войн и Первой мировой, когда передвижение “публичных женщин” было нерегулируемым и определялось экономической целесообразностью и надеждами поживиться самих проституток, новое их пришествие регламентировалось законами военного времени стран оси Рим–Берлин–Токио и было обеспечено службами тыла и транспорта: оккупанты “привозили с собой публичные дома” с соответствующим персоналом из компатриоток (речь “на злобу дня” итальянского генерала Висконти-Праска, произнесенная 28 октября 1940 г. в г. Корче перед отступающими из Греции солдатами, см. в: *Vaxhaku, Karo* 2014: 9). Этот факт вызывал брожение в общественном сознании и официальном дискурсе (Албания формально сохраняла самоуправление – граф Чиано, зять Муссолини и по совместительству итальянский министр иностранных дел, управлял “Страной горных орлов”, опираясь на местное, лояльное фашистскому режиму правительство, заседавшее в Тиране): такое вторжение в систему традиционных ценностей воспринималось не меньшим злом, чем военное вторжение сухопутных войск, авиации и флота. При том что в стране не закрывали свои двери доморощенные дома терпимости, санкционированное сверху прибытие иностранок для оказания интимных услуг казалось вопиющим актом надругательства над местными обычаями и нравственностью. Восприятие обществом нового порядка и несущих угрозу устоев зафиксировано не только в документах эпохи, но и в художественной литературе. Так, Исмаил Кадаре (р. 1936) в своем романе “Хроника в камне”, базирующемся на детских воспоминаниях, описывает переполох среди горожан Гирокастры, вызванный появлением не столько итальянских войск, сменивших греческие части, сколько католических монахинь и “бумажного дома”, в который военные грузовики привезли жриц любви (Kadare 1971). *Чужая вера, чужие девушки и чужие нравы* давали партизанам не меньше поводов для освободительной войны, чем появление *чужих* солдат и водружение *чужого* флага над городской управой. В противостоянии с врагом вопросы общественной морали концептуализировались гипертрофически: “для освобождения родины необходимо было освободиться от итальянских курв”, которые несли “смертельную угрозу древним традициям”, нравственным устоям, а в конечном итоге – жизни горожан и города, всего народа и страны (Ibid.). Для того чтобы проиллюстрировать разницу двух

цивилизационных подходов – инновационного европейского и традиционалистского албанского, Кадаре противопоставляет образы девушек-итальянок, безропотно приехавших в бордель для военных, и двух героических албанок, помогавших партизанам и повешенных немецкими оккупантами за подрывную деятельность на главной площади Гирокастры (памятник им, воздвигнутый в годы монизма, в отличие от многих других монументов эпохи, сохранился до настоящего времени).

Развернувшееся после 1944 г. строительство социализма, с его идеологией, приоритетами и моральными ориентирами, казалось, навсегда покончило с таким явлением, как проституция (Смирнова 2003). “Любовь за деньги” была объявлена уголовно наказуемым деянием: вплоть до демократических преобразований начала 1990-х годов не могло быть и речи даже о нелегальном занятии проституцией – нарушительницам грозил не гипотетический штраф, а реальный тюремный срок. Понятно, что речи не шло и о легальном ведении “бизнеса” – будь то индивидуальная деятельность либо организованное предоставление сексуальных услуг. Имеющиеся в архивах материалы говорят об исключительно низком проценте привлечения к уголовной ответственности за проституцию в годы социализма (AQSh 1945–1990). Подтверждают этот факт и воспоминания бывших заключенных албанских тюрем и концентрационных лагерей: “Среди зэчек, сидевших с нами, лишь одна-две женщины были привлечены за проституцию” (Пиша [Баткина] 2011). Хотя мы знаем, что по ложному доносу или надуманному, порой самому фантастическому обвинению режим Энвера Ходжи репрессировал огромное число своих граждан. Так, по некоторым данным, опубликованным Институтом изучения преступлений и жертв коммунизма (Тирана), до трети населения страны подверглось преследованиям, было лишено прав, выслано, посажено в тюрьму или казнено (Instituti n.d.). Но и в этих условиях занятие проституцией официально и на бытовом уровне приписывалось, как правило, не албанкам, а *чужим* – чаще всего цыганкам. Русским женщинам, попавшим на наковальню жесточайшего в Европе режима, к слову, инкриминировался чаще всего шпионаж в пользу Советского Союза (Новик 2018: 151–175) и – никогда(!) – их не обвиняли в доступности в интимных отношениях, чего можно было бы ожидать с позиции устойчивых этнических стереотипов в наши дни.

Токсику (говорящее прозвище товарища, дано потому, что “грузит” по разным вопросам, албанец, 32 года, родом из Корчи, работает на правительство. – А.Н.) на днях снял проститутку. Он холостой, девушки у него нет, ты знаешь. Захотел секса, пошел к Дворцу культуры, там со стороны сквера встретил проститутку. Она была *габеле* (цыганка). Албанки этим не занимаются. Албанки могут и бесплатно дать (смеется). Сколько заплатил, не знаю, могу спросить. А тебе зачем? (ПМА 2022: информант – албанец, 31 год, из Мальсия-э-Тиранес, агент по недвижимости; беседа в WhatsApp записана в мае 2022 г.).

Ты был в Казахстане? Токсику опять снял проститутку, та была из Казахстана. Он заплатил €100 за секс. Предлагал и мне воспользоваться ее услугами. Но я остерегаюсь (ПМА 2022: информант – албанец, 31 год, из Мальсия-э-Тиранес, агент по недвижимости; беседа в WhatsApp записана в ноябре 2022 г.).

От легкомыслия до предательства Родины

Узкие границы дозволенного девушке и женщине в традиционалистском обществе особенно строго были очерчены в сфере интимных отношений: любой неосторожный взгляд, необдуманное любопытство или едва обозначенная доверчивость могли интерпретироваться как легкомыслие, доступность,

неразборчивость и в общем “шлюхное” поведение. Подобная репутация очень быстро приклеивалась к нарушительнице и распространялась в коллективе, сообществе, в населенном пункте и районе проживания, особенно учитывая небольшое число жителей и размеры *краин* и всей страны.

В годы строительства социализма вездесущая и всемогущая служба *сигурими* (государственной безопасности) взяла на себя и негласное отслеживание возможных нарушений общественной морали. Такой надзор над будаурами своих сограждан позволял устанавливать и тотальный контроль над умами рядовых албанцев. Так, в романе Исмаила Кадаре “Жизнь, игра и смерть Люля Мазреку” (алб. “Jeta, loja dhe vdekja e Lul Mazrekut”), написанном и опубликованном, к слову, в “разгул” демократических реформ в 2002 г., гротескно представлена деградация общественного строя в последние годы эпохи монизма (конец 1980-х годов) (*Kadare 2002*). Главного героя произведения судьба сталкивает с девушкой, завербованной спецслужбами; она попала в поле зрения “комитетчиков” из-за слишком вольного поведения в интимной связи с молодым человеком, который поделился впечатлениями от необычного сексуального опыта со своими друзьями, а те – со своими, и очень быстро героиня была вызвана в печально известное жителям столицы здание, где располагалось секретное ведомство. Кадаре, самый известный албанский писатель, неоднократно выдвигавшийся на присуждение Нобелевской премии по литературе, часто заявлял о подлинности и историчности большинства своих сюжетов; это справедливо и для его первого албанского романа о социализме, гомосексуализме, о человеке и обществе, о любви и предательстве.

В последние годы в центре Тираны, в здании бывшей службы государственной безопасности был открыт музей, посвященный истории ведомства, а главным образом жертвам репрессий тоталитарного режима. “Дом с листьями” (алб. “Shtëpia me gjethe”) получил свое название из-за густых крон деревьев, скрывавших от посторонних взоров неприметное здание – из него осуществлялась прослушка иностранных посольств и представительств, в нем велись допросы арестованных и проводилась вербовка потенциальных агентов (*Muzeu n.d.*). В экспозиции музея особый акцент сделан на мультимедийный контент. Так, посетителям предлагается к просмотру снятый в годы социализма документальный фильм о подрывной деятельности внешних и внутренних врагов. В одном из эпизодов супруга торгового атташе Югославии (страны, “ревизионировавшей идеи социализма и коммунизма”, согласно официальной версии Албанской партии труда), прикрываясь от возможной слежки малолетним сыном, отправляется на “буржуазном мерседесе” на окраину Тираны к портнихе (албанской гражданке – арумынке или румынке!), занимающейся незаконной коммерческой деятельностью – индивидуальным пошивом за деньги (валюту!) или в обмен на отрезки ткани западного производства (что равноценно). Обеих дам “накрывают” бдительные офицеры *сигурими*, не позволяя обойти социалистический закон, запрещающий спекуляцию, валютные операции, незаконную коммерческую деятельность, что равноценно... измене Родине. Этот короткий фильм, снятый в пропагандистских целях, как нельзя лучше иллюстрирует царившую в стране атмосферу страха, подозрительности и абсурда. Никаких интимных связей за деньги с компатриотами, а уж тем более с иностранцами быть в эти годы не могло (если, конечно, это не было санкционировано самим *сигурими* с целью получения компромата).

В любом случае такого явления, как валютная проституция, в социалистической Албании не существовало – для него не было ни предпосылок, ни условий:

бдительная служба госбезопасности отслеживала все контакты своих граждан с иностранцами, даже за безобидное общение могли обвинить в шпионаже в пользу другого государства и предательстве Родины, что влекло за собой суровый приговор, вплоть до смертной казни (Смирнова 2003). Жизнь людей подчинялась навязанным государством предписаниям, но нередко законы природы, страсть, жадность или любопытство брали верх, и человеческие судьбы, судя по зафиксированным полевым материалам, зачастую оказывались разнообразнее и “закрученней” сюжетов литературных произведений.

Когда я сидела (под следствием. – А.Н.), у нас была женщина. Ее привезли из горной деревни – она мужа убила. Случай редкий. Сказала, что полюбила другого, а муж мешал, она его и убила – не могла терпеть. Мы ей все сочувствовали. Вообще, чтобы так в сельской местности открыто страсти кипели, в то время было редкостью, поверь. Мужу изменять... У нас сидели уже опытные женщины, они стали горянке советовать: дави, мол, на жалость судей, расскажи им о своей тяжелой доле в горах, в семье, разжалоби их! В Албании тогда по закону было – могли выпустить из зала суда. Нашу *мальсорку* (горянку) увезли на суд, а оттуда она не вернулась. Сказали потом, что она судьям такого о своей судьбе поведала, что те заплакали прямо – отпустили из зала суда! У меня так не получилось. По политической статье ждать пощады не стоило, не выпускали. Мне дали 18 лет тюрьмы, а отсидела я 14 лет, вышла, когда уже Ходжа умер (ПМА 1996: информантка – Надежда Константиновна Сидорова-Кабаша, 1929 г.р., русская, из г. Ленинграда, осужденная в Албании за шпионаж в пользу Советского Союза; запись беседы в Санкт-Петербурге в декабре 1996 г.).

За годы строительства социализма в Албании были репрессированы, казнены, отправлены в ссылку тысячи женщин (Instituti n.d.). На юге страны работал специальный женский лагерь для осужденных (см. исключительно эмоциональное повествование Таисии Пиши об этом исправительном учреждении, опубликованное в Израиле: Пиша [Баткина] 2011). Осужденных за проституцию в стране, согласно имеющейся статистике, практически не было.

От грехопадения и смертного преступления до девиантного поведения

Отношение общества к проституции как явлению и к женщинам, оказывающим интимные услуги за вознаграждение, кардинальным образом стало меняться в последние годы. Эпоха увлечения античным “романтизмом” – с рассказами на бытовом уровне о том, как древние римляне на галерах, управляемых рабами, прибывали в древний Эпидамн ради сексуальных и гастрономических развлечений, – пришла относительно поздно, лишь в 1990-е годы. А до этого позиция большинства албанцев, по крайней мере, высказываемая вслух, была исключительно негативной по отношению к “любви за деньги”. Здесь можно привести реплики мэрии и видных городских чиновников крупнейшего порта Дурреса, направленные в столицу в качестве ответа на требование Министерства внутренних дел от 1922 г. (получившее название алб. “Rregullorja e kurvënies”, досл. “Правила занятия шлюхным делом”) обеспечить работу публичных женщин: “Подобные заведения не могут быть открыты ввиду отсутствия хоть какого подходящего здания”; “условия в городской больнице не позволяют обеспечить частые визиты барышень для проверки”; “парни в Дурресе женятся молодыми”; и главное – “по причине древних и благородных обычаев нашей страны” (Baxhaku, Kapo 2014: 90–91). Не отставали в осуждении проституции и “вольных нравов” от градоначальников и полицейских чинов периода королевства и революционно настроенные коммунисты эпохи строительства социализма, о чем шла речь выше.

Декларируемое обществом пуританство на грани лицемерия в сфере интимных отношений и табу в освещении вопросов, касающихся секса, держались в Албании очень долго, этому способствовали: 1) показная мусульманская мораль (до настоящего времени большинство жителей страны исповедует ислам); 2) патриархальные традиции (в высшей степени влияющие до сих пор на общественную жизнь); 3) идеологический кодекс строителей социализма (навязываемый сверху почти полвека); 4) относительно небольшие территория страны и численность ее жителей (*sic!*), что автоматически приводит к самоконтролю в проявлении чувств, к формированию самосдерживающих поведенческих стереотипов и т.п., ведь потенциальный любовник, клиент, и даже объект внимания может оказаться знакомым, родственником и т.д.

Существовавшие оковы, подавлявшие на протяжении столетий чувства, страсти и желания (как удовольствия, так и наживы), словно в одночасье рухнули вместе с крушением режима монизма в начале 1990-х годов. Для этого давно назрели предпосылки. Оставшиеся долгое время в изоляции как внешней, так и внутренней, албанцы получили свободу передвижения. Барьеры, запрещавшие перемещаться по стране (к примеру, для поездки в другой город внутри Албании требовалось получить разрешение в органах внутренних дел, а по прибытии на место – встать на учет) и покидать ее пределы, были окончательно сняты. Молодые и крепкие люди на захваченных морских судах отправлялись в Италию и Грецию в поисках лучшей доли, а жители глубинки всех возрастов и обоих полов “спускались с гор” в столичный регион в поисках работы и “цивилизованной” жизни (Смирнова 2003). Согласно статистике, к концу 1980-х годов в Тиране насчитывалось около 180 тыс. жителей, в 1990-е годы – уже около 600 тыс., а в 2000-х годах – 1 млн (INSTAT 2022).

Многие девушки и женщины в сложнейший период трансформаций общественной, политической, экономической и идеологической систем оказались без работы и перспектив на будущее, без поддержки семьи. Они оставляли родные села и небольшие рабочие поселки и перебирались в столицу, портовый Дуррес или приморскую Влёру с целью устроиться там, прокормить себя и по возможности помочь родным. Некоторые, отчаявшись найти работу, вынуждены были торговать своим телом.

Ты знаешь, самое удивительное то, что среди тиранских проституток больше всего тех, кто приехал из мест, где действует древний *канун* – из Мальсии-э-Мазэ, Дукагына, Мирдиты и др. Традиционно женщина там полностью подчинена заведенным порядкам, она боится лишней взгляд на чужого мужчину бросить. До свадьбы никаких тебе интимных отношений – это не только не принято, а вообще жестко карается. И все *мальсоры* (горцы) очень бдительно следят за честью своих дочерей, сестер и жен. Но, оказавшись здесь, в большом городе, они, *мальсорки*, словно срываются: идут на любой сомнительный заработок, торгуют собой, вступают беспорядочные связи. Наверное, от того, что дома за ними строгий контроль, а здесь следить некому... Другого объяснения и не дашь (ПМА 1996. Информант – албанец православный, 1938 г.р., уроженец с. Дарза, область Корча; беседа записана в Тиране в сентябре 1996 г.).

Приведенный выше разговор состоялся после экспедиции автора в краину Дукагын, расположенную в Северо-Албанских Альпах. И главное в приведенном фрагменте – не информация о проститутках-*мальсорках*, а та простота, с которой говорит собеседник о явлении, которое еще несколько лет назад было не только под запретом, согласно статьи уголовного кодекса⁶, но считалось криминалом и с точки зрения общественной морали. Впрочем, тот факт, что в столице древним промыслом заняты приезжие из горной глубинки, а не *свои*, тоже подчеркнут.

Собеседник (С.): Можно с Вами поговорить?

А.Н.: О чем?

С.: Может мы познакомимся? Я Оскар!

А.Н.: В смысле – премия?

С.: Нет. Я албанец. Живу во Франции.

А.Н.: Поэтому у Вас такой роскошный автомобиль? (белый “мерседес”, не последней марки, но представительского класса).

С.: Да, поэтому! Не хотите встретиться сегодня? Я организую вечеринку, там будут девушки... и не очень дорого.

А.Н.: Нет, спасибо!

С.: (сделав круг на автомобиле): Там будут даже несовершеннолетние девушки, 14–15 лет. Хотите?

(ПМА 1994. Информант – албанец, около 35 лет; случайная встреча рядом с отелем “Tirana International” в июле 1994 г.).

Слушай, вот у тебя столько девушек-студенток. Они не хотят подработать? Ведь жизнь дорогая. А девушкам то помада нужна, то сапоги. Я могу это легко организовать. Ты свою часть получишь (ПМА 2003. Информант – албанец гег, около 40 лет, с севера страны, бизнесмен; беседа в Тиране в сентябре 2003 г.).

Албания, скинув оковы монизма, “освободилась” и от многих табу и обязательств, которые на протяжении столетий были непременным условием общественной жизни и нравственного самочувствия нации. Патриархальный уклад, характерный не только для сельской глубинки и отдаленных горных областей, но даже и для крупных городов, включая столицу, дал трещину, ликвидировать которую не смогли в последовавшие за 1990-ми десятилетия ни реанимированные с большим трудом социальные институты, ни религиозный ренессанс с его возросшим авторитетом духовных лидеров, ни принятые государственные программы, направленные на возрождение традиционного и народного в культуре и экономике (такие, к примеру, как проект “100 деревень”; алб. “100 fshatra”) (Programi 2023).

Албанцы стали другими. Мы теперь не дорожим, как святыней, семейными связями. А ведь еще недавно для нас семья была главной ценностью. При Энвере мы жили бедно, но на первом месте была семья; мы встречались на все праздники, семейные церемонии, по любому незначительному поводу. А теперь мы стали жить лучше, в магазинах все появилось, но мы отдалились друг от друга – теперь редко собираемся. Главными стали деньги, экономический успех, карьера (АМАЭ 2018. Информантка – албанка, около 40 лет, вахтер студенческого общежития; беседа в Тиране в сентябре 2018 г.).

В быстро меняющейся системе ценностей различные “язвы общества”, к которым веками относили и проституцию и которые на протяжении даже одного последнего столетия одинаково страстно клеймили и пытались выжечь мусульманские и христианские проповедники, чиновники султанского и королевского правительств, увлеченные идеей построения нового общества коммунисты и разного рода интеллектуалы/морализаторы/пропагандисты, как-то незаметно стали восприниматься как часть социальной системы и современной жизни, как неизменная плата за цивилизацию, за вхождение в новый политический союз, в глобальный рынок информации, товаров, технологий и услуг. Албанское общество, в котором еще недавно даже фривольно брошенный женский взгляд воспринимался вопиющим вызовом коллективной морали и осененной веками традиции, переварило проституцию как банальное отступление от прежних принципов: “главное, чтобы не затронуло твою семью, а мир в целом разнообразен” (АМАЭ 2022: 46–48). То, что это явление в стране существует, признают как наделенные властью авторитеты, так и рядовые граждане. Однако оно не

оценивается как несущее угрозу обществу, а воспринимается скорее как девиантное поведение некоторых женщин, на которых повлияли дурное воспитание и отсутствие должного контроля, у которых “так сложились обстоятельства”.

“Курвы” и мундиры, погоны и политика

В последние годы, с начала 2000-х, в албанских СМИ периодически разворачиваются противоречащие друг другу кампании – против проституции или в поддержку ее декриминализации (снятия уголовной ответственности) либо легализации (признания в качестве трудовой деятельности): на страницах печатной периодики, в интернет-изданиях, на телевидении особо ретивые журналисты размещают горячие репортажи “с места событий” – с обочин дорог у городских скверов и из фойе гостиниц или безобидных на первый взгляд кафе, – снабженные завораживающими фото и видео ночной жизни Тираны и, реже, других городов (Фиера и пр.) (A duhet 2020; Fier 2022; Prostitution 2022). Полицейские приступают к рейдам, призванным выявить “жриц любви” и пресечь незаконный бизнес. В этой связке СМИ–полиция не всегда бывает ясно, от кого в действительности исходит инициатива: то ли имеющие связи в органах журналисты публикуют “жареные” материалы, опережая рейды, о которых им становится известно, то ли полицейские вынуждены реагировать на сообщения прессы либо обращения граждан. В любом случае все развивается по одному сценарию: материалы полицейских операций какое-то время будоражат аудиторию национальных ежедневных газет, журналов и тв-программ, потом наступает пауза, которая прерывается очередным горячим репортажем, подхватываемым остальной прессой.

Ты знаешь, у меня вчера знакомый попал в облаву. Он сам из Кукеса, приехал в Тирану на своей машине развлечься. Познакомился с курвой через чат, посадил ее в машину... Места у них не было. Он тогда поехал на дорогу, ту, которая ведет налево от улицы Дурреса, переходящей в автостраду Тирана–Дуррес. Там съезжаются на машинах те, у кого места нет для секса. Улица там длинная, а домов особо нет, удобно – никто не увидит. И машины там обычно стоят в ряд. Они и приехали... Только начали, вдруг им в лобовое стекло стали светить яркие фонарики – полицейские! Ты же знаешь, у нас по закону запрещено заниматься сексом в общественных местах. А у него, у друга, семья! В общем, массой неприятностей все это грозило. У него с собой было больше 300 тысяч, это почти 300 евро. Он их и отдал полицейским, чтобы не привлекли. А вообще-то это коррупция! Правда же? Они борются для вида с преступлениями, а сами совершают преступления (ПМА 2017. Информант – албанец, 33 года, из Кэльцюры, округ Гирокастра; беседа записана в Тиране в сентябре 2017 г.).

В Албании время от времени случаются громкие скандалы, связанные с коррумпированностью отдельных представителей правоохранительных органов и правящей верхушки: чаще всего им инкриминируются наркотрафик, отмывание денег, контрабанда, экономические преступления. Нередко в обсуждаемые всей страной события такого рода бывают замешаны ближайшие родственники властной элиты. По официальной версии, именно этот факт в первую очередь мешает скорейшему принятию Албанией в Европейский Союз⁷ (хотя согласно рейтингу Индекса восприятия коррупции страна занимает лишь 110-е место). Вместе с тем в последние два десятилетия, в отличие от 1990-х годов, когда Албания в глазах европейцев прочно ассоциировалась с трафиком проституток, не произошло ни одного громкого скандала, который связал бы полицейских со “жрицами любви”. Этому факту существует несколько объяснений: 1) проституция перестала быть прибыльной “кормушкой” по сравнению с другими

видами незаконной деятельности; 2) ответственность за торговлю людьми подразумевает слишком большие сроки тюремного заключения (Kodi Penal 2014 [1995]: пп. 114, 114a, 114b, 115 etc.); 3) проституция и все, кто с ней связан, реально осуждаются и презираются в обществе. (К примеру, включенность в наркоторговлю, особенно за рубежом, вызывает, конечно, порицание у большей части жителей страны, но это именно порицание и неодобрение, а не стопроцентное осуждение.) (АМАЭ 2022)

Ситуация, как видно из материалов Министерства внутренних дел, СМИ, данных многолетних полевых наблюдений, существенно изменилась за последние 30 лет. В начале периода реформ 1990-х годов, когда, по определению современников, “рухнул строй”, люди вынуждены были выживать в новых экономических реалиях любой ценой; при этом существенно редуцировались моральные и нравственные принципы и приоритеты. Многие молодые женщины, отправляясь в столицу или за рубеж, прекрасно осознавали, что единственная “вакансия”, на которую они могут рассчитывать, – место на панели или в публичном доме. Нередко мужчины (женихи, мужья, ближайшие родственники) брали с собой своих женщин, обещая им лучшую долю. Но вдали от родного дома отбирали у них документы и “сдавали” в бордель в Италии, Греции или другой “благополучной” европейской стране. Для многих албанцев это был самый быстрый и понятный способ “хорошо” заработать. По таким случаям проведено значительное число расследований, снято множество репортажей, документальных и (полу)художественных фильмов (см., напр.: Shqipëria 2015; Arkivi 2023).

Без покровительства правоохранительных органов, силовых структур, чиновников разного уровня невозможно было ни наладить трафик проституток за рубеж, ни успешно организовать работу публичного дома, ни “снять сливки” с доходного отеля. Под прикрытием со стороны авторитетных людей в погонах пограничные суда “не догоняли” быстроходные катера, перевозившие проституток, инспекторы в упор “не видели” спрятанные за высокими заборами почти в центре столицы бордели, а отельеры и рестораторы приглашали к себе на гастроли заграничных “бабочек”, способных привлечь платежеспособных клиентов.

Вот отель “Кал...я” с пляжем (во Влёре). Все хорошо знают, что его владелец поднялся на проститутках. Еще при социализме он был чемпионом Албании по плаванию. В 90-е начал возить на катере проституток в Италию. Нелегально, ночью перевозил. Местные полицейские, пограничники закрывали глаза. Все знают об этом. А теперь у него бизнес: свой отель, пляж, ресторан. Уважаемый человек (ПМА 2003. Информантка – албанка, около 60 лет, из Тираны; беседа во Влёре в сентябре 2003 г.).

Сами же люди в мундирах, не жалевшие живота своего для достижения высоких званий при диктаторе Энвере, оказались в какой-то момент не у дел или в совершенно бедственном положении: на их ничтожное жалование ничего нельзя было купить – ни по талонам, ни без талонов (продовольствие и предметы первой необходимости нормировались почти все годы строительства социализма и в “Период реформ” (алб. *Tranzicione* – “Реформы”) (Смирнова 2003). Чтобы выжить и каким-то образом прокормить свои семьи, часть этих людей, наименее щепетильная в плане морально-нравственного выбора, стала покровительствовать за мзду криминалу, а в отдельных местах даже его возглавлять; на этом бывшие чиновники и силовики “сбивали” свой начальный капитал (а деньги, согласно выражению, существующему во многих языках, не пахнут). Таким образом, люди в погонах во многом обеспечивали прикрытые криминальным группировкам, занимавшимся трафиком людей и сутенерством (Arkivi 2023).

За 30 лет реформ правоохранительная система Албании подверглась существенным изменениям. В первую очередь улучшилось экономическое обеспечение сотрудников полиции (как и других категорий трудоустроенных): так, средняя зарплата полицейских, повышенная в октябре 2022 г., составляла около €500 в месяц⁸, в то время как в 1990-е годы она равнялась приблизительно \$50 (INSTAT 2022; Shqiptarja.com 2023). Теперь, попадая на службу в Министерство внутренних дел, сотрудник пытается сделать здесь карьеру и работать до выхода на пенсию (раннюю и достойную). Рисковать потерять место в органах, да еще и “схлопотать срок” по криминальной статье за крышевание подпольного борделя или трафик проституток новобранцы не хотят, а их начальники больше не решаются: “Ты из-за курвы можешь попасть в тюрьму. Это не тот доход, ради которого стоит рисковать” (ПМА 2004. Информант – албанец гег, около 30 лет, инспектор полиции, бывший учитель гимназии; беседа записана на автостраде Приштина–Тирана в августе 2022 г.).

В самом же обществе отношение к проституции в подавляющем большинстве негативное, оно складывается из разных мнений.

И.: Я здесь встречался, кофе пил с подругой Роши (подруга Роши – договорное прозвище знакомой, владелицы собаки по кличке Роши). Рассказал ей, что у Токсикю был секс с проституткой.

А.Н.: А зачем ты вообще с ней обсуждаешь такие вещи? Это нормально?

И.: Нормально! Мне хотелось узнать женский взгляд на это, на проституцию.

А.Н.: Ну и что она?

И.: Она сказала, что это ужасно! Что мне это точно не надо – тратить деньги на курв. Лучше мне купить себе хорошей одежды, вкусной еды, заняться собой, чем тратить деньги на глупости. А что от нее можно ожидать? Она сама секс любит, часто меняет партнеров, очень трах...щаяся. А проститутки – это конкуренция! Все женщины так думают, наверно.

(ПМА 2022. Информант – албанец, 31 год, из Мальсия-э-Тиранес, агент по недвижимости; беседа в WhatsApp записана в декабре 2022 г.).

В полицейские участки часто поступают сигналы от простых граждан: домохозяйки жалуются на шум и неопозволенное поведение проституток и их клиентов в городских скверах. Один из самых популярных телевизионных каналов в стране *Klan* несколько программ посвятил “жрицам любви”, работающим в парках у Дворца культуры в центре столицы и на ее северо-западе – в Камезе (Fier 2022; Prostitucion 2022) (Рис. 3). Репортажи со скрытой камерой осветили проблему жильцов многоквартирных домов, возмущающихся, что они “не могут воспитывать детей в условиях, когда из окон и с балконов их квартир с вечера до утра можно наблюдать сцены переговоров девиц и клиентов, а также их соития прямо в кустах” (Prostitucion 2022). Журналисты выложили записи своих переговоров, похожих больше на торг, с “ночными бабочками”, озвучившими расценки на разного рода услуги: секс прямо здесь, в сквере; в машине клиента; в ближайшем отеле (в эквиваленте от €20 до €50; на интим в гостинице самая высокая цена). Комментарии телезрителей на данные репортажи не заставили себя долго ждать: “Куда катится наша страна?”; “Сколько мы будем это терпеть?”; “Позор Албании!”; “Куда смотрят полицейские, только на то, пристегнут ли ремень безопасности?”. В действительности в одном из репортажей рядом с “рабочим местом” “ночных тружениц” дежурил полицейский патруль, наблюдавший за проезжающими автомобилистами и не обращавший внимания на то, что у него происходит за спиной – видимо, не их зона ответственности.

В Тиране существует большое число небольших отелей и частных апартаментов, предлагающих комнаты для интимных встреч. Речь идет не о раз-

Рис. 3. На площади Скандербег с информантом экспедиции.
Тирана, Албания. Май 2022 г. Фото А.А. Новика

ветвленной сети одного бизнеса, а об усилиях многочисленных домовладельцев, стремящихся извлечь выгоду из своей недвижимости и страстей других. Эта ситуация обусловлена тем, что албанцы чаще всего живут большими семьями в одном доме или квартире: неженатые и незамужние дети обычно остаются с родителями, здесь же проживают бабушка и/или дедушка. Даже если у взрослых детей стабильные и высокие доходы, они не стремятся обособиться, снять или купить отдельное жилье – это считается не совсем приличным. Схожая ситуация, впрочем, наблюдается и в соседних балканских странах. Так, к примеру, мой знакомый, 40-летний грек из Афин, владелец туристической фирмы, жил вместе с родителями, а для интимных встреч снимал квартиру в центре города у площади Синтагма; о тратах своего сына родители, естественно, ничего не знали (ПМА 2004).

Свою актуальность не потеряла и такая деятельность, сопряженная с проституцией, как сводничество. Приведу лишь один факт: в Фиере владелица хорошо известного горожанам и приезжим кафе, предлагающего кофе и прочие напитки, по желанию клиента может вызвать по телефону одну из своих сотрудниц, готовую оказать любые секс-услуги в ближайшем отеле; сверх таксы мужчине нужно заплатить 1000 левов (около €10) не страдающему щепетильностью владельцу “ключей от алькова”. “Чего необычного? Пойдем в ближайший отель. Ты платишь тысячу. В гостинице не спросят, зачем пришли. Понимают. У меня и парень понимает, чем я зарабатываю. Парень у меня, конечно, есть. Наверное, не дурак. А чем я еще заработаю? Презерватив у меня есть, не волнуйся! Я горяча в постели (смех)” (Fier 2022). Сама фиерская пuffedмutter,

впрочем, не скрывает своего пути в профессии: “Я теперь с клиентами не работаю. А раньше не стеснялась... Посмотри, я в хорошей форме, тело у меня еще красивое (показывая обтянутую кофтой грудь и толстый, в несколько объемных складок живот). Все делала... А теперь возраст. И у меня желудок болит. Не делаю больше” (Ibid.).

Данные мини-интервью могли бы дополнить полицейские сводки и распоряжения Министерства внутренних дел королевской Албании 1920–1930-х годов – свидетельства усилий слуг государевых (от его превосходительства министра до добровольного агента органов безопасности), безуспешно боровшихся с владельцами кофеен и закусочных, которые держали публичных женщин в качестве персонала: “Как известно, происходят скандалы и нарушения спокойствия в кафе, где есть ахэнги и женщины. Не удивительно, что случаются происшествия, резня и убийства” (*Baxhaku, Kapo* 2014: 143–144).

Выслать всех “гулящих” – как иностранок, так и компатриотов – в специальные дома терпимости либо за рубеж у властей не получилось тогда, не выходит и теперь. А в последние годы на этом пути возникло новое препятствие в виде всесылного и неподступного *EUR-Lex*, официального рупора Европейского Союза, публикующего законодательные акты и юридические тексты, обязательные на его территории (*EUR-Lex* 2023). Многолетние попытки Албании стать членом ЕС наталкиваются на многочисленные требования гармонизации законодательства страны с законами и правилами государств – членов объединения. Выдвинутое в 2016 г. в качестве обязательного требование исключения из Уголовного кодекса Албании статей 113, 114 и др. (за занятие проституцией и ее организацию) было увязано с рекомендациями по легитимизации однополых браков. Правительство и парламент страны смогли быстро удовлетворить ЛГБТ-сообщество и еврокомиссаров принятием соответствующего закона (под смешки местных депутатов и язвительные комментарии в местной прессе). А вот в вопросе исключения статей уголовного кодекса, касающихся проституции, законодательство забуксовало, прежде всего в силу неоднозначной оценки самого явления и возникшей дискуссии в обществе. С одной стороны, большинство албанцев уверенно голосуют за выбор европейского пути развития, а с другой – не готовы принять европейские (анти?)ценности.

В современном мире многие явления принимают новые формы или приобретают иную окраску. Так происходит и с древнейшей профессией. Общее осуждение проституции каким-то образом не распространяется, а если и распространяется, то в редуцированном виде, на новую “специальность” – “работница службы эскорта”, появившуюся в Албании в 2010-е годы явно под влиянием западного примера. Возможно, на такое отношение влияет малая осведомленность большей части населения о специфике данного труда. Тому, что эта специальность утвердилась в Албании, в значительной степени способствовали социальные сети. Состоятельные люди (бизнесмены, политики, финансисты, представители шоу-бизнеса и пр.), отправляясь в разного рода вояжи, путешествия, на деловые встречи и увеселительные мероприятия (парти, корпоративы и др.), стали приглашать не жен, подруг или заместителей по работе, а девушек с яркой внешностью и выразительными формами, которые способны произвести впечатление на окружающих, а значит, по задумке, повысить статус и значимость делового мужчины в их глазах. Чем эффектнее брюнетка, блондинка или шатенка, тем, якобы, успешнее и деловой человек, которого она сопровождает, т.к. он может ее содержать или, по крайней мере, оплачивать ее недешевое рабочее время (от €200 до €1000 в час, согласно предложениям

на сайте EuroGirlsEscort.com для Албании). К сотрудничеству были привлечены девушки “приятной внешности и незаурядных способностей”, как гласит реклама возникших в немалом количестве агентств по подбору соответствующего персонала. На смену нелегальным борделям и работавшим на свой страх и риск индивидуалкам 1990-х – начала 2000-х годов пришли прекрасно оснащенные, с немалым начальным капиталом, проработанным бизнес-планом и прекрасным знанием психологии людей компании, готовые оказать весьма деликатные и хорошо засекреченные услуги. Их деятельность, что важно, совсем не коррелирует в общественном сознании с криминальными деяниями – а ведь еще совсем недавно за “платную любовь” можно было схлопотать реальный тюремный срок.

В бизнес эскорт-услуг втянуты как провинциалки, приехавшие покорять столичный регион Тирана–Дуррес, так и местные девушки, привлекаемые немалыми гонорарами и красивой жизнью. Первых, согласно нашим наблюдениям и данным СМИ, больше; это можно объяснить понижением уровня социальной ответственности – ведь родные и

друзья далеко, и шансов, что они узнают о занятии дочери или сестры, меньше, чем у жительниц столицы (АМАЭ 2022). Главные требования к соискательницам – эффектная внешность и умение себя подать. В последние десятилетия отмечается спрос “на худых и с пышной грудью” девушек – считается, что именно таких не стыдно представить коллегам по бизнесу и друзьям. Фактор престижа в подходах к красивому–некрасивому диктует многое в моде, поведенческих стереотипах и даже в ведении бизнеса (!). Размываются незыблемые прежде границы допустимого–недопустимого. Если раньше, согласно устоявшимся за десятилетия правилам бизнес-этикета и протокола, руководитель мог явиться на переговоры или деловую встречу исключительно со своим замом, финансовым директором или главным бухгалтером (которые могли быть женщинами любого возраста и внешности), но ни в коем случае ни с очаровательной секретаршей (своей или друга) или другой сотрудницей компании, обладающей пышными формами, но занимающей скромную должность, то теперь реальность изобилует примерами обратного; строгие правила стали давать трещину. На этом фоне и сложился рынок эскорт-услуг, ведь не даром с начала 2000-х годов маркетоло-

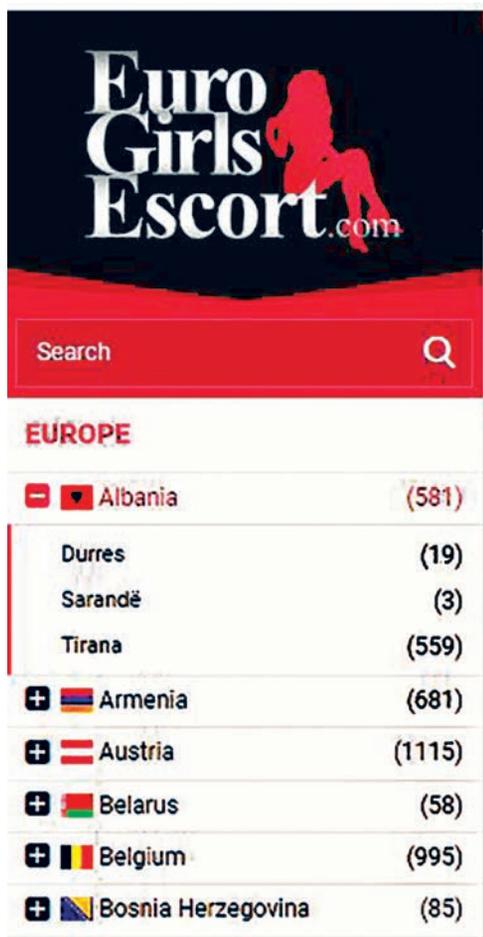

Рис. 4. Страница сайта EuroGirlsEscort.com (в свободном доступе)

логи и бизнес-тренеры в большинстве стран мира утверждают, что на смену экономике технологий пришла экономика впечатлений.

Мы вчера ходили с Аидой в ночной клуб. Она нас позвала. Я под сильным впечатлением. Было много людей, хорошая музыка. Но поразило другое. Там что-то отмечали какие-то бизнесмены. Видно, что при деньгах. С ними были девушки – сразу было видно, что эскортницы. Красивые. Высокие. Все при формах. Одеты шикарно. На высоченных шпильках. Какие бы танцы ни начинались, они выходили и давали фору всем остальным. Внимание всех было приковано только к ним. Танцевали они и современные танцы, и традиционные. И на столах танцевали. Любой народный танец – и они под музыку в такт танцуют и выводят слишком замысловатые движения. Видно, что учились специально, не просто так. Профессионалки во всем. И что эскортницы – тоже сразу видно (ПМА 2021. Беседа с российской исследовательницей-антропологом, 33 года; запись сделана в Тиране в сентябре 2021 г.).

Наравне с местными в эскорт-услуги включились и иностранки. Так, согласно международному сайту EuroGirlsEscort.com, в Албании зарегистрирована 581 труженица интим-услуг (19 в Дурресе, три в Саранде – курортном городе на Ионическом побережье и 559 в столице) (Рис. 4). Из них только пятеро “официально” говорят по-албански, т.е. большинство – иностранки, а это значит, что свои услуги через сайт (только одна регистрация на сайте для клиентов обходится в €30) местные почти не предлагают, довольствуясь отечественными базами данных и “фирмами”: службами знакомств, массажными кабинетами и пр. Факты работы подобных открыто рекламирующих себя либо замаскированных агентств фиксируются все чаще и чаще. Больше становится и сообщений в прессе о пресечении правоохранительными органами деятельности фирм эскорт-услуг. Так, осенью 2022 г. в Тиране были арестованы гражданка Колумбии В.Р. и шесть девушек из Венесуэлы, Колумбии, Испании и России в возрасте от 20 до 30 лет, прибывшие в страну для сопровождения албанских клиентов и оказания интимных услуг за вознаграждение. Суд позже освободил “жриц любви” из-под стражи с условием дальнейшего выдворения из страны и выплаты соответствующих штрафов. К ответственности были привлечены и четыре собственника жилья, сдавшие гастролировавшим путанам квартиры, их обвинили в неисполнении закона о регистрации проживающих и неуплате налогов. Данный случай долго муссировался в СМИ, однако в новостях на злобу дня ставился акцент на том, что девушки – приезжие из Латинской Америки (факт гражданства россиянки как-то вообще выпал из контекста, несмотря на острую антироссийскую полемику в общественном дискурсе в связи с украинским кризисом). Общество по-прежнему склонно видеть угрозу устоям и нравам не во внутренних проблемах, таких как безработица, отсутствие перспектив для молодежи, отток трудоспособного населения в западные страны, а в *чужих* – во влиянии чуждого образа жизни, в пропаганде иных ценностей, в смене нравственной парадигмы. Традиционный взгляд на явление “любви за деньги”, существенно трансформировавшееся за время бурных событий XX в., остался консервативным и не готовым к революционным сдвигам.

* * *

Подводя итоги анализа явления женской проституции в Албании, а также отношения к нему в социуме на фоне активно позиционируемого мачизма, укорененного в традиционной культуре народов Балкан, важно указать следующее.

Албанское общество в отношении интимной, сексуальной, личной жизни человека продолжает оставаться достаточно консервативным, несмотря на структурные трансформации, произошедшие в XX в. и особенно в последние три десятилетия: что позволено совершать и декларировать мужчине, остается, как правило, табуированным для женщины. Такое неравенство наиболее ярко проявляется в социальном дискурсе, касающемся проституции: на одном полюсе отрицание, осуждение, призывы к строжайшему запрету всех форм данной практики, на другом – принятие ее как явления, согласие на ее декриминализацию и/или легализацию (что воспринимается многими как одобрение). Допустимость широкого обсуждения данной темы в СМИ, учебных заведениях, среди законодателей и других представителей истеблишмента – это своего рода слом в общественном сознании: то, что раньше являлось табуированным, стало публичным. Безоговорочное стремление страны стать частью Евросоюза с его политическими, экономическими (прежде всего!) и правовыми институтами не приводит автоматически к принятию большинством албанцев предлагаемых правил и законов, паритетов и векторов развития.

Главным залогом успешности в интимной сфере – согласно опросам информантов в 1990–2022 гг., а также имеющейся источниковой базе – являются нововведения и вседозволенность (включая любовь за деньги), навязываемые извне, а сохраняющаяся нравственная атмосфера: традиционные ценности, крепкие семейные отношения и прочие “старинные рецепты”. Немногочисленные сторонники легитимизации проституции, указывающие на то, что противниками их мнения являются “сплошь мамыши с детьми, старики да лицемеры”, уступают в развернувшейся полемике традиционалистам (АМАЭ 2022). Аргументы последних коррелируют с широко распространенными “патриархальными” убеждениями и верой в высокий нравственный потенциал общественных институтов прошлого, где не было места такому явлению, как проституция, а соответственно, вступают в глубокое противоречие с транслируемыми глобальным информационным пространством и усиленными политическим мейнстримом установками и приоритетами.

Снятие табу на сферу сексуальной жизни в балканских обществах и доступность информационных ресурсов приводят лишь к частичному размыванию “родной гавани” – традиционных семейных ценностей; на Балканах по-прежнему довлеют патриархальные устои и стереотипы, продолжающие играть большую роль в жизни людей, независимо от их вероисповедания, социальной, культурной и региональной принадлежности.

Примечания

¹ Другие регионы, – Косово, западные области Северной Македонии и юг Черногории – где преобладает албанское население, ввиду специфики общественно-политических и экономических процессов, протекавших на их территории в XX в., осознанно остаются за рамками пристального интереса автора.

² В п. 87 статута, написанного на латыни, регламентируются правила поведения, проживания, “дресс-код” и проч. публичных женщин (Nadin 2002).

³ *Бейтеджі* – в ориентальной поэзии авторы произведений самостоятельного жанра лирического, философского и любовного содержания – *бейтов*.

⁴ В Албании проживает несколько групп цыган, имеющих, в зависимости от происхождения, языка, религиозной принадлежности и профессиональных занятий, различные экзо- и эндоминации: *евги, габели, маджубы, ромы* и др.

⁵ К примеру, в Пекине, небольшом в те времена торговом центре сельского района, по донесению полиции от 1930 г., все шесть “публичных женщин” были цыганками (*Vaxhaku, Kape* 2014: 108).

⁶ Уголовное наказание за занятие проституцией, сводничество, сутенерство, содержание мест для занятий проституцией, трафик проституток и проч. сохраняется и в современном Уголовном кодексе Албании. Ст. 113, 114, 114а, 114б и 115 предусматривают денежный штраф или тюремное заключение сроком от 1 до 3, от 2 до 5 и от 7 до 15 лет, в зависимости от тяжести преступления и рецидива; самое строгое наказание – за вовлечение родственников и трафик проституток (*Kodi Penal* 2014 [1995]).

⁷ В ответ на обвинения в непрозрачности правовой системы Албании премьер-министр страны Эди Рама в январе 2023 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе огрызнулся, использовав нецензурную брань, и указал на вспыхнувший коррупционный скандал в верхушке Парламента Евросоюза (*Preussen* 2023).

⁸ С октября 2022 г. минимальный оклад равен 57 500 лек, приблизительно €500 (у инспектора), максимальный – 125 000 лек, около €1100 (у старшего командира) (*INSTAT* 2022; *Shqiptarja.com* 2023).

Источники и материалы

АМАЭ 2018 – *Новик А.А.* Экспедиционная работа в зоне греческо-албанских контактов (Южная Албания, Химара). Полевые записи. Автограф 01.09.2018 – 29.09.2018 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2283. 56 л.

АМАЭ 2022 – *Новик А.А.* Балканская экспедиция – 2022. Этнолингвистические исследования на Балканах. Полевая тетрадь. Автограф 29.07.2022 – 17.08.2022; 28.08.2022 – 25.09.2022 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Вр. б/н. 98 л.

Пиша (Баткина) 2011 – *Пиша (Баткина)* Т. Нас спасла надежда. Советские жены в албанском ГУЛАГе. Израиль: [б.и.], 2011.

ПМА 1990–2022 – *Новик А.А.* Полевые материалы автора. Албания. 1990–2022. Славянские древности 1995–2012 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Io Diethes 2003 – Io Diethes συμπόσιο “Ο Έρωτας στην Αρχαία Ελλάδα”. 19–21 Σεπτεμβρίου. Ευρωπαϊκό Πολιτιστικό Κέντρο Δελφών. Δελφοί: Ίδρυμα πολιτισμού και εκπαίδευσης “Ανδρέας Λεντακης”, 2003.

A duhet 2020 – A duhet legalizuar prostitucioni në Shqipëri? Vendet që e lejojnë // Express. 09.01.2020. <https://www.gazetaexpress.com/a-duhet-legalizuar-prostitucioni-ne-shqiperi-vendet-qe-e-lejojne>

AQSh 1938 – Arkivi Qendror i Shtetit. Tiranë. Dosjet 1938.

AQSh 1945–1990 – Arkivi Qendror i Shtetit. Tiranë. 1945–1990.

Arkivi 2023 – Arkivi // Ministria e Brendshme. 2023. <https://mb.gov.al/category/forca-e-ligjit/page/8>

EUR-Lex 2023 – EUR-Lex: EU law. 2023. <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>

Fier 2022 – Stop – Fier / Prostitucioni ne lokal, pronarja u rregullon kliente vajzave – 1 Mars 2022. https://www.youtube.com/watch?v=frCt_bcxNWA

Folklor 1963–1966 – Folklor shqiptar: Proza popullore, 5 vëllime. Tiranë: Instituti i Folklorit, 1963–1966.

INSTAT 2022 – Institute of Statistics. 2022. <http://www.instat.gov.al/en/figures>

- Instituti n.d. – Instituti i studimeve për krimet dhe pasojat e komunizmit. <http://www.iskk.gov.al/?lang=en> (дата обращения: 04.06.2017).
- Java 1936 – Java, përjavore. Tiranë, 1936(?).
- Kadare* 1971 – *Kadare I*. Kronikë në gur. Tiranë: Naim Frashëri, 1971.
- Kadare* 2002 – *Kadare I*. Jeta, loja dhe vdekja e Lul Mazrekut. Tiranë: Onufri, 2002.
- Kipling* 1889 – *Kipling R*. In Black and White. Allahabad: A.H. Wheeler, 1889.
- Kodi Penal 2014 [1995] – Kodi Penal i Republikës së Shqipërisë. Miratuar me ligjin nr. 7895, datë 27.01.1995. Botim i Qendrës së Botimeve Zyrtare, djetor 2014. https://www.drejtesia.gov.al/wp-content/uploads/2017/11/Kodi_Penal-1.pdf
- Marko 2000 – *Marko P*. Retë dhe gurët. Intervistë me vetveten. Tiranë: OMSCA, 2000.
- Marubi 2003 – Marubi. Shqipëria 1858–1950 / Kurator R. Tasho. Shkodër; Roma, 2003.
- Muzeu n.d. – Muzeu Kombëtar i Përgjimeve të Sigurimit të Shtetit “Shtëpia me gjethe”. <http://muzeugjethi.gov.al> (дата обращения: 19.02.2023).
- Preussen* 2023 – *Preussen W*. Albanian PM to EU Parliament: “Karma is a bitch” // Politico. 19.01.2023. <https://www.politico.eu/article/albania-edi-rama-european-parliament-davos-world-economic-forum-qatar-corruption-scandal-qatargate-morocco-roberta-metsola>
- Programi 2023 – Programi i Integruar për Zhvillimin Rural – Programi i 100 Fshatrave. Ministria e Bujqësisë dhe Zhvillimit Rural. 2023. <https://www.bujqesia.gov.al/programi-i-integruar-per-zhvillimin-rural-programi-i-100-fshatrave-2>
- Prostitucion 2022 – Stop / Prostitucion afër pallatit: 30 mijë Lekë në makinë, 50 mijë në hotel - 1 Nëntor 2022 // RTV Klan. <https://www.youtube.com/watch?v=QeSRTaAVonc>
- Shqipëria 2015 – Shqipëria rikthehet në listën e vendeve për trafik prostitucioni // Al in Sweden. A topnotch WordPress.com site. 20.07.2015. <https://alinsweden.blog/2015/07/20/shqiperia-rikthehet-ne-listen-e-vendeve-per-trafik-prostitucioni>
- Shqiptarja.com 2023 – Shqiptarja.com. 18.02.2023. <https://shqiptarja.com/lajm/rritja-e-pagave-per-punonjesit-e-policise-rroga-me-e-ulet-57500-leke-per-graden-komisar-me-e-larta-125-mije-leke-per-drejtuesin-madhor>

Научная литература

- Десницкая А.В.* Албанская литература и албанский язык. Л.: Наука, 1987.
- Домосилецкая М.В., Новик А.А.* Быть несгибаемым, как дерево: афродизиаки у албанцев Западных Балкан // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 9–31. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030022>
- Иванова Ю.В.* Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006.
- Кон И.С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.
- Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания, XVIII–XIX вв. СПб.: Петрополис, 1997.
- Новик А.А.* Еврейки – “русские/советские” жены в Албании: 1940-е – 1990-е гг. // Еврейские диаспоры в Европе и мире: полевые и источниковедческие исследования. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Новик, Н.Г. Голант. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 151–175.
- Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003.
- Adler L.* La Vie Quotidienne Dans Les Maisons Closes: 1830–1930. Paris: Fayard, 2013.

- Anamali S., Prifti K.* Historia e popullit shqiptar. Vol. 1. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Historisë; Shtëpia botuese “Toena”, 2002.
- Baxhaku F., Kapo K.* Gra të përgjithshme. Histori prostitucioni shqiptar në periudhën e Zogut. Tiranë: Dituria, 2014.
- Clarke J.R.* Looking at Lovemaking: Constructions of Sexuality in Roman Art 100 B.C. – A.D. 250. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Dufour P.* Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde: depuis l’antiquité la plus reculée jusqu’à nos jours. Paris: Seré, 1851.
- Foucault M.* The History of Sexuality. Vol. 1. N.Y.: Vintage Books, 1980.
- Freud Z.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum). Berlin: Verlag von S. Karger, 1901.
- Gjeçovi S., Fox L.* (red.) Kanuni i Lekë Dukagjinit. N.Y.: Gjonlekaj Pub. Co., 1989.
- Gjergji A.* Mënyra e jetesës në shekujt XIII–XX. Përmbledje studimesh. Tiranë: KOTTI, 2002.
- Malinowski B.* The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea. N.Y.: Harvest Books, 1929.
- Nadin L.* Statutet e Shkodrës / Përktheu P. Xhufi, V. Lisi. Tiranë: Onufri, 2002.
- Ratsch C.* Plants of Love: Aphrodisiacs in Myth, History, and the Present. Berkeley: Ten Speed Press, 1997.
- Ringdal N.J.* Love for Sale: A World History of Prostitution. N.Y.: Grove Atlantic Inc., 2007.
- Sanger W.W.* The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World. N.Y.: Medical Publishing Co., 1913.
- Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006.
- van Gennep A. Rites of Passage. L.: Routledge; Taylor and Francis Group, 2004 [1909].

Research Article

Novik, A.A. Secretly and Openly: The Inscrutable Ways of the Forbidden Profession in Albania [Vtaine i v otkrytuiu: neispovedimye puti zapretnoi professii v Albanii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 43–69. <https://doi.org/10.31857/S086954152303003X> EDN: COVOIQ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alexander Novik | <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109> | njual@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

prostitution, Western Balkans, machismo, sexuality, reflections in society, customary law and legislation

Abstract

The article offers an anthropological analysis of the ups and downs of female prostitution in the western Balkans in the 20th and early 21st centuries. The difficult fate of the region, which managed to change several sociopolitical formations, cultural codes, and centers of civilizational attraction over the course of only three generations,

had a huge impact on the public perception of the phenomenon of selling oneself for sexual activities: from a positive assessment of commercial expediency and “good for men” to a sharp condemnation of “bourgeois exploitation” and hopelessness of the unfortunate “victims of feudal relations and predatory capitalism”, from total silence about the very fact of the existence of the phenomenon to secret admiration for the courage of priestesses of love and, as a result, numerous reflections in the media and the social establishment, caused by the need to change the country’s criminal code regarding prostitution under the pressure from the European Union in order to harmonize legislative acts. In Albania, with its numerous patriarchal vestiges still remaining in the outback and “highly advanced” relations between the sexes in the capital region, there are different approaches of representatives of different social strata to the assessment of “love for money”, which is the main focus of my research interest, reflecting the 30 years of my fieldwork in various regions of the Balkans.

References

- Adler, L. 2013. *La Vie Quotidienne Dans Les Maisons Closes: 1830–1930* [Daily Life in Brothels: 1830–1930]. Paris: Fayard.
- Anamali, S., and K. Prifti, eds. 2002. *Historia e popullit shqiptar* [The History of the Albanian People]. Vol. 1. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Historisë; Shtëpia botuese “Toena”.
- Baxhaku, F., and K. Kapo. 2014. *Gra të përgjithshme. Histori prostitucioni shqiptar në periudhën e Zogut* [Common Women: History of Albanian Prostitution in the Zogu Period]. Tiranë: Dituria.
- Clarke, J.R. 2001. *Looking at Lovemaking: Constructions of Sexuality in Roman Art 100 B.C. – A.D. 250*. Berkeley: University of California Press.
- Desnitskaia, A.V. 1987. *Albanskaia literatura i albanskii yazyk* [Albanian Literature and Albanian Language]. Leningrad: Nauka.
- Domosiletskaya, M.V., and A.A. Novik. 2022. Byt’ nesgibaemym, kak derevo: afrodisiaki u albantsev Zapadnykh Balkan [To Be Unbending Like a Tree: Aphrodisiacs among the Albanians of the Western Balkans]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 9–31. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030022>
- Dufour, P. 1851. *Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde: depuis l’antiquité la plus reculée jusqu’à nos jours* [History of Prostitution among All the Peoples of the World: From the Most Remote Antiquity to Our Days]. Paris: Seré.
- Foucault, M. 1980. *The History of Sexuality*. Vol. 1. New York: Vintage Books.
- Freud, Z. 1901. *Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum)* [On the Psychopathology of Everyday Life (On Forgetting, Promising, Mistaking, Superstition and Error)]. Berlin: Verlag von S. Karger.
- Gjeçovi, S., and L. Fox, eds. 1989. *Kanuni i Lekë Dukagjinit* [The Canon of Lekë Dukagjini]. New York: Gjonlekaj Pub. Co.
- Gjergji, A. 2002. *Mënyra e jetesës në shekujt XIII–XX. Përmbledje studimesh* [The Way of Life in the 18–20 Centuries: Summary of Studies]. Tiranë: KOTTI.
- Ivanova, Y.V. 2006. *Albantsy i ikh sosedi* [Albanians and Their Neighbors]. Moscow: Nauka.
- Kon, I.S. 1997. *Seksual’naia kul’tura v Rossii. Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia: Strawberry on a Birch]. Moscow: O.G.I.
- Malinowski, B. 1929. *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. New York: Harvest Books.

- Mylnikov, A.S. 1997. *Narody Tsentral'noi Evropy: formirovanie natsional'nogo samosoznaniia, XVIII–XIX vv.* [The Peoples of Central Europe: The Formation of National Identity, 18–20 Centuries]. St. Petersburg: Petropolis.
- Nadin, L. 2002. *Statutet e Shkodrës* [Statutes of Shkodra], translated by P. Xhufi and V. Lisi. Tiranë: Onufri.
- Novik, A.A. 2018. Evreiki – “russkie/sovetskie” zheny v Albanii: 1940-e – 1990-e gg. [Jewish Women – “Russian/Soviet” Wives in Albania: 1940s – 1990s]. In *Èvreiskie diaspory v Evrope i mire: polevye i istochnikovedcheskie issledovaniia* [Jewish Diasporas in Europe and the World: Field and Source Studies], edited by A.A. Novik and N.G. Golant, 1: 151–175. St. Petersburg: MAE RAN.
- Ratsch, C. 1997. *Plants of Love: Aphrodisiacs in Myth, History, and the Present*. Berkeley: Ten Speed Press.
- Ringdal, N.J. 2007. *Love for Sale: A World History of Prostitution*. New York: Grove Atlantic Inc.
- Sanger, W.W. 1913. *The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World*. New York: Medical Publishing Co.
- Smirnova, N.D. 2003. *Istoriia Albanii v XX veke* [History of Albania in the 20th Century]. Moscow: Nauka.
- Tirta, M. 2006. *Etnologjia e shqiptarëve* [Ethnology of the Albanians]. Tiranë: GEER.
- van Gennep A. (1909) 2004. *Rites of Passage*. London: Routledge; Taylor and Francis Group.

ЖЕНСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОЧЕВИДНОСТИ

А.Н. Кожановский

Александр Николаевич Кожановский | <http://orcid.org/0000-0003-1699-3660> | ankozhan49@yandex.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

современная Испания, женская проституция, социально-ценностная эволюция, общественно-культурный конфликт

Аннотация

На протяжении нескольких десятилетий постфранкистского развития испанское общество пережило эпохальные социально-культурные трансформации, радикально изменившие его идеологическую атмосферу и ценностные ориентации. Рассмотрение ситуации с женской проституцией в Испании позволяет лучше понять характер произошедших перемен и их направленность в целом, а также сравнить бытование данного специфического явления сегодня и в предшествующую эпоху. Автор отслеживает эволюцию отношения испанского общества и государства к проституции как таковой и к вовлеченным в нее категориям лиц (проституткам, их хозяевам и сутенерам, клиентам и др.) в условиях доминирования в общественном дискурсе так наз. либеральной парадигмы. В ряду черт своеобразия “испанского случая” отмечается национально-демографический состав “секс-работниц”, а также затянувшаяся острая борьба мнений вокруг трактовки проституции в обществе, не позволяющая принять соответствующий закон и тем самым покончить с ее нынешней “алегалностью” (“ни разрешения, ни запрета”).

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках НИР ИЭА РАН

В начале следует уточнить, что термин “современный” в заголовке статьи в данном случае подразумевает период испанской истории, обозначившийся в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда в стране, после кончины правившего три с половиной десятилетия диктатора Фр. Франко, был осуществлен радикальный социально-политический поворот от авторитаризма к либеральной демократии, в условиях которой Испания и пребывает до сих пор. За несколько десятилетий этого периода испанское общество претерпело глубокие всесторонние внутренние трансформации, которые настолько изменили его,

---

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кожановский А.Н. Женская проституция в современной Испании: неопределенность очевидности // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 70–84. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030041> EDN: COXBIV

Kozhanovsky, A.N. 2023. Zhenskaia prostitutsiia v sovremennoi Ispanii: neopredelennost' ochevidnosti [Female Prostitution in Contemporary Spain: Uncertainty of the Obvious]. *Этнографическое обозрение* 3: 70–84. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030041> EDN: COXBIV

что некоторые местные аналитики говорят ни больше ни меньше как о смене эпох испанской истории на протяжении жизни всего одного поколения. Ученые разных специальностей пытаются осмыслить содержание и понять направление уже произошедших и продолжающихся изменений – в этом видит свой основной исследовательский интерес и автор данной статьи. Очевидно, что чем больше аспектов такого сложного и многообразного социально-культурного феномена, как испанское общество в его непрерывной эволюции, попадет в сферу поиска, подвергнется внимательному изучению, тем больше будет материалов для сравнения и оценки, тем убедительнее окажутся общие выводы и надежнее предположения относительно положения дел в общественно-культурной сфере и ее дальнейшего развития. Как представляется, одним из поисковых “замеров” вполне может быть конкретное исследование такого явления социальной жизни испанского общества, как женская проституция. Насколько можно судить, эта тема в отечественной научной испановедческой литературе с подобной целью пока что не рассматривалась. При этом приходится считаться и с крайней ограниченностью доступных источников, содержащих информацию о проституции, и с тем, что официальные данные по наиболее значимым ее аспектам заведомо отсутствуют, а в работах самих испанских исследователей-гуманитариев эта тема обычно характеризуется как недостаточно изученная именно историками и культурными антропологами, поскольку представители этих специальностей “привычно уступали данное исследовательское поле историкам права и историкам медицины”, и такая тенденция сохранялась до сравнительно недавнего времени, когда феномен и социально-административный статус проституции стали одной из тем обсуждения в общественном дискурсе западных стран (*Escobedo Mugerza* 2019). В связи с этим, как с сожалением констатируется одним из испанских авторов, “даже высказанные суждения [по теме] невозможно сколько-нибудь убедительно подтвердить или опровергнуть”, – к примеру, с определенностью ответить на вопросы, отрывочно возникавшие и фиксировавшиеся прежде в процессе разрозненных этнографических исследований: действительно ли в большей части испанского сельского традиционного мира забеременевшую девушку изгоняли из родного селения и ей приходилось перебираться в город и заниматься проституцией, чтобы выжить? можно ли было каким-либо образом избежать такого хода событий? и мн. др. (*Moreno Mengibar, Vázquez García* 1997b).

В программе полевых изысканий автора, в ту пору, когда они были возможны, данная тема не значилась. В итоге материалом для поиска в нашем случае послужили нашедшие отражение в СМИ и научной литературе сообщения и оценочные высказывания самих испанцев – как рядовых граждан, так и представителей различных государственных органов, административных и социальных служб, партий и общественных организаций, а также исследования и выводы испанских и других зарубежных ученых. Задача, решаемая в процессе работы, состояла в том, чтобы на основе собранного таким образом материала рассмотреть картину бытования женской проституции в контексте Испании Новейшего времени, в условиях радикальной ломки вековых основ традиционного общества. Несомненный интерес представляют специфически испанские особенности существования, развития и восприятия населением этого безусловно примечательного явления – но в попытке выделить их мы можем, в силу обстоятельств, опираться главным образом на субъективные мнения и оценки комментаторов, так или иначе погруженных в рассматриваемую проблематику, нежели на какие-то объективные и сопоставимые данные.

Наконец, последняя из необходимых оговорок состоит в том, что речь здесь будет идти именно о женской проституции, притом что всегда имела место, а в последние десятилетия обозначилась особенно остро мужская гомосексуальная проституция, которая, однако, останется пока вне сферы нашего внимания.

Проституция в Испании в предшествующие века

Итак, если мы, реализуя изложенный выше замысел, обратимся к истории Испании нескольких последних столетий, то увидим, что проституция как явление бытовала там все это время. Тем не менее условия и формы ее существования, как и отношение к ней государственной администрации разных уровней, а также самого испанского общества в его различных слоях и сегментах, вовсе не были единообразными и, более того, время от времени претерпевали довольно резкие и радикальные изменения. Так, вплоть до 1620-х годов присутствие публичных домов (*mancebía*) в испанском социальном пространстве было вполне обычным, они функционировали как в “стационарной”, так и в “разъездной” форме, но непременно под контролем властей (королевских или муниципальных), которые назначали управляющего заведением, ответственного за порядок и уплату налогов. Владеть публичным домом и получать с него доход могли самые разные лица и учреждения – вплоть до религиозных орденов и корпораций. В последнем случае финансовые обязательства реализовались обычно опосредованно: здание на земле монастыря, храма, конгрегации, церковной больницы и пр. сдавалось арендатору, а тот уже размещал там бордель. Что же касается общей позиции церкви в отношении рассматриваемого явления, то в ту эпоху она характеризовалась скорее терпимостью: проституция воспринималась как “меньшее зло”, как способ вынести возможные сексуальные эксцессы за рамки семьи и таким образом сберечь семейные устои, семейную честь и сохранить стабильность в социуме. Согласно расхожим представлениям того времени (во многом не утерявшим свое значение и по сей день), неконтролируемый мужской инстинкт, будучи подавленным, с неизбежностью приведет к насильственным действиям как против женщин, так и против общественного порядка. При этом власти, озабоченные исходящей от борделей и проституток потенциальной опасностью для означенного порядка и моральных норм, время от времени предпринимали всякого рода выборочные ограничительные меры: закрывали некоторые *мансебии*; заставляли владельцев перемещать свои заведения подальше от центра или огораживать их стеной; иногда требовали, чтобы в публичном доме была лишь одна дверь, которая запиралась бы на ночь; обязывали проституток иметь какие-то приметные детали в одежде (напр., шафрановые вуали) или же, напротив, запрещали носить украшения и использовать косметику для того, чтобы отделить их внешне от “порядочных” женщин; не позволяли проституткам заниматься своим ремеслом вне пределов борделя и т.д. Сурово преследовались сутенерство и сводничество, категорически запрещались публичные дома, не подконтрольные властям (*Moreno Mengíbar, Vázquez García 1997a*).

Во второй половине XVI в. на волне католической “рехристианизации” испанского общества и в связи с распространением страхов перед венерическими заболеваниями, источником которых стали публичные дома, умножились ограничения и меры воздействия в отношении обитателей и посетителей борделей (так, “жрицам любви” не позволяли работать в воскресенье, принуждали к

выслушиванию религиозных наставлений, к участию в церковных службах и пр.). А в начале 1620-х годов были запрещены и сами *мансебии*; женщин, пытавшихся торговать своим телом, теперь стали задерживать и отправлять в особые женские исправительные дома или же высылать из большого города в родные селения (*Moreno Mengibar, Vázquez García 1997a*).

Период “подпольного” существования проституции в Испании продолжался до середины XIX в., когда власти страны в стремлении обуздать неистребимую уличную продажную любовь с порождаемыми ею конфликтами, скандалами и правонарушениями, а равно ограничить распространение заразных венерических болезней, приняли – с оглядкой на “передовых” европейских соседей, прежде всего Францию – специальный регламент (административные правила), в рамках которого проституция получала легальный статус, но на весьма жестких условиях. Вновь открывавшиеся – конечно же, под строгим контролем властей – дома терпимости, в отличие от французских с их вывесками и красными фонарями, не должны были иметь никаких внешних атрибутов; все, в них происходящее, должно было быть укрыто от посторонних глаз плотными шторами на окнах. Обитательницам заведений предписывалось регистрироваться в качестве проституток, что предполагало постоянный медицинский контроль и накладывало целый ряд существенных ограничений в отношении их образа жизни, поведения, режима перемещения по городу, внешнего вида и т.д. “Труженицы борделей” обязаны были платить налог, “чтобы покрыть те расходы, которые несет администрация, осуществляющая надзор за ними”. Неисполнение предписаний влекло за собой штраф и санкции – вплоть до тюрьмы и изгнания из города. Но даже если не фиксировалось никаких нарушений, достаточно было требования, поддержанного определенным числом соседей, чтобы выселить проститутку из того дома, где она жила, – что с очевидностью говорит о высокой степени маргинализации этой категории женщин.

Введение в 1840-е годы регламентации проституции в Испании означало победу сторонников упоминавшейся выше концепции “неизбежного зла”. Есть, правда, сообщения о том, что появившиеся было во многих испанских городах бордели вскоре закрылись под давлением общественного мнения – и, насколько можно судить, сугубо по моральным основаниям (*Guereña 1995*). Но к началу XX в. публичные дома стали уже привычным явлением в городском пространстве страны, и это как будто подтверждало мнение тех, кто считал, что официальная терпимость к проституции даже в условиях жесткого надзора однозначно способствует ее умножению и распространению.

Нужно сказать, что обе упомянутые модели государственной политики в отношении проституции – “регламентаризм” (нормативное регулирование) и “запретительство” – отражали взгляды сторонников доминировавшей в Испании вплоть до последней четверти XX в. традиционной идеологии, в парадигме которой все женщины делятся на две категории: хорошие, приличные, жены/матери и плохие, порочные, падшие, а продажа сексуальных услуг однозначно определяется как позорное, недостойное занятие. Но если “регламентаристы” прежней эпохи на этом основании считали правильным установить жесткий контроль над проституцией и ее стигматизированными “служительницами” и при этом сделать их максимально незаметными в общественном пространстве, то “запретители” требовали не только признания самого этого ремесла уголовным преступлением, но и применения суровых наказаний к тем, кто им занимается или наживается на нем (*Boza Moreno 2019*).

“Историческое противоборство” в Испании между этими двумя подходами к рассматриваемому явлению продолжилось и в XX в. в условиях резко менявшейся общественно-политической атмосферы. В 1935 г., при Второй республике, режим регламентации в отношении проституции был официально отменен, как и она сама. Однако вскоре после начала гражданской войны на несколько лет по обе стороны фронта в сфере продажной любви воцарилась сумятица, зачастую переходившая во вседозволенность (*Boza Moreno* 2019). Большая концентрация воюющих мужчин и потерявших работу женщин неизбежно способствовала повсеместному росту проституции; в то же время в республиканской зоне делались попытки покончить с ней: внедрялась революционная сексуальная мораль, вводились меры по “профессиональной переподготовке” проституток (приобщению их к иным видам деятельности) и т.д. (*Nicolás* 2007).

Эпоха авторитарной диктатуры

С победой франкистов (в условиях послевоенной бедности и лишений значительной части населения) на некоторое время вновь вернулся режим регламентации. В 1940 г. в стране насчитывали около 200 тыс. проституток и 1240 зарегистрированных публичных домов (кроме того, существовали многочисленные неофициальные заведения) – и все это на фоне подлинной одержимости идеологов господствующего национал-католицизма строгим соблюдением в общественном пространстве моральных постулатов, в числе которых особый упор делался на известную библейскую заповедь “не прелюбодействуй!”. Критически настроенные комментаторы даже позволяли себе называть Испанию той эпохи “огромным публичным домом”, поскольку парадоксальным образом официальный культ половой морали и жесткий контроль над отношениями полов здесь сочетались с широким распространением проституции, по сути, превратившейся в общественно приемлемое развлечение, привычно практикуемое как холостыми, так и женатыми мужчинами. Нанесение визита в публичный дом (исп. “ir de putas”) стало частью очень многих “мужских” мероприятий (туристических поездок, дружеских встреч, солдатских вечеринок и пр.). Церковь и моралисты не одобряли походы в бордель, но фактическое отношение было терпимым, разумеется, с условием строгого соблюдения внешних приличий и “невидимости” для общества. При этом неукоснительно преследовалась проституция “незаконная”, т.е. существовавшая вне официальной регистрации, постоянного полицейского и медицинского контроля.

В 1956 г. ситуация вновь резко изменилась. Франкистская Испания, только что принятая в ООН, подписала среди прочих и конвенцию, касающуюся проституции, где “труженица панели” трактовалась как жертва, а за вовлечение в это занятие и его эксплуатацию третьими (помимо самой проститутки и ее клиента) лицами, за организацию и содержание публичных домов, сводничество и сутенерство предусматривались наказания; привлечение же к ответственности самой женщины, занимавшейся этой деятельностью, полностью исключалось (*Nicolás* 2007). Такая модель политики в отношении проституции, уже третья по счету после упомянутых выше “регламентаристской” и “запретительской”, известна как “аболиционистская” (название было специально выбрано ее создателями в XIX в. с тем, чтобы оно ассоциировалось с борьбой за освобождение негров-рабов – в данном же случае подразумевалось преодоление подчиненного положения женщины в обществе). Со временем эта мо-

дель ощутимо эволюционировала и распространилась в нескольких вариантах. Один из них, наполовину “запретительский”, утвердился в Испании взамен отмененного регулирования – по оценкам наблюдателей, вопреки духу и букве подписанной франкистами международной конвенции, но зато в логичном соответствии с политическим режимом и идеологической атмосферой в стране. Были закрыты бордели и другие заведения, где практиковался платный секс, при этом в директивных юридических документах не было прописано никаких наказаний для занимающихся этим ремеслом женщин, только те, кто склоняет их к этому или наживается на них, привлекались к ответственности (до 6 лет заключения). Однако принятый вскоре закон относил проституток к категории “опасных для общества” граждан. Их ставили на учет, им грозила тюрьма за “нарушение общественного порядка”, “угрозу общественной безопасности” или “бродяжничество” или же высылка в другие районы страны, их подвергали принудительным медицинским обследованиям и карали за попытки уклонения и от таких осмотров, и от полицейского надзора; при этом зачастую данные меры носили характер произвола (*Valiente Fernández 2004*). Таким образом, несмотря на отсутствие формального запрета проституции, фактически она в этот период трактовалась как преступление, подлежащее наказанию, а в политике испанских властей, особенно на местах, реализовывалось все то же традиционное отношение к “жрицам любви”: как к воплощению порока, как к недостойным, аморальным и вредоносным существам. Все это привело к тому, что в условиях “франкистского аболиционизма” проституция не исчезла, а приняла скрытые формы: “девочки” работали теперь под видом официанток в кафе и ресторанах, модисток в небольших магазинчиках, горничных в отелях и пр.; возросло и количество тех, кто практиковал на частных квартирах и на улицах. Бордели замаскировались под питейные, танцевальные, развлекательные заведения и функционировали под прикрытием коррумпированной полиции (*Nicolás 2007*).

Лишение легального статуса, необходимость работать “подпольно” вытолкнули проституцию в преступную и еще более маргинальную среду, что, несомненно, осложнило и ухудшило положение “секс-работниц”; при этом возникали все новые разновидности “торговли сексом”, хотя и в замаскированной форме. Росту в 1960–1970-е годы количества вовлеченных в эту деятельность женщин способствовали некоторое смягчение идеологической атмосферы в стране и массовый иностранный туризм.

После франкизма: общественный дискурс и политика властей

О том, как менялись в испанском обществе представления и установки в отношении проституции в поставторитарную эпоху, отчасти можно судить по публикациям в СМИ разных политических направлений. Так, в начале либерально-демократического периода правая газета *ABC* называла это явление угрозой общественному здоровью, морали, состоянию и облику городской среды и общественной безопасности, а “секс-работниц” – маргинальными и преступными существами, тогда как левая *El País* требовала относиться к предоставляющим платные сексуальные услуги женщинам с уважением, видеть в них вполне достойных людей со своими чаяниями и собственным голосом, который необходимо слышать. Однако уже к концу 1990-х годов обе газеты

практически совпадают в трактовке проституток сугубо как жертв торговли людьми и сексуальной эксплуатации, лишенных собственной воли, инициативы, способности принимать решения. О случаях свободного выбора “профессии” почти не упоминается, а само ремесло подается в самом черном свете. Таким образом, несмотря на сохраняющееся политико-идеологическое различие двух изданий, оба они разделяют “аболиционистский” подход к проституции. Нельзя не упомянуть и о том, что в испанском обществе конца XX в., точнее в среде вовлеченных в феминистское движение, набравшее буквально на глазах силу и влияние, обозначилась еще одна позиция в отношении этого явления – “трудова́я”. Ее сторонники требовали признать возможность добровольного (а вовсе не по принуждению) предоставления платных секс-услуг, само занятие этим ремеслом отнести к законным (точно таким же, как любые другие) видам трудовой деятельности, а “секс-работниц” считать обычными, со всеми предусмотренными законом правами и обязанностями трудящимися, разве что требующими особого внимания и защиты со стороны государства в силу специфического характера их “профессии”.

Что же касается курса новой испанской администрации, то довольно долгое время она вовсе не принимала постановлений, затрагивающих сферу торговли сексом, а когда они наконец появились, то выглядели поначалу довольно непоследовательными. В какой-то момент были отменены не только прежние законы, позволявшие преследовать проституток, но и наказания за все виды деятельности, связанные с добровольной продажей секс-услуг (сутенерство и проч., правда, с неперемнной оговоркой в отношении несовершеннолетних и умственно неполноценных). Однако в дальнейшем, ближе к концу 1990-х годов, правоохранители стали все больше склоняться к установкам “аболиционизма”: различие между добровольной и принудительной деятельностью такого рода не является принципиально значимым; в целом проституция неприемлема.

Последующий ход событий как будто подтверждает мнение, что за 40 с лишним лет либерального развития, когда, по словам погруженного в проблему комментатора, привычные границы между общественными группами (мужчинами и женщинами, хорошими и плохими женщинами, гетеро- и гомосексуальными персонками и т.д.) менялись, становились все более зыбкими и проницаемыми, а то и вовсе стремились к исчезновению, когда понимание сексуальности переосмыслялось “в атмосфере страха и беспокойства”, в испанском обществе так и не выработалось согласия в отношении проституции и тех, кто ею занимается. И в этом комментаторы видят одно из отличий страны от других государств Европы, где такое согласие в основном достигнуто. В Испании же даже после ухода авторитаризма с его директивной ориентацией на традиционные ценности все, связанное с сексуальностью, продолжало во многом оставаться табуированным, полным моральных и этических предрассудков, что, в частности, по-прежнему препятствует здесь широкому и свободному обсуждению этой темы (*Boza Moreno 2017*). Есть и еще один немаловажный момент, связанный с тем, что значительная часть местного населения в некотором роде травмирована недавней историей страны: помня об активном вмешательстве франкистских властей в частную, интимную жизнь, люди воспринимают какие-либо ограничения со стороны государства в этой сфере (как, впрочем, и во многих других) как совершенно недопустимые.

Текущую ситуацию в Испании в интересующем нас аспекте можно представить и таким образом: прежнее многовековое противостояние “запретитель-

ской” и “регламентаристской” моделей административной политики в отношении проституции после ухода авторитаризма и окончательного утверждения либерально-демократического устройства сменилось противоборством “аболиционистской” и “трудовой” моделей. То есть противники и сторонники существования проституции как таковой по-прежнему спорят между собой, но аргументация и тех и других выдержана теперь в ином ключе, что отражает серьезное изменение духа времени и общественных идейных позиций, в том числе представлений о добре и зле, о содержании понятий “моральное” и “аморальное”, о виновниках и жертвах социальных бед и нестроений и т.д. Так, если проституция для прежних “запретителей” есть зло и преступление по определению и все причастные к ней, включая “жриц любви”, суть преступники и заслуживают сурового наказания, то для нынешних “аболиционистов” – это прежде всего эксплуатация и унижение женщины мужчиной (и именно потому она неприемлема), а проститутка, даже добровольная – всегда жертва гендерного насилия, следовательно, какое-либо ее наказание принципиально исключается; все остальные участники процесса (в том числе клиенты) квалифицируются как “эксплуататоры” и должны караться. Соответственно, “регламентаристы” прошлого и “трудовики” сегодняшнего дня расходятся в своем отношении к личности проститутки: вторые, в отличие от первых, ставят во главу угла строгое соблюдение ее достоинства, трудовых и всех прочих прав при полном исключении контроля над ней (даже медицинского) и предотвращения ее стигматизации (опорочивания и унижения) в любой форме (*Boza Moreno* 2017). Таким образом, в эволюции общественных представлений в Испании последних десятилетий отчетливо прослеживается твердая и неуклонная феминистская тенденция, при этом в рамках самого феминизма “аболиционистская” партия, насколько можно судить, по влиянию на население и количеству приверженцев значительно превосходит своих оппонентов, стоящих за “трудовую” модель.

Столь очевидная разнородность общественного дискурса является, возможно, главной причиной того, что на уровне высших государственных инстанций сохраняется ситуация правовой неопределенности, так наз. алегальности, в отношении к данному явлению (*Grupo Atico34 s.a.*): проституция не регулируется действующими законами, не запрещена и не разрешена. Соответственно, “секс-работницы” не могут быть наказаны, поскольку их деятельность не обозначена как правонарушение или преступление в законодательстве. Преследуются и караются, однако, согласно нормам уголовного кодекса, действия “третьих лиц”, т.е. сутенеров и держателей притонов, наживающихся на проституции. Попытки официально установить статус древнейшей профессии в ходе парламентских голосований регулярно терпят неудачу: политики не могут договориться о формулировках, которые не только устраивали бы большинство депутатов, но и прежде всего четко разграничивали проституцию (не подлежащую наказанию) и торговлю людьми с целью их сексуальной эксплуатации (за которую полагается суровая кара) (*Boza Moreno* 2019).

Одним из следствий такого “расплывчатого аболиционизма”, при котором проституция не узаконена, но и не криминализована, является то, что “трудоженщины панели” по-прежнему остаются без социального обеспечения и правовой защиты, и это возмущает многих жителей страны (*Ibid.*). Вместе с тем нельзя не отметить, что современное испанское общество в своем большинстве по-прежнему не воспринимает профессиональную проституцию как разновидность трудовой деятельности (*Solana Ruiz* 2021).

Регулирование “снизу”

То обстоятельство, что данный вопрос на протяжении десятилетий находится в “подвешенном” состоянии, могло бы трактоваться как свидетельство его неважности, второстепенности, в сравнении с другими проблемами внутренней жизни страны, в глазах определяющего большинства населения Испании. Однако против этого говорит тот безусловно значимый факт, что с 2000-х годов началась спонтанная компенсация “правового вакуума”, существующего на уровне государства в отношении проституции, путем введения норм на более низких административных уровнях: автономном и муниципальном. Процесс “местного законодательства” в данной сфере в короткий срок охватил всю страну (от Андалусии и Каталонии до Страны басков и Галисии), и его содержание определенным образом характеризует сегодняшние умонастроения граждан.

Исходно декларируемый посыл, общий для всех муниципальных постановлений, касающихся проституции, состоит в том, что торговля сексуальными услугами есть нанесение ущерба общественному пространству и общественному порядку. Но далее в борьбе с этим занятием в разных местах избирается один из двух подходов – “запретительский” или “аболиционистский”, основная разница между которыми состоит в наличии или отсутствии административного наказания для женщины-проститутки. Так, согласно барселонским нормам, к ответственности должны быть привлечены оба участника сексуальной сделки, при этом к женщине заведомо относятся менее строго, в большинстве случаев речь идет о штрафах (в 2019 г. их размер составлял от €100 до €3000). Помимо этого, свод правил предусматривает помощь в “реинтеграции” в общество со стороны властей Барселоны задержанным проституткам, если они захотят оставить свое занятие, а также содержит рекомендации СМИ, призывающие уважать в своих репортажах и комментариях достоинство “секс-работниц” и не допускать ни малейшей дискриминации по признаку пола.

В “запретительских” нормативах горсовета Мурсии необходимость борьбы с проституцией объясняется еще и тем, что она, будучи сексуальной эксплуатацией, “распространяет образ женщины как просто сексуального объекта” и таким образом вредит социальному сосуществованию. В мурсийском случае штрафуют не только “секс-работницу” и клиента, но и “рекламщиков” всех категорий, а также, конечно, сводников и сутенеров. Свои местные, по сути второстепенные, особенности запрета оказания платных секс-услуг в пределах общественного пространства обнаруживаются в соответствующих правилах Гранады, как, впрочем, и всех прочих испанских городов, принявших данную модель.

Муниципальные постановления другой, “аболиционистской”, направленности трактуют проститутку сугубо как жертву гендерного насилия и предусматривают наказание только тех, кто квалифицируется ее эксплуататорами: сутенеров и клиентов. В Севилье принятию соответствующего свода правил в 2011 г. предшествовала информационно-пропагандистская кампания под лозунгом “Тыходишь как клиент, выходишь как соучастник!” (имелась в виду покупка секс-услуги); по всему городу висели плакаты, на которых потенциальный покупатель был изображен в виде заключенного с табличкой “Думай своей головой!” (*Boza Moreno* 2019). В Мадриде, принявшем аналогичный по смыслу указ в 2014 г., надпись на уличных плакатах гласила: “Твои деньги творят много зла. Из-за того, что ты платишь, и существует проституция” (*Sahuquillo* 2009).

Своего рода ответом на эту волну регулирования “снизу” стал общеиспанский закон 2015 г. “О безопасности граждан”, который, по определению экспертов, поднял на государственный уровень практиковавшееся ранее только “на местах” административное преследование проституток и их клиентов (*Boza Moreno* 2019).

Особенности бытования проституции в постфранкистской Испании

Отмеченный выше разноречивый, наблюдаемый в постфранкистский период как в общественной трактовке проституции, так и в политике администрации разных уровней по отношению к ней, переключается с отсутствием согласия в среде комментаторов по части реальных масштабов этого явления и его добровольного или же подневольного характера. На фоне отсутствия достоверной статистики по теме оппоненты обвиняют друг друга в оперировании неподтвержденными данными и принесении истины в жертву исповедуемой идеологической доктрине (*Boza Moreno* 2017). Некоторые факты и обстоятельства, впрочем, не вызывают споров, как, например, происходящая в новых условиях постепенная эволюция национально-демографического состава корпуса “секс-работниц”: в 1970-е годы это были по преимуществу испанки; в 1990-е годы на фоне роста материального благополучия в стране большинство уже составляли иммигрантки; в 2008 г. с приходом кризиса вновь увеличилось число испанок, которые обратились к проституции как источнику дохода (*Solana Ruiz* 2021). Однако, согласно данным исследования 2009 г., и в тяжелые годы кризиса до 90% “тружениц секса” были иммигрантками: большую часть их поначалу составляли латиноамериканки, позднее к ним добавились многочисленные приезжие из Восточной Европы (прежде всего из Румынии и Болгарии), затем – из азиатских стран и т.д. (*Sex work* 2009). Такой “перекос” в сторону иностранок, к тому же не имеющих, как правило, легальных оснований для пребывания в стране, во многом сохраняется и в настоящее время, насколько можно судить по публикациям в СМИ.

Положение подавляющего большинства “секс-работниц” в социально-юридических условиях, которые трудно назвать благоприятными для занятия их ремеслом, рисуется многими комментаторами и экспертами (представителями общественных организаций, защищающих права и интересы проституток, сотрудниками служб, работающих с ними, социальными антропологами, а также самими проститутками) как бедственное или близкое к таковому. Прежде всего это связано с тем, что уже существующие и вновь вводимые нормы только ухудшают условия жизни и деятельности этих женщин и не освобождают их, как это всякий раз декларируется, а фактически способствуют тому, что толкающая многих на этот путь бедность криминализируется и становится уголовно наказуемой. Изгоняя проституцию из публичного пространства, власти добиваются лишь того, что она перемещается в места, скрытые от глаз, а “секс-работницы”, остающиеся на улице, не могут теперь спокойно договариваться с клиентом и вынуждены соглашаться на куда худшие, чем прежде, условия (рискованные и с меньшей оплатой), чтобы компенсировать потерю доходов; существенно бьет по их заработку и необходимость оплачивать штрафы, налагаемые администрацией (*Boza Moreno* 2019). А согласно доминирующей в обществе и в государственной политике установке, проститутки исходно и по существу являются жертвами корыстных людей и непреодолимых тяжелых обстоя-

тельств, терпят постоянный материальный и моральный ущерб и даже порой рискуют собственной жизнью.

При этом, однако, попадающие в СМИ фактические данные и экспертные оценки рисуют картину весьма широкого распространения и активного функционирования проституции на территории Испании. Ежедневно в местных газетах печатаются сотни объявлений об интимных услугах за деньги. В одном лишь 2008 г., к примеру, в стране был оплачен 1 млн такого рода услуг (Ibid.), а в 2018 г. общий годовой оборот средств в данной сфере достигал 22,8 млрд евро (мировой оборот составлял 160 млрд евро) и равнялся примерно половине государственных расходов на образование. Утверждается, что в стране на одну бюджетную больницу приходится как минимум три борделя и что Испания занимает одно из первых мест в мире по количеству клиентов, пользующихся услугами проституток (Alvarez 2009). Благодаря наличию целой сети “клуббаров” особого профиля (в городах и деревнях, вдоль автомобильных дорог и т.д.), с конца 2000-х годов Испания стала особенно цениться иностранными любителями интимных забав, пусть и не афишируемых, но легко доступных (Секс-туризм 2013). Наконец, со строго карающими “сексуальные сделки” в общественном пространстве местными нормативами кое-где, например в Каталонии, причудливым образом уживаются официально разрешенные (при условии получения владельцами муниципальной лицензии) дома свиданий, за стенами которых и осуществляются те самые “сделки”, категорически запрещенные на улице. А в Малаге в ответ на настойчивые требования “секс-работниц” было выделено специальное пространство для занятия предосудительным, но не запрещенным конституцией ремеслом (Carranco, Sahuquillo 2012). Кстати, власти провинции Жирона по причине отсутствия в Основном законе такого запрета и вовсе отменили штрафы для задерживаемых проституток и их клиентов всего через год после введения (Boza Moreno 2019). И наконец, что очень важно, в испанской печати не так уж мало откровенно противоречащих мейнстримным установкам сообщений о том, что многие проститутки отнюдь не тяготятся своим положением, напротив, они признаются, что только благодаря ему сумели достичь чаемого уровня жизни, порой безуспешно перепробовав целый ряд других занятий. Аналогичным образом выясняется, что немалая часть иностранок, нелегально находящихся в Испании и промышляющих здесь древнейшей профессией, прекрасно отдает себе отчет в том, что делает, сознательно использует помощь преступного мира и не намерена отказываться от своего ремесла, которое позволяет не только вполне сносно, с точки зрения самих женщин, существовать, но и содержать здесь свои семьи и даже отсылать какие-то суммы на родину (Boza Moreno 2017).

При отсутствии официальных данных огромный разброс наблюдается в оценке количества “секс-работниц” в стране: от 14–100 тыс. в одном источнике (Alvarez 2009) до 400–500 тыс. в другом (Boza Moreno 2019). Так же обстоит дело и с их клиентурой: утверждение одной из ассоциаций “аболиционистского” толка о том, что едва ли не каждый второй испанский мужчина является покупателем интимных услуг (40%), решительно отвергается оппонентами как заведомо ложное и не имеющее под собой фактических оснований. Целый ряд других утверждений, получивших неоправданно широкое распространение, также опровергается противниками “аболиционистской” модели: например, что “сексуальное рабство”, т.е. принудительная проституция, многократно преобладает над добровольным занятием этим ремеслом (Solana Ruiz 2021).

В свете всего сказанного выше не приходится удивляться тому, что ситуация

с проституцией в Испании последних десятилетий на фоне “разноголосицы” мнений (к тому же, как правило, весьма идеологизированных и даже политизированных), трактовок и административных мер, в условиях “зависшей” юридической неопределенности подвергается критике буквально со всех сторон. В то время как одни призывают к легализации проституции и признанию ремесла законным видом трудовой деятельности, а “секс-работниц” – полноправными трудящимися, другие категорически отвергают саму идею официального разрешения торговли интимными услугами. Общим местом стали обвинения властей в лицемерии, в следовании “двойной морали”, поскольку у них не хватает духу решить проблему радикально (в ту или иную сторону) и они озабочены только тем, чтобы убрать ее из поля зрения общественности, отчего она не исчезает, а лишь видоизменяется (Carranco, Sahuquillo 2012). Ставшее практически доминирующим в практике правоохранительных органов “мягкое запретительство”, выражающееся в гонениях на уличную проституцию, способствует только тому, что “секс-работницы” укрываются в подпольных борделях и на частных квартирах, ищут поддержки и защиты у мафии, сутенеров, а также у содержателей домов свиданий, где они действительно нередко становятся жертвами насилия. Порой отмечается, что традиционное отношение к “падшим женщинам” то и дело пробивается сквозь слои политкорректности и феминистской идеологии: например, клиенты, вопреки всем “прогрессистским” установкам, в конечном счете подвергаются меньшим наказаниям, чем проститутки (утверждается, что последних штрафуют в пять раз чаще) (Boza Moreno 2019). При этом сфера интимных услуг (в отношении возможности наблюдать, обсуждать и контролировать то, что там происходит) остается гораздо более закрытой, чем другие сферы социальной жизни страны, и гораздо более “обремененной” предвзятыми представлениями о ней, сопряженными с глубоко укоренившимися предрассудками в широких слоях местного населения.

Так и не устранено юридическое противоречие, состоящее в том, что муниципальные штрафы и другие наказания за проституцию нарушают Основной закон страны, в соответствии с которым занятие этим ремеслом (и какое-либо участие в процессе) не квалифицируется как преступная деятельность. Еще опаснее, с точки зрения некоторых комментаторов, то обстоятельство, что вынужденное принятие местными и региональными администрациями представляющихся необходимыми правил по причине необъяснимого для многих отсутствия общегосударственного закона подрывает авторитет центральной власти – в обстановке, когда проблема административно-территориального единства страны продолжает оставаться актуальной. Тем не менее не ясно, что могло бы изменить столь затянувшуюся и, казалось бы, мало кого устраивающую ситуацию “конфликтной неопределенности”, в которой находится сегодня проституция в Испании и которая стала результатом отнюдь не гармоничного сосуществования и взаимодействия разных по своему происхождению и своей природе тенденций, факторов и влияний.

Источники и материалы

- Секс-туризм 2013 – Секс-туризм в Испании: особенности, где, как и почему? // Livejournal. 25.09.2013. <https://silviapons.livejournal.com/11757.html>
- Álvarez 2009 – Álvarez P. España enfila hacia la prohibición de la prostitución // El País. 21.02.2009. https://elpais.com/sociedad/2018/09/07/actualidad/1536339196_130672.html

- Carranco, Sahuquillo* 2012 – *Carranco R., Sahuquillo M.R.* La prostitución, mejor debajo de la alfombra // *El País*. 31.05.2012. https://elpais.com/sociedad/2012/05/31/vidayartes/1338491745_774783.html
- Grupo Atico34 s.a. – Grupo Atico34 s.a. <https://protecciondatos-lopd.com/empresas/alegal> (дата обращения: 12.02.2023).
- Sahuquillo* 2009 – *Sahuquillo M.R.* Prostitutas con licencia; clientes clandestinos // *El País* 21.02.2009. https://elpais.com/diario/2009/02/21/sociedad/1235170801_850215.html
- Sex work 2009 – Sex Work in Europe: A Mapping of the Prostitution Scene in 25 European Countries // Wayback Machine TAMPEP. 2009. <https://web.archive.org/web/20150714160224/http://tampep.eu/documents/TAMPEP%202009%20European%20Mapping%20Report.pdf>

Научная литература

- Boza Moreno E.* Sobre la prostitución. Un análisis desde la Política Criminal y la necesidad de su legalización. Tesis doctoral. Universidad Pablo de Olavide de Sevilla, 2017.
- Boza Moreno E.* La prostitución en España: el limbo de la ilegalidad // *Estudios penales y criminológicos*. 2019. Vol. 39. P. 217–301. <http://dx.doi.org/10.15304/epc.39.5330>
- Escobedo Mugerza I.* Los historiadores y la prostitución. Un balance historiográfico relativo a la etapa contemporánea // *Revista Historia Autónoma*. 2019. Núm. 15. P. 155–170. <https://doi.org/10.15366/rha2019.15.008>
- Guereña J.-L.* Los orígenes de la reglamentación de la prostitución en la España contemporánea. De la propuesta de Cabarrús (1792) al Reglamento de Madrid (1847) // *Dynamis. Hispanica ad Medicinæ Scientiarumque Historiam Illustrandam*. 1995. Vol. 15. P. 401–441.
- Moreno Mengíbar A., Vázquez García F.* Poderes y prostitución en España (siglos XIV–XVII). El caso de Sevilla // *Criticón*. 1997a. Núm. 69. P. 33–49.
- Moreno Mengíbar A., Vázquez García F.* Prostitución y racionalidad política en la España contemporánea: un continente por descubrir // *Historia contemporánea*. 1997b. Núm. 16. P. 67–88.
- Nicolás G.* La reglamentación de la prostitución en el Estado español. Genealogía jurídico-feminista de los discursos sobre prostitución y sexualidad. Tesis doctoral. Departamento de Derecho Penal y Ciencias Penales, Universidad de Barcelona, 2007.
- Solana Ruiz J.L.* Es reseña de: Puñal Rama A.B. La prostitución en el espejo de los medios. Un análisis de *Abc* y *El País* entre 1977 y 2012. Málaga, 2019 // *Gazeta de Antropología*. 2021. Núm. 37 (1). <http://www.gazeta-antropologia.es/?p=5468>
- Valiente Fernández C.* La política de la prostitución: el papel del movimiento de mujeres y los organismos de igualdad en España // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)*. 2004. Núm. 105. P. 103–132.

Research Article

Kozhanovsky, A.N. Female Prostitution in Contemporary Spain: Uncertainty of the Obvious [Zhenskaiia prostitutsiia v sovremennoi Ispanii: neopredelennost' ochevidnosti]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 70–84. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030041> EDN: COXBIB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Aleksander Kozhanovsky | <http://orcid.org/0000-0003-1699-3660> | ankozhan49@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

modern Spain, female prostitution, evolution of social values, sociocultural conflict

Abstract

During several decades of the post-Francoist development, Spanish society has experienced epochal sociocultural transformations that radically changed its ideological atmosphere and value orientations. Considering the situation with female prostitution in Spain allows us to understand the nature of those changes and their orientation better. It also helps us to compare the current existence of this specific phenomenon with the previous era. I track the evolution of the attitudes of Spanish society and the state toward both prostitution as such and the categories of persons involved in it (prostitutes, their owners and pimps, clients, etc.), all under the conditions of the dominance of so-called “liberal paradigm” in public discourse. Among the peculiar features of the “Spanish case”, the national demographic composition of “sex workers” is noted, as well as the protracted struggle of opinions around the interpretation of prostitution in society, a struggle whose acuteness stands in the way of adopting a law on it and thereby ending its current “illegality” (“neither permission nor prohibition”).

References

- Boza Moreno, E. 2017. Sobre la prostitución. Un análisis desde la Política Criminal y la necesidad de su legalización [About Prostitution. An Analysis from the Criminal Policy and the Need for Legalization]. PhD diss. abstract, Universidad Pablo de Olavide de Sevilla.
- Boza Moreno, E. 2019. La prostitución en España: el limbo de la alegalidad [Prostitution in Spain: The Limbo of Alegality]. *Estudios penales y criminológicos* 39: 217–301. <http://dx.doi.org/10.15304/epc.39.533>
- Escobedo Muguerra, I. 2019. Los historiadores y la prostitución. Un balance historiográfico relativo a la etapa contemporánea [Historians and Prostitution: A Historiographical Balance Concerning the Contemporary Stage]. *Revista Historia Autónoma* 15: 155–170. <https://doi.org/10.15366/rha2019.15.008>
- Guereña, J.-L. 1995. Los orígenes de la reglamentación de la prostitución en la España contemporánea. De la propuesta de Cabarrús (1792) al Reglamento de Madrid (1847) [The Origins of the Regulation of Prostitution in Contemporary Spain: From the Cabarrús Proposal (1792) to the Madrid Regulation (1847)]. *Dynamis. Hispanica ad Medicinae Scientiarumque Historiam Illustrandam* 15: 401–441.
- Moreno Mengíbar, A., and F. Vázquez García. 1997. Poderes y prostitución en España (siglos XIV–XVII). El caso de Sevilla [Powers and Prostitution in Spain (XIV–XVII Centuries): The Case of Seville]. *Criticón* 69: 33–49.
- Moreno Mengíbar, A., and F. Vázquez García. 1997. Prostitución y racionalidad política en la España contemporánea: un continente por descubrir [Prostitution and Political Rationality in Contemporary Spain: A Continent to be Discovered]. *Historia contemporánea* 16: 67–88.
- Nicolás, G. 2007. La reglamentación de la prostitución en el Estado español. Genealogía jurídico-feminista de los discursos sobre prostitución y sexualidad

[Regulation of Prostitution in the Spanish State: Legal-Feminist Genealogy of Discourses on Prostitution and Sexuality]. PhD diss. abstract, Departamento de Derecho Penal y Ciencias Penales, Universidad de Barcelona.

- Solana Ruiz, J.L. 2021. Review of *La prostitución en el espejo de los medios. Un análisis de Abc y El País entre 1977 y 2012* [Prostitution in the Media Mirror: A Study of the ABC and El País Newspapers in the Period from 1977 to 2012], by A.B. Puñal Rama. *Gazeta de Antropología* 37 (1). <http://www.gazeta-antropologia.es/?p=5468>
- Valiente Fernández, C. 2004. La política de la prostitución: el papel del movimiento de mujeres y los organismos de igualdad en España [The Politics of Prostitution: The Role of the Women's Movement and Equality Bodies in Spain]. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)* 105: 103–132.

“ЛЮБОВЬ ЗА ДЕНЬГИ” В САРДИНИИ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ПРОСТИТУЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Мажиа

(пер. с ит. О.Д. Фаис-Леутской)

Армандо Мажиа | <http://orcid.org/0000-0002-2920-6921> | maxiaarmando@tiscali.it | PhD, директор | Этнографический музей сардинской горской культуры (Парко Коммунале Пастиссу, Аритцо [Нуоро], 08031, Италия)

Ключевые слова

Сардиния, проституция, патриархальное общество, табуированность темы секса, формы функционирования

Аннотация

В статье впервые в научном дискурсе делается попытка антропологического изучения феномена проституции в Сардинии – консервативном, слабо урбанизированном, руральном, сохраняющем и сегодня высокую степень традиционности регионе Европы. Ввиду отсутствия исследований по данному вопросу автор основывается исключительно на полевых материалах, собранных в Сардинии, в первую очередь в ее горных районах, где основным занятием населения и в наши дни остается пастушество. Для этой области Италии характерны интровертные, патриархальные деревенские микроскопы, которым присущи необычайно жесткий социальный контроль и строгая система моральных табу. Основная сложность, с которой столкнулся автор в проведении полевой работы, – закрытость информантов при обсуждении темы секса во всех его проявлениях. Исследование выявило органичность существования института проституции в Сардинии как одного из гарантов функционирования традиционного общества и сохранения социального равновесия.

Проблема исследования проституции, в первую очередь той ее модели, которую М. Гибсон определила как “национальную” или “традиционную” (Gibson 1989b: 47), до сих пор не решена в парадигме антропологии, и этот факт признается современным научным сообществом (Maksimowski 2012: 23). Речь идет о модели оказания женщинами сексуальных услуг за плату, сформировавшейся в конце XIX в. в развитых западных обществах и сохранившейся до наших дней. Уже при первых попытках ответить на вопрос, что представляет собой платный секс в конкретных регионах Европы в определенную историческую эпоху (напр., в прошедшем столетии), исследователь-антрополог неиз-

---

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Мажиа А. “Любовь за деньги” в Сардинии: к вопросу об этноантропологическом исследовании феномена проституции в традиционном обществе // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053> EDN: COXWDC

Maxia, A. 2023. “Liubov’ za den’gi” v Sardinii: k voprosu ob etnoantropologicheskom issledovanii fenomena prostitutsii v traditsionnom obschestve [The “Love for Money” in Sardinia: On the Question of an Ethnoanthropological Study of the Phenomenon of Prostitution in Traditional Society]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053> EDN: COXWDC

бежно сталкивается с рядом препон на своем пути и с затрудняющими научный поиск очевидными сложностями.

Прежде всего приходится констатировать скудость этнографических и антропологических источников, непосредственно касающихся проблемы проституции, которые позволили бы очертить параметры и границы феномена платного секса, в силу чего исследователь вынужден в своих реконструкциях использовать немногочисленные, разрозненные, порой случайные сведения, содержащиеся в самых разных документах: в исторических работах, в церковной литературе, в трудах моралистов или общественных деятелей, в юридических текстах и т.п.

Не меньшую сложность для ученого, стремящегося осветить специфику проституции конкретного региона Европы, представляет почти полное отсутствие регионоведческих исследований. Что касается Италии, можно вспомнить лишь обобщающие работы, акцентирующие внимание на реалиях в основном первой половины XX в., либо аналитические обзоры (выходящие за желаемые предметные и хронологические рамки), касающиеся темы современного платного секса: его гендерно-разнообразного и мультиэтничного (вследствие миграций) характера, а также его вариативности (от плотских контактов до виртуального общения).

Необходимо принять во внимание и тот факт, что в целом в Европе, а тем более в Италии, еще очень недавно существовала негласная, изначально экклезиастическая цензура в отношении телесных, сексуальных *ergo* запретных тем и сюжетов, что повлияло на ограниченность числа и качественность антропологических исследований проституции. Общество фактически оправдывало женскую проституцию, церковь же публично и громогласно ее активно осуждала. Ученым до сих пор приходится сталкиваться с морализмом даже в академической сфере, касающемся в первую очередь проблем секса, которые в оценке социума традиционно относятся к числу “стыдных”, “неприличных” и т.п. Истоки такого видения – в специфике политики и этики европейского средневекового католицизма, воздействовавшего на общественное сознание “дисциплинарной властью”: комплекс постепенно формировавшихся экклезиастических дискурсивных и исповедальных практик способствовал созданию целой системы надзора за индивидом и контроля над ним, как неоднократно отмечал М. Фуко (*Foucault* 1966). Вероятно поэтому и исследования истории проституции, на которые “осмелился” западный научный мир, – достаточно недавнее явление.

Приходится признать правоту итальянских ученых, в частности социолога М. Барбальи, который, проследив историю европейской сексуальности от Средних веков до наших дней, констатирует, что «под влиянием христианской морали пресловутые “развитые страны западного мира” до сих пор рассматривают ее [проституцию] сквозь призму некоей аморальности и интерпретируют как постыдный, грязный и порочный весь широкий спектр “любовных дел”» (*Barbagli* 2020: 11). А это, отмечает историк А. Паттуцци, не может не “сказываться на качестве (низком) и количестве (ограниченном) глубоких и объективных исследований секса и связанных с ним форм поведения” (*Pattuzzi* 2020: 14).

Наконец, особенно трудным для антрополога оказывается изучение феномена проституции в ряде регионов преимущественно Средиземноморской Европы, таких как Сардиния, Корсика, Балканы, некоторые районы Греции, Испании и Португалии, которые при всех различиях остаются пасторальными, слабо урбанизированными, патриархальными и культурно-консервативными.

К тому же исторически они существуют в режиме *maschilismo*¹, или фаллоцентризма, если оперировать концептами Ж. Дерриды (Derrida 2014 [1992]: 291), т.е. господствующего положения мужчин, что априори предполагает осуждение любых форм свободы сексуального поведения женщин (Promitzer et al. 2009), к которым относят и проституцию.

В большинстве этих регионов религиозная (католическая) цензура взаимодействует с жестким социальным контролем локального коллектива над личностью (в особенности над женщинами), регламентируя, а порой и табуируя рефлексии на тему секса и любых плотских проявлений и не допуская свободы любовного поведения. При этом необходимо констатировать “почти полную неизученность сексуальной стороны жизни, в первую очередь в народной среде”, что обусловлено не только “сильной исторической закрытостью этих замерших во времени миров перед лицом внешнего мира”, но и определенной “ограниченностью кругозора и пуританством локальных исследователей народных традиций” (Giardelli 2011: 28). Так, в научном сообществе Сардинии, как отмечают многие сардинские ученые (Cossu 2014: 9) и как подчеркивает психиатр Н. Рудас, детально изучавшая психологию уроженцев острова, исследователи до сих пор находятся под спудом жесткой самоцензуры в выборе и освещении многих сюжетов, тем более связанных с сексом. Подобная скованность в интерпретации запретных тем – продукт давления католической культуры и отмеченного в Сардинии массового личностного *pudoratismo* (от исп. *pudoratismo* – “стыдливость, скромность”) как следствия деформации индивида в островной среде под прессом жесткого социального контроля (Rudas 1999: 259).

В настоящей статье мы хотим на примере Сардинии проанализировать феномен и институт платного секса в контексте традиционного, в первую очередь сельского, общества и вековых устоев, т.е. в той системе координат, которую сардинские ученые, заимствуя конкретный исторический термин, обозначающий политический и социально-экономический режим, существовавший во Франции с рубежа XVI–XVII вв. до Великой Французской революции, часто именуют “Старым порядком” (*Ancien Regime*) (Casula 2017: 21). Выбор в качестве объекта исследования деревенской проституции в агро-пасторальной, сохраняющей традиционность Сардинии обусловлен в том числе нашим стремлением опротестовать расхожие, ошибочные представления о том, что в различных регионах Италии и – шире – Европы секс за деньги представляет собой сугубо городское явление (Gibson 1986: 17). Основной акцент в работе делается на женской проституции в сельском коллективе: на ее специфике, терминологии, “потребителях”, функциях, на ее этическом видении, интерпретациях и оценках деревенским населением в прошлом и настоящем. Обращение к теме проституции, при всей ее специфичности, позволяет нам уделить внимание и более масштабной и неисследованной проблематике: отношению полов, психологии и поведенческим стереотипам населения Сардинии, что дает ключ к пониманию и дешифровке многих граней бытия этого европейского региона (Barthes 1967: 310). Подчеркнем, что наше исследование не имеет аналогов и является первым опытом аккумуляции и анализа в научном дискурсе подобного эмпирического материала.

Мы ограничиваем исследование XX в., поскольку интересующая нас слабо меняющаяся модель традиционного социума, возникшая в древности, сохранялась в горных районах Барбаджи, которым в ходе полевой работы уделялось приоритетное внимание, вплоть до начала XXI в. (многие ее элементы вполне витальны и сегодня). Кроме того, столетний период, как показали интервью, –

эта та “хронологическая территория”, которую покрывает устная традиция и историческая память нескольких поколений: респонденты передают не только свой непосредственный опыт, но и полученную ими напрямую от отцов и дедов информацию.

В этой связи уместно остановиться на состоянии изученности заявленной темы. Существует единственный труд, принадлежащий перу писательницы А. Галлистру, в котором рассматриваются городские публичные дома Сардинии в конце XIX в. (*Gallistru 1997*). Если учесть, однако, что города в регионе исторически немногочисленны и невелики, понятно, что А. Галлистру затрагивает лишь “верхушку айсберга” и фактически оставляет за скобками весь феномен локальной проституции. Поскольку отсутствуют какие-либо специальные публикации по изучаемой теме, наше исследование основывается прежде всего на полевом материале (результатах многолетних опросов), кроме того, используются данные, почерпнутые из немногих, косвенно затрагивающих проблему проституции работ.

С учетом социокультурных особенностей, специфики морально-этических норм региона, а также освещаемой тематики и отмечаемой исследователями “нелюбви населения к официальным документам вследствие многовекового духа неповиновения любой централизованной власти” (*Pintore 1974: 137*), интервьюирование респондентов проводилось исключительно в устной форме и анонимно, вопросники и анкеты не применялись. Были опрошены мужчины и женщины различного социального статуса, возраста и культурно-образовательного уровня, проживающие в различных районах острова. Отметим, что положительную роль в установлении контакта и организации диалога сыграло то, что интервьюер сам живет в Сардинии и принадлежит к той же социальной среде, что и респонденты, но более всего то, что с некоторыми из них он лично знаком, а многие о нем слышали.

Поскольку речь идет о вторжении в очень интимную сферу жизни, чаще всего затрудненность диалога с респондентами была обусловлена наличием у них определенного психологического барьера, связанного с повышенной закрытостью в отношении сексуальных тем, неготовностью обсуждать их на людях. Такую реакцию обнаруживали представители старших возрастных групп, в первую очередь женщины старше 65 лет, для которых особенно сложно было обсуждать подобные вопросы с лицом другого пола. Для сравнения: мужчины, даже пожилые, значительно свободней говорили на интересующие нас темы, часто не только апеллируя к личному опыту посещения проститутки, но и с определенными бравадой и гордостью описывая его. Молодежь же вообще демонстрировала склонность к более открытому и откровенному диалогу. И тем не менее реплики и краткие ответы даже пожилых женщин убедительно доказали, что тема проституток и секса в целом до недавнего времени была табуирована лишь в общественном измерении – для широкого публичного обсуждения, тогда как в “своей” среде (в первую очередь в гендерно “своей”) и в узком кругу (члены семьи и соседи) она активно обсуждалась, причем даже в далеком прошлом.

Остановимся вкратце на феномене проституции в Сардинии. Нет точных данных, когда секс за деньги появился в регионе, вероятно, это феномен очень древнего происхождения, зародившийся как минимум в период римского господства, что косвенно отмечается некоторыми исследователями (*Barbagli 2020: 10; Gibson 1989b: 47*). Наука не располагает сведениями о проституции ни в эпоху византийского покорения острова, ни в период юдикатов², ни после

завоевания региона Испанией, ни в последующий длительный (вплоть до XIX в.) период; известно только, что в эпоху правления Савойской династии законодательно проституция не была запрещена (*Gibson 1986: 90*).

Только с момента присоединения Сардинии к королевству Италии и с признанием в 1860 г. проституции как официального института, регламентированного так наз. Законом Кавура (*Legge Cavour*)³, остров, наряду с другими областями страны, получил структурированную, организованную и легальную практику продажи сексуальных услуг. Закон предполагал: жесткую систему полицейского надзора за проститутками; их регистрацию; организацию публичных домов, в которых должны были быть сосредоточены все “практикующие” женщины; постоянную обязательную медицинскую проверку “работниц”; изъятие владельцами борделей документов у проституток; запрет бесконтрольно покидать ими дома терпимости и даже выглядывать в окна этих домов (в соответствии с последним параграфом закона окна в борделях всегда были закрыты ставнями в целях соблюдения “общественных приличий”, что в немалой степени и предопределило общеитальянское название этих заведений: *case chiuse* – “закрытые дома”) (*Gallistru 1997: 7–15*). Ситуация оставалась такой до 1958 г., когда, согласно Закону Мерлин (*Legge Merlin*)⁴, дома терпимости были закрыты.

Казалось бы, при такой системе организации и контроля со стороны государства мы должны были бы располагать точными статистическими данными о “законно” существующей в Сардинии почти столетие проституции. Действительно, сохранились списки борделей в разных сардинских городах (в первую очередь в наиболее крупных – Кальяри, Ористано, Сассари, Иглезиасе – важном центре горнодобывающего дела, привлекавшем рабочую силу, а также в приморских городах – традиционных очагах продажной любви). В этих списках “заведения” разделены на категории и “классы” – от наиболее дорогих до самых дешевых; порой дается описание предоставляемых ими услуг, способных удовлетворить запросы клиентов на любой вкус и кошелек (искавшим “экзотики” поставляли и девушек “с материка”, и даже иностранок, настоящих и фальшивых).

Есть данные, проливающие свет на целый ряд особенностей борделей: на санитарно-гигиенические условия (очень различавшиеся в зависимости от категории и месторасположения этих домов – в маленьких центрах все было попроще и попроще, в том числе на медицинские проверки (которым всегда подвергались “девочки” и никогда – клиенты); на “качество” женщин (более свежие, ухоженные, красивые, порой даже утонченные работали в дорогих заведениях крупных городов, потрепанные жизнью, “грязные”, грубые, немолодые – на периферии) (*Gallistru 1997: 41–58*); на разнообразие клиентуры, представленной молодыми и старыми, женатыми и холостыми мужчинами, выходцами из всех слоев общества – “господами”, нобиями, бедняками, коммивояжерами, приказчиками, полицейскими, военными, моряками, учителями, чиновниками, торговцами и ремесленниками (для многих из них поездка в город часто была поводом навеститься в “заведение”). Наконец, мы располагаем биографическими сведениями о некоторых публичных женщинах, не делавших тайны из своего происхождения, рассказывавших об условиях жизни и “привычках” в “закрытых домах” (*Ibid.: 190–210*).

Тем не менее, несмотря на имеющиеся данные, по ряду причин невозможно дать статистическое и в целом документальное описание феномена проституции в масштабе не только региона, но даже его городского сектора. Отчасти это связано с тем, что многие факты и сегодня не могут быть обнародованы,

поскольку полицейские архивы бессрочно закрыты, а также с тем, что разглашение личных данных конкретных лиц без согласия их потомков незаконно⁵. Кроме того, “учетные книги” борделей, регистрировавшие только работающих женщин, но не фиксируя посетителей, не дают представления о масштабах “спроса”. Следует учесть и то, что ввиду сильной ротации кадров в публичных домах “мертвая статистика” числа занятых в них также не позволяет получить полное представление о динамике перемещений и численности проституток в Сардинии и в целом в Италии. Не позволяют оценить параметры проституции в регионе и источники, связанные с системой здравоохранения, поскольку они содержат сводные данные по Югу страны и островам.

Следует учесть и то, что, хотя до 1958 г. проституция официально связывалась лишь с домами терпимости, на практике, в том числе и в Сардинии, помимо “девочек из заведений”, клиентов в городах обслуживали и женщины “на панели”, как правило, сельские жительницы, предпочитавшие “работать” автономно, чтобы не делиться заработком с сутенерами и содержательницами домов. На Юге Италии и островах таких “свободных работниц” было особенно много (правда, в Сардинии меньше, чем где-либо) (*Gallistru* 1997: 9), а точную их численность не знал никто, даже полиция, тем более что в условиях “южной нищеты” многие женщины занимались проституцией окказионально в качестве дополнения к своей основной работе, тщательно скрывая эту сторону своей жизни от односельчан, к которым им приходилось рано или поздно возвращаться.

И, наконец, как уже говорилось выше, практически неосвещенной остается ситуация в сельской местности – в деревнях, в своей совокупности составлявших большую часть “социальной ткани” Сардинии. Как показали самые первые наши опросы и этнографические изыскания, здесь также существовал свой рынок платных сексуальных услуг – по сравнению с городским значительно более скромный, хаотичный, неупорядоченный и уж точно намного более латентный, о котором известно очень мало. Однако без реконструкции картины “продажной любви” в сельской местности нельзя говорить об изученности феномена проституции в Сардинии.

Во многих деревнях острова – чаще в равнинных, чем в горных – встречались женщины, профессионально торговавшие своим телом и обслуживавшие клиентов преимущественно из своего поселения, реже из окрестных мест. Обычно они занимались своим ремеслом в собственном доме без чьей-либо защиты и посредничества, а при необходимости охотно предоставляли услуги высокопоставленным клиентам, особенно “местным синьорам”, не только не скрывая, но часто и специально привлекая внимание соседей к их визитам, поскольку такого рода связи приносили им хороший доход и повышали их статус в родной деревне.

Пейоративные эпитеты, которыми “награждали” блудниц, часто становившиеся своего рода “фамильным гербом”, клеймом, раз и навсегда метящим в деревне не только их самих, но и всех представителей их рода (от предков до потомков), передают характер восприятия проституток в народной среде. Обычно их именовали “шлюха квартала” (сард. *bagassa 'e quartiari*; от каталан. *bagassa* – “проститутка”) или “шлюха карабинерная” (сард. *bagassa 'e crabineris*) – поскольку их частыми клиентами были присутствующие во всех сардинских деревнях представители корпуса карабинеров. Уместно отметить, что второй эпитет отличается значительно более тяжелым, оскорбительным смыслом и является скорее не “профессионализмом”, а инвективой, которая может прозвучать в адрес любого человека, которого хотят втоптать в грязь. Это связано с

тем, что в Сардинии такие профессии, как карабинер или полицейский, в силу сохранения норм обычного права и присущего населению “духа вольницы”, не пользуются популярностью, и на остров традиционно направляются представители правоохранительных органов, родившиеся в других регионах Италии. Ввиду неместного происхождения и “позорности” занятия они не пользуются любовью местных жителей, а общение с ними до сих пор считается постыдным и неприличным⁶.

Как сообщают респонденты, в различных частях острова, помимо термина *bagassa*, фигурируют и его синонимы, имеющие метафорический характер и несущие морально-оценочную нагрузку. Например, *corroghna* – производное от каталанского *carronya*, т.е. “падаль”; *mala*, т.е. “плохая”; *bruxa*, т.е. “ведьма” (от каталан. *bruixa*); и – что показательно – *sinagoga*, что в Сардинии также означает ведьму. Таким образом, употребляются слова, с давних времен в народном словаре обозначающие мерзость и зло (ПМА). Наряду с ними распространен также грубейший эпитет *ilburrescia*, дословно переводимый как “смердящая (мужским семенем)”, означающий в Сардинии женщину нечистую, бесстыдную, вульгарную. Встречается также номинация *illimada*, или “лишенная языка”, которой, как ни странно, характеризуют как раз крайне невоздержанную на язык, крикливую, скандальную женщину (ПМА). Оба термина (*ilburrescia*, *illimada*) подразумевают некие отклонения от нормы: в первом случае моральную или духовную деградацию, во втором – девиацию поведения, выходящую за рамки чисто сексуальной и телесной сфер. Одновременно с этими эпитетами по отношению к деревенским проституткам иногда применяют оскорбительные метафоры “кобыла” (сард. *eba* или *egua*) и “коза” (сард. *craba*), которые призваны подчеркнуть похотливость блудниц, их “животную природу”, “скотство”.

Заслуживает внимания и широко распространенный в Сардинии идиоматический оборот “рев осла и проклятия проститутки не достигают небес” (сард. “*corrixinu 'e molente e frastimu 'e bagassa no altzad' a celu*”): в народном видении все изрекаемое дурнем (а в Сардинии коннотат “осла” – “глупец”) и блудницей не заслуживает внимания и недостойно уважения; им отказывают в праве доступа к тому, что в традиционном деревенском сардинском сообществе составляет символическую основу социальной и культурной жизни.

Однако даже при наличии в деревнях столь широкого спектра явно пейоративных оценочных клише для проституток нельзя утверждать, что в повседневности отношение к этим женщинам было безоговорочно негативным. Так, метафорами *eba/egua* и *craba* по традиции значительно чаще характеризуются не профессиональные проститутки, а доступные женщины, практикующие свободный секс. В отличие от этих “вольных” одиночек, “развратниц” (сард. *pessimas*), становящихся в деревне объектами жесткой критики и гонений в основном со стороны женского сообщества, *bagassa* – женщина работающая, в сознании сельского коллектива “не опасна” и воспринимается не как потенциальная разрушительница семьи и семейной идиллии, а скорее как некая органичная для сообщества данность, пусть нечистая, маргинальная и социально дисквалифицированная, но вполне традиционная и нужная, отвечающая потребностям и запросам, по крайней мере мужской части деревни. Например, в адрес проституток никогда не исполняли *sa corredda* – “шаривари”, которым даже в 70-е годы XX в. в деревнях провожали матерей-одиночек, а также пожилых вдовцов, осмелившихся жениться на молодых девушках и тем самым нарушить механизм функционирования традиционных брачных практик и “нормы распределения” невест в локальных коллективах (ПМА).

Интервью убеждают в том, что в прошлом в деревнях отношение к проституткам не было доброжелательным, но при всей грубости вербальной непочтительности номинаций оно не было и агрессивным, скорее умеренно-толерантным, иногда снисходительным, даже ироничным и саркастичным (ПМА), что нашло свое отражение и в народной поэзии, в которой фигура проститутки – частый сатирический топос (*Sulis* 1979: 94–100). Более того, с *bagassas* в деревнях шли на контакт даже во внесексуальной сфере, поскольку наделяли их определенной магической силой: к ним обращались за помощью в тех случаях, когда требовалось сделать любовный приворот или изготовить амулеты от любовных страданий; считалось, что “они это могут” (ПМА).

Продолжая тему эмического видения населением сельских “жриц” платной любви, оценки их места и статуса в народной культуре, необходимо сделать, возможно, несколько неожиданное отступление и сопоставить проституткок с другими “сексуальными маргиналами” – истинными париями в сардинских деревенских сообществах. Речь идет о мужчинах, вступавших в однополые связи. В целом, как признают исследователи, региону никогда не был присущ гомосексуальный тип отношений в сколь-либо значительном масштабе (*Barbagli, Colombo* 2001: 119; *Barbagli et al.* 2010: 140); нет и каких-либо прямых указаний на существование в Сардинии мужского рынка проституции, тем более в деревнях (рынок гомосексуальных услуг появился лишь в конце XX в. в сардинских городах, где его подпитывают мигранты-виадос – активные и пассивные транссвеститы и транссексуалы из Латинской Америки).

Содомия, безусловно присутствующая на острове, как и везде, была крайне редкой и исключительно гомосексуальной практикой, которую в традиционной Сардинии исторически характеризует преимущественно поиск и покупка секса пассивным его участником, а не продажа сексуальных услуг активным. Поясним: по сути, гомосексуальные отношения в их сардинской ипостаси, особенно в деревнях, были прежде всего и чаще всего “запасным вариантом” для мужчины традиционной ориентации. Учитывая исторически жесткую запретность добрачных гетеросексуальных отношений, ограниченное число “свободных” женщин и трудность доступа к ним, а также то, что проститутки встречались далеко не в каждой деревне, мужчина окказионально шел на отношения с лицом своего пола за вознаграждение, при этом он тщательно скрывал как такого рода контакты, так и получение денег за них.

Но сколь бы редкими ни были случаи однополых связей между мужчинами, суждения о тех, кто вступал в них, в деревнях внутренних районов Сардинии, не говоря уже о еще более консервативном пастушеском ареале, отличались жесткостью, непримиримостью и никогда не смягчались. Гомосексуалист или содомит (“урожденный” или “вынужденный”) при выявлении факта “греха” всегда подвергался общественному остракизму, а для идентификации такой фигуры использовался только один термин, который в сардинском языке не имеет синонимов, а именно – *caghineri* или *caghinu* (в пер. с сард. “какун”), что буквально и предельно точно указывает на конкретную часть тела, предоставляемую в половом акте пассивным партнером, и, следовательно, явно обозначает тип сексуальных предпочтений.

Дополнительная коннотация телесного характера подразумевает отсылку к копрологическому, грязному, не просто звериному, но анимально-маргинальному началу. В отличие от проституткок, обнаруживавших отклонения “человеческого плана” (даже когда их сравнивали со скотом), вольный или невольный гомосексуалист в народном видении органично принадлежал к другому таксономиче-

скому ряду – к животным, нечистым бестиям; культурное расстояние, отделяющее грешника от сообщества людей, на которое указывает термин *caghineri*, предстает непреодолимым. Так, даже в 70-е годы XX в. отмечались случаи, когда выявленного *caghineri* усаживали задом наперед на осла и изгоняли навсегда из деревни, хотя и не бросали в него камнями, как в прошлом (ПМА). Вплоть до недавнего времени в деревне достаточно было прилюдно назвать мужчину *caghineri*, чтобы подписать ему “приговор”: такое оскорбление означало социальную смерть в локальном коллективе как для него, так и для его домочадцев. У опозоренной семьи был один выход: уход из деревни, а в горах – еще и инициированная оскорбленным кровная месть, поскольку подобные инвективы необходимо было смывать кровью (ПМА). Очевидно, что позиция, занятая деревенским населением по отношению к блудницам (даже если их именовали крайне грубо), всегда отличалась большей снисходительностью суждений и допускала широкое взаимодействие (в том числе и внесексуальное) с ними, что было обусловлено различными факторами: отношением к проституции со стороны закона и религии, практическими соображениями, происхождением занимающихся этим женщин.

Следует вспомнить о том, что проституция была легализована и в Сардинском королевстве (*Gibson 1986: 90*), и в итальянском государстве. Церковь же, как говорилось выше, апеллируя к идеям св. Августина и св. Фомы Аквинского и ограничиваясь моральным осуждением блудницы и блуда, на протяжении своей истории негласно, а порой и вполне открыто поощряла женскую проституцию, оценивая ее как “меньшее зло”: в ней видели средство борьбы с содомией и гомосексуализмом и считали, что она необходима для утоления желаний мужчин, поддержания мира в социуме, бесперебойного функционирования общественной жизни. Вопросы церковной оценки сексуальных норм и приоритетов стали педалировать в Сардинии в период с XIV по XVIII в., когда регион находился под властью Испании: население “близко познакомилось” с деятельностью испанской инквизиции, которая не трогала женщин-проституток, но отправляла на костер мужеложцев (*Renda 1997: 240*).

Кроме того, как подчеркивали респонденты, терпимость к блудницам, несмотря на их маргинальность, в немалой степени была обусловлена их принадлежностью к локальному коллективу: они были “своими”, люди знали их корни, их предков, и данный факт примирял деревню с их существованием; как повторяли многие отвечающие, “чужой мы бы такого не простили” (ПМА). Кроме того, все относилось с пониманием к профессиональному выбору *bagassa*, зная, что на “позорное (вонючее) ремесло” (сард. *su laore pudesciu*) ее толкали чаще всего голод и нищета (ПМА). Однако в первую очередь толерантность сельской среды к проституции была продиктована даже не многовековыми церковными индульгенциями в отношении блудниц, а прагматикой – тем, что в деревнях на фоне абсолютно задавленных проявлений мужской сексуальности на платную любовь существовал широкий спрос.

Взрослые мужчины, преимущественно холостяки, преваляровавшие в мужском населении деревни, по большей части и были клиентами *bagasse*, особенно в горах, где в среднем женились в достаточно зрелом возрасте (в 28–30 лет). “Отсрочка” начала регулярной семейной, т.е. “законной” с точки зрения локального коллектива, жизни в Сардинии была обусловлена экономическими факторами: население было бедным, и мужчина был вынужден долго копить средства, чтобы отделиться от отцовского хозяйства с частью стада и построить собственный дом (*Oppo 1990: 76; Angioni 1990: 11–22*). Долгое пре-

бывание деревенских мужчин в статусе свободных холостяков в условиях отсутствия добрачных сексуальных отношений в конечном итоге подпитывало спрос на платные сексуальные услуги.

Но не в меньшей степени интерес к институту проституции проявляли юноши, для которых общение с *bagassa* принимало очертания обучения, формирующей практики, которую нужно было пройти, чтобы стать взрослыми. Напомним: речь идет о традиционном сардинском обществе, в котором первые примеры добрачных отношений деревенской молодежи появились лишь к 80-м годам XX в. – едва ли не позже всего в Италии (*Giardelli* 2011: 22), а в конце 1960-х годов о подобном никто не отваживался даже подумать (*Anfossi* 1968: 47–48).

За исключением подростков из пастушеских семей в горах, которые во время сезонных перекочевок отар спускались на равнины, где, как правило, и получали свой первый сексуальный опыт (на примере пастухов мы остановимся ниже), для большей части юнцов вплоть до второй половины XX в., а в некоторых районах Сардинии и значительно дольше, первое приобщение к радостям жизни, сексу и вину, было обычно связано с обрядами перехода “во взрослые”, имевшими общественный характер и осуществлявшимися в связи с призывом в армию (ПМА). Получение повестки – весьма ожидаемой юношами и членами их семей, хорошо осведомленными о сопутствующих ей “радостях” и об их важности в процессе созревания молодежи – это событие, которое в каждой деревне сообщалось отмечаемыми призывниками. Собравшись вечером, вначале они палили в воздух (в первый раз не тайком, а в открытую, с разрешения и “благословения” *is tannos* – стариков деревни), а затем все вместе устраивали на площади деревни “большое питье”, “большую пьянку” (сард. *buffada/imbriaghera manna*) (*Pepe* 2018: 23–25). На следующий же день новобранцев отводили к деревенской проститутке или отвозили к городской (часто речь шла о первом визите юношей в город). Такое посвящение в мужчины должно было продемонстрировать триединство грамотного обращения с оружием, вином и женщиной, а сексуальное паломничество представляло собой заключительный этап “перехода в мужчины”. Заинтересованная сторона, молодежь, нетерпеливо ждала не только приобщения к новому опыту, но и следующего за ним общественного признания и наконец достигнутого статуса *omine* (“мужчины”) – взрослого и зрелого человека в том значении, которое римляне вкладывали в латинское понятие *vir*; не случайно считалось, что получение повестки дает молодому человеку право обручиться (ПМА).

Все расходы за “первый раз”, будь то в городе или в деревне (местная проститутка обходилась дешевле, зато визит в город выглядел более престижным), чаще всего брал на себя отец призывника, однако близкие родственники (особенно дядя, если они все еще были холостыми), не задавая лишних вопросов, по случаю получения повестки делали денежные подношения; в деревне все знали, что деньги, откладываемые заранее или получаемые в дар, “также служили этому” (ПМА). Женская родня призывника – его мать, сестры, тети, в соответствии с местным кодексом приличий, при этом делала вид, что ничего не знает, однако все были прекрасно осведомлены об этой практике, связанной с призывом на военную службу, “по умолчанию” одобряли ее и расценивали как необходимый опыт, как пропедевтику брака, проверку физиологической нормальности их мальчика (ПМА).

Интервью убедительно продемонстрировали, что в эпизоде с призывом, в отличие от других социальных сценариев внутридеревенских отношений,

самоцензура индивида, продиктованная сильным чувством стыда, проявляется исключительно сильно. В адрес тех, кто освобождался от призыва или оказывался “отброшен”, как в народе обозначали выбраковку призывника военной комиссией, со стороны сверстников и всего деревенского сообщества звучали завуалированные насмешки в форме определенных песен или частушек. В глазах деревни *iscaltau* (“не прошедшие отбор”) были “слабаками”, не выдержавшими испытание, сексуально несостоятельными и потерпевшими личное поражение. Они становились париями, не получавшими доступа к радостям продажной любви, лишавшимися праздника призывников. У них развивался комплекс неполноценности, поскольку ровесники не считали их полноправными членами своей возрастной группы; отсвет позора падал также и на их семьи. Возвращение в сообщество, социальная реабилитация, восстановление дружеских отношений со сверстниками происходили лишь тогда, когда после некоторой отсрочки юношу все же призывали.

Как уже говорилось ранее, особым было положение пастухов и молодых людей из пастушеских семей, занятых из года в год в *sa tramuda* – сезонной перекочевке отар и стад из горных районов на равнины. Хотя пастушкí и участвовали наряду с другими сверстниками в обряде посвящения, но имели некоторые преимущества перед ними, поскольку раньше получали опыт платного секса в новых местах перекочевки. Географически эти места располагались рядом или в границах районов “горного дела” (добычи серебра, свинца, угля). Так, в регионе Сульчис-Иглесиенте, наряду с городскими (“зарегистрированными”) девицами, которые до 1958 г. размещались по преимуществу в “закрытых домах”, “работало” большое число ускользящих от контроля власти, “гастролирующих” местных деревенских проституток, привлеченных постоянным притоком сюда мужской рабочей силы.

Именно “гастролерши” по собственной инициативе направлялись на пастбища и в овчарни – они предлагали свои услуги, а иногда на короткие периоды и поселялись там. Чтобы обслужить пастухов, при перекочевках объединявших стада и работавших семейными артелями, а посему селившихся вместе, с ними без посредников работали и “семейные артели” проституток, часто состоящие из матери и дочерей. (Как правило, речь шла о вдовах, передававших свое ремесло по наследству.) Поскольку пастухи годами возвращались в одни и те же места, между ними и ежегодно приходившими к ним женщинами, часто одними и теми же, нередко устанавливались близкие и теплые, своего рода дружеские отношения, выходявшие за рамки сугубо телесных контактов, немислимые, например, при общении девки и клиента в деревне. Как рассказывали пожилые пастухи, оплата проституток не всегда производилась деньгами, часто с ними расплачивались молочными продуктами (молоком, творогом, сыром), реже мясом (ПМА).

Причины массового стремления проституток к местам дислокации пастухов, часто менее состоятельных, чем, например, рабочие на шахтах, раскрывают полевые данные. Из интервью вытекает, что мужчины с гор всегда обладали особой притягательностью для жительниц равнин. Эта “тяга к выходцам из высокогорья” (*tiranta a is cabesusesos*) была обусловлена тем, что пастухи ассоциировались с независимостью, кроме того, в сравнении с местными мужчинами, они выглядели и были более сильными, суровыми, немногословными, отчасти загадочными, воплощая в женских глазах некий идеал мужественности и брутальности. Пожилые респонденты-горцы неоднократно с восторгом вспоминали, “с каким пылом в давние времена их встречали девочки с равнин”

(ПМА). Таким образом, очевидно, что, помимо голого экономического расчета, во взаимоотношениях проституток с клиентами иногда находилось место и чисто человеческим “живым” симпатиям и предпочтениям. Кроме того, “кочующих” деревенских девиц отличала определенная свобода и независимость профессионального поведения: несмотря на сильнейшую нужду, побуждавшую их торговать своим телом иногда даже не за деньги, а за скудный паек, они могли позволить себе выбирать клиентов, что ставило их на другой качественный уровень по сравнению с городскими “коллегами”, которые должны были безропотно удовлетворять кого угодно.

Наиболее частыми потребителями “полевых” услуг были, конечно, не подростки, не имевшие экономической самостоятельности и финансовых возможностей, а взрослые пастухи (пастушки “получали” женщину лишь когда старшие, часто вскладчину, продуктами или деньгами оплачивали им первый сексуальный контакт). В случае самых юных представителей пастушеских артелей желанный доступ к описанному в рассказах о мужском мире эротическому опыту был изначально опосредован информацией и поддержкой, т.е. “теоретической подготовкой”, исходившей от пастушков постарше (общение представителей близких по возрасту групп было менее отягощено и коррозировано стыдом), но никак не от взрослых, которые фактически отстранялись от какого-либо просвещения юных, их сексуального воспитания и обсуждения с ними эротических сюжетов (в силу неоднократно упомянутой “закрытости” в отношении табуированных тем), запретных при общении с людьми “не своего круга”, особенно с младшими.

Даже сегодня редкие разговоры на эротические темы, которые могут вести между собой взрослые сардинцы, особенно горцы-пастухи, отличает крайняя сдержанность. В таких беседах отмеченный ранее *pudorismo* задает тон языку, становящемуся метафоричным и тяготеющим к эвфемизмам и преимущественно алиментарным сравнениям: например, чтобы обозначить грудастую или наделенную аппетитным задом женщину, используют выражение (*polta pistoccu in beltula* – “(имеет) булки в переметной суме”, а процесс соития или его кульминацию передают оборотом *abbare s'oltu* – “поливка огорода” или *cammiare l'abba a s'olia* – “смена воды при вымачивании маслин”.

Хотя описываемые особенности языка и поведения сардинцев на первый взгляд не имеют прямого отношения к объекту исследования, тем не менее мы считаем необходимым остановиться на них, так как они проливают свет на характеристики традиционной Сардинии и той социальной среды, к которой принадлежали как деревенские женщины, продававшие свои сексуальные услуги, так и покупатели этих услуг – т.е. говорят о времени, месте и качестве той почвы, на которой вырос и существовал феномен сардинской деревенской проституции.

Все аффективные проявления сардинцев пропускаются через жесткие фильтры сдержанности, подавляющие в зародыше чувствительность и сентиментальность. Совершенно нормальные в других средиземноморских регионах (*Anfossi* 1968: 58; *Rudas* 1999: 281), в Сардинии они определяются как “женская слабость”, “женские штучки”. Даже в повседневной жизни в отношениях между родственниками, супругами и особенно между родителями и детьми принято избегать любых проявлений чувств (*Anfossi* 1968: 59). Показательно, что даже сегодня дети, обращаясь к отцу или матери, используют личное местоимение второго лица *Fosté* – производное от иберизма *Usted* (в пер. с исп. “Вы”), что красноречиво характеризует межпоколенные отношения и чувства детей к

родителям, их зависимость от авторитарных старших, ощущение страха и необходимость соблюдения социальной дистанции (Ibid.: 58). Контроль аффективных проявлений (самоконтроль) дозирует, кажется, каждую эмоцию, смягчает любой импульс к выражению чувств, даже радостных.

В Сардинии и мужчины, и женщины, даже близкие родственники, приветствуя друг друга при встрече, старательно избегают не только тесного физического контакта (рукопожатий, объятий и поцелуев), столь частого и привычного в других регионах Средиземноморья, но и обильных словесных излияний. Любые вербально-аффективные и корпорально-поведенческие “излишества”, тем более “на людях”, увиденный окружающими неподходящий (с точки зрения локального коллектива) жест и публичное выражение чувств в Сардинии именуется *locuras* (от исп. *locura* – “безумие”) и рассматриваются как нечто ненормальное, как срыв, истерика, акт скандального поведения. Контролерами соблюдения умеренности и строгими социальными цензорами чаще всего являются женщины, которые, обнаружив прилюдное нарушение норм поведения, спешат заклеить возмутителя порядка максимально громогласно и публично, именуя произошедшее *sa irgonza* (“стыд, скандал”), и тем самым инициируют репрессии, запуская различные практики остракизма, или социальную месть в отношении нарушителя (Gallini 1977: 29–30).

По понятным причинам интервью с большим трудом позволяют реконструировать характер взаимоотношений деревенской проститутки и клиента. Однако, судя по всему, эти контакты вполне отвечали вышеотмеченным поведенческим стандартам: не выходили за рамки сугубой телесности, всегда отличались предельной бесстрастностью, безэмоциональностью обоих партнеров и практически никогда не сопровождалась разговорами, что радикально отличает Сардинию от других регионов Италии, например Сицилии или Кампании (Rudas 1999: 291).

Как уже говорилось, перекочевки, длившиеся полгода, позволяли пастухам хотя бы на время решить проблему удовлетворения мужских потребностей. В оставшиеся месяцы холостые пастухи находились в родной деревне, где они, как и неженатые крестьяне, были вынуждены обращаться к услугам профессиональных проституток или маргинальных деревенских жительниц – разбитных, неизвестно чем промысляющих вдов, сборщиц хвороста, торговок дровами и углем, пекарш, прачек, иногда *bruxas*, которым продажа своего тела давала побочный заработок наряду с основным источником дохода. Кроме того, как рассказывают пожилые респонденты, в некоторых равнинных деревнях, где нравы были помягче, нежели в горах, наряду с вышеперечисленными категориями “платных женщин”, существовали и представительницы слабого пола, которые, пусть и окказионально, также предоставляли сексуальные услуги за вознаграждение. Речь идет о достаточно немногочисленных, вполне независимых экономически женщинах с более либеральными взглядами, имевших опыт пребывания и работы в городе: вернувшись домой, они превращали свободную любовь если не в профессию, то в хорошо оплачиваемую привычку; некоторые “подрабатывали” не только в деревне, но и в ее окрестностях, что позволяло создать круг постоянных посетителей и поклонников (ПМА).

В отличие от профессиональных проституток, к которым относились бесстрастно и предельно потребительски, и “маргиналок”, вызывавших презрение и едва ли не гадливость, именно последняя категория “жриц любви” была источником безбрежных сексуальных фантазий и окрашенного эмоциями ожидания не только для взрослых мужчин, но и для подростков, еще не приобщен-

ных к плотским радостям или “начинающих”. Именно эти женщины свободных нравов (как и *bagassas*) становились “учительницами” для деревенской молодежи в вопросах полового воспитания (но котировались они значительно выше проституток). Именно их именовали *mastra 'e coju* – в буквальном переводе “мастерицы соития” (этот термин до сих пор табуирован для женщин; любопытно и показательно, что он относится к числу редких в Сардинии откровенных мужских лексем, своего рода “эротонимов”) (ПМА). Но эти же женщины – поскольку они, в отличие от деревенских проституток, имели значительно более широкий круг “общения” – чаще всего воспринимались и становились источником угрозы, о которой подростков не уставала предупреждать женская половина семьи, пугая риском заражения “французским злом” (*su male franzesu*; это общее определение различных венерических заболеваний), которое разносили эти *impestadas* (“зачумленные, инфицированные”), т.е. грязные создания.

В завершение исследования отметим, что сегодня, согласно официальным данным, Сардиния занимает последнее место среди итальянских областей по числу проституток (как местных, так и эмигранток). По большей части “жрицы любви” сконцентрированы в зоне Коста-Смеральда (*Costa Smeralda*, “Изумрудный берег”) – элитного курорта на севере острова. Хотя в последние годы наблюдается устойчивая тенденция снижения числа городских проституток, а описанный нами “традиционный” деревенский опыт в основном ушел в небытие, растет число “эскортниц”, женщин, предоставляющих за плату виртуальные сексуальные услуги (*Disagio giovanile 2022*), а также местных несовершеннолетних, окказионально вступающих в сексуальные контакты за плату (проституция в Сардинии относится к числу наиболее молодых в Италии) (*Melissari 2017*).

Большинство наших респондентов (98%), сравнивающих, преимущественно отвлеченно, вчерашнюю и сегодняшнюю проституцию в Сардинии, жестко раскритиковали современные ее проявления. При этом, к нашему глубокому удивлению, практически все, даже пожилые сельские женщины, положительно оценивали и полностью оправдывали прошлый опыт, тем более деревенский (ПМА). Дело здесь, на наш взгляд, вовсе не в свойстве человеческой природы идеализировать прошлое и с ностальгией оглядываться назад, на времена своей молодости, и даже не в присущих сардинцам тяге к традиционности и стремлению защищать все “свое”, а в более рациональном подходе к проблеме. Так, основным объектом критики и неприятия населением сегодняшних реалий продажного секса становится тот факт, что его молодые “активистки” движимы не бедностью и голодом, как их предшественницы, но исключительно желанием легкой жизни – стремлением обеспечить себе фиксированное рабочее место, “быстрые” деньги, карьерный рост, богатые подарки, что в глазах респондентов делает их бесстыжими, аморальными и даже внеморальными и свидетельствует, по мнению опрошенных, о падении нравственности и этики в регионе (ПМА).

Подобное разращение нравов, по мнению респондентов, обусловлено целым рядом причин: экономической и социокультурной модернизацией Сардинии, начавшейся в 80-е годы XX в. и вызвавшей, с одной стороны, подъем благосостояния, с другой – кризис традиционного общества и его устоев; повышением социальной мобильности населения, позволившим людям физически покинуть привычное место обитания и тем самым ускользнуть от бывшего действенного социального контроля; общей либерализацией нравственной атмосферы на национальном уровне, затронувшей и Сардинию; “разлагаю-

щим” влиянием феминисток, приведшим к разращению женщин, их социо-психологической дезориентации, утрате ими своего, апробированного временем социального места в обществе.

Прежние модели сардинской проституции, в том числе и деревенской, защищает в первую очередь подавляющее большинство опрошенных мужчин (99%), в основном это холостяки среднего по сардинским меркам возраста (45–60 лет), потерявшие в лице блудниц возможность легкого решения своих “проблем”. С еще большей ностальгией о *bagassas* вспоминают, например, лица, отягощенные комплексами, “зажатые”, которым нелегко установить какие-либо сексуальные контакты с женщинами, особенно в узких рамках деревень, незначительно изменивших свой былой социальный микроклимат. Перед такими людьми, по их признанию, маячит (пусть и вдалеке) позорная и отвращающая их перспектива спорадических сексуальных контактов с редкими, но все же существующими *caghineri* (ПМА). Нейтральную и позитивную позиции по отношению к “традиционной” проституции и критическую – по отношению к современной, оцениваемой как “криминальная”, “чужеродная”, “извращенная” (“это делается ради больших денег”), занимают молодые респонденты (от 18 до 30 лет), незнакомые с этим явлением (“нам этого не нужно”), поскольку им вполне хватает контактов с подружками-сверстницами в городе или деревне.

В процессе интервьюирования нас удивил и впечатлил тот факт, что практически 100% опрошенных, вне зависимости от пола, возраста, происхождения, социальной принадлежности и культурно-образовательного уровня, высказались за необходимость легализации проституции в Италии как “официальной профессии”. Это, на наш взгляд, не может быть списано на влияние, например, не пользующихся в Сардинии большой популярностью феминисток, а является скорее “отголоском” и свидетельством бытовавшего ранее в регионе вполне положительного (чем бы оно ни было вызвано) отношения к *bagassas*. Не менее удивительными и впечатляющими оказались откровения большинства респондентов обоих полов (за исключением, пожалуй, пожилых деревенских женщин старше 65 лет, всегда придерживающихся “высокоморальности” и строгости суждений), утверждавших, что возможное социальное осуждение со стороны окружающих не может повлиять на их готовность поддерживать дружеские отношения с проституткой.

Несколько слов о мужском “полюсе” проституции. По официальным данным, Сардиния занимает последнее место в Италии по числу гомосексуалистов, тем более локального происхождения. Неизменным остается и неприятие социумом однополых контактов: регион лидирует по проявлениям жесткой (вплоть до убийства лиц нетрадиционной ориентации) гомофобии (*Melissari* 2017). Однако – и об этом очень скупно и завуалированно говорится в интервью – в деревнях до сих пор встречаются взрослые, даже женатые мужчины традиционной ориентации, которые “сделали это”, выступив в качестве активного партнера по просьбе пассивного в обмен на деньги; правда, из этой практики полностью исключена молодежь в возрасте от 18 до 35–40 лет. В наши дни социальный контроль уже не столь жесткий, тем не менее в случае выявления и предания огласке подобных связей “плата” за них по-прежнему велика (ПМА).

Возвращаясь к традиционной проституции и подводя итоги, можно отметить, что в эмическом видении населения Сардинии этот исчезнувший феномен (в силу ностальгии) кажется тем ценнее, чем дальше уходит эпоха его бытования, а *bagassas* оцениваются все чаще положительно. Порожденный нищетой, институт проституции в ответах респондентов фигурирует не просто как сред-

ство выживания в социуме, но как органичный элемент локального коллектива, своего рода его скрепа.

Примечания

¹ Термин *maschilismo* – не путать с мачизмом (проявлением агрессивной маскулинности, желанием показать свое превосходство над другими особями мужского пола, или обычным мужским шовинизмом) – устойчивый неологизм, возникший в 60-е годы XX в. в Италии, а затем вошедший в оборот и в других европейских странах. Обозначает исторически сформировавшуюся или социокультурно обусловленную склонность к поведению и ментальным конструкциям (персональным, социальным, культурным), согласно которым мужчины в целом (или некоторые из них) демонстрируют убежденность в своем априори гендерном, сугубо мужском превосходстве над женщинами в биологическом, интеллектуальном, психологическом плане (*Maschilismo n.d.*).

² Юдикаты – наследственные феодальные владения, на которые Сардиния делилась в период с X в. до начала XV в.

³ Закон назван по имени утвердившего его графа Камилло Бенсо ди Кавура – итальянского государственного деятеля, премьер-министра Сардинского королевства и первого премьер-министра Италии, сыгравшего исключительную роль в объединении страны.

⁴ Закон был назван по имени Анджелины (Лины) Мерлин – итальянского политика, социалистки, автора проекта закона, отменившего существование публичных домов в Италии.

⁵ Тот факт, что автор “Истории проституции в Сицилии” А. Кутрепа (*Cutrerà* 1971) в начале XX в. оперировал точной статистикой по вовлеченным в проституцию женщинам в регионе, объясняется просто: будучи видным следователем-криминалистом и высоким полицейским чиновником, он по долгу службы имел доступ к данным, недоступным простым смертным.

⁶ Маркером отношения к представителям правоохранительных органов может служить незначительный бытовой эпизод, произошедший в конце 90-х годов XX в. в Аритцо (пров. Нуоро): мать, узнав, что взрослая дочь “связалась” с карабинером, оплакала ее как умершую, раздирая ногтями лицо и причитая, и для реабилитации семьи сделала это публично, на улице, чтобы сцену видели соседи (ПМА).

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы автора. Сардиния (Барбаджа, Иглезиас, Кампидано, Бароние, Сассарезе). 2020–2022 гг. Опросная группа 243 человека.

Disagio giovanile 2022 – Disagio giovanile: cresce in Sardegna la prostituzione digitale // Cagliaripad.it. 04.05.2022. <https://www.cagliaripad.it/562950/disagio-giovanile-cresce-in-sardegna-la-prostituzione-digitale>

Foucault 1966 – *Foucault M.* L’utopie du corps // Radio Feature. 07.12.1966. <https://www.youtube.com/watch?v=NSNkxvGIUNY>

Gallistru 1997 – *Gallistru A.* Venditrici di sesso nella Sardegna dell’Ottocento. Cagliari: AM&D, 1997.

Maschilismo n.d. – Maschilismo // Treccani. n.d. <https://www.treccani.it/vocabolario/maschilismo>

Melissari 2017 – *Melissari L.* Quante sono le prostitute in Italia, da dove vengono e

chi sono i loro clienti // TPI.it. 11.01.2017. <https://www.tpi.it/news/prostituzione-italia-dati-2017011127528>

Sulis 1979 – *Sulis B. Poesias*. Cagliari: BT, 1979.

Научная литература

- Anfossi A.* Socialità e organizzazione in Sardegna. Studio sulla zona di Oristano, Bosa, Macomer. Milan: Franco Angeli, 1968.
- Angioni G.* Note sulla famiglia sarda tradizionale // *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* / a cura di A. Oppo. Brescia: La Tarantola, 1990. P. 11–22.
- Barbagli M.* Comprare piacere. Sessualità e amore venale dal Medioevo a oggi. Bologna: Il Mulino, 2020.
- Barbagli M., Colombo A.* Omosessuali moderni: gay e lesbiche in Italia. Bologna: Il Mulino, 2001.
- Barbagli M., Dalla Zuanna G., Garelli F.* La sessualità degli italiani. Bologna: Il Mulino, 2010.
- Barthes R.* *Système de la mode*. Paris: Du Seuil, 1967.
- Casula F.C.* Breve storia di Sardegna. Sassari: Carlo Delfino, 2017.
- Cossu N.* L'amore negli occhi. Rapporti tra i sessi e formazione della coppia nella società agropastorale sarda. Sassari: Carlo Delfino, 2014.
- Cutrerà A.* Storia della prostituzione in Sicilia. Palermo: Stampatori Associati, 1971.
- Derrida J.* Resistenze. Sul concetto di analisi. Napoli: Orthotes, 2014 [1992].
- Gallini C.* Tradizioni sarde e miti d'oggi. Dinamiche culturali e scontri di classe. Cagliari: EDES, 1977.
- Giardelli P.* Guardare ma non toccare. L'amore nelle società rurali. Recco (Ge): Le Mani–Microart'S, 2011.
- Gibson M.* Prostitution and the State in Italy, 1860–1915. New Brunswick: Rutgers University Press, 1986.
- Gibson M.* Tollerare reprimere? Un dilemma contemporaneo // *La storia della prostituzione* / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989a. P. 40–46.
- Gibson M.* Il caso italiano // *La storia della prostituzione* / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989b. P. 47–50.
- Maksimowski S.* A Brief History of the Anthropology of Sexuality, and Theory in the Field of Women's Sex Work // *The University of Western Ontario Journal of Anthropology*. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 23–38.
- Oppo A.* La nuclearità della famiglia in Sardegna // *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* / a cura di A. Oppo. Brescia: La Tarantola, 1990. P. 73–101.
- Pattuzzi A.* Il piacere e la colpa: Cattolici e sesso in Italia 1930–1980. Sesto san Giovanni: Mimesis, 2020.
- Pepe P.* Gli eroi bevono vino. Il mondo antico in un bicchiere. Roma-Bari: Laterza, 2018.
- Pintore G.* Sardegna: regione o colonia? Milano: Mazzotta, 1974.
- Promitzer C., Hermanik K.-J., Staudinger E.* (Hidden) Minorities: Language and Ethnic Identity Between Central Europe and the Balkans. Münster: LIT Verlag, 2009.
- Renda F.* L'Inquisizione in Sicilia. Palermo: Sellerio, 1997.
- Rudas N.* L'interazione arcana. All'origine della creatività dei sardi // *L'ora dei Sardi* / a cura di S. Cubeddu. Cagliari: Fondazione Sardinia, 1999. P. 255–292.

Research Article

Maxia, A. The “Love for Money” in Sardinia: On the Question of an Ethnoanthropological Study of the Phenomenon of Prostitution in Traditional Society [“Liubov’ za den’gi” v Sardinii: k voprosu ob etnoantropologicheskom issledovanii fenomena prostitutsii v traditsionnom obshchestve]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053>
EDN: COXWDC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Armando Maxia | <http://orcid.org/0000-0002-2920-6921> | maxiaarmando@tiscali.it | Ethnographic Museum of Sardinian Mountain Culture (Parco Comunale Pastissu, 08031, Aritzo, Nuoro, Italy)

Keywords

Sardinia, prostitution, patriarchal society, taboo of sex topic, forms of functioning

Abstract

The article makes a novel contribution to anthropological studies by exploring the phenomenon of prostitution in Sardinia which remains a poorly urbanized conservative rural region of Europe, which still retains a high degree of cultural traditionalism. Due to the lack of research on this issue, I draw primarily on my own field material obtained as a result of many years of surveys conducted in the region, mainly in mountainous areas, that is the pastoral zone which is a set of introverted and patriarchal village microcosms with unusually strict social control and a rigid system of moral taboos. The principal difficulty in conducting this type of fieldwork is the uncommunicativeness and “closedness” of informants in any kinds of conversations involving topics of sex. I argue that there was an organic social “acceptance” of the institution of prostitution in the traditional society as an element that provided a mechanism for its social functioning and the preservation of social balance.

References

- Anfossi, A. 1968. *Socialità e organizzazione in Sardegna. Studio sulla zona di Oristano, Bosa, Macomer* [Sociality and Organization in Sardinia: Study on the Area of Oristano, Bosa, Macomer]. Milan: Franco Angeli.
- Angioni, G. 1990. Note sulla famiglia sarda tradizionale [Notes on the Traditional Sardinian Family]. In *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* [Family and Marriage in Traditional Sardinian Society], edited by A. Oppo, 11–22. Brescia: La Tarantola.
- Barbagli, M. 2020. *Comprare piacere. Sessualità e amore venale dal Medioevo a oggi* [Buy Pleasure: Sexuality and Venal Love from the Middle Ages to the Present]. Bologna: Il Mulino.
- Barbagli, M., and A. Colombo. 2001. *Omosessuali moderni: gay e lesbiche in Italia* [Modern Homosexuals: Gays and Lesbians in Italia]. Bologna: Il Mulino.
- Barbagli, M., G. Dalla Zuanna, and F. Garelli. 2010. *La sessualità degli italiani* [The Sexuality of Italians]. Bologna: Il Mulino.
- Barthes, R. 1967. *Système de la mode* [Fashion System]. Paris: Du Seuil.
- Casula, F.C. 2017. *Breve storia di Sardegna* [Brief History of Sardinia]. Sassari: Carlo Delfino.
- Cossu, N. 2014. *L’amore negli occhi. Rapporti tra i sessi e formazione della coppia*

- nella società agropastorale sarda* [Love in the Eyes: Relations between the Sexes and the Formation of the Couple in the Sardinian Agropastoral Society]. Sassari: Carlo Delfino.
- Cutrerà, A. 1971. *Storia della prostituzione in Sicilia* [History of Prostitution in Sicily]. Palermo: Stampatori Associati.
- Derrida, J. (1992) 2014. *Resistenze. Sul concetto di analisi* [Resistance: On the Concept of Analysis]. Napoli: Orthotes.
- Gallini, C. 1977. *Tradizioni sarde e miti d'oggi. Dinamiche culturali e scontri di classe* [Sardinian Traditions and Myths of Today: Cultural Dynamics and Class Clashes]. Cagliari: EDES.
- Giardelli, P. 2011. *Guardare ma non toccare. L'amore nelle società rurali* [Look but don't Touch: Love in Rural Societies]. Recco (Ge): Le Mani–Microart'S.
- Gibson, M. 1986. *Prostitution and the State in Italy, 1860–1915*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Gibson, M. 1989. Tollerare reprimere? Un dilemma contemporaneo [Tolerate Repress? A Contemporary Dilemma]. In *La storia della prostituzione* [History of the Prostitution], edited by G. Ruggiero, 40–46. Firenze: Giunti.
- Gibson, M. 1989. Il caso italiano [The Italian Case]. In *La storia della prostituzione* [History of the Prostitution], edited by G. Ruggiero, 47–50. Firenze: Giunti.
- Maksimowski, S. 2012. A Brief History of the Anthropology of Sexuality, and Theory in the Field of Women's Sex Work. *The University of Western Ontario Journal of Anthropology* 20 (1): 23–38.
- Oppo, A. 1990. La nuclearità della famiglia in Sardegna [The Nuclearity of the Family in Sardinia]. In *Famiglia e matrimonio nella società sarda tradizionale* [Family and Marriage in Traditional Sardinian Society], edited by A. Oppo, 73–101. Brescia: La Tarantola.
- Pattuzzi, A. 2020. *Il piacere e la colpa: Cattolici e sesso in Italia 1930–1980* [Pleasure and Guilt: Catholics and Sex in Italy 1930–1980]. Sesto san Giovanni: Mimesis.
- Pepe, P. 2018. *Gli eroi bevono vino. Il mondo antico in un bicchiere* [Heroes Drink Wine: The Ancient World in a Glass]. Rome-Bari: Laterza.
- Pintore, G. 1974. *Sardegna: regione o colonia?* [Sardinia: Region or Colony?]. Milano: Mazzotta.
- Promitzer, C., K.-J. Hermanik, and E. Staudinger. 2009. *(Hidden) Minorities: Language and Ethnic Identity Between Central Europe and the Balkans*. Münster: LIT Verlag.
- Renda, F. 1997. *L'Inquisizione in Sicilia* [The Inquisition in Sicily]. Palermo: Sellerio.
- Rudas, N. 1999. L'interazione arcana. All'origine della creatività dei sardi [The Arcane Interaction: At the Origin of Sardinian Creativity]. In *L'ora dei Sardi* [The Sardinian Hour], edited by S. Cubeddu, 255–292. Cagliari: Fondazione Sardinia.

ПРОСТИТУЦИЯ В СИЦИЛИИ: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

О.Д. Фаис-Леутская

Оксана Давидовна Фаис-Леутская | <http://orcid.org/0000-0002-2757-2434> | oxana-fais@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Сицилия, проституция, закрытые дома, местные проститутки, культурный диалог

Аннотация

В статье впервые в научном дискурсе делается попытка реконструкции и антропологического анализа феномена городской проституции в конкретный исторический период (30–80-е годы XX в.) в регионе Сицилия, консервативном и сохраняющем и сегодня высокую степень традиционности. Автор широко использует полевой материал – результаты многолетних опросов обширного массива респондентов. Специфика исследования заключается в особом ракурсе рассмотрения темы, в обращении к прошлому, былому опыту и рефлексиям людей, а также к информации, сохраненной памятью предков. Используемые источники в совокупности делают возможным воссоздание облика той “традиционной” проституции, которая сегодня большинством населения Сицилии видится “идеальной” и противопоставляется современной – “чужой”, “криминальной”, “грязной”. Исследование не только освещает конкретный ушедший в небытие социокультурный феномен, его видение как органичного элемента локальной культуры, тесно связанного с этнокультурной идентичностью сицилийцев, но и позволяет выявить причины его популярности в регионе.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках НИР ИЭА РАН

Нет необходимости подчеркивать существующую с древнейших времен органичную связь бытования феномена проституции с такой европейской страной, как Италия. Даже слово “проституция”, означающее оказание сексуальных услуг за плату (от поздне-лат. *prostitutio* – “выставлять публично”; “позорить; бесчестить”), было предложено человечеству “предтечей” Италии – Древним Римом, а термин *puttana*¹ во второй половине XX в. стал интернациональным и вошел в международный оборот. В наши дни Италия находится на четвертом месте в Европе по уровню проституции (после

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Фаис-Леутская О.Д. Проституция в Сицилии: взгляд в прошлое // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 104–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030065> EDN: CPCYYX

Fais-Leutskaja, O.D. 2023. Prostitutsiia v Sitsilii: vzgliad v proshloe [Prostitution in Sicily: A Look into the Past]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 104–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030065> EDN: CPCYYX

Германии, Англии и Испании), причем сегмент предоставления сексуальных услуг за деньги в стране постоянно растет (La prostituzione in Italia 2021). Так, если в 2016 г., по приблизительным оценкам, численность тех, кого с легкой руки Р. Киплинга стали называть представительницами “самой древней профессии”², достигала в Италии 60 тыс. (хотя правоохранные органы утверждают, что речь идет о существенно большей цифре), 15–20% которых были итальянками, а 80–85% – иностранками, то к 2020 г., по данным мониторинга “Codacons”, крупнейшей в Италии общественной ассоциации по защите прав потребителей, в стране работало не менее 90 тыс. проституток, а число мужчин, прибегающих к их услугам, в среднем оценивалось в 3 млн человек (Ibid.). На начало 2022 г. число постоянных “работниц” сексуальной сферы выросло до 100 тыс. (не считая женщин, окказионально оказывающих платные сексуальные услуги), из которых 60% (так наз. *Lucciole* – “светлячки”) работают “на панели”, а 40% относятся к *squillo* (звукоподражательный термин, имитирующий телефонный звонок), т.е. трудятся *indoors*: дома, в гостинице, в съемном помещении. Примерно 40 тыс. проституток – итальянки, 60 тыс. – представительницы миграционных сообществ; около 10 тыс. оказывающих платные секс-услуги – несовершеннолетние (Nicolosi 2022).

При этом речь идет о неконтролируемом явлении, угрожающем здоровью нации (не говоря уже о здоровье самих “девочек” – так, свыше 80% клиентов требуют обслуживания без презерватива) (Ibid.) и стабильности в стране: год от года стремительно растет статистика по убитым и покалеченным проституткам и одновременно по доходам курирующих этот сектор сутенеров, представляющих различные криминальные сообщества (напр., калабрийскую «Ндрангету»). По приблизительной оценке, лишь в 2019 г. полученная ими прибыль от проституции оценивалась в 25–30 млрд евро (La prostituzione in Italia 2021). При этом и государственные, и правоохранные, и общественные, и церковные организации, уделяющие внимание проблеме проституции, открыто признают, что точная статистика, даже только по ее женской ипостаси, неизвестна и что все компетентные структуры и органы в Италии оперируют лишь приблизительными цифрами.

Сложность статистического подсчета, а главное – контроля института “секса за деньги”, усугубляется тем фактом, что проституция в Италии фактически свободна, хотя при этом правовая ситуация, касающаяся этого явления, достаточно сложна и противоречива. Итальянские власти стоят на позиции неабсолютизма (Studio sulle legislazioni 2013: 1): национальное законодательство в открытую не разрешает, но и не запрещает предоставление сексуальных услуг за плату. Карается только сопутствующее вмешательство в процесс третьих лиц – контроль с их стороны, пособничество, эксплуатация проституции, организация специальных мест (напр., борделей) для реализации сексуальных контактов за деньги. При этом клиенты, не заплатившие проституткам, приравниваются к насильникам (Ibid.).

Согласно результатам мониторингов и опросов, проводившихся в последние годы в Италии уже упомянутой “Codacons”, а также крупнейшими агентствами по изучению общественного мнения “Demos” и “SWG”, период с 1860 г. (с момента создания объединенной Италии и принятия “Закона Кавура”³, легализовавшего проституцию, создавшего сеть публичных домов и поставившего этот сугубо городской институт под жесткий полицейский и медицинский контроль) вплоть до 20 сентября 1958 г. (когда вступил в силу “Закон Мерлин”, запретивший бордели⁴) 75% респондентов (в целом опросы охватили почти

500 тыс. итальянцев из разных регионов страны, в том числе и проституток) оценивает не просто как “нормальное”, а как “оптимальное” время сосуществования общества и его органичного элемента – проституции (Mancino 2018). Это большинство, следуя инициативе политиков, в основном представителей Лиги Севера, поддерживает идею возрождения в Италии борделей – *case chiuse* (“закрытых домов”)⁵ (Artale 2018: 9).

Сицилия, как показали опросы, проводившиеся в 2018 г. под эгидой Международного независимого научного фонда им. И. Буттитта, демонстрирует большой отрыв от всех остальных областей Италии: 97% опрошенных мужчин и 93% женщин всех возрастов и социальных слоев высказываются за открытие вновь публичных домов в регионе. Они видят в этом средство декриминализации проституции, защиты здоровья общества и ревитализации органичного элемента сицилийской культуры, подчеркивая при этом необходимость “санации” и сохранения традиций локальной проституции и ограничения “иностранной” (Fondazione I. Buttitta 2018).

То, что подобные приоритеты массово разделяются не только мужчинами, но и женщинами, неудивительно. В “лице” Сицилии мы имеем дело с мужским, фаллоцентричным (Derrida 2014 [1992]: 291), “тяготеющим к сохранению архаичной традиционности” обществом, в котором и сегодня продолжает довлеть “культ вирильности и маскулинности” (Billitteri 2003: 188), а «идеи фаллоцентризма в немалой степени разделяются и смотрящими на мир “мужскими глазами” женщинами, видящими в них основы основ, столпы стабильности, сохранения *status-quo* и противостояния деструктивным... тенденциям в социуме» (Bellasai 2011: 18). Народный принцип “представитель сильного пола всегда прав” (сиц. “*u màsculu avi sempri ragggiuni*”) универсален и разделяется во всех социальных слоях и культурных стратах сицилийского общества.

Вышеприведенная сицилийская статистика, не имеющая аналогов в Италии, побудила нас обратиться к исследованию феномена проституции в этом регионе. Уже первые опросы в 2018 г. убедительно доказали, что подавляющее большинство респондентов, включая молодежь, отстаивая идею возрождения “закрытых домов”, массово апеллирует к опыту прошлого. Речь идет об эпохе, включающей 1930-е годы – период регионального расцвета публичных домов, 1940–1950-е годы – время их послевоенной “реанимации” (вплоть до 1958 г., когда бордели прекратили свое существование), а также 1960–1970-е годы, когда “закрытые дома” сменила “свободная” проституция: клиентов обслуживали работавшие самостоятельно при посредничестве сутенеров проститутки (сиц. *buttani*) все еще исключительно местного происхождения (эпоха постепенного вытеснения их представительницами миграционных сообществ началась лишь десятилетием позже).

Несомненно, оценивая это ностальгическое единодушие, приходится делать скидку на специфику психологии населения: сицилийцы “повернуты назад”, “преданы традиции” и “ориентированы на прошлое” (Randazzo 1985: 53). Эту особенность локального мировидения отмечают и антропологи⁶, и психолингвисты, подчеркивающие неиспользование сицилийцами будущего времени глаголов (Baiamonte 2021), и журналисты (Billitteri 2003: 107–109). По словам теолога С.Б. Рандаццо, детально исследовавшего национальный характер сицилийцев, “по части приверженности традициям и любви к былому населению острова оставляет далеко позади англичан” (Randazzo 1985: 57).

Однако в подобной ностальгии есть моменты, побуждающие отнестись к ней внимательней. Так, оплакивание времени, когда уже не было “закрытых

домов”, актуализация вопроса происхождения проституток, затрагиваемая, а порой и акцентируемая желательность их принадлежности местному сообществу заставляют предположить, что оглядка на прошлое связана отнюдь не только с самой формой предоставления платных сексуальных услуг (напр., наличием борделей) и с сентиментальными личными воспоминаниями об ушедших в небытие домах терпимости или практиковавших в них конкретных “девочках”. Мы полагаем, что сицилийский ракурс ретровидения “секса за деньги” обусловлен более глобальными процессами этнокультурного характера: размыванием сегодня традиционности и культурной гомогенности региона, потерей ряда явлений традиционной культуры, угрозой утраты населением своей “самости”. В свете этих процессов разговор о проституции в Сицилии переходит во внеэротическую плоскость, а ностальгия сицилийцев перерастает рамки сугубой телесности – на первый план выходят не связанные с сексом (но в конечном итоге возвращающиеся к нему) аспекты взаимоотношений акторов платных любовных практик: их сокультурность, вербальный и эмоциональный контакт, возможность диалога.

Ниже мы попытаемся – впервые в отечественном и зарубежном дискурсах – осуществить, ограничиваясь несколькими десятилетиями XX в., антропологическую реконструкцию явления городской проституции, именуемого в Сицилии *cosa ri fimmini* (“женское дело”). Следуя же тезису К. Гирца, согласно которому “символами или, по крайней мере, символическими элементами” для сообщества могут быть любые явления, служащие ключом к его бытию и средством передачи и восприятия им смысла, культуры и “абстракции опыта” (Geertz 1973: 89), попытаемся также получить ответ на вопрос: что же значит эта “ушедшая” проституция для сицилийцев, каково ее место в системе локальных ценностей?

“Женское дело” хорошо сохранено в памяти населения, и это актуализирует значимость полевого материала – результатов опросов респондентов различных возрастов, включая и весьма пожилых (80, 85 и более лет); особую группу составили “бывшие” – женщины, некогда работавшие в “закрытых домах” (10 человек). Интервью позволили значительно “углубиться” в XX в. и реконструировать даже отдаленные во времени культурные реалии, поскольку респонденты, помимо описания собственного опыта, озвучивали и переданный им опыт двух-трех предшествующих поколений.

В отличие от многих областей Италии (Апулии, Кампании, особенно Сардинии), в Сицилии тема проституции не табуирована: она свободно обсуждается в неофициальном межличностном общении – в бытовой, внутрисемейной, дружеской сферах и т.п. Представители всех социальных страт общества говорят открыто, без всякого стеснения об институте “любви за деньги”. С поразившей нас простотой и естественностью “бывшие” рассказывали о своем прошлом, а мужчины-респонденты откровенно делились личным опытом посещения в молодости публичных домов, описывая “общение” с проститутками и вспоминая впечатливших их “девочек” даже в присутствии жен и детей, которые также активно участвовали в разговоре.

Однако при этом вплоть до конца XX в. тема платного секса, равно как и других “скабрзных” и “грязных” сюжетов, крайне редко поднималась исследователями в Италии (за исключением врачей и юристов). Этот факт во многом можно объяснить традиционным влиянием церкви на светское общество, на что неоднократно указывал М. Фуко: насаждаемые церковью “теория греха” и “дисциплинарная власть”, не утратившие силу и сегодня, уже в Средние века были доведены ею до совершенства (Foucault 1966). Однако в меньшей

мере замалчивание этой темы в публичном пространстве было обусловлено буржуазными ханжескими моральными установками в итальянском, особенно в чопорном провинциальном сицилийском, обществе и в локальной академической среде второй половины XIX – начала XX в. Даже таким дотошным исследователям сицилийской народной культуры, как Дж. Питрэ и С. Саломоне Марино, эти каноны нравственности не позволили нарушить “целомудренное молчание” в отношении запретных тем – проституции, секса, инцеста и т.д. Приходится признать правоту современных ученых, отмечающих “все еще сохраняющееся стыдливое лицемерие в итальянском обществе, отказывающемся публично обсуждать некоторые вопросы, невзирая на пережитый опыт 1968 г. и вопреки раскрепощающему влиянию сексуальной революции 1970-х годов” (*Pattuzzi* 2020: 78).

Исследования проституции в Сицилии немногочисленны. Это труды офицера полиции А. Кутрера, посвященные анализу в ключе криминальной социологии проституции в Палермо конца XIX в. (*Cutreria* 1900), истории сицилийской проституции (*Cutreria* 1971), роли и значению фигуры сутенера в островном сообществе (*Cutreria* 1979 [1896]). Заслуживает внимания творчество журналистов: это материалы о послевоенных публичных домах Палермо (*Luca* 2006), о “хронике бытия” проституток в 60–70-е годы XX в. (*Vecchio* 1992), а также обнаруженные в архивах сицилийских газет очерки, посвященные городской проституции в этот же период. Особняком стоит интереснейший документ, хранящийся в Отделе рукописей Центральной библиотеки Сицилии, – неопубликованные мемуары, написанные в преклонном возрасте Терезой Валидо, содержательницей “дома *Buganè*” – одного из самых престижных борделей Сицилии (*Valido* 1969). Мемуары представляют собой источник, освещающий изнутри феномен проституции, его социальную миссию и отношение к нему в различных слоях населения. Лишь в последние годы стали появляться тяготеющие к научности, преимущественно исторические статьи, посвященные дотолем неизвестным граням феномена проституции: например, ее деревенской ипостаси, свет на которую пролили хранящиеся в государственных архивах материалы итальянского парламентского “аграрного” расследования 1873 г. (*Di Bella* 2023), или специфике ряда сицилийских “закрытых домов” (*Gnoffo* 2019).

Мы не ставим цели реконструировать всю историю проституции в регионе, тем не менее вспомним некоторые “говорящие” ее эпизоды, освещающие специфику и значимость этого института в Сицилии, его органичную принадлежность островной культуре и особое отношение к нему сицилийцев – что также объясняет ностальгические рефлексии населения. И хотя справедливо утверждение историка Ч. Барнао, что «опасно проводить параллель между эпохой древности и современностью, объясняя бытование тех или иных институтов (напр., сегодняшней продажи секса) их потерянными в глубине времен “аналогами” или “предшественниками” – культовой проституцией или гостеприимным гетеризмом» (*Barnaio* 2016: 17), высокий уровень культурной преемственности в Сицилии заставляет признать тот факт, что “пышное цветение проституции, ее популярность в островном сообществе в XX в. имеют, несомненно, глубокие исторические корни” (*Basile* 2007: 171).

Уже при финикийцах на острове необычайное развитие получил связанный с культом Астарты институт священной проституции (*Ribichini* 2004: 55). В эпоху древнегреческой колонизации Сицилия унаследовала введенную в Афинах Солоном традицию публичных домов; многочисленных гетер заводили ради наслаждений более высокого порядка (*Baccarin* 2018: 8). В отличие от Греции,

в Сицилии существовали и центры религиозной проституции, например, в святилище Афродиты Пандемос в горах Эриче (Lietz 2012: 27–29).

По словам этноархеолога Дж. Феррау, ни римляне, ни вандалы, ни остготы не затронули в Сицилии «привнесенную греками и поднятую ими на особую высоту “культуру эротизма”» (Ferraiù 2019: 41), которая позже, уже при Византии, получила новый стимул к развитию (Di Cosmo 2018: 14). Необычайно большое число блудниц, наводнивших города Эмирата Сицилии в эпоху арабского завоевания острова, невзирая на формальные запреты проституции в исламе (Basile 2020: 140), только увеличилось в эпоху расцвета Королевства норманнов и при династии Гогенштауфенов (Cutrera 1971: 35). Свет на отношение в ту эпоху к “шлюхам” (лат. *meretrix*) проливают документы. Так, в 1129 г. жители Палермо направляют прошение в городской совет об освобождении от налогообложения лиц, “весьма нужных городу”: евреев, падших женщин, мясников и ремесленников – и власти удовлетворяют эту просьбу (Straus 1992: 58). И хотя проституткам предписывалось оставаться в шатрах вне городских стен, как того требовало законодательство большинства итальянских городов и земель⁷, на практике, по данным источника XII в., они беспрепятственно жили и работали в сицилийских городах (Ruscardus de Sancto Germano 1937–1938: 100). Так, в Палермо начиная с XIII в. “веселые женщины” обитали в квартале Амалфитани (собственно, где они практикуют и сегодня) в самом “сердце Старого города”, “по соседству с многочисленными церквями и монастырями”; квартал вскоре стал называться “Бордель св. Андрея” (сиц. “Lu burdellu di Sant’Andria”) по имени святого, в чью честь был освящен собор по соседству (La Duca 2003: 105–107). Именно там позже осели проститутки с Капри и Мальты; последние, именуемые *zoccole* (от ит. *zoccoli* – “сабо”, “деревянная обувь”), папским указом были изгнаны в XVI в. с родного острова, чтобы уберечь от искушения рыцарей мальтийского ордена (When Prostitutes from Malta 2006). Соседство с блудницами не смущало клир и в Мессине, где в 1432 г., уже при власти Арагона, буквально дверь в дверь с Собором Св. Луки открылся первый в Сицилии бордель, а вслед за ним и другие – все в центре города (Cutrera 1971: 60).

О “приятти” жриц любви островным сообществом свидетельствуют и другие примеры. Так, княгиня Трабия во время эпидемии холеры 1647 г. в течение долгого времени в своем замке давала приют проституткам всех окрестных городков (Cutrera 1971: 156), а в Палермо с XVI в. праздник покровительницы города св. Розалии (15 июля) ежегодно официально открывался соревнованиями по бегу среди городских проститутток (сиц. *corsa ‘i ri bagaxi*); победительниц отцы города награждали украшенными камнями и жемчугом корсетами из дорогих тканей и обещали не чинить препятствий их деятельности в течение года (Luca 2006: 59). К концу XVI в. власти классифицировали *buttani*, подразделяя их на *donna innamorata* (“богатых содержанок”), *cortegiana* (“куртизанок”, принимавших в своих домах людей богатых, благородных и высокого ранга), *meretrix* (“работниц” публичных домов) и трудившихся на улице *donna di cantonera* (Principato n.d.). Закон Кавура, не коснувшись первых двух категорий, слабо затронув деревенскую, продиктованную голодом и нищетой, но тщательно скрываемую продажу себя крестьянками (как правило, “гасившими” таким образом любые формы задолженности их мужей синьору-землевладельцу), и не искоренив полностью уличную проституцию, привел к невероятному увеличению за счет последней числа и штата сугубо городских “закрытых домов”. Тем самым Закон Кавура в прямом и переносном смыслах оздоровил регион, поскольку ввел обязательный ежедневный медицинский контроль

“девочек” и установил полицейский надзор над борделями, а следовательно, нанес удар по криминальному сообществу сутенеров (сиц. *papuni* или *ricottari*).

Проститутки и “закрытые дома” в Сицилии исторически выполняли несколько функций: в первую очередь они играли важнейшую роль в жизни локального социума, “обслуживая” взрослое мужское население – как холостое, так и состоящее в браке, а также “просвещая” и приобщая к сексуальной культуре юношей; кроме того, они удовлетворяли запросы гостей острова (большинство городов Сицилии – портовые). Следует помнить, что даже в крупных городских центрах, не говоря уже о провинции и деревнях, вплоть до конца 70-х годов XX в. отношения полов были жестко регламентированы: общество, невзирая на “кипение страстей и повышенный градус мужской чувственности” (Basile 2006: 233), на дух эротизма и смягченность запретов, касающихся проявлений физической природы человека, парадоксальным образом оставалось предельно чопорным и строго отслеживало внешнюю сторону свободных отношений, особенно внебрачных, между мужчинами и женщинами, тогда как добрачные связи были безоговорочно табуированы. По воспоминаниям нашей респондентки-горожанки, в конце 70-х годов XX в. учительствовавшей неподалеку от Палермо,

в деревнях тогда еще вывешивали простыни на следующий после свадьбы день, а о сексе молодых до брака и помыслить было страшно – девушку и ее семью за такое могли морально уничтожить, не то что ославить <...> в городах ситуация была лучше, однако мы с женихом, выходя из дома, – я была совсем молодой, а он был старше и разведенный – прятались от всех (ПМА 2).

Жены закрывали глаза на похождения мужей, а запрет разводов в Италии вплоть до 1970 г. очень способствовал традиционной свободе и вседозволенности даже для женатых мужчин. По словам историка Г. Базиле, «при гигантском потенциале нерастратенного мужского эротизма, в социуме запрет на публичную сексуальную свободу и отсутствие свободных “приличных” женщин не позволяли найти иного выхода этим аккумулярованным чувствам, кроме посещения борделей» (Basile 2006: 234). В бордели ходили мужчины любых достатка, возраста и сословия. По воспоминаниям как опрошенных нами “бывших”, так и Т. Валидо, самыми одиозными и дружно ненавидимыми клиентами были “церковные”, аттестуемые исключительно как “свиньи”, “пакостники”, “мерзавцы”, “жестokie извращенцы” (ПМА 1; Valido 1969: 34). Частота посещений представителями этой категории борделей подтверждала старинную сицилийскую поговорку “Там, где звонят колокола, крутятся шлюхи” (сиц. “Unni ci su i campani un ponnu mancarì i buttani”).

При высоком “индексе проходимости” в “домах”, по свидетельству респондентов, “девочкам” хватало сил, желания и времени уделять особое внимание желторотым юнцам, которые правдами и неправдами прорывались в бордели (документов там не спрашивали, но возраст молодых – не ниже 18 лет – при вручении им *tessera*, или входного билета/абонемена на посещения, должен был кто-то удостоверить; в качестве поручителя выступал отец или другой взрослый родственник – клиенты заведения, либо единственное официальное лицо “со стороны” – знавший жителей своего квартала почтальон, которому юнцы за лжесвидетельство отдавали 200 лир – изрядную сумму, в 1950-е годы почти 2% средней месячной зарплаты служащего). Срабатывало истинно “сицилийское чадолубие” (Randazzo 1985: 84): подростков не только “обращали”, с ними дружески болтали, их поучали, обучали, наставляли, почти опекали,

ли; многим эти мальчишки напоминали братьев, а некоторым и сыновей, растущих где-то вдаль, в деревне (ПМА 1). Конечно, подобное происходило в любом борделе в любой точке мира, однако “в Сицилии эти образовательные практики, дошедшие, в отличие от остальной Италии, почти до наших дней, поражают тотальным охватом мальчиков-подростков” (Fontana 2012: 19).

В “домах” Сицилии “теряющему невинность” подростку делали гигантскую скидку, и этим пользовались очень многие: юнцы обходили “в первый раз” бордель за борделем, следя за тем, чтобы не прийти в одно и то же место повторно. Поскольку доказать либо опровергнуть факт “чистоты” было сложно, администрация, чтобы не потерять клиентуру, верила подросткам на слово. По воспоминаниям Л. Лука, с ним однажды случился “подобный конфуз”: «...я забылся и пришел туда, где уже раньше однажды “терял невинность” (сиц. *mi rumpivi 'u coddu*)... Сама *madame* вышла накустылять мне по шее; правда, все смеялись...» (Luca 2006: 25).

Практически до конца XX в. через бордели и услуги *buttani* проходили все мужчины Сицилии, чья молодость приходилась на исторический период “отсутствия добрачных связей”. По крайней мере, все 100% наших респондентов-мужчин в возрасте от 60 лет и старше подтвердили, что свой первый сексуальный опыт они получили именно с *buttani* и с ними же оттачивали свое “мужское мастерство” (ПМА 1). По словам писателя С. Ньюффо, эпоха вплоть до конца 1970-х годов, до либерализации сексуальных отношений в обществе, когда визиты к проституткам были единственным средством “приобщения к сексу” для молодежи и “доступа” к нему для холостяков, а для многих женатых мужчин служили “любовной отдушиной”, была “временем определенной философии жизни, разделяемой если не всем социумом, то большей его частью”, эрой общественного гедонизма, отмеченной всплеском присущей Сицилии жовиальности, эпохой “тяги к чему-то большему, чем просто секс” и “поиска радости как плотской, так и душевной”, не угасавшими даже в годы военных тягот и послевоенной нищеты (Gnoffo 2019).

Почти до конца XX в. каждая уважающая себя городская сицилийская семья среднего класса (и многие сельские семейства), не говоря уже о представителях более высоких “сословий”, обращалась к услугам не только “своих” врача, нотариуса, адвоката, бакалейщика и т.д., но и к *buttana ri firucia* – “своей”, “доверенной” проститутке, “опробованной” и “проверенной” мужской половиной семейства, в первую очередь его главой; именно к ней в нужный час отцы вели сыновей (ПМА 1). При этом всегда старались найти местную уроженку (сегодня такая практика, еще сохраняющаяся в обществе, – незыблемая норма поведения для представителей *onorata società* – “уважаемого сообщества”, т.е. мафии [Dina 2002: 120]). До 1958 г. подобные услуги предоставляли женщины в борделях, в 1960–1970-е годы – уже исключительно “свободные” проститутки. Одна такая женщина (их именовали *buttana ri casa* – “домашняя” *buttana* или, иронично, *'a maestrina* – “училка”), как правило, курировала и обслуживала определенный круг семей, хорошо ими оплачивалась, взамен гарантируя медицинскую и социальную “безопасность” обращения к ней. Она не разменивалась на случайных клиентов, что придавало солидности предприятию и позволяло избегать ненужных рисков и скандалов. По согласованию с ней, можно было порекомендовать ее хорошим знакомым (ПМА 1). Именно проститутки, в том числе и “семейные”, по воспоминаниям мужчин-респондентов, обучали обращению с женщиной, приобщая не просто к сексуальной, но – шире – к эротической, чувственной, аффективной культуре, иногда давая и “нечто большее” (Ibid.).

Так, респонденты упоминали, что “свои” (т.е. сицилийские) женщины учили заодно правильным канонам локального поведения, а итальянки⁸ несколько расширяли кругозор “обучаемых”, стимулируя интерес к Италии (Ibid.) – в 1960-е и даже в 1970-е годы Сицилия, образно говоря, еще всецело “варилась в своем соку” и не очень ощущала себя частью страны (Miliziano 2009: 11). Поскольку многие из “своих” были деревенского происхождения, общение с ними молодых горожан подчас открывало перед последними неизвестную сельскую культуру, обогащая в том числе знанием родного фольклора. По свидетельству по крайней мере одной нашей респондентки, именно от *‘a maestrina* брат “узнал множество легенд и сказаний, которые спустя годы пересказывал своей дочери” (ПМА 2).

Говоря о функциях “закрытых домов” в Сицилии, Л. Лука подчеркивает, что в них приходили не просто, чтобы «заняться любовью и освободиться от мужского бремени; там общались и беседовали, – и с “курочками”, и между собой – как, наверное, нигде в Италии» (Luca 2006: 81). Бордели играли роль своеобразных демократичных мужских клубов, представляя собой, вероятно, единственное место в локальном обществе, где сглаживались любые различия и где, по негласным нормам, становилось возможным общение на равных мужчин различного социального и имущественного статуса. По воспоминаниям респондента, “в борделях мирились политические противники, кредиторы и должники...”, “никого не смущала встреча начальника и подчиненного, учителя и ученика, даже исповедника и исповедующегося; более того, она не мешала и восстановлению за стенами заведения прежней иерархии отношений...” (ПМА 3). Именно публичные дома в Сицилии в период объединения Италии стали центрами прогарибальдийского движения⁹, а в эпоху фашизма – средоточием оппозиционных режиму Муссолини настроений, в полной мере разделяемых, а порой и инспирируемых *mesdames* и “девочками” (Billitteri 2003: 75). Не случайно исследователи отмечают традиционно высокий, не имеющий аналогов в стране, «вес “внесексуальной составляющей” взаимоотношений с *buttani* в Сицилии» (Gibson 1989: 42).

О широте взаимоотношений клиента и проституток говорят многие респонденты и журналисты: уже в 1960-е годы, когда наблюдался подъем популярности Итальянской коммунистической партии, две проститутки (в Палермо и Катании) обслуживали исключительно “товарищей”, в основном из молодежной секции ИКП, обсуждая с ними заодно политику и выходя вместе с ними на митинги в поддержку коммунистов. Уроженка Палермо настолько хорошо знала свою клиентуру, что при каждом стуке в дверь “рабочего помещения”, где она принимала, в качестве пароля спрашивала номера партийных билетов, которые помнила наизусть (ПМА 1; Vecchio 1992: 27).

Уместно упомянуть, что в таком тяготеющем к сохранению традиционности и богатом культурной архаикой регионе, как Сицилия, проституткам находилось (и все еще находится) и своего рода сакральное применение. Так, например, и по сей день выход в море рыболовецкой артели на добычу тунца (сиц. *mattanza*, букв. “убой”), в соответствии с древнейшими промысловыми культурами, предваряется актом публичного соития прямо на головном судне флотилии *pauca* (сиц. *rraisi*) – главы рыболовной артели и лучшей городской проститутки, вскладчину нанимаемой всей артелью в целях обеспечения хорошего улова (Basile 2012: 43). При этом рыбаки жалуются, что в последние годы достаточно сложно отыскать “девочку” на такую роль, поскольку традиция требует, чтобы она была местной, дорогой и красивой, а в наши дни таким требованиям

отвечают преимущественно эскортницы, не желающие, невзирая на предложенную сумму, выполнять такой “странный” для них заказ (ПМА 1). Приведем и другой пример: еще в 70–80-е годы XX в. в центральных районах острова при первой вспашке полей члены сельскохозяйственного предприятия нанимали проститутку, по обычаю – непременно местную, и глава кооператива прямо на пашне занимался с ней сексом, как это делали далекие предки в рамках весенних обрядов плодородия, чтобы обеспечить высокую урожайность (ПМА 1). По описаниям респондентов, событию предшествовали долгие бюрократические хлопоты: чтобы получить “добро” на проведение обряда, члены кооператива письменно запрашивали разрешение у местных профсоюзных лидеров, а те, в свою очередь, обращались в вышестоящие инстанции (ПМА 1).

Американский антрополог П. Келли, исследовавшая проституцию в Мексике, неоднократно подчеркивала, что проповедующим борьбу с феноменом проституции ученым и общественным деятелям необходимо считаться с тем, что в народном мировидении он является настолько органичным элементом локальной культуры, ментальности, философии и поведенческих стандартов, что посягательство на него означает покушение и на многие привычные основы бытия традиционного общества (*Kelly 2008: 11*). Это в полной мере справедливо для Сицилии.

По сравнению с другими регионами Италии численность публичных домов в Сицилии не была чрезмерно высокой. В одном только Палермо, в котором в 1936 г. насчитывалось 420 тыс., а в 1951 г. 490 тыс. жителей (*Censimenti popolazione Palermo 2022*), в 1958 г. официально работало 12 “закрытых домов”, т.е. много меньше, чем в других областях (для сравнения: в Милане в этот же период, при населении в 1,1–1,3 млн человек, было свыше 50 домов терпимости) (*Luca 2006: 101*).

Однако слава *cosa ri fimmini* гремела далеко за пределами региона, не случайно Сицилию и в до-, и в послевоенный периоды называли “любовным Эльдорадо” (*Basso 2019: 57*). В Италии бытовало мнение, что на острове *buttani* отличаются “сугубым шиком”, особым “мастерством и душевным обхождением” с клиентами (*Simonetti, Sangiorgi 2014: 70–71*); и хотя эпоха секс-туров еще не наступила, многие мужчины “с континента” приезжали в Сицилию, чтобы проверить достоверность таких суждений (*Azara 2018: 198*).

Трудно однозначно сказать, на чем основывались подобные мнения, однако можно предположить, что они были обусловлены несколькими разноплановыми факторами. Во-первых, публичные дома в Сицилии традиционно отличались необычайным эстетизмом: экипировка “пансионерок” всегда была элегантно, выдержанной в великосветском духе XIX в., ее (или ее видимость) старались поддерживать даже в годы военных и послевоенных лишений и нищеты и даже заведения низшей категории, не говоря уже о “домах” средней руки; этот стиль, по воспоминаниям респондентов, очень способствовал “романтизации обстановки” (ПМА 1). Любопытно, что еще в середине 1960-х годов на центральных улицах Палермо, Катании и Мессины можно было наблюдать медленный проезд пролетов, в которых сидели элегантно одетые бывшие пансионерки: все в белых или розовых кружевах, с кружевными же зонтиками, в митенках или перчатках, в широкополых шляпах с вуалью. Напоминающие принцесс из сказки, они приветствовали восхищенные, рукоплещущие им мужские толпы на тротуарах, улыбались, изредка рассылали воздушные поцелуи и, периодически останавливая извозчика, принимали заказы от подхихивших к ним мужчин.

Во-вторых, как подчеркивают исследователи, многим импонировала определенная каноничность “действия” в Сицилии, всегда тяготеющей к «не лишнему своеобразной старомодной эlegantности в манерах и стиле обслуживания “патриархальному” сексу, что не могло не привлекать массового потребителя» (Spizzichino 2005: 109). Здесь, в единственном регионе Италии, в соответствии с традицией, *buttani* никогда не пили и не работали “под кайфом”, не оказывали услуги садо-мазо, не практиковали содомию (не исключено, что эти негласные запреты, соблюдаемые и сегодня, восходят ко времени арабского присутствия и к эпохе Испанской инквизиции) (Basso 2019: 14). В этой связи сделаем еще одно замечание, касающееся специфики сицилийского кейса. Как указывает название *cosa ri fimmini*, локальной проституции всегда был “присущ моногендерный характер” (Segre 2000: 33). В отличие от прочих регионов Италии и Европы, в Сицилии, “благодаря арабам и инквизиции”, и в наши дни отсутствует феномен “открытой” транссексуальной и гомосексуальной проституции, и это при том, что число лиц нетрадиционной ориентации здесь достаточно велико (Barbagli et al. 2010: 27). Гегемонию женщин на ниве платной любви не поколебали даже “транс”, появившиеся “на панели” после 1968 г. (*buttani* брали их под свою защиту); они быстро оставили “публичное поле” проституткам, правда, и поныне выходящим на работу с табличками “Настоящая женщина” (ит. *Vera donna*) (Billitteri 2003: 77). И сегодня, руководствуясь сформированными в прошлом критериями, социум требует “кулуарности” для любых альтернативных сексуальных связей, лишь за освященной традициями женской проституцией признавая право на легитимную публичность.

Но главной “приманкой” сицилийских борделей была некая практика, имевшая хождение исключительно в регионе, о ней упоминают Т. Валидо (Valido 1969: 53), “бывшие” и многочисленные респонденты, чья молодость пришлось на эпоху “закрытых домов” (ПМА 1). Речь идет о возможности “только поговорить”: если клиенту не хватало денег на полноценный визит, за полцены, особенно в утренние часы, когда наплыв публики был меньше, его пускали к “девочкам” просто пообщаться, причем, по воспоминаниям респондентов, такая практика была необычайно востребована мужчинами всех возрастов и категорий – не менее чем посещение женщин с чисто сексуальными целями (ПМА 1). Впервые такая услуга, изначально предназначенная для самых молодых, не очень обеспеченных посетителей, появилась в домах “Flogio” и “Buganè” в 1945 г., а вскоре ее взяли на вооружение и другие бордели – вначале Палермо, а затем и прочих городов Сицилии. Показательно, что именно “поговорить” оказалась одной из тех “изюминок” локального “секса за деньги”, которая заманивала клиентуру со всей Италии (Basso 2019: 44). Привлечение сравнительного материала, имеющего отношение к “заведениям” во всех частях страны, в которых довлела “грубая прагматика” сугубо сексуальных услуг (Simonetti, Sangiorgi 2014: 70; Fontana 2012: 210; Centini 2019: 19), подтверждает эксклюзивность и востребованность в национальном масштабе сицилийского опыта (Artale 2018: 14), равно как и особую популярность приезжавших “на континент” сицилийских проститутток, поскольку они отличались иным, “более душевным обхождением” с клиентами (чем навлекали на себя ненависть коллег по ремеслу: на сицилиек был бóльший спрос, к тому же они не разделяли принципов корпоративной ненависти к мужчинам) (Ibid.).

Рассмотрим специфику эмического видения *buttani* сицилийским социумом. Утверждение Г. Базиле о “присущем всему населению Сицилии не просто толерантном, а едва ли не почтительном отношении к представительницам

древнейшей профессии, опирающемся на давние традиции” (*Basile* 2007: 171) подтверждается множеством примеров. Один из главных маркеров этого отношения – “обозначающие” проституцию термины. Любопытен и показателен тот факт, что в вербальной культуре Сицилии, даже в народном языке, достаточно соленом и грубом, богатом обценной лексикой и скабрёзными метафорами, для профессии проститутки используется парадоксально мало вполне нейтральных лексем. В первую очередь фигурирует эпитет *buttana*, значительно реже – *bagascia* (от каталан. *bagassa* – “шлюха”): оба они не несут пейоративной нагрузки, а всего лишь “констатируют” профессию женщины¹⁰, хотя могут использоваться как умеренные инвективы в отношении сторонних лиц, как раз не имеющих отношения к “промыслу”. Кроме этих двух эпитетов фигурирует безобидный эвфемизм *fimmina allegra*, или “веселая женщина”. Выражение *figghiu ‘i buttana* (букв. “шлюхин сын”) в Сицилии не является инвективой, оно означает фамильярное “симпатяга”; как правило, обращаясь так к человеку, во избежание двусмысленностей, этот оборот по традиции дополняют концовкой *...i figghiu ‘i bona mamma* (“...и сын добропорядочной матери”) (*Billitteri* 2003: 161). Подобные лаконизм и сдержанность удивительны на фоне всех остальных итальянских областей, использующих для обозначения проституток богатейший (в среднем свыше 25 синонимов) словарь обценной лексики, непристойностей и грубых инвектив (*Schirò* 2021), и, на наш взгляд, служат индикатором более чем толерантного отношения к ним. Отметим также, что ни в одном из ответов наших респондентов обоего пола, представителями какой бы социальной среды они ни были, не звучали неуважительные, осуждающие или скабрёзные интонации, когда речь шла об этой категории женщин.

Весьма значимо мнение самих *buttani*, особенно опрошенных нами “бывших”, которые по “долгу службы” кочевали по стране и имели возможность сравнивать отношение к ним. Все они единодушно отметили, что “Сицилия – единственная область Италии, где женщины не обливали нас презрением, а мужчины были нам благодарны и даже восхищались нами, давая понять, что мы несем людям любовь” (ПМА 1). Не случайно, как особо подчеркивают исследователи, среди проституток, писавших письма Л. Мерлин с требованием упразднить “закрытые дома” и жаловавшихся на невыносимые условия пребывания в них, не было ни сицилиек, ни “девушек”, работавших в Сицилии (*Da Pra Pocchiessa* 2018: 139). Весьма показательно и то, что ночь, предшествовавшая закрытию борделей в 1958 г., в Сицилии превратилась не в оргию вседозволенности, как в других регионах Италии (*Centini* 2019: 23), но в “трагическое действие, где было мало секса и много слез, в сцену прощания с эпохой, в акт скорее душевных, чем плотских проявлений” (*Luca* 2018). “Мы плакали, – пишет Т. Валидо, – все, клиенты и девушки, мы просто сидели и плакали” (*Valido* 1969: 12).

К нашему удивлению, опросы выявили вполне толерантное отношение к *buttani* и в сельской народной среде. Более того, пожилые респондентки вспоминали, что в прошлом сама мысль о такой “работе” односельчанок “где-нибудь поблизости” была, конечно, “позорной”, “просто невозможной”, однако известие о том, что та или иная девушка, уехав “из деревни”, “устроилась” в городе в “закрытый дом”, вызывало не шок, а наоборот, едва ли не зависть (“там ели досыта, имели доход и были такими красивыми!”). Более того, такая деятельность не препятствовала впоследствии ни замужеству, ни возвращению в деревню (ПМА 1).

Еще большая терпимость в отношении проституток по традиции обнару-

живается и сегодня в городских народных кварталах, тем более что местные *buttani*, в соответствии с локальными нормами морали, никогда не практикуют “по месту жительства”: обитая в одном районе, они снимают “рабочее помещение” в другом. Это позволяет населению квартала, включая женщин, относиться спокойно и безоценочно к соседству с проститутками и к их “ремеслу”, которое воспринимается всего лишь как источник выживания, не лучше и не хуже, чем другие. Для окружения *buttana* – обычная женщина, такая же, как и остальные жители, ее не подвергают остракизму или дискриминации, наоборот, в отношении к ней проявляется социальная солидарность обитателей района: уличные продавцы отпускают ей товар в долг, в ее отсутствие соседки могут посидеть с ее детьми, “закупиться” по ее просьбе продуктами, а когда она вернется, мирно посудачить с ней. Возникающие порой конфликты с такими женщинами обуславливаются не их “профессией”, а исключительно бытовыми причинами, как и с любыми другими представителями местного населения (ПМА 1).

Очень показательно, например, то, что в Палермо и сегодня люди продолжают регулярно приносить цветы к руинам рухнувшего вследствие американских бомбардировок в 1943 г. здания, где начиная с 1920-х годов располагался публичный дом “Pensione Novecento” (*Albergoni* 2000: 130). Наряду с некоторыми “ветеранами” – бывшими клиентами заведения и местными проститутками, приходящими, как того требует традиция, помянуть своих коллег, это делает также население соседних народных кварталов, включая детей и подростков. По словам жителей, они жалеют “бедных шлюшенек”, “бедняжечек” (сиц. *puviri buttanneddi, puviriddi*) – женщин, погибших 80 лет назад, которых они никогда не видели (ПМА 1); подобный жест красноречиво свидетельствует о достаточно положительном отношении к этой “профессии”.

Как реагировали на *buttani* женщины в добропорядочном (ит. *per bene*) городском или сельском обществе? Отношение замужних сицилиек к факту посещения проституток мужьями можно охарактеризовать как вполне терпимое или, скорее, “философское” (ПМА 2): эта практика была узаконена в глазах общества, а сам факт физического контакта супруга на стороне не воспринимался как измена. Несколько опрошенных “бывших” вспоминали, что в силу обстоятельств им приходилось порой даже встречаться с женами своих клиентов: “ничего постыдного; синьоры очень достойно себя с нами держали, на равных, даже приветливо, мы вместе выпили кофе... разумеется, мы щадили их, общались не на глазах соседей, чтобы не компрометировать дом... их репутация бы не пострадала, но у них были дочери, а девушкам было позорно общаться с проституткой” (ПМА 1). Более того, многие наши пожилые, принадлежащие к среднему и высшему классам информантки, вспоминая прошлое, говорили, что визиты мужей к “девочкам”, особенно до 1958 г., рассматривались в среде *per bene* спокойно, значительно спокойнее, чем, например, невинное на первый взгляд общение супругов с любыми “приличными”, особенно одинокими, женщинами за пределами дома, скажем, с коллегами по работе – такое общение воспринималось как чреватое романами, страстью и возможным разрушением семьи. По крайней мере, “девочки” из борделя или “своя”, проверенная проститутка (после отмены борделей) не вызывали ни ревности, ни страха ухода мужа, ни опасения получить в семью “позорную” болезнь (ПМА 1).

В заключение нашего краткого исследования уместно задаться вопросом: чем не устраивает сицилийцев сегодняшняя проституция в регионе¹¹? Превознося достоинства ушедших практик, никто из наших респондентов не идеализирует их и не закрывает глаза на негативные, грязные, пугающие стороны

этого феномена: на большую численность клиентов, которых приходилось обслуживать *buttani*; на сам характер такой “работы”, приносящей унижение, переживания, страдания; на сопряженные с деятельностью риски, особенно после 1958 г., когда вместе с самими борделями “девички” лишились и предоставляемой ими защиты жизни и здоровья, а взамен получили угрозу заражения венерическими болезнями (а потом и СПИДом) и сомнительную, а порой и страшную фигуру сутенера – источника потенциальной опасности как для них, так и для клиентов.

И тем не менее, по убеждению респондентов, прежнее положение дел было оптимальным и для самих проституток, особенно в “закрытых домах” (это мнение разделяют и “бывшие”), и для общества. Сегодня Сицилия вынуждена иметь дело с гетерогенной, преобладающей численно, “чужеродной” по своей природе, неконтролируемой, предельно криминализированной и оторванной от социума иностранной проституцией, опасной с медико-санитарной точки зрения. На вкус сицилийцев, сегодняшняя любовь за деньги “лишена качества” даже в “потребительском” отношении, поскольку она представляет собой “быстрый”, “беглый”, “обделенный эмоциями”, но главное (и это подчеркивается респондентами) – “немой” секс с мигрантками – “чужими” людьми другой культуры, национальности и расы, принадлежащими совершенно иной “системе координат” (ПМА 1). Контакты с ними низводят былые эротические действия, открытые “для всех”, и сопряженную с ними философию любви до прагматичного, механического молчаливого спаривания, девальвирующего глубинный смысл этих практик и востребованного исключительно единичными маргинальными, девиантными субъектами, не способными на полноценные сексуальные отношения (ПМА 1). Не случайно в Сицилии до сих пор “остаются в строю” и пользуются популярностью многочисленные *buttani* весьма преклонного возраста (подобных “ветеранок панели” редко увидишь в других регионах Италии): по уверениям респондентов, к этой “старой гвардии” их многочисленных поклонников толкает отнюдь не извращенность натуры и геронтофилия; общение с ними, во что бы оно ни выливалось, привлекательно именно возможностью контакта с прошлым, “прикосновением” к ушедшему и недостижимому сегодня былому (ПМА 1).

Не лучше в глазах сообщества выглядят и эскортные услуги: во-первых, они предназначены для *happy few* – “богатых и праздных”, во-вторых, сами эскортницы в силу цены, но еще больше в силу своего поведения (циничного и меркантильного), социального происхождения (*per bene*), а часто и высокого уровня образования востребованы далеко не всеми мужчинами; кроме того, их деятельность, обусловленная не нуждой, оправдывавшей *buttani*, а желанием получения легких и быстрых денег, осуждается в социуме. Отторгается и проституирование несовершеннолетних – откровенно порочное и ненормальное с точки зрения локальной системы ценностей явление, жестко табуированное, например, сицилийской мафией – рьяной защитницей традиционности (Dina 2002: 124). Появление новых “направлений” в сфере платного секса все наши респонденты связывают с различными современными социокультурными процессами, затронувшими и Сицилию: глобализацией; размыванием устоев, традиций и локальной культуры, особенно в молодежной среде; обезчеловечиванием (дегуманизацией) жизни, обезцениванием кодекса локальных норм поведения, развращением населения вследствие улучшения условий жизни; все более осязаемым влиянием цифровизации, социальных сетей и интернета; массивной миграцией, начинающей угрожать сохранению культурной

“самости” Сицилии (и за счет большого числа пришлых, оседающих на острове, и за счет их интеграции); и мн. др. (ПМА 1).

Таким образом, не случайно исследователи включают *buttani* (“уходящее племя”, как с грустью констатирует писательница Т. Ранно [Ranno 2019: 10]) в одну когорту с ремесленниками, пекарями, рыбаками, крестьянами и прочими представителями и носителями архаичной аутентичности. Историк Р. Ла Дука называет *buttani* “плотью от плоти древней культуры сицилийской земли”, “паладинами традиционности, последними хранителями того, что составляет суть и основу культуры и ментальности населения острова” (La Duca 2003: 106). Но, как резюмирует С. Гноффо, сицилийский писатель-исследователь народных традиций, “пока будут жить *buttani*, будет существовать и Сицилия” (сиц. “finchè ci sarrannu ‘i buttani ci sarrà puri ‘a Sicilia”), оптимистически при этом добавляя “а *buttani*, слава Богу, пока еще не перевелись” (сиц. “Grazzi ‘o Signuri ‘i buttani ancùora ci sunnu”) (Gnoffo 2019).

Примечания

¹ Происходит от старофранцузского *putain* (“женщина легкого поведения”) – производного от *pute* (“шлюха”; “ублюдок”).

² В начале 1889 г. был опубликован сборник рассказов Р. Киплинга “Черным по белому”. Действие одного из них – “В городской стене” – происходит в британской Индии, а героиня рассказа – прекрасная куртизанка Лалан, сравниваемая с древнегреческими гетерами, как раз и является представительницей “самой древней в мире профессии”.

³ “Закон Кавура” назван по имени утвердившего его графа Камилло Бенсо ди Кавура – первого премьер-министра страны.

⁴ “Закон Мерлин” назван по имени Лины Мерлин, депутата парламента, социалистки, борющейся с феноменом проституции в Италии, но считавшей, что главное зло – публичные дома. В 1955 г. Мерлин опубликовала письма “работниц” таких домов как доказательство необходимости их закрытия (Merlin, Barberis 1955). Закон фактически “выгнал” на улицу проститутток, не оставив им другого выбора, и ударил как по ним, так и по обществу, в значительной степени способствовав криминализации проституции. В наши дни деятельность Мерлин в Италии единодушно оценивается как негативная (Da Pra Pocchiessa 2018). В песне “Восса ди роза” (в пер. с ит. “Розовые губки”) знаменитый итальянский композитор и певец Ф. Де Андре, выражая общенациональное отношение к Мерлин, зло прошелся по ней, назвав “старухой, никогда не бывшей женой, бездетной и утратившей все желания” (ит. “una vecchia mai stata moglie, senza mai figli, senza più voglie”) и напрямую обвинив в уничтожении определенной “любовной субкультуры” в стране.

⁵ Специфическое название этих заведений в Италии связано как с тем фактом, что женщинам запрещалось покидать их без особого предписания полиции и их владелиц, так и с тем, что в соответствии с “Законом Кавура” в целях соблюдения общественных приличий им не разрешалось выглядывать из окон борделей, всегда наглухо закрытых шторами, жалюзи или ставнями.

⁶ Как отмечает антрополог А. Буттитта, «в Сицилии новое не прогоняет старое, традиция и инновация сосуществуют... Под кажущейся адаптацией к изменениям таится сохранение таких культурных матриц и идеологических канонов, которые словно принадлежат к другому историческому измерению – вне времени и “без времени”» (Buttitta 2006: 11).

⁷ В средневековой Италии некоторые города пытались, правда безуспешно, изгонять проституток со своих территорий (Болонья – в 1259 г., Венеция – в 1266 и 1314 гг., Модена – в 1326 г.). Жестче всего эту линию проводила Флоренция: в 1287 г. декретом были расторгнуты все контракты между проститутками и владельцами борделей, а сами эти заведения удалялись на расстояние не менее 0,5 км от города; в 1355 г. подеста позволил проституткам работать и находиться в городе по субботам и понедельникам; в 1384 г. был издан указ, повелевающий им носить “спецодежду” – колокольчики на голове, перчатки, обувь с высоким каблуком. В 1403 г. во Флоренции была учреждена полиция нравов (Onestà), целью которой был контроль над проституцией (Mazzi 2018: 81–90).

⁸ Принципы функционирования “закрытых домов” предполагали достаточно краткосрочное пребывание в них “девочек” и “перемещение” кадров по всей Италии, что в более поздние времена делали и “свободные” проститутки (сицилийские “гастролировали” “на континенте” и *vice versa*).

⁹ Подобно тому, как бордель, в штат которого входит проститутка Сара в фильме “Два мула для сестры Сары” (1970 г.; режиссер Дон Сигел), является очагом идей национального освобождения.

¹⁰ В наши дни термин *buttana* применим только по отношению к “своим” проституткам, тогда как иностранок, эскортниц и прочих современных “работниц панели” именуют *prostituta* (ПМА 1).

¹¹ Сицилия относится к областям Италии с достаточно небольшим числом проституток, среди которых преобладают мигрантки, в основном нигерийского, румынского, украинского, молдавского происхождения (La prostituzione in Italia 2021).

Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии (2018–2020, 2022 гг.).

Опросная группа 135 человек.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии (2022 г.). Информант Мариза Гарофало (Marisa Garofalo), 1941 г.р.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Опросы в Сицилии (2022 г.). Информант Нино Куттикьо (Nino Cutticchio), 1930 г.р.

Albergoni 2000 – *Albergoni A.* Racconti palermitani del '43. Palermo: Anteprema, 2000.

Artale 2018 – *Artale A.* Storia delle case chiuse in Italia e in Toscana. Wanda, Zaira e le altre. Treviso: Editoriale Programma, 2018.

Basile 2006 – *Basile G.* Palermo felicissima... o quasi. Palermo: Flaccovio, 2006.

Basile 2007 – *Basile G.* Palermo felicissima... atto secondo. Palermo: Flaccovio, 2007.

Basile 2012 – *Basile G.* Tonnare indietro nel tempo. Storia, folclore e costume si intrecciano in un ordito sacro e selvaggio, festoso e sanguinario. Palermo: Flaccovio, 2012.

Basile 2020 – *Basile G.* La vita in Sicilia al tempo degli emiri. Palermo: Dario Flaccovio, 2020.

Billitteri 2003 – *Billitteri D.* Femina Panormitana, ovvero l'arte del matriarcato occulto. Palermo: Sigma, 2003.

Censimenti popolazione Palermo 2022 – Censimenti popolazione Palermo 1861–2021 // Tuttitalia.it. 2022. <https://www.tuttitalia.it/sicilia/81-palermo/statistiche/censimenti-popolazione>

- Centini* 2019 – *Centini M.* Bordelli torinesi: Quando le case chiuse erano aperte. Torino: Il Punto–Piemonte in Bancarella, 2019.
- Di Bella* 2023 – *Di Bella E.* La Sicilia (scostumata) di oltre un secolo fa: tra i contadini c'erano prostituzione e corna // *Balarm.it*. 28.01.2023. <https://www.balarm.it/news/la-sicilia-scostumata-di-oltre-un-secolo-fa-tra-i-contadini-c-erano-prostituzione-e-corna-134380>
- Fondazione I. Buttitta 2018 – Fondazione I. Buttitta. Dati archivio: 2018. P. III: 12–32. Dep. 3–1444.
- Fontana* 2012 – *Fontana C.* Como a luci rosse. La prostituzione dall'epoca romana ai nostri giorni. Menaggio: Attilio Sampietro, 2012.
- Foucault* 1966 – *Foucault M.* L'utopie du corps // *Radio Feature*. 07.12.1966. <https://www.youtube.com/watch?v=NSNkxvGIUNY>
- Gnoffo* 2019 – *Gnoffo S.* Da via Calderai al Politeama: storie dei bordelli di Palermo prima della legge Merlin // *Balarmn*. 23.10.2019. <https://www.balarm.it/news/da-via-candelai-al-politeama-storie-dei-bordelli-di-palermo-prima-della-legge-merlin-111633>
- La prostituzione in Italia 2021 – La prostituzione in Italia: il quadro delineato da Codacons // *Luinotizie*. 24.11.2021. <https://www.luinotizie.it/2021/11/24/la-prostituzione-in-italia-il-quadro-delineato-da-codacons/351607>
- Luca* 2006 – *Luca L.* Puellae... Non donne di provincia. Palermo: Vittorietti, 2006.
- Luca* 2018 – *Luca L.* L'ultima notte di piacere nelle case chiuse della Palermo “proibita” // *La Repubblica (Sicilia)*. 20.09.2018. P. 12. https://palermo.repubblica.it/cronaca/2018/09/20/news/l_ultima_notte_di_piacere_nelle_case_chiuse_della_palermo_proibita_-300883936
- Mancino* 2018 – *Mancino D.* Italia e case chiuse, cosa dicono i dati sulla prostituzione // *Wired*. 17.01.2018. <https://www.wired.it/attualita/politica/2018/01/17/salvini-case-chiuse-prostituzione>
- Merlin, Barberis* 1955 – *Merlin L., Barberis C.* Lettere dalle case chiuse. Milano; Roma: Avanti, 1955.
- Nicolosi* 2022 – *Nicolosi E.* Basta ipocrisie: chi fa sexwork in Italia chiede diritti, non leggi abolizioniste // *Alfemminile.com*. 13.08.2022. <https://www.alfemminile.com/accade-oggi/nuova-legge-prostituzione-italia-s4046565.html>
- Principato* n.d. – *Principato N.* “Signorine, in camera!” – Storia delle case chiuse a Messina // *Mutualpass.it*. n.d. <https://www.mutualpass.it/post/703/1/signorine-in-camera-storia-delle-case-chiuse-a-messina>
- Ryccardus de Sancto Germano 1937–1938 – Ryccardus de Sancto Germano notarii Chronica // *Rerum Italicarum Scriptorum*. Vol. LIV / a cura di C.A. Garufi. Bologna: Zanichelli, 1937–1938.
- Schirò* 2021 – *Schirò S.* Le parolacce a Palermo // *Palermoviva.it*. 27.12.2021. <https://www.palermoviva.it/le-parolacce-palermo>
- Simonetti, Sangiorgi* 2014 – *Simonetti N., Sangiorgi M.* Cose di case... chiuse. Bari: Adda, 2014.
- Studio sulle legislazioni 2013 – Studio sulle legislazioni nazionali in materia di prostituzione e la tratta di donne e minori (Parlamento Europeo DG Politiche interne – Dipartimento Diritti dei Cittadini e Affari Costituzionali) // *Transcrime.it*. 11.2013. Joint Research Center on Transnational Crime: Università degli Studi di Trento; Università Cattolica del sacro Cuore. https://www.transcrime.it/wp-content/uploads/2013/11/legislation_on_prostitution_riassunto_ita.pdf
- Valido* 1969 – *Valido T.* Le memorie // Biblioteca centrale della Regione siciliana “Alberto Bombace”. Rep. Manoscritti. 1969. F12/NN. 1314–1317.

- Vecchio* 1992 – *Vecchio A.* La vetrina degli orrori. Storie di prostituzione in Sicilia. San Giovanni la Punta (Ca): Brancato, 1992.
- When Prostitutes from Malta 2006 – When Prostitutes from Malta were exiled to Palermo // WWW.independent.com.mt. Malta Independent. 10.12.2006. <https://www.independent.com.mt/articles/2006-12-10/local-news/When-Prostitutes-from-Malta-were-exiled-to-Palermo-166351>

Научная литература

- Azara L.* 2018. I sensi e il pudore. L'Italia e la rivoluzione dei costumi (1958–68). Roma: Donzelli, 2018.
- Baccarin A.* Archeologia dell'erotismo // Archeologia Filosofica Laboratorio. 2018. Quaderno VI. P. 1–12.
- Baiamonte S.* In siciliano esiste il futuro? // CademiaSiciliana. 10.08.2021. <https://cademiasiciliana.org/blog/futuro-in-siciliano>
- Barbagli M., Dalla Zuanna G., Garelli F.* La sessualità degli italiani. Bologna: Il Mulino, 2010.
- Barnao C.* Le prostitute vi precederanno. Inchiesta sul sesso a pagamento. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2016.
- Basso W.* Storia delle case chiuse in Italia e in Veneto. Treviso: Programma, 2019.
- Bellasai S.* L'invenzione della virilità. Politica e immaginario maschile nell'Italia contemporanea. Roma: Carocci, 2011.
- Buttitta A.* Prefazione // Coria G. Profumi di Sicilia. Catania: Cavallotto, 2006. P. 11–15.
- Cutrerà A.* La mala vita di Palermo; contributo di sociologia criminale. Palermo: A. Reber, 1900.
- Cutrerà A.* Storia della Prostituzione in Sicilia. Palermo: Editori Stampatori Associati, 1971.
- Cutrerà A.* I ricottari: la mala vita di Palermo. Palermo: Il Vespro, 1979 [1896].
- Da Pra Pocchiessa M.* Cara senatrice Merlin. Lettere dalle case chiuse. Ragioni e sfide di una legge attuale. Torino: Gruppo Abele, 2018.
- Derrida J.* Resistenze. Sul concetto di analisi. Napoli: Orthotes, 2014.
- Di Cosmo A.P.* Le trasgressioni dell'uomo bizantino. Alternative ai costumi sessuali all'interno ed al di fuori del vincolo matrimoniale: eunuchi ed immaginario sessuale // Anales de Filología Clásica. 2018. Vol. 2 (31). P. 5. <https://doi.org/10.34096/afc.v2i31.6147>
- Dina A.* Mutazioni. Etnografia del mondo di Casa Nostra. Palermo: La Zisa, 2002.
- Ferraiù G.* Tauromenion. Saggi di archeologia. Castiglione di Sicilia: Il Convivio, 2019.
- Geertz C.* The Interpretation of the Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973.
- Gibson M.* Tollerare reprimere? Un dilemma contemporaneo // La storia della prostituzione / a cura di G. Ruggiero. Firenze: Giunti, 1989. P. 40–46.
- Kelly P.* Lydia's Open Door: Inside Mexico's Most Modern Brothel. Berkeley: University of California Press, 2008.
- La Duca R.* La città passeggiata. Vol. 3. Palermo: L'Epos, 2003.
- Lietz B.* La dea di Erice e la sua diffusione nel Mediterraneo. Un culto tra Fenici, Greci e Romani. Pisa: Della Normale, 2012.
- Mazzi M.S.* La mala vita. Donne pubbliche nel Medioevo. Bologna: Il Mulino, 2018.
- Miliziano M.* (a cura di) Io, Siciliano. Tra orgoglio e disincanto. Palermo: Officina Tranacria, 2009.

- Pattuzzi A.* Il piacere e la colpa: Cattolici e sesso in Italia 1930–1980. Sesto San Giovanni: Mimesis, 2020.
- Randazzo S.B.* Sicilianità. Subcultura, tradizioni, ethos e comportamenti, tendenzialità. Palermo: EDI OFTES, 1985.
- Ranno T.* L'amurusanza. Milano: Mondadori, 2019.
- Ribichini S.* A servizio di Astarte. Hierodulia e prostituzione sacra nei culti fenici e punicis // Estudios Orientales. 2004. N 5–6, El mundo púnico: religión, antropología y cultura material: actas II Congreso Internacional del Mundo Púnico / a cura di A. González Blanco, G. Matilla Séiquer, A. Egea Vivancos. P. 55–68.
- Segre S.* La prostituzione come costruzione sociale e l'identità delle prostitute straniere in Italia // Quaderni di Sociologia. 2000. N 22. P. 31–49.
- Spizzichino L.* La prostituzione. Il fenomeno e l'intervento psicologico. Roma: Carocci, 2005.
- Straus R.* Gli ebrei di Sicilia dai Normanni a Federico II. Palermo: Flaccovio, 1992.

Research Article

Fais-Leutskaia, O.D. Prostitution in Sicily: A Look into the Past [Prostitutsiia v Sitsilii: vzgliad v proshloe]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 104–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030065> EDN: CPCYYX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Oxana Fais-Leutskaia | <http://orcid.org/0000-0002-2757-2434> | oxana-fais@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Sicily, prostitution, closed houses, local prostitutes, cultural dialogue

Abstract

The article makes a novel contribution to anthropological research by attempting an analysis of the phenomenon of urban prostitution within a specific historical period of the 1930–80s in the region of Sicily which has been culturally conservative and still maintains today a high degree of traditionalism. The study is drawn on an extensive range of field data that I have obtained in the course of long-term surveys, working with a vast array of respondents. I take a special approach to the topic, addressing the historical past, past experiences and reflections of people, as well as information preserved in the memory of ancestors. These sources together make it possible to explore and recreate the appearance of the “traditional” prostitution that is seen today by the majority of the population of Sicily as “ideal” and contrasted with its modern (“alien”, “criminal”, “dirty”) forms. The study not only highlights an important sociocultural phenomenon that has gone into oblivion but also lets us identify the reasons for its popularity in the region and its perception as an organic element of the local culture, closely related to the ethnic and cultural identity of Sicilians.

References

- Azara, L. 2018. *I sensi e il pudore. L'Italia e la rivoluzione dei costumi (1958–68)* [The Senses and Modesty: Italy and the Costume Revolution (1958–68)]. Roma: Donzelli.

- Baccarin, A. 2018. Archeologia dell'erotismo [Archaeology of Eroticism]. *Archeologia Filosofica Laboratorio VI*: 1–12.
- Baiamonte, S. 2021. In siciliano esiste il futuro? [Is There a Future in Sicilian Language?]. *Cademia Siciliana*. 10.08.2021. <https://cademiasiciliana.org/blog/futuro-in-siciliano>
- Barbagli, M., G. Dalla Zuanna, and F. Garelli. 2010. *La sessualità degli italiani* [The Sexuality of Italians]. Bologna: Il Mulino.
- Barnao, C. 2016. *Le prostitute vi precederanno. Inchiesta sul sesso a pagamento* [Prostitutes will Go before You: Investigation of Paid Sex]. Soveria Mannelli: Rubbettino.
- Basso, W. 2019. *Storia delle case chiuse in Italia e in Veneto* [History of Closed Houses in Italy and Veneto]. Treviso: Programma.
- Bellaisai, S. 2011. *L'invenzione della virilità. Politica e immaginario maschile nell'Italia contemporanea* [The Invention of Manhood: Politics and Male Imagination in Contemporary Italy]. Roma: Carocci.
- Buttitta, A. 2006. Prefazione [Preface]. In *Profumi di Sicilia* [The Scents of Sicily], by G. Coria, 11–15. Catania: Cavallotto.
- Cutrerà, A. (1896) 1979. *I ricottari: la mala vita di Palermo* [The Ricottari: The Malavita of Palermo]. Palermo: Il Vespro.
- Cutrerà, A. 1900. *La mala vita di Palermo; contributo di sociologia criminale* [The Malavita of Palermo; Contribution of Criminal Sociology]. Palermo: A. Reber.
- Cutrerà, A. 1971. *Storia della Prostituzione in Sicilia* [History of Prostitution in Sicily]. Palermo: Editori Stampatori Associati.
- Da Pra Pocchiessa, M. 2018. *Cara senatrice Merlin. Lettere dalle case chiuse. Ragioni e sfide di una legge attuale* [Dear Senator Merlin: Letters from Closed Houses: Reasons and Challenges of a Current Law]. Torino: Gruppo Abele.
- Derrida, J. 2014. *Resistenze. Sul concetto di analisi* [Resistance: On the Concept of Analysis]. Napoli: Orthotes.
- Di Cosmo, A.P. 2018. Le trasgressioni dell'uomo bizantino. Alternative ai costumi sessuali all'interno ed al di fuori del vincolo matrimoniale: eunuchi ed immaginario sessuale [The Transgressions of Byzantine Man: Alternatives to Sexual Mores Within and Outside the Marriage Bond: Eunuchs and Sexual Imagery]. *Anales de Filología Clásica* 2 (31): 5. <https://doi.org/10.34096/afc.v2i31.6147>
- Dina, A. 2002. *Mutazioni. Etnografia del mondo di Casa Nostra* [Mutation. Ethnography of the World of Our Home]. Palermo: La Zisa.
- Ferrà, G. 2019. *Tauromenion. Saggi di archeologia* [Tauromenion: Essays in Archaeology]. Castiglione di Sicilia: Il Convivio.
- Geertz, C. 1973. *The Interpretation of the Cultures*. New York: Basic Books.
- Gibson, M. 1989. Tollerare reprimere? Un dilemma contemporaneo [Tolerate Repress? A Contemporary Dilemma]. In *La storia della prostituzione* [The History of Prostitution], edited by G. Ruggiero, 40–46. Firenze: Giunti.
- Kelly, P. 2008. *Lydia's Open Door: Inside Mexico's Most Modern Brothel*. Berkeley: University of California Press.
- La Duca, R. 2003. *La città passeggiata* [The Walked City]. Vol. 3. Palermo: L'Epos.
- Lietz, B. 2012. *La dea di Erice e la sua diffusione nel Mediterraneo. Un culto tra Fenici, Greci e Romani* [The Goddess of Erice and Its Spread in the Mediterranean: A Cult among Phoenicians, Greeks and Romans]. Pisa: Della Normale.
- Mazzi, M.S. 2018. *La mala vita. Donne pubbliche nel Medioevo* [The Bad Life: Public Women in the Middle Ages]. Bologna: Il Mulino.

- Miliziano, M., ed. 2009. *Io, Siciliano. Tra orgoglio e disincanto* [Me, Sicilian: Between Pride and Disenchantment]. Palermo: Officina Tranacria.
- Pattuzzi, A. 2020. *Il piacere e la colpa: Cattolici e sesso in Italia 1930–1980* [Pleasure and Guilt: Catholics and Sex in Italy 1930–1980]. Sesto San Giovanni: Mimesis.
- Randazzo, S.B. 1985. *Sicilianità. Subcultura, tradizioni, ethos e comportamenti, tendenzialità* [Sicilianity: Subculture, Traditions, Ethos and Behaviors, Bias]. Palermo: EDI OFTES.
- Ranno, T. 2019. *L'amurusanza* [The Amurusanza]. Milano: Mondadori.
- Ribichini, S. 2004. A servizio di Astarte. Hierodulia e prostituzione sacra nei culti fenici e punici [At the Service of Astarte: Hierodulia and Sacred Prostitution in Phoenician and Punic Cults]. In *Estudios Orientales 5–6, El mundo púnico: religión, antropología y cultura material: actas II Congreso Internacional del Mundo Púnico* [The Punic World: Religion, Anthropology and Material Culture: Proceedings II International Congress of the Punic World], edited by A. González Blanco, G. Matilla Séiquer, and A. Egea Vivancos, 55–68.
- Segre, S. 2000. La prostituzione come costruzione sociale e l'identità delle prostitute straniere in Italia [Prostitution as a Social Construction and the Identity of Foreign Prostitutes in Italy]. *Quaderni di Sociologia* 22: 31–49.
- Spizzichino, L. 2005. *La prostituzione. Il fenomeno e l'intervento psicologico* [Prostitution: The Phenomenon and Psychological Intervention]. Roma: Carocci.
- Straus, R. 1992. *Gli ebrei di Sicilia dai Normanni a Federico II* [The Jews of Sicily from the Normans to Frederick II]. Palermo: Flaccovio.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

КРАНИОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ РУБЕЖА ЭР: МНОГОМЕРНАЯ СТАТИСТИКА ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА?

Т.А. Сюткина, В.В. Куфтерин

Таисия Александровна Сюткина | <https://orcid.org/0000-0002-6222-4929> | syuttaya@gmail.com | младший научный сотрудник центра антропоэкологии | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Владимир Владимирович Куфтерин | <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998> | vladimirkufterin@mail.ru | д. биол. н., ведущий научный сотрудник центра антропоэкологии | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

физическая антропология, краниометрия, кочевники, кушано-юэчжийский период, античность

Аннотация

С привлечением краниологических материалов с территории Средней Азии, представляющих преимущественно кочевое население кушано-юэчжийского периода, предпринимается попытка оценки работоспособности метода индивидуальных визуально-типологических определений в сравнении с результатами многомерного статистического анализа. Используемая база содержит сведения по 185 черепам. Показано, что фактор пола влияет на дифференциацию лицевых краниометрических признаков с высокой достоверностью. С наличием деформации обнаружена менее сильная, но также достоверная связь. Результаты анализа главных компонент свидетельствуют, что изменчивость на уровне больших рас хорошо улавливается даже в условиях небольших выборок с использованием только нескольких признаков лицевого скелета. Анализ главных компонент внутри большой европеоидной расы не выявили ни особенностей черепов, обладающих предположительно смешанными европеоидно-монголоидными чертами, ни различий между представителями двух крупных типов, имеющих в выборке. Различия между представителями разных антропологических типов вполне могли являться проявлениями случайной изменчивости, последовательно интерпретированной типологистами в качестве неслучайной.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-28-00590]

Статья поступила 13.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 28.02.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сюткина Т.А., Куфтерин В.В. Краниология населения Средней Азии рубежа эр: многомерная статистика против индивидуально-типологического подхода? // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 125–149. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030077> EDN: CPFUKX

Syutkina, T.A., and V.V. Kufterin. 2023. *Kraniologiya naseleniya Srednei Azii rubezha er: mnogomernaia statistika protiv individual'no-tipologicheskogo podkhoda?* [Cranio-metric Study of Central Asian Population at the Turn of the Era: Multivariate Statistics Versus Typological Approach?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 125–149. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030077> EDN: CPFUKX

Исторически сложилось так, что заметное большинство работ по среднеазиатской краниологии выполнено в русле декларируемого или неосознаваемого типологического подхода к антропологическому источнику. Однако даже таких мэтров палеоантропологии Средней Азии, как В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова, принимавших возможности индивидуальной типологии, сложно назвать последовательными сторонниками классического “индивидуально-типологического подхода”, полностью игнорировавшими независимое наследование и эпохальную изменчивость краниометрических признаков (Алексеев 1968). Индивидуальная диагностика рассматривалась ими не в качестве самостоятельного метода, а как “технический прием в расовом анализе, который может быть проверен и дополнен другими приемами расового анализа, например изучением корреляции признаков” (Трофимова 1968: 569).

Как показывают результаты исследования И.Г. Широбокова, даже в XXI в. выводы 13% отечественных краниологических публикаций (в реальности, надо думать, таковых значительно больше – с учетом публикаций отдельных находок) в той или иной степени опираются на индивидуальные расовые характеристики черепов (Широбоков 2019: 146). Визуально-типологический подход к оценке краниологической изменчивости некоторые антропологи допускают при рассмотрении не только малочисленных выборок (полагая, что при их анализе альтернативы ему нет) (Хохлов 2017: 28–29). И если большинство антропологов далеки от мысли “связывать антропологический тип, этническую принадлежность и культурную традицию в единый узел” (Кияткина 1991: 18), допуская, что выделяемые при анализе серий “компоненты” представляют скорее рабочий инструмент исследования краниологической изменчивости, то археологи осознают это далеко не всегда. В результате “антропологические типы” древнего населения, в частности в работах по археологии Средней Азии, становятся участниками этноисторических процессов, а доля тех или иных компонентов в составе определенных групп – предметом дискуссий (напр., см.: Заднепровский 1971; Литвинский 1977; Брыкина 1982: 117–138).

В связи с изложенным интересно попытаться оценить возможности метода индивидуальных визуально-типологических определений в сравнении с результатами многомерного статистического анализа тех же материалов. В качестве гипотезы можно принять, что априорно выделенные “типы” будут в известной степени совпадать с морфологическими компонентами, выявляемыми при помощи статистического анализа. Последнее потенциально можно рассматривать как доказательство работоспособности этого “архаичного” исследовательского инструмента. Работа проведена на некоторых среднеазиатских краниологических сериях и отдельных находках эпохи античности, представляющих преимущественно кочевое население кушано-юэчжийского периода.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе индивидуальных краниометрических данных, представленных в работах отечественных антропологов 1940–1970-х годов (Гинзбург 1946, 1954, 1956; Герасимов 1949; Гинзбург, Жиров 1949; Зезенкова 1951, 1953, 1955, 1963; Кияткина 1961, 1975, 1976). Созданная нами база содержит сведения по 185 черепам взрослых индивидов (97 мужских, 86 женских, 2 неопределенного пола) с территорий Таджикистана, Киргизии и Узбекистана (Табл. 1). Кроме данных измерений, база включает информацию об отсутствии или наличии искусственной деформации черепа и ее форме, а также индивидуальное определение расового типа, сделанное антропологом, изучившим этот материал и опубликовавшим данные. В некоторых случаях расовый тип определялся не для каждого отдельного

индивида, а давался в качестве общей антропологической оценки серии. Так, например, все черепа из Тулхарского могильника охарактеризованы как принадлежащие к европеоидному типу с незначительной примесью монголоидных черт и сближающиеся по своим особенностям “с носителями андроновской культуры эпохи бронзы и степными племенами следующего периода” (Кияткина 1975: 212). Этнокультурная атрибуция давалась согласно публикации, содержащей антропологические данные, даже если она пересматривалась в работах других авторов или считается спорной. Информация о наличии или отсутствии деформации доступна не во всех случаях – так, ее нет для погребенных в могильниках Исфаринского района, изученных Т.П. Кияткиной (Кияткина 1976). В собранных данных встречаются следующие типы деформации, определенные авторами: кольцевая, лобно-затылочная, затылочное уплощение. Последний тип, в зависимости от степени выраженности, подразделялся Т.П. Кияткиной на изученных ею материалах на несколько градаций (Кияткина 1975).

Таблица 1

**Опись и количественный состав
анализируемых краниологических серий**

Памятник	Шифр	Локализация	Датировка	Атрибуция	Источник данных	№ муж.	№ жен.
Ала-Мышик	AlMysh	Центральный Тянь-Шань	II в. до н.э. – II в. н.э.	усуни-юэчжи	(Гинзбург 1954)	2	1
Джергатал	Dzh	»	»	»	»	2	–
Соколовка	Sok	Северный Тянь-Шань	»	»	»	1	–
Ача-Тюбе	Acha	Центральный Тянь-Шань	»	»	»	1	–
Арук-Тау	Aruk	Бишкентская долина	II–I вв. до н.э.	кочевники-скотоводы	(Кияткина 1961)	9	5
Тулхар	Tul	»	»	кочевники юэчжийского союза	(Кияткина 1975)	39	41
Коккум	Kok	»	»	»	»	–	1
Вревская	Vrev	Шаш (Чач)	I–II вв.	кочевники-скотоводы	(Зезенкова 1951)	–	1
Кызылтепа ¹	Kuz	Согд	начало н.э.	»	(Зезенкова 1963)	–	1
Хазара ²	Haz	»	»	»	»	1	–
Янги-Юль	Yang	Шаш (Чач)	»	гунны (усуни?)	(Гинзбург 1946; Герасимов 1949)	2	1

Гур-мирон	Gur	Северная Фергана	I–III вв.	местные кочевники	(Гинзбург 1956)	3	2
Кува-сай	Kuva	Южная Фергана	»	оседлое население	»	5	2
Лугумбек	Lug	Восточная Фергана	I–V вв.	»	(Зезенкова 1953)	3	2
Кенкол	Ken	Таласская долина	II–IV вв.	гунны?	(Гинзбург, Жиров 1949)	12	8
Ворух (кишлак)	Vor	Западная Фергана	I-я половина I тыс. н.э.	кочевники-скотоводы	(Зезенкова 1955; Кияткина 1976)	8	13
Ворух (ущелье)	Vor Canyon	»	»	»	(Кияткина 1976)	2	1
Чорку	Chor	»	»	»	»	2	3
Сурх	Surkh	»	»	»	»	2	–
Калантар-хона	Kal	»	»	»	»	2	2
Кех	Kekh	»	»	»	»	1	2
Суммарно						97	86

Краниологические материалы с территории Средней Азии рассматриваемого периода относятся к двум большим расам – европеоидной и монголоидной. Последняя представлена преимущественно переходным южносибирским расовым типом, характеризующимся крупными размерами черепа, круглой формой мозговой коробки со среднепокатым лбом и значительно выраженными надбровными дугами, высоким, широким, среднеуплощенным лицом с малоуглубленными клыковыми ямками, средневыступающим узким носом (Гинзбург, Трофимова 1972: 20).

Европеоидная раса представлена следующими основными вариантами: раса Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганская), “андроновский тип”, средиземноморская (восточно-средиземноморская) раса и различные смешанные формы. Черепа, отнесенные к “типу Среднеазиатского междуречья”, характеризуются средними размерами, брахикранией, средневысоким, среднешироким лицом, средневыступающим в горизонтальной плоскости, с неглубокими клыковыми ямками, с узким, хорошо выступающим носом. На некоторых черепах можно видеть примесь монголоидных черт (Там же: 21). “Андроновский тип” характеризуется массивностью черепа при мезокранной форме мозговой коробки, с прямым лбом и хорошо развитым надпереносьем, очень низким, но широким лицом с низкими глазницами и резко выступающим носом (Там же: 295). Грацильный средиземноморский европеоидный тип характеризуется длинной формой черепной коробки, высоким, узким лицом, высокими глазницами при значительно выступающем носе (Там же). Некото-

рые краниологические формы, обнаруженные в погребениях на территории Средней Азии, определены как имеющие заведомо пришлое происхождение и представляющие морфологические варианты, не встречающиеся среди местного населения.

На первом шаге измерительные данные были изучены при помощи методов одномерной статистики. В связи с невозможностью повторных измерений были удалены некоторые статистические выбросы. Удалялись только те значения, которые отстояли от медианы больше чем на три стандартных отклонения и выходили за рамки изменчивости признака в мировом масштабе (Алексеев, Дебец 1964: 114–122). Для всех признаков были рассчитаны стандартные статистические показатели и проведена проверка на нормальность распределения при помощи *W*-критерия Шапиро–Уилка. В многомерных статистических анализах использовались признаки лицевого скелета, выбиравшиеся таким образом, чтобы максимизировать информацию о его строении и количество наблюдений по каждому признаку в серии.

В связи с нехваткой данных по некоторым группам (напр., индивидам, чья раса была определена как чисто монголоидная) анализ главных компонент проводился дважды для выборки каждого пола: в первом случае исследовалась внутригрупповая изменчивость по вектору монголоидности-европеоидности, во втором – рассматривались морфологические варианты внутри большой европеоидной расы. Для проведения анализа главных компонент признаки нормировались относительно среднего значения в связи с одновременным включением линейных размеров, углов и указателей.

Поскольку затылочная деформация, по всей видимости, представляет собой результат воздействия колыбели на голову младенца (Кияткина 1976: 89) и не подразумевает использование специальных деформирующих аппаратов, производящих давление на другие области черепной коробки, а также может включать случаи посмертной деформации, она с наименьшей вероятностью связана с изменениями в естественном формировании лицевого скелета, особенно ее умеренная и слабая формы. В связи с этим в рамках настоящего исследования “сильное затылочное уплощение” выделялось в отдельный тип деформации, а умеренное и слабое были сгруппированы в один тип.

В связи с невозможностью прямой оценки влияния искусственной деформации черепа на лицевой скелет нами была предпринята попытка косвенно определить пригодность выбранных признаков висцерокраниума для дальнейших анализов. Для этого к данным, включающим информацию о деформации каждого индивида, был применен *H*-критерий Краскела–Уоллиса в качестве непараметрического аналога однофакторного дисперсионного анализа. В первом случае независимой переменной был выбран пол, во втором – наличие и тип деформации. Для апостериорных сравнений значений каждой переменной в зависимости от типа деформации был использован *U*-критерий Манна–Уитни с поправкой Бонферрони (Гржибовский 2008).

Все статистические расчеты реализованы с использованием программной среды R (R Core Team 2022) в программе RStudio версии 2022.07.2+576 (RStudio Team 2020). Кроме встроенных пакетов функций, для расчетов использовались также пакеты *ULT* (Useful Little Things 2021) и *psych* (Revelle 2022), а для визуализации – *ggplot2* (Wickham 2016).

Результаты. Основные показатели описательной статистики сборных серий по использованным признакам и результаты проверки на нормальность распределения представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

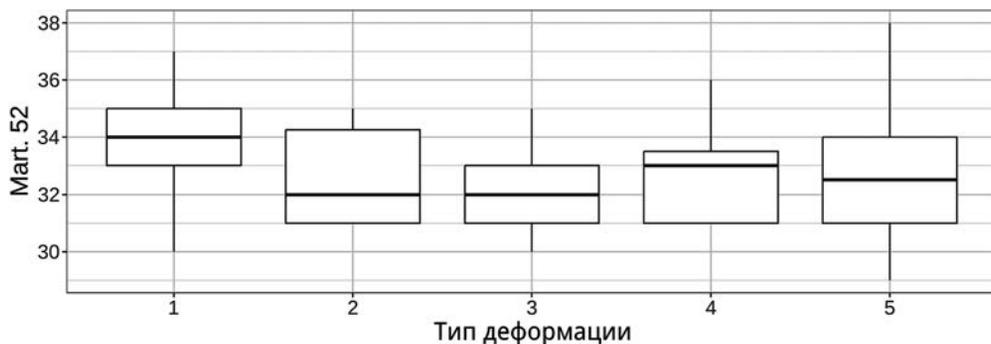
**Основные статистические параметры
краниометрических признаков в суммарной мужской серии
(звездочкой* отмечены стандартные отклонения признаков,
распределение значений которых в данной выборке достоверно
[$p < 0,05$] отличается от нормального)**

Признак	N	M	SD	Me	Min	Max
48. Верхняя высота лица	76	71,1	3,97*	71	64	80
46. Средняя ширина лица	75	97,6	4,41	98	90	111
54. Ширина носа	83	25,2	1,89*	25	22	30
55. Высота носа	82	51,8	3,28	52	44	59
51. Ширина орбиты (<i>mf</i>)	78	42,0	1,45*	42	39	45
52. Высота орбиты	81	33,2	2,17	33	29	38
77. Назо-малярный угол	63	140,3	5,20	141	130	153
$\angle zm'$. Зиго-максиллярный угол	57	129,6	4,66	130	119	139
SS:57. Симотический указатель	67	47,1	8,80	45,5	30,5	71,4
40:5. Указатель выступания лица	55	95,4	3,70*	95,3	81,4	104,3

Таблица 3

**Основные статистические параметры
краниометрических признаков в суммарной женской серии
(звездочкой* отмечены стандартные отклонения признаков,
распределение значений которых в данной выборке достоверно
[$p < 0,05$] отличается от нормального)**

Признак	N	M	SD	Me	Min	Max
48. Верхняя высота лица	74	67,6	4,18	68	60	78
46. Средняя ширина лица	67	93,4	4,21	93	84	103
54. Ширина носа	77	24,3	1,77*	24	22	29
55. Высота носа	76	49,1	2,95*	49	43	54
51. Ширина орбиты (<i>mf</i>)	73	41,0	1,79	41	37	46
52. Высота орбиты	76	32,8	1,91	32	29	38
77. Назо-малярный угол	61	142,8	4,45	143	133	152
$\angle zm'$. Зиго-максиллярный угол	55	129,7	5,67	130	117	144
SS:57. Симотический указатель	58	42,3	9,74	43,4	21,4	64,3
40:5. Указатель выступания лица	49	96,4	3,74	96,8	88,2	104,6

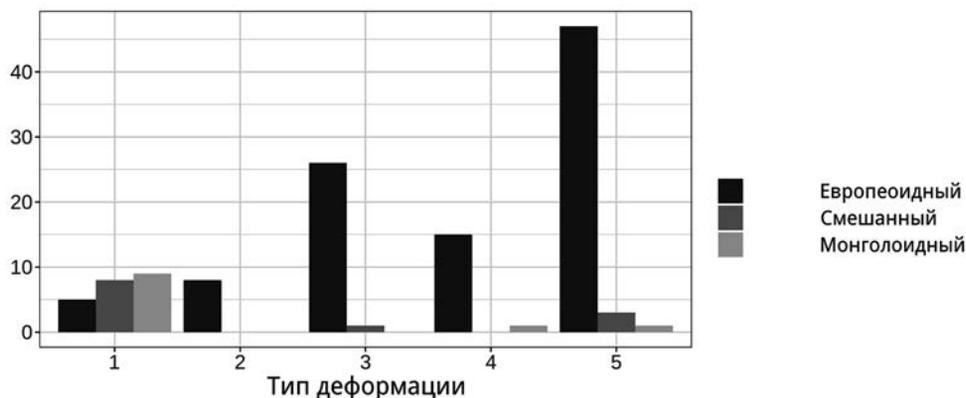

Рис. 1. Распределение значений высоты орбиты (Mart. 52) в зависимости от типа деформации черепа. 1 – кольцевая деформация; 2 – лобно-затылочная деформация; 3 – затылочное уплощение; 4 – сильное затылочное уплощение; 5 – недеформированные черепа

Результаты применения критерия Шапиро–Уилка к выбранным признакам (с учетом только тех индивидов, для которых был известен тип деформации) показали, что в объединенной по полу группе распределение достоверно отличается от нормального для четырех признаков из десяти: ширина носа ($p = 0,000$), ширина ($p = 0,003$) и высота ($p = 0,009$) орбиты и указатель выступления лица ($p = 0,027$). В разнополюх выборках набор этих признаков несколько отличается (Табл. 2, 3). Полученный результат предопределил выбор непараметрических методов в ходе исследования.

Применение критерия Краскела–Уоллиса показало, что фактор пола влияет на дифференциацию лицевых краниометрических признаков с высокой достоверностью ($H = 26,43$; $df = 10$; $p = 0,003$), а с наличием или типом деформации обнаружена менее сильная, но также статистически достоверная связь ($H = 58,76$; $df = 40$; $p = 0,028$). Серия попарных сравнений выборок с разными типами деформации по каждому признаку при помощи критерия Манна–Уитни с поправкой Бонферрони выявила лишь один признак, для которого есть статистически достоверные различия между разными группами: по высоте орбиты индивиды с кольцевой деформацией отличаются от индивидов с затылочной деформацией ($U = 416,0$; $p = 0,007$) и без деформации ($U = 719,0$; $p = 0,049$). Рисунок 1 наглядно демонстрирует эти различия.

Прежде чем интерпретировать этот результат как свидетельство того, что кольцевая деформация оказывает непосредственное влияние на высоту орбиты, и исключить этот признак из дальнейших анализов, необходимо убедиться, что такая разница между группами может объясняться только типом деформации. Однако рассмотрение распределения типов деформации между выборками из разных памятников и среди представителей разных больших рас показывает обратное. Из 22 индивидов с кольцевой деформацией 17 происходят из одного могильника – Кенкольского, определявшегося в разное время как гуннский, усуньский или юэчжийский (обзор см.: Гинзбург 1974). Распределение по расовым типам (определенным авторами измерений) еще более красноречиво: девять случаев кольцевой деформации приходится на монголоидов, восемь – на смешанные монголоидно-европеоидные формы, и оставшиеся пять – на европеоидов, в то время как недеформированные черепа и те, на которых отмечается только умеренная или слабая затылочная деформация, представлены в основном европеоидным типом (Рис. 2). Сравнение высоты орбиты у европеоидов,

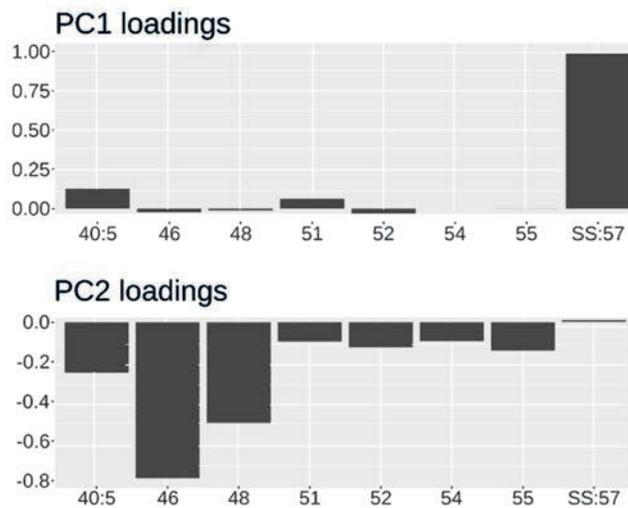
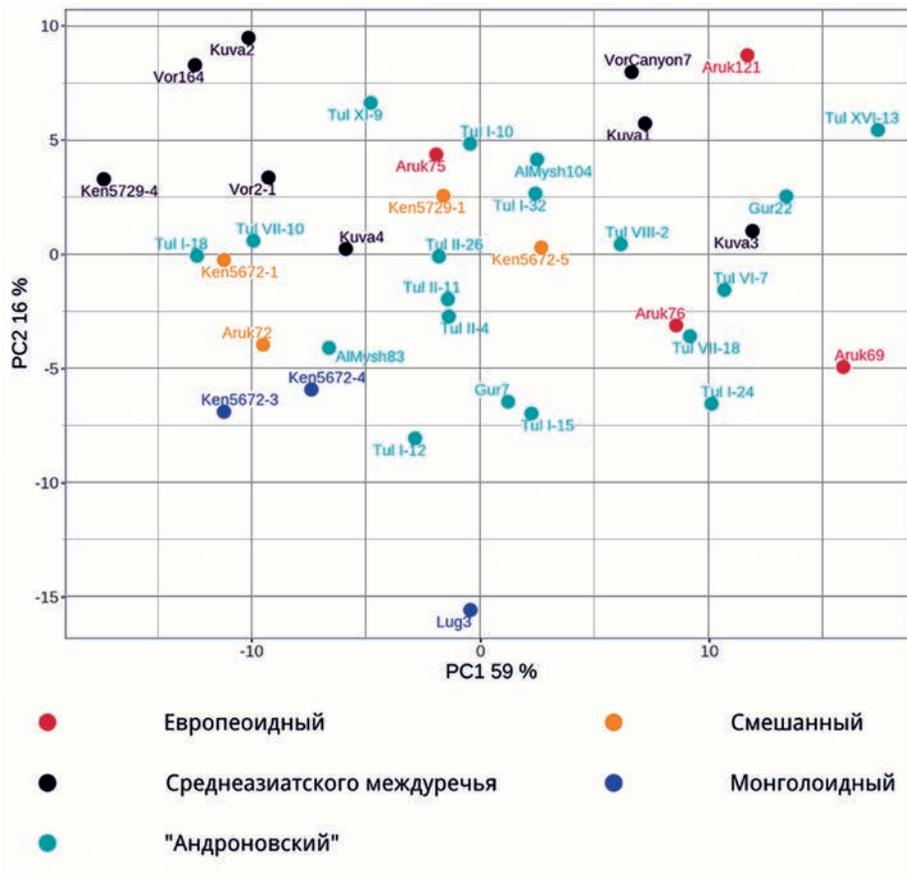

Рис. 2. Типы деформации черепа у представителей разных расовых групп. Обозначения типов деформации тождественны обозначениям на рисунке 1.

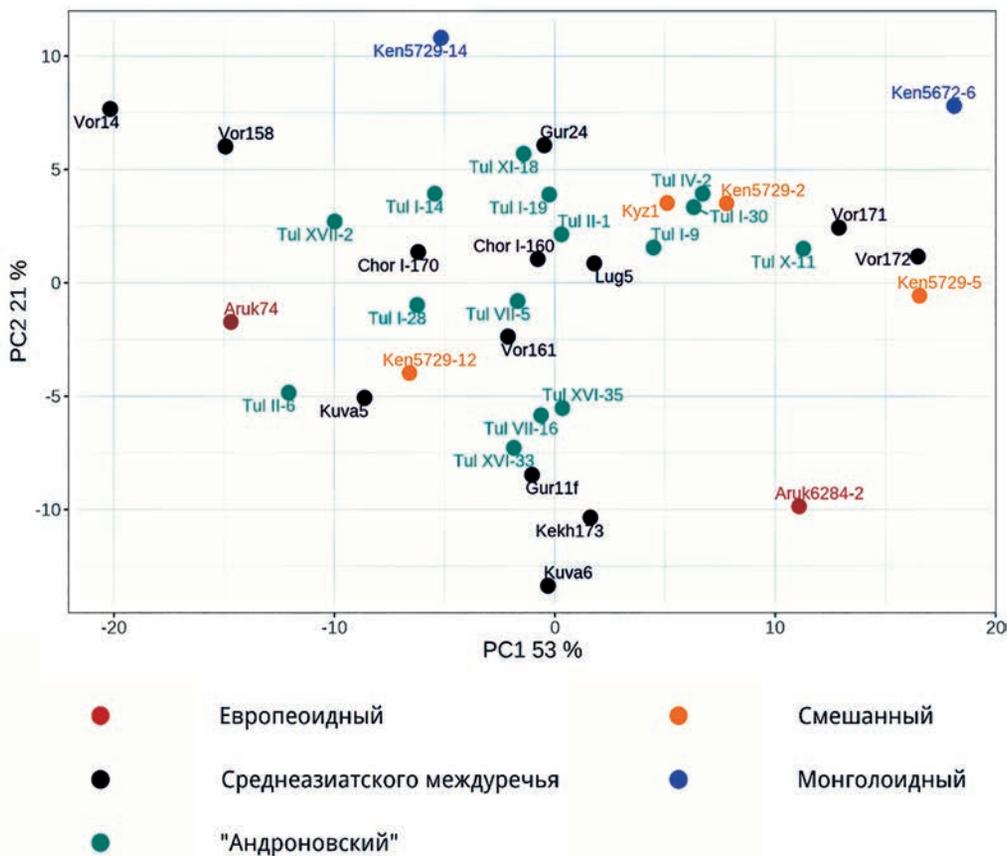
с одной стороны, и монголоидов и смешанных типов – с другой, при помощи теста Манна–Уитни показывает достоверные различия между ними ($U = 1308,5$; $p = 0,007$). Следовательно, различия между выборками с разными типами деформации следует в первую очередь объяснять расово-диагностическим значением высоты орбиты и не исключать этот признак из дальнейших анализов. Следует также оговориться, что в случае проведения *post hoc* анализов в мужской и женской сериях по отдельности различий между выборками не обнаруживается ни по одному признаку.

На первом этапе анализ главных компонент (ГК) проводился по восьми признакам лицевого скелета (Рис. 3) и включал данные по 38 мужским черепам. ГК I объясняет 59% изменчивости и скоррелирована только с симотическим указателем. На ГК II приходится 16% изменчивости, связанной со средней шириной и, в меньшей степени, – с верхней высотой лица. Наиболее обособленное положение на графике занимает череп из Лугумбека (Восточная Фергана), отнесенный В.Я. Зезенковой “к брахикранному монголоидному типу, близкому к южносибирскому” (Зезенкова 1953: 100). Его отличают самые крупные размеры лица. Два других индивида, найденные в Кенкольском могильнике, охарактеризованы как “чистые” монголоиды; они расположились недалеко друг от друга и на краю распределения, однако не отделены от пестрой группы европеоидных черепов различного происхождения. Два черепа со смешанными европеоидно-монголоидными чертами оказались достаточно близки монголоидным “кенкольцам”, а еще два расположились в самом центре графика в окружении индивидов преимущественно “андроновского” морфологического типа. Хотя график не демонстрирует строгого разделения на подгруппы внутри европеоидной расы, можно заметить, что все черепа, отнесенные к типу Среднеазиатского междуречья, оказались в верхней его части, в области малых значений общих размеров и указателя выступания лица, хотя там же оказалась почти половина представителей “андроновского типа”.

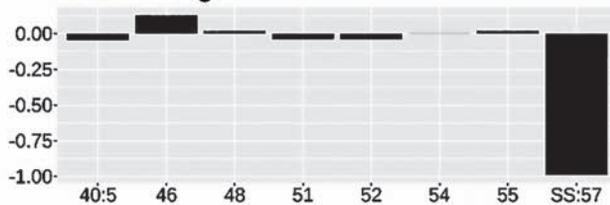
Анализ главных компонент женской выборки по тем же признакам включил 36 черепов (Рис. 4). ГК I объясняет 53% изменчивости и так же, как в мужской выборке, связана только с симотическим указателем. Максимальная нагрузка по ГК II, объясняющей 21% изменчивости, приходится на ширину и высоту лица и, в гораздо меньшей степени, – на высоту носа. Два монголоидных инди-

Рис. 3. Анализ главных компонент суммарной мужской серии. Обозначения групп приводятся в таблице 1. Расовый тип указан как европейский, если более точное определение отсутствует в источнике.

PC1 loadings

PC2 loadings

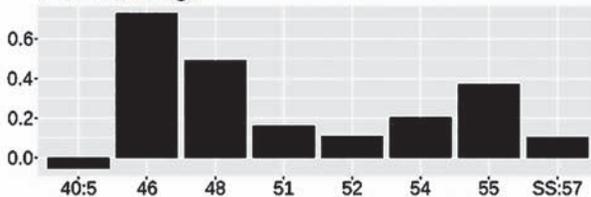
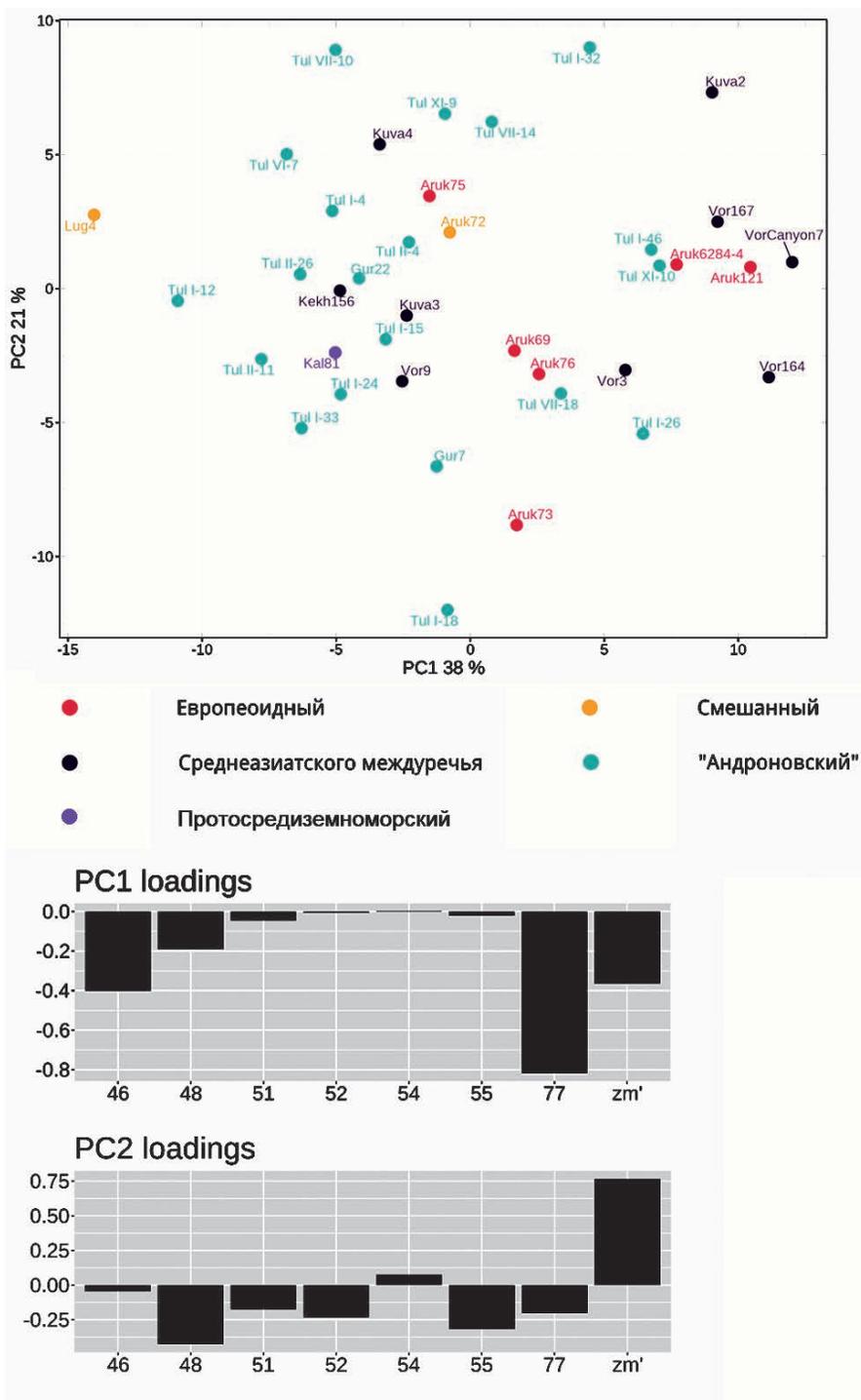

Рис. 4. Анализ главных компонент суммарной женской серии. Обозначения групп приводятся в таблице 1. Расовый тип указан как европейский, если более точное определение отсутствует в источнике.

Рис. 5. Анализ главных компонент мужской серии европейского и смешанного европейско-монголоидного облика. Обозначения групп приводятся в таблице 1. Расовый тип указан как европейский, если более точное определение отсутствует в источнике.

вида (оба из Кенкольского могильника) заняли самое крайнее верхнее положение на графике, различаясь величиной симотического указателя. Четыре индивида, чей расовый тип определен как смешанный европеоидно-монголоидный, оказались распределены по разным зонам графика. Однако нужно отметить, что единое обозначение скрывает различное морфологическое содержание. Так, череп 5729-2 (здесь и далее указан инв. № МАЭ АН СССР) из Кенкольского могильника определен В.В. Гинзбургом и Е.В. Жировым как “смешанный европеоидно-монголоидный” (*Гинзбург, Жиров* 1949: 236), а находящийся очень близко к нему череп из Кызылтапа описан В.Я. Зезенковой как “европеоидный, близкий к закаспийскому типу, ... с легкой монголоидной примесью” (*Зезенкова* 1963: 70). При этом суждение о монголоидной примеси опиралось на особенности строения верхнечелюстной кости – отсутствие крючковидного отростка в области зигомаксиллярного шва и величину угла, под которым отходил скуловой отросток (Там же: 68). В одном кластере с этими двумя индивидами находятся черепа, отнесенные к “андроновскому типу” европеоидной расы. Кенкольский череп 5729-2 был определен как европеоидный с некоторыми чертами монголоидного типа, поэтому его положение в скоплении других европеоидных черепов неудивительно, а расовая диагностика черепа 5729-12 детализирована конкретнее – европеоидный “с налетом монголоидности”, возможно, приближающийся “к памиро-ферганскому типу” (*Гинзбург, Жиров* 1949: 242). Тем не менее “налет монголоидности” ни в одном из случаев не выделил эти черепа из общего европеоидного массива. Наконец, морфологические варианты внутри европеоидной расы в женской выборке по данному набору признаков не дифференцируются совсем.

Набор признаков в описанных выше анализах для мужской и женской выборок определялся таким образом, чтобы включить максимальное количество индивидов, отнесенных к монголоидной расе или смешанным европеоидно-монголоидным вариантам. Включение углов горизонтальной профилировки приводило к исключению таких индивидов из анализа из-за неполноты имеющихся данных, поэтому нам пришлось ограничиться другими признаками лицевого скелета, имеющими определенную расово-диагностическую ценность.

Для дальнейшего анализа были выбраны индивиды европеоидной расы (в том числе и с монголоидной примесью) и признаки, по которым можно ожидать заметной дифференциации разных европеоидных вариантов. К сожалению, форма черепа, будучи одним из таких признаков, не могла быть изучена, так как среди недеформированных черепов (всего их 52) абсолютное большинство относится к типу, определенному как “андроновский” (18 мужских и 16 женских черепов), в то время как остальные типы представлены единичными черепами без следов искусственной деформации. Исходя из определений расовых типов, следует ожидать, что они будут различаться в первую очередь по общим размерам лица и орбит.

Мужская выборка в данном варианте анализа включала 38 черепов, ГК I объясняет 38% изменчивости, ГК II – 21% (Рис. 5). По обоим компонентам наибольшие нагрузки приходятся на углы горизонтальной профилировки: по первой – отрицательные на назомаллярный угол, по второй – положительные на зигомаксиллярный. Размеры лица вносят весьма скромный вклад в объяснение общей изменчивости, размеры орбит не вносят его совсем. Предположительная монголоидная примесь не проявилась в этом анализе для черепа из Аруктау (курган 3, инв. № 72 краниологической коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР [*Кияткина* 1961: 99]), зато определила поло-

жение черепа из Лугумбека в самой левой части графика. Последний отнесен В.Я. Зезенковой “к смешанному брахикранному типу, сочетающему европеоидные и монголоидные признаки” (Зезенкова 1953: 100). В остальном никаких закономерностей кластеризации черепов в зависимости от их расового типа не наблюдается, в том числе для черепа “протосредиземноморского” облика из могильника Калантархона (Кияткина 1976: 144).

В анализе женской европеоидной выборки (Рис. 6) наибольшая нагрузка по ГК I (42% изменчивости) приходится на зигомаксиллярный угол, а по ГК II (21% изменчивости) наблюдается также значительный вклад ширины и высоты лица. Единственный череп с отмеченной монголоидной примесью (из Кызылтапа) не выделяется из общего массива, как и в предыдущем анализе, не включавшем углы горизонтальной профилировки. Можно констатировать, что в области наибольших значений по второй компоненте, т.е. там, где должны концентрироваться черепа с наиболее узким и низким лицевым отделом, находятся только черепа, отнесенные к типу Среднеазиатского междуречья, однако большая их часть все же расположена ниже – там же, где черепа “андроновского типа”.

Обсуждение

Задачей настоящей работы было исследование вопроса о возможностях метода индивидуальных типологических определений и сравнение результатов его применения с результатами использования многомерных статистических процедур. Проведено сравнение определений, данных антропологами, изучавшими краниологический материал, с закономерностями изменчивости измерительных признаков, выявляемыми при помощи статистических методов. Результаты проведенных анализов свидетельствуют о том, что изменчивость на уровне больших рас достаточно хорошо улавливается даже в условиях относительно небольших выборок, при использовании нескольких признаков только лицевого скелета и при распределении данных, не всегда соответствующем нормальному.

Первый вариант анализа главных компонент как мужской, так и женской выборок выявил своеобразие краниометрических характеристик черепов, определенных исследователями как монголоидные. Недостаточно четкое их обособление в ряде случаев объясняется, во-первых, невозможностью использовать при анализе такие ценные расово-диагностические признаки, как скуловая ширина или углы горизонтальной профилировки, а во-вторых, тем, что сам южносибирский тип в расовых классификациях занимает промежуточное положение между “чистыми” европеоидами и монголоидами и считается смешанным (Ошанин 1953: 14; Левин 1954). Подтверждается наблюдение А.И. Ярхо о том, что ширина лица в Средней Азии довольно точно дифференцирует монголоидов и европеоидов (Ярхо 1933: 9).

Изложенным, по всей видимости, исчерпываются сходства между результатами многомерного статистического анализа измерительных данных и индивидуальной расовой диагностики. Проведенные анализы главных компонент не выявили ни особенностей черепов, имеющих предположительно смешанные европеоидно-монголоидные черты (в том числе анализ, включающий углы горизонтальной профилировки), ни различий между представителями двух самых крупных расовых типов, имеющих в нашей выборке, – “андроновского” и Среднеазиатского междуречья.

Как известно, индивидуально-типологический подход, при котором каждый череп описывается как принадлежащий к определенному расовому варианту или их комбинации, имплицитно подразумевает изначальную дискретность таких вариантов. В соответствии с такой предпосылкой в качестве результата статистического анализа ожидалось увидеть распределение черепов на графике по градиенту монголоидности-европеоидности в одном случае и два видимых кластера (массивный низко-широколицый “андроновский” и мезоморфный Среднеазиатского междуречья) – в другом. Несоответствие полученных результатов ожидаемым может объясняться целым комплексом причин, свидетельствующим о недостатке каждого из рассматриваемых подходов.

Во-первых, само выделение расовых типов, которыми оперируют специалисты по среднеазиатской антропологии, неоднозначно. Если принять во внимание вероятное сложение расы Среднеазиатского междуречья в результате грацилизации “андроновского расового типа” (Гинзбург, Трофимова 1972: 304) или его смешения с восточносредиземноморским (Трофимова 1962; Гинзбург 1968; Дубова 1978) и дальнейшие напластования на него монголоидных признаков, то не вполне понятно, как провести четкую границу между этими типами и промежуточными вариантами во время их одновременного сосуществования на изучаемой территории.

Во-вторых, при формальном исследовании краниометрических данных приходится оперировать ограниченным набором признаков и черепов в поисках компромисса между представительной выборкой и комплексом признаков, отражающим разницу между изучаемыми морфологическими вариантами. Некоторые признаки и вовсе не могут быть изучены в условиях, в которые ставит исследователя имеющийся набор данных. Например, важным признаком, используемым для разграничения европеоидных расовых комплексов на территории Средней Азии, является форма черепной коробки – представители “андроновского типа” *per se* характеризуются мезокранией, расы Среднеазиатского междуречья – брахикранией, а восточносредиземноморского типа – долихокранией. Можно предположить, что при визуальном осмотре неполнота черепа или наличие слабой деформации не препятствуют приблизительной оценке формы черепной коробки, в то время как при анализе только данных измерений этот признак не может быть рассмотрен из-за недостаточного количества надежных наблюдений.

В-третьих, мы не знаем наверняка, какую роль играет искусственная деформация черепа разных типов в изменчивости размеров лицевого скелета. Неоднозначность картины изменения комплекса лицевых признаков в зависимости от деформации отмечала Т.П. Кияткина, рассматривая серии из Аруктау, Тулхара и Коккума (Кияткина 1976). Она справедливо отмечает, что различия, которые можно интерпретировать как результат деформации, могут быть “вызваны отнюдь не этими причинами, а лежат в основе различных антропологических типов” (Там же: 102). М.А. Балабанова, в свою очередь, обнаружила, что у сарматов многие лицевые признаки достоверно различаются при сравнении деформированных и недеформированных черепов из родственных групп (Балабанова 2001). К выводу об изменении размеров орбит под влиянием деформации черепа в саргатской выборке пришел Д.И. Ражев (Ражев 2009: 149). Влияние искусственной деформации на размеры лицевого скелета подтверждается целым рядом исследований, проведенных на материалах с американского континента (Björk, Björk 1964; Anton 1989; Cheverud et al. 1992; Kohn et al. 1993; Rhode, Arriaza 2006). В то же время некоторые авторы считают, что измене-

ний краниометрических характеристик при деформации не происходит или что возможно выделить как минимум несколько размеров, не подверженных влиянию искусственной деформации (*Rothhammer et al.* 1982; *Verano* 1987; *Ross, Ubelaker* 2009; *Cocilovo et al.* 2011). А.Г. Козинцев использует лицевые размеры, анализируя краниологическую изменчивость южноамериканских и сибирских популяций, и получает хорошо интерпретируемые результаты, однако он комбинирует их с краниоскопическими данными (*Козинцев и др.* 2003; *Козинцев* 2004). Таким образом, учитывая отсутствие консенсуса по вопросу о влиянии искусственной деформации черепа на форму лицевого скелета, решение о том, насколько надежны лицевые измерения для изучения той или иной популяции, принимаются каждым исследователем индивидуально. В рамках настоящей работы авторы вслед за Т.П. Кияткиной сделали допущение о том, что наблюдаемые различия между индивидами с разными типами деформации черепа и без нее объясняются в первую очередь различиями в расовом типе.

В-четвертых, используемая в работе краниометрическая база состоит из измерительных данных, собранных разными учеными, – при этом возможность проверить уровень межисследовательских расхождений, как это принято в современных антропологических исследованиях, по очевидным причинам отсутствует. Учитывая, что все данные были собраны представителями одной антропологической школы, хочется надеяться, что эти расхождения минимальны.

В-пятых (по порядку, а не по важности), полученный результат может быть обусловлен применением не вполне оптимального для решения поставленной задачи метода многомерного статистического сопоставления – классификации без обучающих процедур. Показано, что метод главных компонент, особенно при условии отсутствия внешних (некраниометрических) дифференцирующих признаков, является недостаточно эффективным инструментом для обнаружения скрытой структуры выборки (*Широбоков* 2020). Реальную величину таксономических различий с использованием этого популярного статистического метода оценить также проблематично, поскольку он “по своей математической конструкции приурочен к рассмотрению вариации, не имеющей сложной многоуровневой структуры” (*Дерябин* 1998: 65). С другой стороны, логика настоящего исследования предполагала рассмотрение имеющегося набора данных как единого массива с простой структурой, не требующего предварительных обучающих процедур. В этой связи в перспективе интересно повторить исследование на этом же материале, но с использованием другой классификационной процедуры – канонического дискриминантного анализа. Не менее интересно сравнить результаты классификаций с обучением и без обучения, выполненные в других статистических пакетах программ. Выводы настоящего исследования показывают, что “статистическая типология” без обучения может быть недостаточно эффективна.

Наконец, и это, пожалуй, наиболее существенно, результаты проведенного статистического анализа свидетельствуют, что различия между представителями разных антропологических типов (морфологических вариантов) вполне могли иметь случайный характер. Неоднократно отмечалось, что типологисты пренебрегают известным фактом, состоящим в том, что более 80% изменчивости краниометрических характеристик приходится на внутригрупповой уровень (*Козинцев* 2016; *Широбоков* 2019). В этой связи проявления случайной внутригрупповой изменчивости последовательно интерпретируются в типологическом ключе в качестве неслучайной.

* * *

Полемизируя с известным постулатом Г.Ф. Дебеца (*Дебец* 1948: 28), можно констатировать: если выделенные при простом осмотре серии типы убедительно не выявляются статистически, морфологическая реальность этих типов сомнительна. При этом статистическое выделение морфологических компонентов внутри серии на основании исключительно морфологических критериев не является самоцелью – в этом случае многомерная типология ничем не лучше, а даже хуже обычной (*Герасимова* 2014: 152–153; *Козинцев* 2016: 383). Многомерная статистика нужна для исследования вопроса о характере изменчивости анализируемых признаков, понять природу которой и выделить “компоненты” в изучаемой группе можно лишь на основании внешних по отношению к краниологии критериев (археологического, исторического, географического) (*Герасимова* 2014; *Козинцев* 2016). В связи с последним тезисом следует помнить и о проблеме, поднятой в отечественной краниологии И.Г. Ширококовым, – предвзятом отношении к анализу данных из-за влияния контекстной информации (феномен предвзятости подтверждения) (*Ширококов* 2019).

Отрицать возможность типологического выделения больших рас на краниологическом материале, что подтверждается и результатами проведенного исследования, бессмысленно. Но типологизация на уровне антропологических вариантов вряд ли приближает нас к пониманию популяционной истории тех или иных групп древнего населения. В заключение позволим себе привести цитату из работы Ю.Д. Беневоленской, касающуюся вопроса соотношения статистических и визуальных морфологических методов исследования краниологической изменчивости: “В идеальном варианте целесообразно сочетание обоих подходов, но на практике редко реализуется равноценно высокий уровень применения обоих способов, поскольку склад мышления исследователей... имеет уклон либо в сторону левополушарного... способа мышления, либо правополушарного...” (*Беневоленская* 1990: 258). “Живучесть” типологического подхода (хоть в классическом варианте, хоть в “статистическом”), таким образом, предопределяется не только объективными сложностями работы с древним краниологическим материалом, но и индивидуальными особенностями конкретных исследователей.

Примечания

¹ Половая принадлежность одного черепа не установлена.

² Половая принадлежность одного черепа не установлена.

Источники и материалы

R Core Team 2022 – R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing, 2022 // R-Project. <https://www.R-project.org>

Revelle 2022 – *Revelle W.* psych: Procedures for Personality and Psychological Research, 2022. Version = 2.2.9 // CRAN.R-project. <https://CRAN.R-project.org/package=psych>

RStudio Team 2020 – RStudio Team. RStudio: Integrated Development for R. RStudio, 2020 // RStudio. <http://www.rstudio.com>

Useful Little Things 2021 – Useful Little Things in R. V. 0.0.0.9, 2021 // rdrv.io. <https://rdrv.io/github/jacobmaugoust/ULT>

Научная литература

- Алексеев В.П.* К обоснованию популяционной концепции расы // Проблемы эволюции человека и его рас. М.: Наука, 1968. С. 228–278.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Балабанова М.А.* Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. 2001. Вып. 4. С. 107–122.
- Беневоленская Ю.Д.* Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии древнего населения Северо-Восточной Европы // Балты, славяне, прибалтийские финны: этногенетические процессы / Отв. ред. Р.Я. Денисова. Рига: Зинатне, 1990. С. 230–262.
- Брыкина Г.А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982.
- Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949.
- Герасимова М.М.* Современное состояние палеоантропологии – письмо молодым коллегам // Вестник антропологии. 2014. № 2 (28). С. 149–157.
- Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии гуннов и саков (антропологические материалы из курганов у г. Янги-Юль, близ Ташкента) // Советская этнография. 1946. № 4. С. 207–210.
- Гинзбург В.В., Жиров Е.В.* Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 213–265.
- Гинзбург В.В.* Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXI, Среднеазиатский этнографический сборник / Отв. ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 354–412.
- Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I / Под ред. Г.Ф. Дебеца. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 85–102.
- Гинзбург В.В.* Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3 / Под ред. С.П. Толстова и др. М.: Наука, 1968. С. 185–192.
- Гинзбург В.В.* Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I / Под ред. Б.Г. Гафурова и др. М.: Наука, 1974. С. 219–225.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
- Гржибовский А.М.* Анализ трех и более независимых групп количественных данных // Экология человека. 2008. № 3. С. 50–58.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Дерябин В.Е.* О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. Канонический анализ против главных компонент // Вестник антропологии. 1998. Вып. 4. С. 30–67.
- Дубова Н.А.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4. С. 34–45.
- Заднепровский Ю.А.* Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // Страны и народы Востока.

- Вып. X, Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история / Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге; отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, 1971. С. 27–36.
- Зезенкова В.Я.* Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. С. 74–90.
- Зезенкова В.Я.* Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении // *Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. С. 97–112.
- Зезенкова В.Я.* Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе (1952 г.) // *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1955. С. 215–219.
- Зезенкова В.Я.* Краниологический материал из могильников Бухарской области // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 4 / Отв. ред. В.А. Шишкин. Ташкент: Фан, 1963. С. 66–72.
- Кияткина Т.П.* Череп из могильника Арук-Тау (Таджикистан) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая Серия. Т. LXXI. Антропологический сборник III / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 98–106.
- Кияткина Т.П.* Краниологические материалы из курганных могильников Северной Бактрии // *Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. С. 202–225.
- Кияткина Т.П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.
- Кияткина Т.П.* Расовые процессы в древнем Тохаристане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. IV, Антропология / Отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. М.: ИЭ АН СССР, 1991. С. 14–23.
- Козинцев А.Г.* Кеты, уральцы, “американоиды”: интеграция краниометрических и краниоскопических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана / Отв. ред. А.Г. Козинцев. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 172–185.
- Козинцев А.Г.* О некоторых аспектах статистического анализа в краниометрии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 381–390.
- Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г.* Новые данные о сибирских “американоидах” // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 149–154.
- Левин М.Г.* К вопросу о южносибирском антропологическом типе // Краткие сообщения Института этнографии. 1954. Вып. XXI. С. 70–78.
- Литвинский Б.А.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н.Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 170–176.
- Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии // *Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. С. 9–56.
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009.

- Трофимова Т.А.* Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // Краткие сообщения Института этнографии. 1962. Вып. XXXVI. С. 83–94.
- Трофимова Т.А.* Выступление в дискуссии на Симпозиуме “Методы антропологического анализа, факторы формирования расовых признаков и принципы расовых классификаций” // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3 / Под ред. С.П. Толстова и др. М.: Наука, 1968. С. 567–570.
- Хохлов А.А.* Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017.
- Широбоков И.Г.* Действительно ли антропологи учитывают размер выборки в краниологических исследованиях // *Camera Praehistorica*. 2019. № 1 (2). С. 140–153. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2019-1-140-153>
- Широбоков И.Г.* О применении метода главных компонент в краниологии // *Camera Praehistorica*. 2020. № 1 (4). С. 121–138. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-121-138>.
- Ярхо А.И.* Антропологический состав турецких народностей Средней Азии // Антропологический журнал. 1933. № 3. С. 3–28.
- Anton S.C.* Intentional Cranial Vault Deformation and Induced Changes of the Cranial Base and Face // *American Journal of Physical Anthropology*. 1989. Vol. 79 (2). P. 253–267. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330790213>
- Björk A., Björk L.* Artificial Deformation and Cranio-facial Asymmetry in Ancient Peruvians // *Journal of Dental Research*. 1964. Vol. 43 (3). P. 353–362. <https://doi.org/10.1177/00220345640430030601>
- Cheverud J.M., Kohn L.A.P., Konigsberg L.W., Leigh S.R.* Effects of Fronto-occipital Artificial Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face // *American Journal of Physical Anthropology*. 1992. Vol. 88 (3). P. 323–345. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330880307>
- Cocilovo J.A., Varela H.H., O'Brien T.G.* Effects of Artificial Deformation on Cranial Morphogenesis in the South Central Andes // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2011. Vol. 21 (3). P. 300–312. <https://doi.org/10.1002/oa.1141>
- Kohn L.A.P., Leigh S.R., Jacobs S.C., Cheverud J.M.* Effects of Annular Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face // *American Journal of Physical Anthropology*. 1993. Vol. 90 (2). P. 147–168. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330900203>
- Rhode M.P., Arriaza B.T.* Influence of Cranial Deformation on Facial Morphology among Prehistoric South Central Andean Populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. Vol. 130 (4). P. 462–470. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20333>
- Ross A.H., Ubelaker D.H.* Effect of Intentional Cranial Modification on Craniofacial Landmarks: A Three-Dimensional Perspective // *Journal of Craniofacial Surgery*. 2009. Vol. 20 (6). P. 2185–2187. <https://doi.org/10.1097/SCS.0b013e3181bf038c>
- Rothhammer F., Cocilovo J.A., Quevedo S., Llop E.* Microevolution in Prehistoric Andean Populations: I. Chronologic Craniometric Variation // *American Journal of Physical Anthropology*. 1982. Vol. 58 (4). P. 391–396. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330580406>
- Verano J.W.* Cranial Microvariation at Pacatnamú: A Study of Cemetery Population Variability (Peru). PhD diss. University of California, Los Angeles, 1987.
- Wickham H.* ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. N.Y.: Springer-Verlag, 2016.

Research Article

Syutkina, T.A., and V.V. Kufterin. Craniometric Study of Central Asian Population at the Turn of the Era: Multivariate Statistics Versus Typological Approach? [Kraniologiya naseleniya Srednei Azii rubezha er: mnogomernaia statistika protiv individual'no-tipologicheskogo podkhoda?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 125–149. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030077> EDN: CPFUKX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Taisiya Syutkina | <https://orcid.org/0000-0002-6222-4929> | syuttaya@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Vladimir Kufterin | <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998> | vladimirkufterin@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

biological anthropology, craniofacial variation, nomads, Yuezhi/Kushan period, Antiquity

Abstract

The article aims to assess the method of individual visual typological definitions in biological anthropology and compare it with the results of multivariate statistical analysis based on the cranial materials coming mainly from the Yuezhi / Kushan period in Central Asia. The database contains information on 185 crania. We have established that sex has a highly significant effect on the variation of facial craniometric traits, while the effect of artificial deformation is less prominent but still statistically significant. The PCA has shown that variation between the cranial types of very distant ancestry is captured even though the samples are small and variables are limited to the traits of facial skeleton. The PCA has highlighted the craniometric distinctiveness of the crania labeled as having Asian ancestry. The PCA of the sample of European ancestry has not revealed either the distinctiveness of the mixed European-Asian ancestry individuals or the differences between the two large morphological types within the sample of European ancestry. The differences between individuals of different anthropological types could be due to the effects of random variation which have been consistently interpreted as non-random.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-28-00590]

References

- Alexeev, V.P. 1968. K obosnovaniyu populiatsionnoi kontseptsii rasy [On the Justification of the Population Concept of Race]. In *Problemy evoliutsii cheloveka i ego ras* [Problems of the Evolution of Man and His Races], 228–278. Moscow: Nauka.
- Alexeev, V.P., and G.F. Debetz. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methods of Anthropological Study]. Moscow: Nauka.

- Anton, S.C. 1989. Intentional Cranial Vault Deformation and Induced Changes of the Cranial Base and Face. *American Journal of Physical Anthropology* 79 (2): 253–267. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330790213>
- Balabanova, M.A. 2001. Obychai iskusstvennoi deformatsii golovy u pozdnykh sarmatov: problemy, issledovaniia, rezul'taty i suzheniia [The Custom of Artificial Head Deformation Spread among the Late Sarmatians: Problems, Investigations, Results and Judgments]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* 4: 107–122.
- Benevolenskaya, Y.D. 1990. Rasovyi i mikroevoliutsionnyi aspekty kranologii drevnego naseleniia Severo-Vostochnoi Evropy [Racial and Microevolutionary Aspects of Craniology of the Ancient Population of Northeastern Europe]. In *Balty, slaviane, pribaltiiskie finny: etnogeneticheskie protsessy* [Balts, Slavs, Baltic Finns: Ethnogenetic Processes], edited by R.Y. Denisova, 230–262. Riga: Zinatne.
- Björk, A., and L. Björk. 1964. Artificial Deformation and Cranio-facial Asymmetry in Ancient Peruvians. *Journal of Dental Research* 43 (3): 353–362. <https://doi.org/10.1177/00220345640430030601>
- Brykina, G.A. 1982. *Yugo-Zapadnaia Fergana v pervoi polovine I tysiacheletii nashei ery* [Southwestern Fergana in the First Half of the 1st Millennium AD]. Moscow: Nauka.
- Cheverud, J.M., L.A.P. Kohn, L.W. Konigsberg, and S.R. Leigh. 1992. Effects of Fronto-occipital Artificial Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face. *American Journal of Physical Anthropology* 88 (3): 323–345. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330880307>
- Cocilovo, J.A., H.H. Varela, and T.G. O'Brien. 2011. Effects of Artificial Deformation on Cranial Morphogenesis in the South Central Andes. *International Journal of Osteoarchaeology* 21 (3): 300–312. <https://doi.org/10.1002/oa.1141>
- Debetz, G.F. 1948. *Paleoantropologiiia SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Deryabin, V.E. 1998. O metodikakh mnogomernogo taksonomicheskogo analiza v antropologii. Kanonicheskii analiz protiv glavnykh komponent [On the Methods of Multivariate Taxonomic Analysis in Anthropology: Canonical Analysis versus Principal Components]. *Vestnik antropologii* 4: 30–67.
- Dubova, N.A. 1978. K probleme formirovaniia pamiro-ferganskoi rasy [Towards the Problem of the Origins of the Pamir-Fergana Race]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 34–45.
- Gerasimov, M.M. 1949. *Osnovy vosstanovleniia litsa po cherepu* [Basics of Forensic Facial Reconstruction]. Moscow: Sovetskaia nauka.
- Gerasimova, M.M. 2014. Sovremennoe sostoianie paleoantropologii – pis'mo molodym kollegam [The Recent State of Paleoanthropology – a Letter to Young Associates]. *Vestnik antropologii* 2 (28): 149–157.
- Ginzburg, V.V. 1946. Materialy k antropologii gunnov i sakov (antropologicheskie materialy iz kurganov u g. Yangi-Yul', bliz Tashkenta) [Materials on the Anthropology of the Huns and Sakas (Anthropological Materials from the Yangiyul Kurgans, Near Tashkent)]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 207–210.
- Ginzburg, V.V. 1954. Drevnee naselenie Tsentral'nogo Tian'-Shania i Alaia po antropologicheskim dannym (I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e.) [Ancient Population of the Central Tien Shan and Alay According to Anthropological Data (1st millennium BC – 1st Millennium AD)]. In *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia* [Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, New Series]. Vol. XXI, *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection], edited by S.P. Tolstov and T.A. Zhdanko, 354–412. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

- Ginzburg, V.V. 1968. Rasa Sredneaziatskogo mezhdurech'ia i ee proiskhozhdenie [The Central Asian Interfluvial Race and Its Origin]. In *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [Proceedings of the 7th World Congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences], edited by S.P. Tolstov et al., 3: 185–192. Moscow: Nauka.
- Ginzburg, V.V. 1974. Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnogeneze naseleniia Sredneaziatskogo mezhdurech'ia v kushanskuiu epokhu [Anthropological Data on the Ethnic Origin of the Central Asian Interfluvial Area Population in the Kushan Epoch]. In *Tsentral'naia Aziia v kushanskuiu epokhu* [Central Asia in the Kushan Period], edited by B.G. Gafurov et al., 1: 219–225. Moscow: Nauka.
- Ginzburg, V.V. Materialy k antropologii drevnego naseleniia Ferganskoi doliny [Materials on the Anthropology of the Ancient Population of the Fergana Valley]. In *Trudy Kirgizskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition], edited by G.F. Debetz, 1: 85–102. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ginzburg, V.V., and E.V. Zhiron. 1949. Antropologicheskie materialy iz Kenkol'skogo katakombnogo mogil'nika v doline r. Talas Kirgizskoi SSR [Anthropological Materials from Kenkol Catacomb Cemetery in the Talas River Valley of the Kyrgyz SSR]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS], edited by S.P. Tolstov, X: 213–265. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ginzburg, V.V., and T.A. Trofimova. 1972. *Paleoantropologiya Srednei Azii* [Paleoanthropology of Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Grjibovskiy, A.M. 2008. Analiz trekh i bolee nezavisimyykh grupp kolichestvennykh dannykh [Analysis of Three and More Independent Groups of Quantitative Data]. *Ekologiya cheloveka* 3: 50–58.
- Jarkho, A.I. 1933. Antropologicheskii sostav turetskikh narodnostei Srednei Azii [Anthropological Composition of the Turkic Peoples of Central Asia]. *Antropologicheskii zhurnal* 3: 3–28.
- Khokhlov, A.A. 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka)* [Morphogenetic Processes in the Volga and Ural Regions in the Early Holocene: Based on Craniological Data of the Mesolithic – Bronze Age]. Samara: SGSPU.
- Kiyatkina, T.P. 1961. Cherepa iz mogil'nika Aruk-Tau (Tadzhikistan) [Cranial Sample from Aruktau Cemetery (Tajikistan)]. In *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Novaia Seriya* [Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, New Series]. T. LXXI, *Antropologicheskii sbornik III* [Anthropological Collection III], edited by G.F. Debetz and M.G. Levin, 98–106. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Kiyatkina, T.P. 1975. Kraniologicheskie materialy iz kurgannykh mogil'nikov Severnoi Baktrii [Craniological Materials from Kurgan Cemeteries of Northern Bactria]. In *Pamiatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoi Baktrii* [Nomadic Sites of the Kushan Period in Northern Bactria], by A.M. Mandelshtam, 202–225. Leningrad: Nauka.
- Kiyatkina, T.P. 1976. *Materialy k paleoantropologii Tadzhikistana* [Materials on the Paleoanthropology of Tajikistan]. Dushanbe: Donish.
- Kiyatkina, T.P. 1991. Rasovye protsessy v drevnem Tokharistane [Racial Processes in Ancient Tokharistan]. In *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples

- of Central Asia and Kazakhstan]. Vol. IV, *Antropologiya* [Anthropology], edited by B.A. Litvinsky and T.A. Zhdanko, 14–23. Moscow: IE AN SSSR.
- Kohn, L.A.P., S.R. Leigh, S.C. Jacobs, and J.M. Cheverud. 1993. Effects of Annular Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face. *American Journal of Physical Anthropology* 90 (2): 147–168. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330900203>
- Kozintsev, A.G. 2004. Kety, ural'tsy, “amerikanoidy”: integratsiya kranioметрических и краниоскопических данных [Kets, Uralians, “Americanoids”: An Integration of Craniometric and Cranioscopic Data]. In *Paleoantropologiya, etnicheskaya antropologiya, etnogenez. K 75-letiu Il'i Iosifovicha Gokhmana* [Paleoanthropology, Ethnic Anthropology, Ethnogenesis: To the 75-th Anniversary of Ilia Iosifovich Gokhman]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Kozintsev, A.G. 2016. O nekotorykh aspektakh statisticheskogo analiza v kranioometrii [On Some Aspects of Statistical Analysis in Craniometry]. In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2015 g.* [The Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS in 2015], edited by Y.K. Chistov, 381–390. St. Petersburg: MAE RAN.
- Kozintsev, A.G., A.V. Gromov, and V.G. Moiseev. 2003. Novye dannye o sibirskikh “amerikanoidakh” [New Data on Siberian Americanoids]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 3 (15): 149–154.
- Levin, M.G. 1954. K voprosu o iuzhnosibirskom antropologicheskom tipe [Concerning Turanid Racial Type]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii XXI*: 70–78.
- Litvinsky, B.A. 1977. Etnogeneticheskie protsessy v rannesrednevekovoi Fergane (paleoantropologicheskii i lingvisticheskii aspekty) [Ethnogenetic Processes in Early Medieval Fergana (Paleoanthropological and Linguistic Aspects)]. In *Problemy arkheologii Evrazii i Severnoi Ameriki* [Issues on Archaeology of Eurasia and North America], edited by N.L. Chlenova, 170–176. Moscow, Nauka.
- Oshanin, L.V. 1953. Antropologicheskii sostav naseleniia Srednei Azii i etnogenez ee narodov v svete dannykh antropologii [Ancestry Composition of Central Asian Population and Ethnogenesis of Its People in the Light of Anthropological Data]. In *Voprosy etnogeneza narodov Srednei Azii v svete dannykh antropologii* [Problems of Soviet Central Asian Ethnogenesis in the Light of Anthropological Data], by L.V. Oshanin and V.Y. Zezenkova, 9–56. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR.
- Razhev, D.I. 2009. *Bioantropologiya naseleniia sargatskoi obshchnosti* [Biological Anthropology of the Sargat Community]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Rhode, M.P., and B.T. Arriaza. 2006. Influence of Cranial Deformation on Facial Morphology among Prehistoric South Central Andean Populations. *American Journal of Physical Anthropology* 130 (4): 462–470. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20333>
- Ross, A.H., and D.H. Ubelaker. 2009. Effect of Intentional Cranial Modification on Craniofacial Landmarks: A Three-Dimensional Perspective. *Journal of Craniofacial Surgery* 20 (6): 2185–2187. <https://doi.org/10.1097/SCS.0b013e3181bf038c>
- Rothhammer, F., J.A. Cocilovo, S. Quevedo, and E. Llop. 1982. Microevolution in Prehistoric Andean Populations: I. Chronologic Craniometric Variation. *American Journal of Physical Anthropology* 58 (4): 391–396. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330580406>
- Shirobokov, I.G. 2019. Deistvitel'no li antropologi uchityvaiut razmer vyborki v kraniologicheskikh issledovaniyakh [Do Anthropologists Really Consider Sample Size in Craniological Research]. *Camera Praehistorica* 1 (2): 140–153. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2019-1-140-153>

- Shirobokov, I.G. 2020. O primenenii metoda glavnykh komponent v kranologii [On the Application of the Principal Component Analysis in Cranial Metric Studies]. *Camera Praehistorica* 1 (4): 121–138. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-121-138>
- Trofimova, T.A. 1962. Rasovye tipy naseleniia Srednei Azii v epokhu eneolita i bronzy [Racial Types of the Central Asian Population in the Eneolithic and Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* XXXVI: 83–94.
- Trofimova, T.A. 1968. Vystuplenie v diskussii na Simpoziume “Metody antropologicheskogo analiza, faktory formirovaniia rasovykh priznakov i printsipy rasovykh klassifikatsii” [Speech in the Discussion at the Symposium “Methods of Anthropological Analysis, Factors in the Formation of Racial Characteristics and Principles of Racial Classifications”]. In *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [Proceedings of the 7th World Congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences], edited by S.P. Tolstov et al., 3: 567–570. Moscow: Nauka.
- Verano, J.W. 1987. Cranial Microvariation at Pacatnamú: A Study of Cemetery Population Variability (Peru). PhD diss., University of California.
- Wickham, H. 2016. *ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis*. New York: Springer-Verlag.
- Zadneprovsky, Y.A. 1971. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti pamiatnikov kochevnikov Semirech'ia usun'skogo perioda II v. do n.e. – V v. n.e. [On the Ethnicity of Zhetysu Nomadic Sites of the Wusun Period 2nd c. BC – 5th c. AD]. In *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. X, *Sredniaia i Tsentral'naia Aziia. Geografiia, etnografiia, istoriia* [Middle and Central Asia: Geography, Ethnography, History], edited by D.A. Oldergogge and V.A. Romodin, 27–36. Moscow: Nauka.
- Zezenkova, V.Y. 1951. Nekotorye dannye o skeletakh iz pogrebal'nykh kurganov vozle stantsii Vrevskaia [Some Data on Skeletons from Kurgans Near Vrevskaya Station]. *Trudy Muzeia istorii narodov Uzbekistana* 1: 74–90.
- Zezenkova, V.Y. 1953. Materialy k paleoantropologii Uzbekistana i Turkmenii [Materials on the Paleoanthropology of Uzbekistan and Turkmenistan]. In *Voprosy etnogeneza narodov Srednei Azii v svete dannykh antropologii* [Problems of Soviet Central Asian Ethnogenesis in the Light of Anthropological Data], by L.V. Oshanin and V.Y. Zezenkova, 97–112. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR.
- Zezenkova, V.Y. 1963. Kranilogicheskii material iz mogil'nikov Bukharskoi oblasti [Craniological Material from the Bukhara Region Cemeteries]. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* [History of the Material Culture of Uzbekistan], edited by V.A. Shishkin, 4: 66–72. Tashkent: Fan.
- Zezenkova, V.Y. Predvaritel'nyi otchet ob issledovanii kranilogicheskogo materiala iz raskopok kurganov v Vorukhe (1952 g.) [Preliminary Report on the Study of Craniological Material from Vorukh Kurgans (1952)]. In *Arkheologicheskii ocherk Isfarinskogo raiona* [Archaeological Profile of the Isfara District], by E.A. Davidovich and B.A. Litvinsky, 215–219. Stalinabad: Izdatel'stvo AN TadzhSSR.

НА КОГО БЫЛИ ПОХОЖИ КАРАСУКЦЫ?

А.Г. Козинцев

Александр Григорьевич Козинцев | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

эпоха поздней бронзы, Южная Сибирь, Западная Сибирь, Средняя Азия, карасукская культура, андроновская культура, памирцы, таджики, узбеки, казахи

Аннотация

Для проверки утверждения Ю.Г. Рычкова об идентичности физического типа носителей карасукской культуры и близких к современности горцев Западного Памира проведено сопоставление 24 мужских карасукских краниологических серий с 59 сериями других эпох и культур. Данные обработаны методами многомерной статистики. Карасукцы оказались близки не к тем памирским группам, которые Ю.Г. Рычков включил в исследование (горанцам, ишкашимцам, ваханцам и рушанцам), а к той, которую он оттуда исключил из-за киргизской примеси, – шугнанцам. Эта примесь, по-видимому, наслонилась не столько на местный южноевропеоидный компонент, свойственный прочим памирцам, сколько на степной, андроновский, что и обусловило вероятное сходство средневековых шугнанцев (и, следовательно, карасукцев) с современными узбеками, сохранившими родовую структуру, и северными таджиками.

Поводом для данной статьи послужило интригующее, до сих пор не подвергавшееся проверке высказывание Ю.Г. Рычкова: изучив краниологию горцев Западного Памира недавних веков (горанцев, ишкашимцев, ваханцев и рушанцев), он пришел к выводу, что эти люди по своему физическому типу не просто близки, а тождественны носителям карасукской культуры:

Достоин удивления поразительное единство серий, удаленных одна от другой на 2500 труднейших километров и представляющих центр и периферию ареала памиро-ферганской расы. Еще большего удивления и внимания заслуживает замечательная устойчивость ее типа, выявленная при сравнении этих серий, отстоящих одна от другой на 2500 бурных лет в истории Центральной Азии (*Рычков* 1969: 158–159).

Само сходство, правда, было замечено не Ю.Г. Рычковым – он лишь гиперболизировал то, о чем до него, но несравненно осторожнее писали Г.Ф. Дебец (*Дебец* 1932) и В.П. Алексеев (*Алексеев* 1961). В.П. Алексеев, а вслед за ним и

Статья поступила 27.12.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 27.02.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Козинцев А.Г. На кого были похожи карасукцы? // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 150–164. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089> EDN: CPHJCY

Kozintsev, A.G. 2023. Na kogo byli pokhozhi karasuksy? [Whom Did the Karasuk People Resemble?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 150–164. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089> EDN: CPHJCY

Ю.Г. Рычков относили сходство на счет общего происхождения карасукцев и памирцев – предположительно из Восточного Туркестана (*Алексеев* 1961: 160; *Рычков* 1969: 158). Но единственная группа докарасукской эпохи из данного района – Гумугоу – оказалась краниометрически близка не к карасукцам и не к памирцам, а к андроновцам¹ (*Козинцев* 2009).

Действительно ли карасукцы внешне неотличимы от памирцев? Если бы это было так, вывод о них как об андроновско-окуневских метисах² оказался бы автоматически опровергнут, ведь вообразить, что памирцы хоть в какой-то степени родственны окуневцам или иным аборигенам Сибири, невозможно. Если же “поразительное единство” не подтвердится, то, возможно, удастся все-таки найти близкую к современности группу, которая и позволила бы нам представить себе, как выглядели носители одной из самых загадочных культур Южной Сибири. Это имело бы не только иллюстративную, но и познавательную ценность, ибо помогло бы прояснить генезис данной культуры. В ходе недавнего исследования³ я такой группы не нашел, да и не пытался. В предлагаемой статье ставится именно эта цель.

Использованы данные о 83 мужских сериях черепов, относящихся к следующим культурам, эпохам и территориям⁴:

1. Собственно карасукская культура (“классический вариант”) (*Рыкушина* 2007).

2. Каменноложский вариант карасукской культуры (Там же).

3. Атипичная карасукская группа, суммарно (*Козинцев* 1977; суммированы данные по группам № 4–7).

4. То же, северная группа – каменноложские погребения на р. Карасук (Там же).

5. То же, Малые Копены III, по неопубликованным измерениям Г.Ф. Дебеца (Там же).

6. То же, Федоров улус, по измерениям В.П. Алексеева (*Алексеев* 1961) (*Козинцев* 1977).

7. То же, Восточно-минусинская группа – лугавские (бейские) погребения на правом берегу Енисея к югу от р. Тубы, по измерениям Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева (Там же).

8. Карасукская культура, северная группа (*Рыкушина* 2007)⁵.

9. То же, южная группа (суммированы данные Г.В. Рыкушиной [Там же] и А.В. Громова [*Громов* 1991, 1995] по группам № 20–24).

10. То же, ербинская группа (*Рыкушина* 2007).

11. То же, левобережная группа (Там же).

12. То же, правобережная группа (Там же).

13. То же, Хара-Хая (Там же).

14. То же, Тагарский Остров IV (Там же).

15. То же, Кюргеннер I (Там же).

16. То же, Кюргеннер II (Там же).

17. То же, Карасук I (Там же).

18. То же, Северный берег Варчи I (Там же).

19. То же, Сухое Озеро II (Там же).

20. То же, Арбан I (*Громов* 1991).

21. То же, Белое Озеро (*Громов* 1995).

22. То же, Сабинка II (Там же).

23. То же, Терт-Арба (Там же).

24. То же, Есинская МТС (Там же).

25. Андроновская (федоровская) культура, Северный, Центральный и Восточный Казахстан⁶.
26. То же, Барабинская лесостепь.
27. То же, Рудный Алтай.
28. То же, Барнаульское Приобье, Фирсово XIV.
29. То же, Барнаульско-Новосибирское Приобье.
30. То же, Причумышье.
31. То же, Томское Приобье, Еловка II.
32. То же, Кузнецкая котловина.
33. То же, Минусинская котловина.
34. Андроновская (алакульско-кожумбердынская) культура, Южный Урал и Западный Казахстан.
35. Андроновская (алакульская) культура, Северный, Центральный и Восточный Казахстан.
36. То же, Омское Прииртышье, Ермак IV.
37. Окуневская культура, Хакасско-Минусинская котловина, Уйбат (*Громов* 1997).
38. То же, Тас-Хазаа (Там же).
39. То же, Черновая (Там же).
40. То же, Верх-Аскиз (Там же).
41. Монгун-тайгинская культура, карасукская эпоха, Тува, сборная группа (*Алексеев и др.* 1987).
42. То же, Байдаг III (Там же). В.А. Семенов и К.В. Чугунов относят памятник к древнейшему этапу монгун-тайгинской культуры, когда погребальный обряд был наиболее близок к карасукскому (*Семенов, Чугунов* 1987; см. также: *Чугунов* 1994).
43. Саки, Восточный Казахстан, VII–IV вв. до н.э. (*Гинзбург, Трофимова* 1972).
44. Саки, Киргизия VII–IV вв. до н.э. (Там же).
45. Савроматы, Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, VI–IV вв. до н.э. (*Балабанова* 2000).
46. Тавры, Крым, кизил-кобинская культура, VIII–V вв. до н.э. (*Соколова* 1960).
47. Сиалк, Центральный Иран, период VI, некрополь В (VIII в. до н.э.). Измерения Г.Ф. Дебеца, опубликованные Т.П. Кияткиной (*Кияткина* 1968). Датировка обоснована А.И. Иванчиком (*Иванчик* 2001: 168) и И.Н. Медведской (*Медведская* 2013).
48. Памирцы, Горан, XIII–XIV вв. (*Рычков* 1969).
49. То же, Ишкашим, XIV–XVI вв. (Там же).
50. То же, Вахан, XV–XVI вв. (Там же).
51. То же, Рушан, XVIII в. (Там же).
52. То же, Шугнан, р. Шахдара, XIII–XIV вв. Измерения Ю.Г. Рычкова, опубликованные В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой (*Гинзбург, Трофимова* 1972).
53. Ирани (возможно, таджики), Самарканд, недавняя эпоха (Там же).
54. Жители Уструшаны (Шахристан, Таджикистан), VII–IX вв. (Там же).
55. Узбеки, Ташкент (*Гинзбург* 1963)⁷.
56. Узбеки, Самарканд (Там же).
57. Казахи, Восточный Казахстан, Актулки (*Исмагулов* 1970).
58. То же, Центральный Казахстан, Бегазы (Там же).
59. То же, Центральный Казахстан, Коянды (Там же).

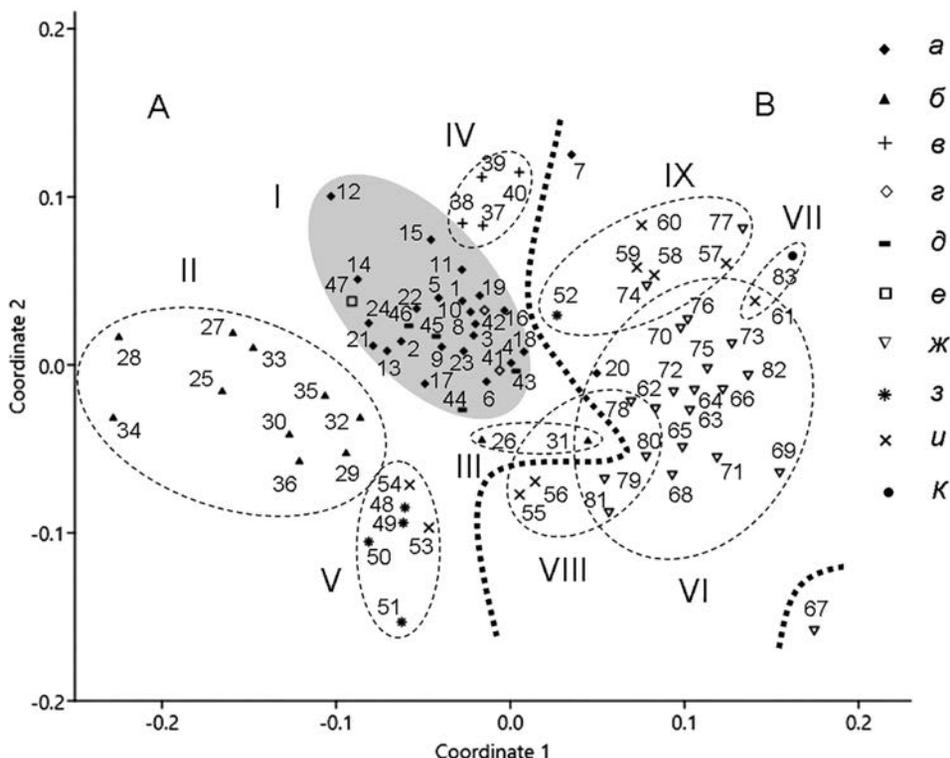
60. То же, Северный Казахстан, Каратас (Там же).
61. Киргизы (*Миклашевская* 1959).
62. Тоболо-иртышские татары (*Багаиёв* 2017).
63. Барабинские татары (Там же).
64. Томские татары (Там же).
65. Чулымцы (Там же).
66. Северные ханты (Там же).
67. Южные ханты (Там же).
68. Восточные ханты (Там же).
69. Манси (Там же).
70. Ненцы (Там же).
71. Селькупы (Там же).
72. Кызыльцы (Там же).
73. Бельтыры (*Алексеев* 1960).
74. Сагайцы (Там же).
75. Койбалы (Там же).
76. Качинцы (Там же).
77. Теленгеты (*Дебец* 1951).
78. Телеуты (*Багаиёв* 2017).
79. Кумандинцы (Там же).
80. Тубалары (Там же).
81. Шорцы (Там же).
82. Кеты (*Гохман* 1982).
83. Монголы (*Дебец* 1951).

Программа включает 14 основных признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры, наименьшую ширину лба, скуловой диаметр, верхнюю высоту лица, высоту и ширину носа, ширину и высоту орбиты, назо-малярный и зиго-максиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа. Данные обработаны с помощью канонического анализа и подсчета расстояний Махаланобиса с поправкой на численность (D^2c). Матрица расстояний подвергнута кластерному анализу и неметрическому многомерному шкалированию. Использовалась программа CANON Б.А. Козинцева и пакет PAST Э. Хаммера (версия 4.05).

На двумерной проекции (см. Рис. 1), как и на дендрограмме, которая здесь не приводится⁸, видны девять кластеров, объединяющихся в два суперкластера, за пределами которых находится группа, по неясной причине резко отличающаяся от всех остальных, – иртышские ханты (№ 67)⁹.

Левый суперкластер (А), который можно условно назвать западным, состоит из кластеров I–V. Кластер I включает все карасукские группы, кроме двух, отличающихся усилением восточных признаков – Восточно-минусинской (№ 7) и из Арбана I (№ 20), которые оказались за пределами не только кластера I, но и суперкластера А (см. ниже). Помимо карасукских серий, в кластер I входят саки, савроматы, тавры и группа из Сиалка В – вероятные киммерийцы (*Погребова* 2001).

Кластер II – целиком андроновский. Сюда включены все серии данной культуры, кроме двух – из Барабы (№ 26) и Еловки (№ 31), которые образуют отдельную пару (кластер III), заметно уклоняющуюся в восточном направлении, что свидетельствует об ассимиляции андроновцами некоторых аборигенных групп Сибири. Кластер IV объединяет все четыре окуневские группы. Карасукский кластер (кластер I) занимает промежуточное положение между андроновским

Рис. 1. Расположение центроидов мужских краниологических серий в пространстве неметрического многомерного шкалирования матрицы обобщенных расстояний (D^2C).

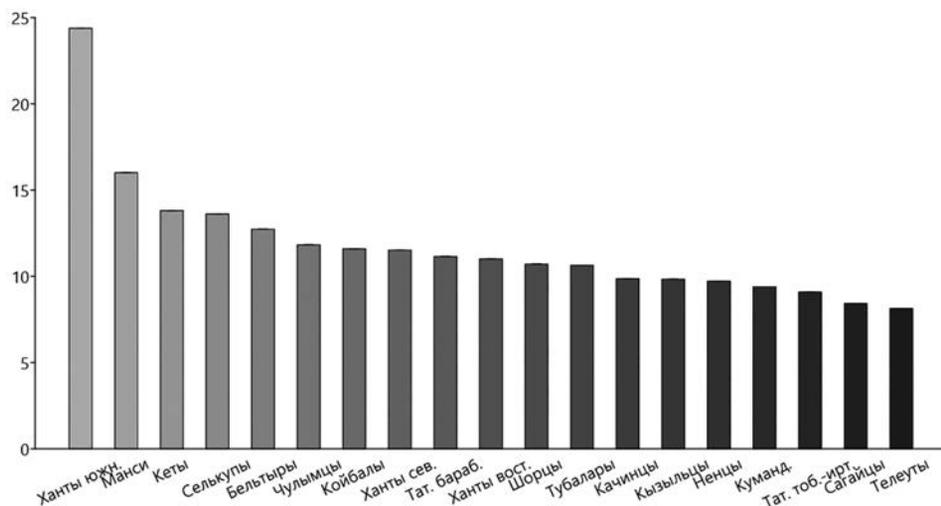
Нумерация серий соответствует списку в тексте.

a – карасукские, *б* – андроновские, *в* – окуневские, *г* – монгун-тайгинские, *д* – сакские, савроматская, таврская, *е* – Сиалк В, *ж* – современные западносибирские, *з* – памирские, *и* – прочие группы Средней Азии и Казахстана, *к* – монголы. Кластеры (показаны овалами): I – карасуки и близкие им древние группы, II – андроновцы, III – ассимилированные андроновцами аборигенные группы Сибири, IV – окуневцы, V – памирцы и близкие им группы Средней Азии, VI – современные западносибирские группы, VII – киргизы и монголы, VIII – узбеки Ташкента и Самарканда, телеуты, кумандинцы, тубалары, шорцы, IX – теленгеты, казахи, сагайцы, шугнанцы.

Левая пунктирная кривая разделяет суперкластеры А (кластеры I–V) и В (кластеры VI–IX), правая отделяет южных хантов (№ 67) от остальных групп.

и окуневским, характеризуя карасуков как типично метисную группу¹⁰. В кластер V входят четыре памирские выборки (все, кроме шугнанской) и еще две среднеазиатские – самаркандская, представляющая ирани или таджиков (№ 53), и раннесредневековая из Шахристана (№ 54).

Правый, восточный суперкластер (B), включает кластеры VI–IX, а также изолированную Восточно-минусинскую группу атипичного карасука (№ 7). В кластере VI – большинство современных групп Западной и Южной Сибири (№ 62–66, 68–73, 75, 76), а также карасуки из Арбана I (№ 20). К данному кластеру примыкает крайне монголоидная пара (кластер VII), состоящая из киргизов (№ 61) и монголов (№ 83). Кластер VIII отчетливо неоднороден в географическом отношении. Здесь мы видим группы Южной Сибири с наименее выраженными восточными особенностями: телеутов (№ 78), кумандинцев

Рис. 2. Средние обобщенные расстояния (D^2c) современных краниологических серий Южной и Западной Сибири от 24 карасукских.

(№ 79), тубаларов (№ 80) и шорцев (№ 81), а также две группы городских узбеков (№ 55 и 56), явно тяготеющие к южноевропеоидному кластеру V.

Еще более разнороден кластер IX. Крайне восточное положение в нем занимают теленгеты (№ 77), слабее выражены монголоидные черты в четырех казахских группах (№ 57–60) и у сагайцев (№ 74), а на западном фланге находятся шугнанцы Шахдары (№ 52). Последние, хотя и обнаруживают по сравнению с прочими памирскими группами заметный монголоидный сдвиг, но при этом занимают в кластере VIII особое место, вплотную к кластеру I, включающему карасукцев и близкие к ним группы.

Посмотрим, каково среднее расстояние 24 карасукских групп от 19 современных народов Западной и Южной Сибири, ранжированных по возрастанию сходства (см. Рис. 2). Если не считать aberrантных иртышских хантов, а также манси, увеличение сходства (слева направо на графике) происходит постепенно. На первых местах группы со сравнительно слабо выраженными восточными особенностями – телеуты, сагайцы, тоболо-иртышские татары, кумандинцы. Однако плавность изменений не позволяет приписать относительную близость этих групп к карасукцам чему-либо, кроме случайности.

Теперь взглянем на аналогично ранжированный график для 14 современных групп Средней Азии и Казахстана (см. Рис. 3). Сильнее всего от карасукцев отличаются киргизы, рушанцы и наиболее монголоидная группа казахов (Актулки). У следующих десяти групп приближение к карасукцам очень невелико и постепенно. А дальше наблюдается “провал” – значение D^2c у средневековых шугнанцев (4,32) не просто меньше всех 33 рассмотренных значений (см. Рис. 2, 3), но вдобавок и резко отличается от ближайшего (7,28 для средневековых шахростанцев). Оценить достоверность разницы по полному набору карасукских групп нельзя, так как независимость наблюдений тут отсутствует – группы перекрываются по составу. Если же оставить только 17 неперекрывающихся, то, согласно критерию Уилкоксона для сопряженных наблюдений, веро-

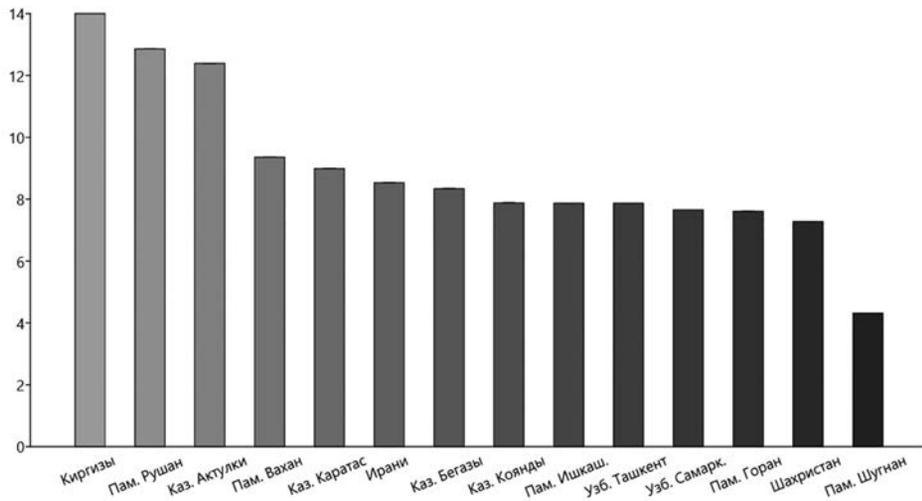

Рис. 3. Средние обобщенные расстояния (D^2c) современных краниологических серий Средней Азии и Казахстана от 24 карасукских.

ятность случайности различия между шугнанцами и шахристанцами по интересующему нас показателю составляет 0,003, т.е. различие вполне достоверно. Как ни удивительно, похожа на карасукцев именно та единственная памирская группа, которую Ю.Г. Рычков исключил из своего исследования.

Среди древних групп еще ближе к карасукцам те, которые входят вместе с ними в кластер I: монгун-тайгинцы Тувы, савроматы, саки Восточного Казахстана и Киргизии, тавры, а также члены кластера IV – окуневцы Уйбата и Тас-Хазаа. Среди карасукцев к шугнанцам особенно близки люди из Федорова улуса и каменоложцы северной группы. Шугнанцы же схожи, помимо карасукцев, и с другими членами кластера I: с монгун-тайгинцами Тувы, саками Восточного Казахстана и Киргизии, а из современных народов – с казахами (за исключением уже упомянутой группы из Актулки), сагайцами, качинцами и ненцами. Казахи и сагайцы входят вместе с шугнанцами в кластер IX, качинцы и ненцы – в кластер VI. В типологических терминах эти две группировки традиционно именуется южносибирской и уральской соответственно¹¹.

Почему шугнанская серия осталась за рамками работы Ю.Г. Рыčkова? Во-первых, потому, что, по преданиям, кладбища долины Шахдары, откуда она происходит, находятся в местах сражений местных жителей с проникшими из Восточного Памира кочевниками-киргизами. Потомки последних до недавнего времени почитали некоторые из этих могил (Рычков 1969: 32). Во-вторых, шугнанская серия обнаруживает монголоидную примесь. Согласно Ю.Г. Рычкову, серия неоднородна – в ней есть черепа южносибирского, памирского и смешанного типов (Там же: 33). Этот вывод, однако, не подкреплен статистическим анализом, поэтому трудно понять, имеем ли мы дело только с механической или также и с биологической смешанностью. Мнение о позднем (киргизском) происхождении монголоидной примеси в шугнанской серии поддержали В.В. Гинзбург, Т.А. Трофимова (Гинзбург, Трофимова 1972: 282)¹² и Т.К. Ходжайов (Ходжайов 2008). Но дело не только в примеси.

Если соединить на графике (см. Рис. 1) прямой линией кластер V, включающий западных памирцев (кроме шугнанцев), и кластер VII, объединяющий киргизов и монголов, то шугнанцы будут в стороне от этой линии. Рядом же с ней окажутся узбеки из городских кладбищ (№ 55 и 56)¹³, что соответствует представлению о них как потомках южноевропеоидного ираноязычного населения, перешедших на тюркскую речь и впитавших небольшую монголоидную примесь (*Гинзбург* 1963: 119).

Шугнанцы же вместе с прочими членами кластера IX оказываются вблизи от прямой, соединяющей кластер VII (киргизско-монгольский) и кластер II (андроновский). Они больше похожи на казахов, чем на городских узбеков, от которых, похоже, отличаются не только большей монголоидностью, но и характером европеоидности. Если допустить, что монголоидный компонент у шугнанцев тот же, что и у городских узбеков (центральноазиатский), то европеоидный будет иным – степным, а не южным. А.П. Пестряков, опираясь на данные Л.В. Ошанина, указывает, что шугнанцы Шахдары отличаются от всех западнопамирских групп, относимых к южному варианту памиро-ферганской расы, большими размерами головы и лица, уклоняясь в сторону северных таджиков и узбеков, т.е. тех групп, которые относили к северному ее варианту (*Пестряков* 1975). Дело не в монголоидной примеси, так как наиболее монголоидные узбеки-локайцы находятся вне данного вектора изменчивости. Согласно А.П. Пестрякову, наблюдаемая картина объясняется тем, что долина Шахдары имеет выход на Восточно-памирское плато, через которое андроновцы и их потомки могли проникать в ущелья Западного Памира.

В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова полагали, что андроновский компонент сыграл важную роль в сложении всех групп памиро-ферганского типа – от памирцев до узбеков (*Гинзбург, Трофимова* 1972: 304). Ю.Г. Рычков это отрицал на том основании, что андроновцы отличались светлой пигментацией (*Рычков* 1969: 148–149). Последнее подтверждается как прямыми генетическими данными (*Keyser et al.* 2009), так и косвенными – о современных группах, в составе которых предполагается значительный андроновский компонент (казахах, киргизах и др.). В.П. Алексеев поначалу принял мнение Ю.Г. Рычкова о значительной древности и самостоятельности памиро-ферганского типа, к которому он, правда, причислил только узбеков, но не памирцев (*Алексеев* 1974). В дальнейшем, однако, он согласился с В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой (*Алексеев, Гохман* 1984: 117, 122). Действительно, при учете доминирования темной пигментации вклад андроновцев нельзя исключить, во всяком случае, по отношению к равнинным группам (*Гинзбург, Трофимова* 1972: 303). Как мы видим, его нельзя исключить и по отношению к некоторым горным популяциям.

В.П. Алексеев рассматривал узбеков в целом, не делая различия между городскими группами без родовых делений и сельскими, сохранившими родовую структуру (краниологический материал по ним отсутствует). Те и другие отчетливо различаются внешне: вторые монголоиднее (*Ошанин* 1958: 72, 74) и доля андроновского компонента у них выше (*Пестряков* 1975; *Дубова* 1978). Очень вероятно, что сельские узбеки, особенно даштикипчакские, более схожи с шугнанцами. Об этом косвенно свидетельствуют соматологические исследования. Так, изученные А.П. Пестряковым узбеки-локайцы не только родственны казахам (в сложении которых роль андроновского компонента не подлежит сомнению), но и похожи на них (*Пестряков* 1975). Казахи же, по моим данным, объединились с шугнанцами, будучи, однако, значительно монголоиднее (см. Рис. 1).

На графике прямая линия, соединяющая кластеры II, IX и VII, проходит через кластер I, включающий карасукцев. Но его центральное положение заставляет предпочесть иной сценарий метисации, подсказываемый археологическими фактами: есть достаточно оснований видеть в карасукцах андроновско-окуневских метисов¹⁴. Что же тогда связывает их с шугнанцами? Во-первых, андроновский компонент, подтверждаемый генетически: минимум две из четырех карасукских женщин, для которых есть генетические данные, имели европейскую аутосомную наследственность и гены, ответственные за светлую окраску глаз (*Keyser et al.* 2009). Во-вторых, небольшая монголоидность неизвестного происхождения – о ней тоже свидетельствует генетика: карасукская серия весьма неоднородна, и там присутствуют индивидуумы с отчетливо восточной наследственностью, один из которых близок к глазковцам Прибайкалья (*Jeong et al.* 2018; *Karafet et al.* 2018). По краниометрическим данным, максимальная концентрация восточных черт наблюдается в двух андроновских группах, относящихся к числу наиболее близких к классической и северной карасукской: из Барабы и особенно из Еловки в Томском Приобье (см. Рис. 1)¹⁵. Видимо, они представляют ассимилированных андроновцами аборигенов Сибири, от которых, следовательно, карасукцы и могли получить восточный компонент – но ни он, ни тот, который представлен у окуневцев, не объясняют сходство карасукцев со средневековыми шугнанцами.

У современных шугнанцев Шахдары монголоидная примесь, по словам Ю.Г. Рычкова, не прослеживается, что он отнес за счет генного дрейфа (*Рычков* 1969: 33)¹⁶. Действительно, из всех изученных им памирских групп у них наибольшая длина тела, наивысший процент светлых глаз, наиболее сильный рост бороды (Там же: 182, 184, 200). В.Ю. Бахолдина и А.А. Мовсесян, однако, считают, что небольшая примесь все-таки есть, о чем свидетельствуют большая высота лица, а также фотоматериал (*Бахолдина, Мовсесян* 2014; см.: *Рычков* 1969: 197, 36 – рис. 26).

Итак, судя по краниологическим данным, карасукцы были внешне похожи на средневековых шугнанцев, отличавшихся от прочих популяций Западного Памира не только монголоидной примесью, но и большей долей андроновского компонента, что, возможно, подтверждают данные о длине тела и цвете глаз у современных шугнанцев (см. выше). Таким образом, карасукцы, скорее всего, напоминали не южных, а северных представителей памиро-ферганской общности – узбеков с родовыми делениями и северных таджиков.

Примечания

¹ См. также: *Козинцев А.Г.* Происхождение андроновцев: статистический подход // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).

² См. об этом: *Козинцев А.Г.* Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).

³ *Козинцев А.Г.* Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).

⁴ Некоторые карасукские группы перекрываются по составу ввиду несовпадения археологических классификаций, использованных разными краниологами. В случаях, когда серия изучена или переформирована несколькими авторами, указывается наиболее поздняя публикация – та, из которой заимствовались данные.

⁵ Здесь и далее принадлежность серий к классической или каменноложской (лугавской) группе не уточняется. Во-первых, мнения археологов на этот счет расходятся (Г.В. Рыкушина пользовалась определениями Э.Б. Вадецкой, Г.А. Максименкова и П.М. Кожина, я – определениями М.П. Грязнова и особенно Н.Л. Членовой). Во-вторых, многие серии включают черепа из погребений обоих типов.

⁶ Источники данных об андроновских сериях № 25–36 см.: *Козинцев А.Г. Происхождение андроновцев: статистический подход // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

⁷ Серии № 55–83 относятся к недавним векам.

⁸ Ее можно получить электронной почтой по запросу.

⁹ Долихокрания и узкое лицо, противопоставляющие данную группу всем прочим, пока не получили никакого исторического объяснения (*Багаиёв 2017: 285*).

¹⁰ См. об этом: *Козинцев А.Г. Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

¹¹ В.П. Алексеев отнес сагайцев к уральскому типу с заметной примесью центральноазиатского, а качинцев – к южносибирскому (*Алексеев 1960*). На Рис. 1 обе эти группы вместе с ненцами находятся поблизости друг от друга, на периферии кластеров IX и VI соответственно.

¹² В отличие от Ю.Г. Рычкова, они датировали эту серию XVIII–XIX вв.

¹³ Этот простейший тест основан на известном факте промежуточности метисных популяций между родительскими по большинству размерных признаков. Данное правило должно с некоторым приближением быть справедливым и по отношению к двумерной проекции многомерных отношений.

¹⁴ См. об этом: *Козинцев А.Г. Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

¹⁵ См. об этом: *Козинцев А.Г. Происхождение карасукцев (по краниометрическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023 (в печати).*

¹⁶ Г.Л. Хить, напротив, полагает, что небольшая монголоидная примесь свойственна всем западным памирцам, причем ее проявление было усилено генным дрейфом (*Хить 1983: 134*).

Научная литература

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 269–364.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. 1961. № 3. С. 107–206.

Алексеев В.П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974. С. 11–22.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.

Багаиёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017.

- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000.
- Баходина В.Ю., Мовсеян А.А.* Краниология горцев Памира (по краниометрическим и краниофенетическим данным) // Вестник Московского университета. Серия XXIII, Антропология. 2014. № 2. С. 29–37.
- Гинзбург В.В.* Краниологическая характеристика узбеков // Антропологический сборник. № 4. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 96–121.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
- Гохман И.И.* Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник: антропология, этнография, мифология, лингвистика / Отв. ред. В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1982. С. 7–42.
- Громов А.В.* Палеоантропологические материалы из карасукского могильника Арбан I // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. Сборник МАЭ. Т. 44. СПб.: Наука, 1991. С. 42–47.
- Громов А.В.* Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. 1995. № 1. С. 130–150.
- Громов А.В.* Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 301–358.
- Дебец Г.Ф.* Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 26–48.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии АН СССР. 1951. Т. 17.
- Дубова Н.А.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4. С. 34–45.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001.
- Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970.
- Кияткина Т.П.* Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. С. 168–182.
- Козинцев А.Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977.
- Козинцев А.Г.* О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Медведская И.Н.* Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // Российский археологический ежегодник. 2013. Т. 3. С. 412–441.
- Миклашевская Н.Н.* Краниология киргизов // Труды Киргизской археолого-антропологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 266–294.
- Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 2. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1958.
- Пестряков А.П.* Антропологическое изучение некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // Советская этнография. 1975. № 1. С. 102–112.
- Погребова М.Н.* Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в.

- до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 317–333.
- Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый Сад, 2007.
- Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.
- Семенов В.А., Чугунов К.В. Роль субстрата в сложении культур скифского типа в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. Т. 2. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 73–76.
- Соколова К.Ф. Тавры Крымского полуострова (по антропологическим данным) // Вопросы антропологии. 1960. № 3. С. 66–76.
- Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983.
- Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 143–156.
- Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8. С. 43–53.
- Jeong C. et al. Bronze Age Population Dynamics and the Rise of Dairy Pastoralism on the Eastern Eurasian Steppe // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA. 2018. Vol. 115 (48). <https://doi.org/10.1073/pnas.1813608115>
- Karafet T.M. et al. Siberian Genetic Diversity Reveals Complex Origins of the Samoyed-Speaking Populations // American Journal of Human Biology. 2018. Vol. 30 (6). <https://doi.org/10.1073/pnas.181360811510.1002/ajhb.23194>
- Keyser C. et al. Ancient DNA Provides New Insights into the History of South Siberian Kurgan People // Human Genetics. 2009. Vol. 126 (3). P. 395–410. <https://doi.org/10.1007/s00439-009-0683-0>

Research Article

Kozintsev, A.G. Whom Did the Karasuk People Resemble? [Na kogo byli pokhozhi karasuktsy?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 150–164. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089> EDN: CPHJCY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alexander Kozintsev | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Late Bronze Age, Southern Siberia, Western Siberia, Southwestern Central Asia, Karasuk culture, Andronovo culture, Pamiris, Tajiks, Uzbeks, Kazaks

Abstract

To test Yuri Rychkov's claim that the physical type of the Karasuk people was identical to that of the highlanders of Western Pamir, 24 male Karasuk cranial samples were subjected to a multivariate comparison with 59 samples representing other cultures and periods. Karasuk people proved closest, not to those Pamiris whom Rychkov had included in his study (Goranis, Ishkashimis, Wakhanis, and Rushanis) but to those

whom he had excluded because of Kirghiz admixture – the Shugnanis. The admixture appears to have been added, not so much to the indigenous southern component present in other Pamiris, as to that associated with Andronovo immigrants from the steppe. This explains the likely similarity of medieval Shugnanis (and, accordingly, the Karasuk people) to modern Uzbeks retaining tribal identities and northern Tajiks.

References

- Alekseev, V.P. 1960. Kraniologiya khakasov v svyazi s voprosami ikh proiskhozhdeniia [Craniology of the Khakas with Reference to *Their Origin*]. In *Trudy Kirgizskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kirghiz Multidisciplinary Archaeological and Ethnographic Expedition], 4: 269–364. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Alekseev, V.P. 1961. Paleoantropologiya Altae-Saianskogo nagor'ia epokhi neolita i bronzy [Paleoanthropology of the Altai-Saian Highland in the Neolithic and Bronze Age]. *Antropologicheskii sbornik* 3: 107–206.
- Alekseev, V.P. 1974. Drevneishee evropeoidnoe naselenie Srednei Azii i ego potomki [The Earliest Caucasoid Population of Southwestern Central Asia and Its Descendants]. In *Problemy etnicheskoi antropologii i morfologii cheloveka* [Problems in Ethnic Anthropology and Human Morphology], edited by I.I. Gokhman, 11–22. Leningrad: Nauka.
- Alekseev, V.P., and I.I. Gokhman. 1984. *Antropologiya Aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asiatic Part of USSR]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P., I.I. Gokhman, and D. Tumen. 1987. Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentral'noi Azii (kamennyi vek – epokha rannego zheleza) [A Brief Sketch of the Paleoanthropology of Central Asia (Stone Age – Early Iron Age)]. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Mongolia], edited by A.P. Derevianko and S. Natsagdorzh, 208–241. Novosibirsk: Nauka.
- Bagashev, A.N. 2017. *Antropologiya Zapadnoi Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
- Bakholdina, V.I., and A.A. Movsesian. 2014. Kraniologiya gortsev Pamira (po kraniometricheskim i kraniofeneticheskim dannym) [Craniology of Highland Pamiris (Based on Craniometric and Craniophenetic Data)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya* 2: 29–37.
- Balabanova, M.A. 2000. *Antropologiya drevnego naseleniia Yuzhnogo Priural'ia i Nizhnego Povolzh'ia. Rannii zheleznyi vek* [Anthropology of the Ancient Population of Southern Ural and Lower Volga: Early Iron Age]. Moscow: Nauka.
- Chugunov, K.V. 1994. Mongun-taiginskaia kul'tura pozdnei Bronzy Tuvy (tipologicheskaiia klassifikatsiia pogrebal'nogo obriada i odnositel'naia khronologiya) [The Mongun-Taiga Late Bronze Age Culture of Tuva (Typological Classification of the Mortuary Rite and Relative Chronology)]. *Peterburgskii arkhologicheskii vestnik* 8: 43–53.
- Ginzburg, V.V. 1963. Kraniologicheskaiia kharakteristika uzbekov [Craniological Characteristics of the Uzbeks]. In *Antropologicheskii sbornik* [Anthropological Collection], 4: 96–121. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Ginzburg, V.V., and T.A. Trofimova. 1972. *Paleoantropologiya Srednei Azii* [Paleoanthropology of Southwestern Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Gokhman, I.I. 1982. Antropologicheskie aspekty ketskoi problemy. Rezul'taty antropometricheskikh i kraniologicheskikh issledovaniy [Anthropological Aspect of the Ket Problem: Results of Anthropometric and Cranial Studies]. In *Ketskii*

- sbornik: Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [Ket Collection: Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics], edited by V.V. Ivanov, V.N. Toporov and B.A. Uspenskii, 7–42. Leningrad: Nauka.
- Gromov, A.V. 1991. Paleoantropologicheskie materialy iz karasukskogo mogil'nika Arban I [Skeletal Materials from the Karasuk Cemetery Arban I]. In *Novye kolleksii i issledovaniia po antropologii i arkhologii. Sbornik MAE* [New Collections and Studies in Anthropology and Archaeology; Museum of Anthropology and Ethnography Collection], 44: 42–47. St. Petersburg: Nauka.
- Gromov, A.V. 1995. Naselenie yuga Khakasii v epokhu pozdnei bronzy i problema proiskhozhdeniia karasukskoi kul'tury [Population of Southern Khakassia in the Late Bronze Age and the Problem of Karasuk Culture Origin]. *Antropologiya segodnia* 1: 130–150.
- Gromov, A.V. 1997. Proiskhozhdenie i svyazi naseleniia okunevskoi kul'tury [Origin and Affinities of the People of Okunev Culture]. In *Okunevskii sbornik* [Okunev Collection], edited by D.G. Savinov and M.L. Podolskii, 301–358. St. Petersburg: Petro-RIF.
- Debets, G.F. 1932. Rasovye tipy Minusinskogo kraia v epokhu rodovogo stroia [Racial Types of the Minusinsk Province during the Tribal Age]. *Antropologicheskii zhurnal* 2: 26–48.
- Debets, G.F. 1951. Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti [Anthropological Studies in the Kamchatka Province]. *Trudy Instituta etnografii Akademii Nauk SSSR* 17.
- Dubova, N.A. 1978. K probleme formirovaniia pamiro-ferganskoi rasy [On the Problem of the Origin of Pamir-Farghana Race]. *Sovetskaia etnografiya* 4: 34–45.
- Ismagulov, O. 1970. *Naselenie Kazakhstana ot epokhi bronzy do sovremennosti (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of Kazakhstan from the Bronze Age to the Present: A Paleoanthropological Study]. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR.
- Ivanchik, A.I. 2001. *Kimmeriitsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkhologii vostochnoevropeiskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni* [Cimmerians and Scythians: Cultural-Historical and Chronological Problems in the Archaeology of Eastern European and Caucasian Steppes in the Pre-Scythian and Early Scythian Age]. Moscow: Paleograf.
- Jeong, C., et al. 2018. Bronze Age Population Dynamics and the Rise of Dairy Pastoralism on the Eastern Eurasian Steppe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 115 (48). <https://doi.org/10.1073/pnas.1813608115>
- Karafet, T.M., et al. 2018. Siberian Genetic Diversity Reveals Complex Origins of the Samoyed-Speaking Populations. *American Journal of Human Biology* 30 (6). <https://doi.org/10.1002/ajhb.23194>
- Keyser, C., et al. 2009. Ancient DNA Provides New Insights into the History of South Siberian Kurgan People. *Human Genetics* 126 (3): 395–410. <https://doi.org/10.1007/s00439-009-0683-0>
- Khit, G.L. 1983. *Dermatoglifika narodov SSSR* [Dermatoglyphics of the Peoples of USSR]. Moscow: Nauka.
- Khodzhaiov, T.K. 2008. Antropologicheskaia kharakteristika territorial'nykh grupp naseleniia Vostochnogo Pamira v sakscoe vremia [Anthropological Characteristics of the Territorial Groups of the Population of Eastern Pamir in the Saca Age]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 3 (35): 143–156.
- Kiiatkina, T.P. 1968. Cherepa epokhi bronzy s territorii yugo-zapadnogo Tadzhikistana [Bronze Age Crania from Southwestern Tajikistan]. In *Pamiatniki epokhi*

- bronzy v Yuzhnom Tadjikistane* [Bronze Age Sites in Southern Tajikistan], by A.M. Mandel'shtam, 168–182. Leningrad: Nauka.
- Kozintsev, A.G. 1977. *Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniia tagarskoi kul'tury* [Anthropological Structure and Origin of the Tagar Population]. Leningrad: Nauka.
- Kozintsev, A.G. 2009. O rannikh migratsiakh evropeoidov v Sibir' i Tsentral'nuu Aziu (v sviazi s indoevropeiskoi problemoi) [On the Early Caucasoid Migrations to Siberia and Central Asia (With Reference to the Indo-European Problem)]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* 4 (40): 125–136.
- Medvedskaia, I.N. 2013. Konskii ubor Drevnego Irana: voprosy khronologii, proiskhozhdeniia i razvitiia [Horse Harness of Ancient Iran: Problems of Chronology, Origin, and Evolution]. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* 3: 412–441.
- Miklashevskaiia, N.N. 1959. Kraniologiiia kirgizov [Craniology of the Kirghiz]. In *Trudy Kirgizskoi arkheologo-antropologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kirghiz Archaeological and Ethnographic Expedition], 2: 266–294. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Oshanin, L.V. 1958. *Antropologicheskii sostav naseleniia Srednei Azii i etnogenez ee narodov* [Anthropological Structure of the Population of Southwestern Central Asia and the Ethnogenesis of Its People], 2. Erevan: Izdatel'stvo Erevanskogo universiteta.
- Pestriakov, A.P. 1975. Antropologicheskoe izuchenie nekotorykh grupp naseleniia Tadjikistana i Uzbekistana [Anthropological Study of Certain Population Groups of Tajikistan and Uzbekistan]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 102–112.
- Pogrebova, M.N. 2001. Zakavkaz'e i kimmeriitsy assiriiskikh tekstov kontsa VIII veka do nashei ery [Transcaucasia and Cimmerians of the 8th Century BC Assyrian Texts]. In *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriia i kul'tura* [Ancient Civilizations of Eurasia: History and Culture], edited by A.V. Sedov, 317–333. Moscow: Nauka.
- Rychkov, Y.G. 1969. *Antropologiiia i genetika izolirovannykh populiatsii (drevnie izoliaty Pamira)* [Anthropology and Genetics of Isolated Populations: Ancient Isolates of the Pamir]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Rykushina, G.V. 2007. *Paleoantropologiiia karasukskoi kul'tury* [Paleoanthropology of the Karasuk Culture]. Moscow: Staryi Sad.
- Semenov, V.A., and K.V. Chugunov. 1987. Rol' substrata v slozhenii kul'tur skifskogo tipa v Tuve [The Role of Substrate in the Formation of Scythian Type Cultures in Tuva]. *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii* [Problems in Archaeology of the Steppe Eurasia], 2: 73–76. Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sokolova, K.F. 1960. Tavry Krymskogo poluostrova (po antropologicheskim dannym) [Tauri of the Crimean Peninsula (Based on Anthropological Data)]. *Voprosy antropologii* 3: 66–76.

ИНТЕРВЬЮ

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ МИР – ЭТО НЕ ТОЛЬКО СТРАНЫ, В ПРОШЛОМ БЫВШИЕ КОЛОНИЯМИ, ЭТО ВЕСЬ СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Д.М. Бондаренко, Е.И. Филиппова

Дмитрий Михайлович Бондаренко | <http://orcid.org/0000-0003-2020-3553> | dbondar@hotmail.com | чл.-корр. РАН, д. и. н., профессор, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник | Институт Африки РАН (ул. Спиридоновка 30/1, Москва, 123001, Россия)

Елена Ивановна Филиппова | <http://orcid.org/0000-0001-9186-6763> | filipova@iea.ras.ru | д. и. н., главный научный сотрудник, зам. гл. редактора журнала “Этнографическое обозрение” | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

постколониальность, нация, государство, культура, гражданское общество, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, неотрадиционализм, неопатримониализм, трайбализм, Танзания, Замбия, Уганда, суахили

Аннотация

В интервью вокруг новой книги чл.-корр. РАН, зам. директора Института Африки РАН Д.М. Бондаренко “Постколониальные нации в историко-культурном контексте” обсуждается широкий круг вопросов, связанных с попытками нациестроительства в бывших колониальных странах Африки и Азии. Эта проблематика вписана в более общий культурно-исторический и географический контекст, охватывающий страны Глобального Севера и Глобального Юга с Античности и до настоящего времени. Внимание акцентируется на множественности проявлений таких феноменов, как нация, модерн, секулярность, демократия. Рассматривается перспективность поликультурности как базиса формирующихся и трансформирующихся наций.

Информация о финансовой поддержке

Публикация подготовлена в рамках плана НИР ИЭА РАН

Е.И. Филиппова: С большим интересом прочла Вашу новую книгу (Бондаренко 2022), и сразу возникло желание обсудить целый ряд проблем, которые Вы в ней поднимаете. Спасибо, что согласились ответить на вопросы для журнала “Этнографическое обозрение”. Но сначала расскажите, пожалуйста, об истории создания книги: как возник ее замысел? как она свя-

---

Статья поступила 09.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 17.03.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бондаренко Д.М., Филиппова Е.И. Постколониальный мир – это не только страны, в прошлом бывшие колониями, это весь современный мир (интервью) // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 165–186. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030090> EDN: CPLDFC

Bondarenko, D.M., and E.I. Filippova. 2023. Postkolonial’nyi mir – eto ne tol’ko strany, v proshlom byvshie koloniiami, eto ves’ sovremennyi mir (interv’iu) [Not Only Former Colonies but the Whole Contemporary World Is Postcolonial]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 165–186. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030090> EDN: CPLDFC

зана с Вашей предыдущей монографией (Бондаренко 2016)? что исследование, проведенное среди выходцев из Африки в США, позволило лучше понять в самих африканских обществах?

Д.М. Бондаренко: Замысел этой книги возник практически спонтанно, хотя разработкой ее тематики я занимался в течение ряда лет. Я написал ее за очень короткое время, примерно за полгода – с марта по сентябрь 2022 г. Изначально у меня был текст где-то на два листа, посвященный сравнению процессов становления наций в Танзании, Замбии и Уганде, который я стал постепенно расширять. Вообще-то такой подход мне не свойствен, обычно у меня в голове есть четкая структура будущей работы, а тут я просто писал – и в какой-то момент понял, что получается монография, и уже после этого разделил ее на главы. В то же время я давно хотел написать книгу, в которой сочетались бы мои знания и как этнолога, и как историка, были бы интегрированы мой опыт и результаты работы и как полевого исследователя, и как кабинетного ученого, как человека, занимавшегося и древними обществами, и современными, и конкретными исследованиями, и теоретическими, как африканиста и как немного американиста. Кроме того, я хотел аккумулировать свой опыт изучения постколониальных обществ на всем протяжении их истории. В начале своего научного пути я много лет занимался доколониальными африканскими обществами и всегда ощущал, что мое преимущество перед теми, кто начал сразу с изучения постколониальных обществ, заключается именно в том, что я могу посмотреть на них как бы из глубины веков, понять их истоки. Такой подход представляется мне более плодотворным, поскольку позволяет, как мне кажется, лучше понять сущность этих обществ. Новая книга, безусловно, связана с моими работами и по доколониальной Африке, и по истории и теории цивилизаций, и, конечно, с непосредственно предшествовавшей ей монографией “Оттенки черного”, которая была посвящена проблеме взаимовосприятия и взаимоотношений в США мигрантов – выходцев из Африки в первом поколении и африкано-американцев. Это полевое исследование в стране, которую не принято относить к постколониальным, позволило мне лучше понять сущность проблематики постколониализма и постколониальности, увидеть, насколько глубоко деколонизация повлияла на то, чем является весь современный мир. Весь современный мир – это постколониальный мир, и рассматривать азиатские и африканские общества вне глобального контекста нельзя, как, скажем, нельзя рассматривать европейские и американские общества без учета деколонизации – в этом один из основных посылов моей новой книги. Если же говорить конкретно о том, что исследование африканских мигрантов в США позволило лучше понять в самих африканских обществах (кстати, я со студентами проводил в свое время исследование среди африканских мигрантов и в России) – прежде всего, оно укрепило меня в определении Африки как общинной цивилизации, т.е. цивилизации, чья социокультурная традиция держится на принципе общинности. Не просто на общине как социальном институте, а именно на принципе общинности, который вытекает (но никоим образом не сводится) из того, что в африканских социумах община всегда была и остается ядром общественной жизни со сложившимися так наз. традиционными мировидением и духовностью, а общинность стала фундаментальным социокультурным принципом бытия именно потому, что оказалась в состоянии выйти за рамки общины как конкретного института. То есть, иначе говоря, община как конкретный социальный институт являлась основой африканских обществ, но те принципы, на которых она существует, обрели способность проявляться и в контекстах совершенно не общинных; самый яркий тому

пример – как раз диаспорные сообщества. Я описываю проявление принципа общинности в диаспоре. В этом смысле исследования в США мне очень сильно помогли. Второй срез, на примере которого очень хорошо видно проявление общинности вне общины, – это современный африканский мегаполис.

Е.Ф.: Рассуждая о трудностях формирования постколониальных наций, Вы называете препятствиями на этом пути присущие африканским социумам неотрадиционализм, неопатримониализм, трайбализм, фракционность, несекуляризованность общественного сознания.

Д.Б.: Проблема складывания постколониальных наций разрабатывалась мной все-таки как антропологом, который формировался в традиции, где этнография – это “наука о народах”, понимаемых как этносы, т.е. для меня очень большое значение имел вопрос этничности. Все перечисленные выше феномены рассматривались мной “на фоне” этничности, поскольку и в мировой науке, и в отечественной науке, и – что особенно важно – в политической практике освободившихся государств очень широко было распространено и остается распространённым, обращая на это внимание, мнение, что этничность – враг нации, что нация – это такая форма политической организации общества, в которой этничность не важна, она как бы преодолена. В сущности, национальное единство противопоставляется этническому, а этничность рассматривается как фактор, который мешает складываться нации. Пафос моей книги как раз заключается в том, что этничность ни в коей мере не препятствует сложению нации. Я писал о том, что в современном мире, причем не только в Азии и Африке, сложение поликультурных наций является наиболее вероятным путем образования и трансформации наций. Мы знаем, что идентичность любого человека многоярусная, и вопрос не в том, чтобы уничтожить этничность, – а в некоторых случаях в освободившихся странах это понималось чуть ли не буквально. Этничность сама по себе не является препятствием, но нужно создавать у людей национальное чувство, т.е. не уничтожающую этничность идентичность надэтнического уровня. Настоящие враги нации, как я пытался показать, это трайбализм и тоталитаризм, а не этничность. Но здесь тоже надо понимать, о чем идет речь. В данном случае под трайбализмом я имею в виду не само существование “племенных” институтов, а ситуацию, когда они не вписаны в систему современных государственных институтов, когда им не находят места, поскольку путь уничтожения “традиционных” институтов бесперспективен, ибо граждане во многом по-прежнему лояльны по отношению к ним и вовлеченным в них носителям автохтонной власти. Скажем, примеры Танзании или Ботсваны показывают, что “традиционные” институты можно успешно вписать в систему политических институтов постколониального государства, и тогда они не будут препятствием на пути формирования национального единства. Другое дело, что и в Танзании, и в Ботсване существовали исторические предпосылки, позволившие это сделать. Второе, что препятствует созданию нации, – об этом мы, наверное, поговорим отдельно – это тоталитарное государство, поскольку оно убивает основу нации – гражданственность.

Что касается неотрадиционализма, неопатримониализма и несекуляризованности общества – это все разные явления, конечно, но обращение к ним необходимо при рассмотрении проблем национального строительства и формирования национального единства в странах Азии и Африки. Неотрадиционализм очень часто понимается достаточно узко, а именно как некая идеология, которой власти пытаются, говоря по-простому, одурачить людей, уверяя их в том, что они возрождают старинные традиции – а то, что освящено традицией, приобре-

тает силу даже не просто закона, а своего рода сакральной заповеди. На самом деле все гораздо сложнее. Следует задаться вопросом, почему люди соглашались на такую власть, притом что проявления неотрадиционализма часто весьма неприглядны, в частности, обычно они сопровождаются высокой коррупцией и т.п. Причина в том, как я попытался показать, что неотрадиционализм – это не то, что выдумывают и создают идеологи, это то, на чем они играют. Неотрадиционализм – характеристика современной культуры постколониальных народов Азии и Африки. С одной стороны, колонизаторам удалось очень многое изменить, исказить в автохтонных культурах, с другой стороны, эти культуры все-таки остались культурами народов Азии и Африки. Из этого противоречия и рождается неотрадиционализм: реальная традиция уже в общем-то прервана, а люди, освободившие страну и желающие жить по своим правилам, – как они жили до прихода колонизаторов – ее вспоминают и воспроизводят как могут. Суть неотрадиционализма именно в неразрывной связи реальной и изобретенной традиций. Политика неотрадиционализма – не обман граждан, а эксплуатация образа традиции в их культурной памяти. Неотрадиционализм, таким образом, не есть прямое продолжение традиции. Можно, конечно, представить дело так, будто авторитаризм – это исконная африканская традиция, к чему и апеллируют апологеты политического неотрадиционализма в целях утверждения собственного всевластия. Но я привожу в книге очень длинный и далеко не полный список серьезных научных трудов, в которых показано, – и я готов сам это засвидетельствовать как человек, изучавший доколониальные общества – что доколониальное, в частности африканское, общество (если мы говорим о сложных обществах, таких как “королевства”) было безусловно гораздо сложнее и политически держалось на очень тонком балансе различных институтов, в том числе единоличной власти и коллективных органов управления.

Неопатримониализм – понятие, которое восходит к категории патримониализма М. Вебера. Опять же, Азия и Африка, с одной стороны, остались Азией и Африкой, а с другой – были вынуждены включиться в систему современных политических институтов и политических отношений, строить их у себя. Но, хотя достаточно просто формально создать парламенты, партии, профсоюзы и т.д. и т.п., гораздо сложнее вложить в них адекватное западному (поскольку они возникли на Западе) содержание. И неопатримониализм означает, что по-прежнему определяющую роль в этих институтах играют личные связи, то, что можно назвать nepотизмом и т.п. М. Вебер, создатель очень популярной в антропологии теории бюрократии, подчеркивал, что бюрократическая система управления предполагает обезличенность: люди превращаются в своего рода функции. При неопатримониализме этого не происходит. Концепция неопатримониализма описывает ситуацию, при которой держащиеся на межличностных отношениях патронажно-клиентельные связи, обусловленные традиционными неписаными нормами, не просто сосуществуют с формализованными, установленными современным бюрократическим государством правилами, но и преобладают над ними.

С несекуляризованностью ситуация немного сложнее. С одной стороны, можно прочесть (и это, в общем, правда), что Африка – самый несекуляризованный континент. (Уровень религиозности там, действительно, очень высокий. И в Азии он тоже высокий.) Но дело еще в том, что, говоря о несекуляризованности, мы берем за основу европейскую модель секуляризации, с которой тесно связан модерн в европейской истории. Я не открываю Америку, когда пишу, что секуляризация в Европе раннего Нового времени предшествует формирова-

нию нации как общности людей, связанного с нацией гражданского общества и политической демократии. Этих предпосылок в афро-азиатском мире в большинстве случаев нет. И это, конечно, ставит вопрос о возможности существования нации в отсутствие секуляризации. Можно ли говорить о том, что множественность модернов приводит к множественности секуляризаций? Наверное, можно. Я прихожу к выводу, что секуляризация была не необходимым условием формирования нации как таковой, а скорее специфической предпосылкой рождения европейских наций.

Е.Ф.: Ваше понимание нации как социокультурной общности и государства как формы ее политической организации вкупе с убежденностью в неоднообразии феномена нации, ее исторической природы, а также в невечности национальных культур и государств, ставит на повестку дня следующий вопрос: не вызывает сомнения, что государство может существовать без нации, но верно ли обратное? Может ли нация как – здесь я Вас цитирую – “надэтническая общность людей, верящих в свое единство (т.е. в общую для них национальную идентичность) через принадлежность к одному национальному гражданскому обществу как форме социальной организации нации, разделяющих единую в своих базовых чертах систему нравственных, социальных и политических ценностей, отражающихся в национальной культуре и подпитываемых национальной мифологией” (Бондаренко 2022: 15) сложиться в отсутствие национального государства как формы политической организации своей общности? Ведь мы прекрасно помним хрестоматийные фразы типа “мы создали Италию – теперь осталось создать итальянцев”; мы знаем, что превращение “из крестьян во французов” происходило в результате целенаправленной республиканской политики путем насаждения единых законов, единого языка и культуры. То есть для того, чтобы национальная общность стала реальностью, необходим весь арсенал методов и институтов, который обеспечивает как раз государство.

Как относиться к концепту “нация без государства”? В большинстве случаев это определение применяется к общностям, которые более или менее продолжительное время были независимыми политическими единицами (хотя и не обязательно национальными государствами) и теперь хотят эту независимость вернуть. Примеров тому, что ныне безгосударственная нация не имела в своем анамнезе государственности, почти нет, если не считать Курдистана.

Д.Б.: Еще туарегов можно назвать.

Е.Ф.: Да, конечно.

Д.Б.: Начну с того, что в историографии есть точка зрения, что государство как таковое есть тоже новоевропейский феномен, и возникает оно вместе с буржуазными революциями. А все, что было до того, – это не государства, а другие формы политической организации. Здесь мы подходим к классическому вопросу о терминологии, понятиях, о которых, как известно, не спорят, а договариваются. Мой личный взгляд, изложению которого я посвятил немало работ, заключается в том, что государство, конечно, далеко не только новоевропейское явление, оно не есть порождение современной эпохи. В основе его лежит появление слоя профессиональных управленцев, т.е. бюрократии, в процессе перехода от одной доминирующей формы организации общества к другой: от родственной к территориальной; хотя, конечно, при этом не исчезают институты родства. В то же время формы территориальной организации существуют и в догосударственных обществах. Это я к тому, что в науке есть мнение, что государство вообще не может существовать без нации.

Теперь о том, может ли нация в том ее понимании, которого я придерживаюсь, возникнуть без государства как формы политической организации своей общности. Тут мы имеем дело с довольно ярким проявлением классической дилеммы яйца и курицы. Может быть, меня обвинят в социологизме, но я исхожу из того, что общество первично по отношению к его институтам. Здесь мы можем обратиться к Э. Дюркгейму: все, что происходит с человеком, происходит с ним как с членом общества и происходит в обществе. То же касается и самого общества как объединения людей: институты тоже возникают в обществе. В конкретно-историческом плане (в частности, имея в виду и те примеры, которые Вы приводите) и нация, и национальное государство – это то, что не формируется в один день. Мы можем находить какие-то ключевые точки в сложении той или иной нации, но в принципе это длительный процесс, в который вписано и формирование национального государства. Итальянский или, допустим, немецкий сценарий, когда нужно было собирать нацию по кусочкам, – это только один из вариантов. Еще более длительно (и подспудно) созревает возможность формирования нации и перехода к национальной государственности в рамках централизованного абсолютистского государства. Естественно, особая история – это США; свои сценарии были, например, в Латинской Америке и в Восточной Европе. Это многообразие путей сложения национального государства – проявление той самой множественности модернов, о которой упоминалось выше; теория “множественных модернов” (*multiple modernities*) Ш. Айзенштадта имела для меня большое значение при написании книги (*Eisenstadt 2000, 2002, 2003*).

Как относиться к концепту “наций без государств”? Я считаю, что нация в ее современном понимании не может существовать без государства, поскольку она объективно нуждается в системе политических институтов для своего сложения, функционирования и самоосознания. Поэтому нет особого смысла пытаться выяснять, что раньше возникает, так как, повторю еще раз, речь идет о длительных процессах. В любом случае для нации характерно (и необходимо) наличие национального государства как формы организации, призванной обеспечивать благополучие этой общности с политической точки зрения. По моему мнению, сегодня нельзя говорить о существовании, допустим, каталонской нации: она остается частью испанской нации, откуда Каталония – часть Испании. В то же время примечателен пример Югославии. Когда распалось федеративное государство, вдруг “обнаружилось”, что есть отдельные сербская, черногорская, хорватская нации, и что у них при этом отдельные языки – не сербско-хорватский, а сербский, черногорский и хорватский. За годы, прошедшие с момента распада Югославии, язык реально, конечно, не изменился, изменилось отношение к нему в результате изменения политического статуса Сербии, Хорватии и Черногории, которые стали независимыми государствами. То есть нация имманентно связана с государством, и разорвать эту связь можно будет только тогда, когда изменится суть этих феноменов. Но вопрос в том, можно ли тогда будет по-прежнему говорить о государстве и нации, или же это будут уже постгосударство и постнация? Вернемся теперь к курдам или туарегам. Ведь совершенно не случайно они хотят создать собственные государства. Это лишнее подтверждение того, что для нации государство все же необходимо, по крайней мере в нынешних условиях: современный мир – это мир национальных государств, только национальные государства являются полноценными субъектами международных отношений. Это, конечно, изначально западная идея, и в европейских языках слова “нация” и “государство” уже давно стали практически взаимозаменяемыми.

Е.Ф.: Меня очень заинтересовали Ваши рассуждения, которые артикулируют связь нации с такими феноменами, как гражданское общество, демократия, авторитаризм и тоталитаризм. Вы пишете, – и я не могу с этим не согласиться – что наличие гражданского общества – фундаментальная характеристика нации *sine qua non*. Действительно, если нет гражданского общества, то нет и граждан, а есть подданные, что характерно для других форм политической организации. В то же время Вы считаете, что демократия (или, если перевести с греческого на латынь, “республика”) не является предпосылкой и условием появления нации: последняя, цитирую, “вполне совместима с монархией конституционной, включая так называемую дуалистическую, в которой монарх обладает не только церемониальной, но и реальной политической властью, но делит ее с правительством и парламентом” (Бондаренко 2022: 135). Существуют доводы в пользу того, что попытка установить (или тем более навязать извне) демократию в отсутствие зрелого гражданского общества может иметь негативные последствия, которые социолог М. Манн называет “темной стороной демократии”:

когда две-три этнические, религиозные или языковые группы одновременно заявляют о своих (вроде бы разумных) правах на создание собственного государства на части или всей территории государства уже существующего, демократизация превращается в угрозу их политизированным этническим, религиозным или языковым различиям, имеющим региональную основу (Манн 2016: 28, 32).

Есть множество примеров того, как по мере ослабления авторитарного режима, удерживавшего в одних границах несколько конкурирующих социально-культурных сообществ, вспыхивают подавленные конфликты, начинаются этнические чистки и прочие малоприятные явления. Применительно к Африке о негативных последствиях неумелой демократизации пишет, например, Дж. Блундо:

“Демократизация” показала свое истинное лицо. Приватизация, необузданный экономический либерализм, сокращения государственных служащих <...> разгосударствление. В этом контексте всеобщей деградации государственных служб начался быстрый подъем мелкой административной коррупции, которому способствовало также обыденное понимание политической либерализации как более равноправного доступа к хищническому обогащению. С восстановлением многопартийности коррупция на выборах и электоральный клиентелизм расцвели пышным цветом (Блундо 2021: 100).

Ваше исследование также подтверждает, что демократизация политической системы вызывает рост этничности, что многопартийность не только не гарантирует установления демократии, но, напротив, становится дополнительным каналом для проявления клановых, региональных и этнических противоречий, а экономическая либерализация вызывает у населения ностальгию по государственному регулированию. Не будем забывать и о том, что демократический режим метрополий не мешал им устанавливать отнюдь не демократические порядки в колониях, забывая о правах человека и прочих либеральных идеях и ценностях.

Д.Б.: Начну с того, что демократические государства безжалостно эксплуатировали колонии – да, действительно, часто это обвинение высказывается в адрес бывших метрополий. Я касаюсь в книге вопроса о правах гражданства для жителей колоний: в том же Алжире, например, всего 2% местных жителей получили права французских граждан – те, кто согласились принять христианство или иудаизм. В Австралии подданные британской короны – белые австралийцы,

разделявшие британскую культуру – рассматривались как члены британской нации и наделялись гражданскими правами, а индийцы в Британской Индии – нет. Дело здесь в том, что нация, как мы знаем, формируется путем определения своих границ. В данном случае имеются в виду не только географические границы, но и социокультурные. То есть нация отделена от всего остального человечества как коллективное “мы – народ”. И демократия, равноправие и т.п. касается только тех, кто находится внутри этих границ, только членов нации, а все остальные оказываются как бы вне этого. Здесь мы подходим к ключевому вопросу: что такое вообще демократия? Когда утверждают, что демократия – строй равных, то это лишь небольшая часть правды. Я думаю, что можно провести параллель между ситуациями в метрополиях и колониях в Новое время, с одной стороны, и в античном полисе – с другой. Как мы знаем, Античность дает первые образцы демократического гражданского общества. Но при этом гражданскими правами в этом обществе обладали далеко не все: так, женщины (не говоря уже про рабов – первое, что приходит в голову) не имели гражданских прав, потому что античный полис – это строй свободных землевладельцев, а землевладельцами могли быть только мужчины. Существовали и другие неполноправные (не имевшие земли) категории населения, такие как метеки и т.д., – их было больше, чем граждан. И демократия фактически существовала для защиты коллективных привилегий граждан от возможных посягательств неграждан. То есть равенство было только между гражданами, и не могло быть даже речи об их равноправии с негражданами – членами того же социума. Точно так же в колониальный период демократия распространялась только на граждан – полноправных членов национального сообщества, поскольку они разделяли его национальную культуру, и была призвана защитить их привилегии по отношению к негражданам. Если мы посмотрим на историю демократических обществ в Новое время, то увидим, что они развивались в направлении все большего расширения категории граждан, в том числе за счет этнических, религиозных меньшинств, отмены имущественного ценза, предоставления избирательных прав женщинам и т.п., причем это был очень долгий процесс, завершившийся только в XX в. Можно было бы сказать, что демократия в ее исходном понимании исчерпала себя, но на самом деле и сегодня в демократических странах существует разница в правах между гражданами и негражданами, но в роли последних теперь выступают мигранты, которых могут не только впустить или не впустить в страну, но и допустить или не допустить в нацию. Таким образом, на общемировом уровне демократия продолжает выполнять функцию защиты привилегий народов и государств Глобального Севера, где уже нет своих изгоев, от не имеющих таких привилегий народов и государств Глобального Юга, назовем это так. То есть в современном мире функция демократии по защите привилегий одной части общества, обычно меньшей, перенеслась с уровня отдельного государства на уровень глобальный – глобального сообщества. Статистические данные позволяют заметить, что какой бы ни была экономическая помощь странам Африки, все равно каждый год (в пересчете на любую валюту) с континента вывозится больше ресурсов и т.п., чем ввозится.

Понятно, что любая политическая теория рисует идеальное общество, некую модель, которая никогда полностью не воплощается в действительность. Стопроцентно демократического общества не существует. Но и тоталитарное общество, как отмечали Ж. Делез и Ф. Гваттари, не бывает на 100% тоталитарным (*Deleuze, Guattari* 1991). Что такое демократия и гражданское обще-

ство в этом контексте? Здесь очень полезно обратиться к истории появления гражданского демократического общества. Солон в VI в. до н.э. проводит свои знаменитые реформы. Уже тогда он понимает, что основа демократии – это средний класс, поэтому реформы были призваны помочь обществу избежать чрезмерного обогащения одной его части и чрезмерного обеднения другой. Обеднение в античном полисе – это прежде всего потеря землевладельцами земли, что означало потерю гражданских прав. Только средний класс по большому счету заинтересован в демократии. Сверхбогатому человеку законы демократического общества не позволяют наживаться так, как он мог бы и хотел, а нищему мешают грабить тех, кто богаче. Я, конечно, несколько утрирую, но важно понимать, что такое средний класс. Меня умиляют разного рода попытки выделения среднего класса в России, а тем более в Африке на основе простых подсчетов: сколько долларов в месяц достаточно/недостаточно для отнесения к этой категории? Ведь в разных странах разные критерии, разные условия жизни и т.д. Есть еще один показатель, даже более важный, чем уровень материального благополучия, – уровень образования. Средний класс – это прежде всего образованный класс. И не случайно в эпоху его становления в современном европейском смысле (в эпоху Просвещения) заботились именно о просвещении общества. Недостаточно было просвещенного монарха на троне: для соблюдения Общественного договора общество также должно быть просвещенным. В африканских же обществах средний уровень образования достаточно низкий. Но есть все же основания для некоторого оптимизма: если верить публикациям последних лет (сам я этот вопрос не изучал, поэтому доверяю специалистам), средний класс и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке растет. То, что я наблюдаю в Африке в последние 20 лет, это подтверждает, хотя понятно, что процесс идет очень медленно, противоречиво, сталкиваясь со множеством препятствий (вроде того, что образованные люди зачастую пытаются уехать за границу), но тем не менее он идет. Соответственно, возникают и укрепляются институты гражданского общества, здесь тоже есть своя специфика (я об этом писал ранее): в странах с авторитарными режимами гражданское общество может существовать, но его институты более подконтрольны государству.

Е.Ф.: Какими могут быть структуры гражданского общества в недемократических государствах? Община таковой не является? В чем роль этнорегиональных ассоциаций, о которых Вы упоминаете в контексте построения постколониальных наций?

Д.Б.: Структуры могут быть очень разными – от обществ филателистов до крупных НКО. Главное в авторитарном государстве – чтобы такие организации не имели альтернативной политической повестки. До тех пор пока они помогают бедным или собирают марки, их существование возможно. Это исследовано некоторыми авторами на примере той же Африки; государство даже способствует развитию таких институтов, но оно же их и контролирует. Что касается общины, то тут можно вспомнить русских народников, которые видели в ней зачатки не просто демократии, но социалистического общества; теоретики африканского социализма опирались на ту же самую идею, и известно, к чему это привело. Конечно, в чистом виде община – это институт досовременного, домодерного общества, тогда как гражданское общество, возрождающееся после Античности только в Новое время, – это явление модерна. Поэтому сама по себе община как таковая, конечно, не является институтом гражданского общества. Я уже не говорю о том, что община характерна и для народов, у которых государства нет. Но в современных институтах, как бы отталкивающихся от об-

щины или базирующихся на принципе общинности, о котором я говорил выше, начиная с добровольных аграрных кооперативов и заканчивая землячествами выходцев из одного региона в крупных городах, безусловно, проявляются гражданские основы прежде всего соседской, территориальной общины, которая, собственно, была фундаментом античного общества. Сам по себе принцип общинности гражданственен тем, что ни один тип общины не подразумевает и не допускает существования бюрократии – профессиональных управленцев. Вождь общины – это не должность в бюрократическом смысле слова. Этнорегиональные ассоциации, в свою очередь, играют значимую роль в этнотерриториальном структурировании нации. Ведь, помимо всего прочего, нацию можно изучать и с точки зрения географии; именно в европейской традиции в Новое время появляется привязка нации к территории. В доколониальной же Африке или, скажем, в домосковской Руси власть понималась, как осуществляющаяся не над территорией, а над людьми. Территориальность – это, конечно, тоже признак классической нации, который, кстати, претерпевает существенные изменения в нынешнюю эпоху транснационализации мира, в том числе в связи с формированием крупных диаспорных сообществ. Этнорегиональные ассоциации утверждают институты гражданского общества на всей территории национального государства или на всей территории, занимаемой данной нацией.

Е.Ф.: Еще одно немаловажное сомнение: не является ли демократия как власть большинства в принципе опасной для полиэтничных обществ, в которых присутствуют меньшинства? Х. Арендт писала по этому поводу в “Истоках тоталитаризма”:

Представители великих наций очень хорошо знали, что меньшинства в национальных государствах раньше или позже должны быть либо ассимилированы, либо ликвидированы. <...> Договоры о меньшинствах простым языком сказали то, что до того времени только подразумевалось в действующей системе национальных государств, а именно, что лишь люди одинакового национального происхождения могут быть гражданами и пользоваться полной защитой правовых институтов, что лицам другой национальности требуется какой-то исключительный закон, пока (или если) они не будут полностью ассимилированы и оторваны от национальных корней своего происхождения (Арендт 1996: 368, 370).

Д.Б.: Является. И это касается любых, не обязательно этнических меньшинств. Хотя нельзя забывать, что иногда в демократиях этническое меньшинство является правящим. Примером могут служить бургундские республики XIX в., где, как известно, к моменту, когда англичане пришли и положили им конец, число черных рабов превышало число буров. Мы снова возвращаемся к тому, что демократия никогда не бывает демократией для всех. Так, бургундские республики были вполне демократичными, но коллектив белых граждан возвышался над большим коллективом черных неграждан – членов того же самого социума. И в античных полисах, как мы уже говорили, полноправные граждане составляли численное меньшинство. Это уже в Новое время демократия была переосмыслена как власть большинства, а в Античности она понималась как власть лучших. В олигархических полисах даже не все граждане имели равные права. Поэтому не всегда для этнического меньшинства демократия несет опасность, но в принципе для любого меньшинства власть большинства может представлять угрозу. Здесь мы вынуждены вернуться к тому, о чем уже говорили: развитие демократии шло по линии увеличения доли полноправных граждан в государстве и, соответственно, сокращения категории граждански неполноценных людей. Однако есть вопрос формально-правовой, а есть вопрос содер-

жательный. Сегодня в демократических странах все этнические меньшинства наделены равными правами с большинством населения, во многих случаях они особым образом защищены законодательно и, наоборот, имеют привилегии, например в сфере доступа к природным ресурсам; в США индейцы и эскимосы не платят налогов. Но содержательно неравенство при этом вполне может сохраняться; существует то, о чем сегодня так много говорят, – так называемый системный расизм. В США, например, он проявляется в отношении черных. Природа этого явления далеко не только американская, но, очевидно, что не случайно именно в США оно было концептуализировано еще в 1960-е годы в ходе движения за гражданские права, а в последнее время особенно широко обсуждается. Дело в том, что системный расизм является социокультурной основой американского общества, его фундаментом, который едва ли можно изменить, не разрушив построенного на нем здания. В чем суть движения BLM, что нового оно привнесло? Да, его приверженцы говорят, что расизм – это плохо, но об этом много раз говорили и до них. Они не предлагают попытаться исправить положение, поскольку, по их мнению, его исправить нельзя: расизм настолько глубоко вьелся в американское общество, что его не устранить, – но это тоже не ново. Новшество в том, что активисты BLM впервые четко сказали: расизм неискореним, значит, надо разрушить построенное на нем государство. Знаменитые сносы памятников начались с монументов деятелям Конфедерации в южных штатах, а продолжились памятниками Колумбу, Вашингтону, Джефферсону – т.е. историческим личностям, которые символизировали Америку и американское государство вне прямого рабовладельческого, расистского контекста. Снос памятников основоположникам государства означает, что люди готовы к тому, чтобы этого государства не было. Но вернемся к системному расизму. Мой опыт в последние годы расширился благодаря изучению исторической памяти в США, в частности памяти о Гражданской войне, в том числе в связи с отменой рабства. В США расовая проблема, видимо, в принципе до конца неискоренима, поскольку с 1619 г., когда первые черные рабы были привезены в Северную Америку, и по сей день американское общество базируется на расовой дихотомии, имеющей асимметричный характер. Декларация независимости США основывалась на презумпции равенства всех людей и наделения их определенными неотчуждаемыми правами, однако изначально само собой подразумевалось, что создание американской нации на основе принципа *e pluribus unum* возможно только при господстве и усилиями белых американцев как высшего воплощения зафиксированного в Декларации и других официальных и неофициальных документах идеала. То есть превосходство белых – *white supremacy* – виделось условием успеха в построении американского общества и было заложено в его концепцию. И это общество продолжает держаться на асимметричной расовой дихотомии, вопреки антирасистским взглядам (которые сегодня, безусловно, разделяются большей частью граждан страны) и несмотря на избрание и переизбрание черного президента и на то, что этнокультурный состав населения США за последние несколько десятилетий значительно изменился (сегодня африкано-американцы численно уступают выходцам из Латинской Америки). И хотя обществу через систему образования и просвещения пытаются привить представления о том, что раса – это современный миф, у белых по-прежнему лучше доступ к образованию, хорошей работе и т.п. При этом демократия все равно является меньшим из зол для этнических меньшинств, потому что при демократии они имеют больше возможностей для выражения своих социальных, культурных и даже политических амбиций – покуда эти амбиции не вы-

ливаются в протесты в насильственной форме, угрожающие единству страны. Можно ли представить себе в тоталитарном государстве проведение референдумов о независимости, как те, которые проходили в Квебеке или Шотландии?

Е.Ф.: От этого риторического вопроса удобно перекинуть мостик к еще одному принципиальному для Вашей концепции положению: поскольку гражданские общества не могут существовать в тоталитарных государствах, то и нация в таких государствах существовать не может. Прочитую Вас еще раз: "...государство <...> при таких режимах <...> персонифицируется его главой, который, таким образом, <...> оказывается символом, живым воплощением, можно сказать, вместилищем души нации и гарантом благополучия каждого гражданина" (*Бондаренко 2022: 98*). В связи с этим несколько вопросов: означает ли это, что тоталитарные режимы возникают только в тех государствах, где не сложилась или пришла в упадок нация? почему государства-нации не застрахованы от установления тоталитарных режимов (я, в частности, думаю сейчас о последних западноевропейских диктатурах – Испании, Португалии, Греции, о которых так увлекательно пишет в своей недавней книге А. Баунов [*Баунов 2023*])? возможно ли падение тоталитарного режима в отсутствие гражданского общества без вмешательства внешних сил? или новое общество должно сформироваться в недрах старого?

Д.Б.: На первый вопрос можно ответить в общем утвердительно: да, тоталитарные режимы возникают там, где не сложилась или пришла в упадок нация. Почему национальные государства не застрахованы от тоталитарных режимов? Потому что нация, как и само общество, подвержена различным кризисам: экономическому – кризису ее экономической системы; политическому – кризису ее политической системы. Я в этом смысле очень социологичен. Итак, нация может оказаться в кризисе, выход из которого может видеться в тоталитаризме. И все же тоталитарные режимы чаще устанавливаются там, где нация еще не сложилась. Показательно, что в Германии и Италии, например, государственное объединение произошло только в 1870-е годы. И в Великобритании, и во Франции, и в США в период между двумя мировыми войнами тоталитарные идеи также находили поклонников, но никогда не доминировали и не приводили их адептов к власти, если не считать Виши – режима, который утвердился на немецких штыках после поражения Франции в 1940 г. Теперь относительно возможности краха тоталитаризма: его крах – это всегда результат сочетания внутренних и внешних факторов (если не брать случаи падения тоталитарных режимов в результате их поражения в войнах, как, например, в Германии и Италии во время Второй мировой войны). И это справедливо не только для обществ с тоталитарными режимами, но и для любых обществ. Я в принципе не верю в то, что какое-то здоровое общество, если оно не имеет внутренних предпосылок для распада, можно злокозненно развалить извне. (Его можно завоевать, как, например, это случилось с Данией, захваченной фашистами. Датское общество было вполне нормальным, но не могло противостоять превосходящей военной силе агрессора.) То есть без внутреннего кризиса, вызывающего ослабление тоталитаризма, и естественного при этом зарождения или укрепления гражданственности никакие внешние силы ничего не добьются. Распад СССР в этом отношении очень показателен. Разумеется, были определенные внешние силы, заинтересованные в его распаде, но они ничего бы не добились, если бы Советский Союз не начал трещать по швам сам под тяжестью тех внутренних проблем, которые его сотрясали.

Е.Ф.: В уже упоминавшейся мной книге А. Баунова подробно показано, как под влиянием экономических трудностей диктаторские режимы начинают смягчаться изнутри, приоткрываться вовне и как все это постепенно ведет к эрозии диктатуры. Но больше всего меня заставил задуматься о хрупкости демократии как бы мимоходом описанный военный переворот в Греции, народ которой – наследник древнейшей в мире демократии – и пальцем не шевельнул, чтобы защитить гражданские свободы, когда “черные полковники” вывели танки на улицы. Не выступили и испанцы против попытки реваншистского путча – они заняли выжидательную позицию и предоставили решение проблемы королю.

Д.Б.: А в России в 1991 г. люди против танков вышли. Правда, танки не стреляли – но кто же знал, что они не будут стрелять!

Е.Ф.: Вы очень хорошо показываете, как секуляризация общественного сознания и формирование наций приводят к смене старого принципа “чья власть – того и вера” (*cuius regio – eius religio*) новым – “чья власть – того и культура”, а также к смене религиозных войн национальными. В национальных государствах Нового времени проводится политика культурной унификации, и культурная иерархичность, как Вы пишете, переносится с внутригосударственного уровня на имперский. С этим я не вполне могу согласиться: культура выполняет роль социального идентификатора и в этом качестве формирует иерархии и внутри метрополий, причем в отношении как региональных/этнических меньшинств, так и социальных низов. В постсословных обществах именно культура остается маркером, обозначающим позицию каждого на социальной лестнице. Отсюда идеология и практики культурного расизма – одновременно более утонченного и более изощренного по сравнению с биологическим (*Шнирельман 2022*). Отсюда же постколониальный дискурс идеологов региональных/этнических меньшинств (напр., бретонцев и корсиканцев во Франции).

Д.Б.: Конечно, культура как социальный идентификатор везде играет большую роль. Если мы обратимся к колониальным обществам, то увидим, что там метрополии придавали культуре как социальному идентификатору очень большое значение. Например, категория “ассимилированные”, определявшая правовой и социальный статус человека, была и в португальских (*assimilados*), и во французских и бельгийских (*évolué*) колониях. К этой категории относили людей, по рождению не принадлежавших к нациям метрополий, но, с точки зрения колонизаторов, усвоивших их культуру в достаточной степени – в той степени, в которой они могли ее усвоить, не будучи ее носителями от рождения. Они все равно не были вполне португальцами или французами, но они могли быть допущены в эти нации (как те самые 2% алжирцев, получивших французское гражданство, о которых я уже упоминал). Те же, кто не захотел или не смог усвоить культуру метрополии, находились вне этих наций. Еще раз это убеждает нас в том, что нация – это прежде всего культурная общность. Австралийцы – жители британского доминиона – считались *a priori* членами британской нации при всем своеобразии их акцента, потому что в широком смысле слова они были, конечно, людьми британской культуры. И сегодня потомки выходцев из Великобритании, живущие в Австралии, ощущают себя наследниками пусть специфической, периферийной, но все же ветви британской нации. То же самое касается постсословных обществ: это не общества, в которых нет социальных градаций, просто теперь эти градации не имеют сословной природы и сословной четкости, когда каждый человек приписан к определенному сословию. Тем не менее в обществе всегда известно, кто к какому слою принадлежит, и здесь культура подменяет собой правовые основы социальной иерархии.

Е.Ф.: Культура может оказаться достаточно жестким барьером, легитимирующим исключение бедных, малообразованных, мигрантских и иных меньшинств. Как пишет В.А. Шнирельман, после Второй мировой войны именно культуре стали приписывать закрытость и непроницаемость границ, строгий набор определенных характеристик – то, что прежде приписывали расе. Культурный расизм стоит на страже “культурной самобытности” и настаивает на гибельности культурного смешения, а появившийся термин “культурная экология” отсылает к “расовой гигиене” (Шнирельман 2022: 6–7).

Д.Б.: Культурный расизм – это очень существенное явление, имеющее глубокую социальную природу. Оно свидетельствует о том, что не все сводится к правовым вопросам, поскольку ранжирование может быть неофициальным и ситуативным. Сегодня огромная доля живущих во Франции арабов и африканцев имеет французские паспорта, но культурный расизм по отношению к ним проявляется очень часто по разным поводам. Все равно культурно эти люди остаются чужими. И это, конечно, проблема не только французская. Во время моего исследования в США я постоянно сталкивался с тем, что те же самые африкано-американцы, которые только что жаловались на дискриминационное отношение к ним, когда речь заходила о недавних мигрантах из Африки, вставали на позицию “коренных”, пренебрежительно отзываясь о “приезжих”, об их культуре и противопоставляя себя – граждан “великой державы” – “дикарям”. Кстати, подобное я заметил и в отношении к мигрантам последнего времени со стороны тех африканских мигрантов, которые живут в США уже достаточно давно. Это связано еще с тем, что раньше в США приезжали почти исключительно образованные африканцы, а в последнее время, наряду с ними, появились многочисленные беженцы более низкого статуса. Перефразируя Дж. Оруэлла, можно сказать, что “все люди неравны, но некоторые неравнее других”.

Е.Ф.: М. Глостанова пишет о том, что онтологическая, экономическая, социальная, расовая, гносеологическая зависимость от модерности “продолжает определять узаконенную норму для всего человечества и классифицировать всех остальных людей как отклонения от нее, полностью отвергаемые или подлежащие переделкам с целью приближения их к определенному западному идеалу” (Глостанова 2015). В связи с этим возникает вопрос о культурном фундаменте постколониальных наций. Вы связываете относительно более успешный процесс нациестроительства в Танзании с наличием в этой стране единой культурной платформы, причем не европейского, а автохтонного, африканского происхождения – культуры и языка суахили. Однако Вы сами признаете, что случай Танзании достаточно уникален. Может ли в иных ситуациях единой платформой выступать колониальный язык и колониальное культурное наследие?

Д.Б.: Под колониальным языком Вы, очевидно, понимаете язык метрополии, т.е. в случае рассматриваемых мной стран – Танзании, Замбии и Уганды – английский язык. Танзания – действительно, как я старался показать, редкий для афро-азиатских стран пример монокультурной полиэтничной нации. Ситуация же в Уганде и Замбии типична для постколониальных государств: другой языковой основы нации кроме языка бывшей метрополии нет. В Уганде даже луганда – язык крупнейшего народа ганда – распространен не настолько широко, как суахили в Танзании. Кроме того, для части угандийцев луганда несет в себе негативные коннотации как нагруженный исторической памятью о господстве ганда в регионе. Получается, или английский – или ничего. На базе английского, так же как в других случаях французского или португальского, можно построить нацию, хотя сделать это гораздо сложнее. Что касается куль-

турного наследия, то колониализм оставил его во всех странах, в том числе и в Танзании. Он создал в бывших колониях политические условия для того, чтобы общая культура могла там возникнуть, но он, конечно, не создал саму общую культуру. Отмечу, что понятие “культурное наследие” – очень широкое.

Е.Ф.: Колониализм принес в колонии европейские административные, политические и правовые институты, европейскую систему образования – школы и университеты, которые предопределили ту самую “онтологическую и гносеологическую зависимость от модерна” и то, что постколониальные государства пытаются построить нации по западному образцу.

Д.Б.: Но в силу отсутствия культурного единства путь к строительству наций в большинстве африканских стран, как я пытаюсь показать, пролегает через поликультурность на основе в данном случае английского языка, которую приходится поддерживать и вводить в определенные рамки, поскольку нет африканского языка, который мог бы сыграть объединяющую роль в государствах, созданных колонизаторами без учета культурных реалий. Другой пример показывают нам многие страны Юго-Восточной Азии, которые пытаются построить нацию на основе доминирования культуры и языка одной из этнических групп (напр., вьетов во Вьетнаме). Но выбор Танзании можно назвать более демократичным, поскольку суахили не является языком и культурой этнического большинства. При этом, в постколониальной ситуации поликультурность становится реальностью не только в бывших колониях, но и в бывших метрополиях, куда идут миграционные потоки. Это приводит к пересмотру понимания нации и в классических национальных государствах, которым приходится вводить элементы мультикультурализма, чтобы можно было уйти от понимания нации как культурно гомогенной общности. Несмотря на то что национальные государства нигде не смогли полностью стереть культурные различия и уничтожить многообразие, все же поликультурность, которая была характерна для них до начала постколониальных миграций (наличие внутри британской, французской или испанской нации шотландцев и валлийцев, бретонцев и корсиканцев, каталонцев, галисийцев и басков и т.п.) – это не та поликультурность, которая стала результатом притока миллионов азиатов и африканцев. В штате Миннесота, где очень много выходцев из скандинавских стран с сильной протестантской культурой и куда протестантские благотворительные организации привезли в последние десятилетия очень много беженцев – хмонгов из Юго-Восточной Азии, оромо из Эфиопии, сомалийцев и т.д., мне говорили: “У нас изменилось понимание того, что такое межэтнический брак. Раньше межэтническим браком в Миннесоте считался брак шведа в третьем поколении с норвежкой в четвертом поколении, а сегодня это брак хмонга и сомалийки”. Преимущество африканских стран состоит в том, что культурная дистанция, скажем, между бемба и лози в Замбии существенно меньше культурной дистанции не только между арабом и французом, но и между живущими во Франции арабом и африканцем. К тому же проще сразу строить нацию на поликультурных основаниях, чем перестраивать нацию, веками существовавшую как культурно гомогенная. Возвращаясь к началу нашей беседы, я хочу еще раз подчеркнуть, что этничность, на мой взгляд, не препятствует строительству нации. Это, в частности, показывает опыт Танзании. В понимании этничности я придерживаюсь американской традиции, согласно которой антропологи изучают культуры, и народ – это прежде всего культурная общность. Полиэтничность, или поликультурность, должна стать основой современного нациестроительства, потому что она в принципе неустранима, а задача нациестроительства состоит в том, чтобы в обществе развился надэтнический, т.е. национальный, уровень идентичности.

Е.Ф.: О чем говорят попытки перехода с французского языка на английский в бывших французских колониях? Отказ от русского языка в пользу английского, от кириллицы в пользу латиницы в бывших советских республиках? Чего в этом больше: символики или прагматики? Неизбежен ли при этом (временный) культурный регресс? Не ведет ли это к неокOLONIALной зависимости?

Д.Б.: Отказ от французского языка в пользу английского характерен не только для французских, но и для бельгийских колоний. Например, Руанда, где я проводил полевые исследования, перешла с французского на английский после прекращения геноцида 1994 г., и я могу объяснить, почему. Это произошло, во-первых, потому, что Франция сыграла очень негативную роль в истории с геноцидом и в истории, предшествовавшей ему, которая и довела до геноцида. Во-вторых, и в этом тоже специфика Руанды, люди, пришедшие к власти после прекращения геноцида, провели большую часть своей жизни (с самого детства) в соседней Уганде, где европейским языком является английский. Поскольку тутси преследовались и до геноцида, они бежали из Руанды задолго до его начала – в частности, семья президента Кагаме покинула страну, когда ему было два года. Кагаме вырос в англоязычной среде и, возможно, владеет английским лучше, чем французским. Третий фактор, я думаю, имеет более общий смысл с точки зрения вопроса, который Вы задаете. Это то, что Руанда стремится создать себе образ страны современной, просвещенной, причем не африканской страны – а просто современной. И современность сегодня ассоциируется с английским как языком международного общения. В бывших же французских колониях играет роль и то, что Франция теряет там свое бывшее политическое и экономическое влияние; отказ от языка колонизаторов призван еще более это влияние ослабить и одновременно стать символом обретения подлинной самостоятельности. Но существенно то, что отказ от французского совершается не в пользу какого-то местного языка, а в пользу английского, который они пытаются подать не как колониальный язык, а как язык современного мира.

Что же касается отказа от русского языка и/или от кириллицы на бывшем постсоветском пространстве, я думаю, что это сугубо символические акты, как раз прагматики в них мало, потому что надо все население учить заново. Что-то подобное было в 1920–1930-е годы, когда в СССР переводили тюркские языки с арабской графики на латиницу, а потом на кириллицу, в результате прежде грамотные люди становились неграмотными. Применительно к африканским странам важно понимать, что на самом деле доля населения, реально владеющего европейскими языками, не так велика. По разным причинам, прежде всего экономическим, многие просто не отдают детей в школы или отдают только одного ребенка. Хотя, конечно, образование в современной Африке развивается, что меня очень радует. Приведет ли переход на другой язык к культурному регрессу, зависит от того, как быстро переход произойдет. При этом есть еще один момент: те, кто быстрее осваивают новшества, получают преимущества по сравнению с остальными – это я наблюдал в Руанде. В этой стране часть населения так или иначе реально владела французским языком. При переходе же на английский тут же получили колоссальные преимущества те немногие, кто владел английским. Руанда – страна с сильной государственной властью, поэтому на английский перешло не только все делопроизводство и чиновничество, но и почти вся пресса (осталась одна франкоязычная газета), весь крупный бизнес. Если ты не знаешь английского, ты не можешь занимать высокие позиции в престижных и прибыльных сферах.

Е.Ф.: Таким образом одновременно происходит смена элит...

Д.Б.: Наконец, неоколониальная зависимость – это реальность, если понимать под неоколониализмом положение Глобального Юга в современном мире, его сохраняющуюся экономическую эксплуатацию и политическую несамостоятельность. Африканские страны, за редким исключением, все равно вынуждены на кого-то опираться или маневрировать между разными силами. Поэтому отказ от французского языка может ослабить зависимость от бывшей метрополии, но усилить зависимость от тех, кого Франция раньше не пускала в зону своих интересов.

Е.Ф.: Вы пишете о росте влияния религиозного фактора в наши дни и видите в этом признак “постепенного перехода от национального мира, в котором основа идентификации – принадлежность к той или иной национальной культуре, к постнациональному, в котором на новой основе восстанавливается роль главного донационального признака идентификации – религиозной принадлежности” (Бондаренко 2022: 28). Круг замкнулся?

Д.Б.: Это один из самых дискуссионных вопросов, который я пытался поднять в книге. Существуют две противоречащие друг другу академические традиции: одна утверждает, что роль религии падает, другая – что она растет (к последней принадлежит влиятельная книга Ч. Тейлора “Секулярный век” [Тейлор 2017]), что секуляризм как бы исчерпывает себя и на каком-то новом витке возвращается религиозность. Наверное, это нужно ставить в контекст рационализма. Секуляризация, как мы можем видеть из истории европейской философии, конечно, связана с рационализмом, и научная картина мира, которая заменила доминировавшую в Европе религиозную, – это и есть рациональная секулярная картина мира. На Глобальном Юге западной секуляризации не произошло. В Африке, Азии, Латинской Америке существует искренняя и глубокая религиозность. Другое дело, что для африканцев, например, не редкость переход из одной религии в другую, абсолютное незнание религиозной догматики; зачастую они даже не могут сказать, какого именно течения христианства или ислама они придерживаются. Большую роль в их религиозности играет то, что я называю ритуализмом. Ритуализм коренится в автохтонных, доколониальных африканских верованиях, в основе которых лежит не догматика, а ритуал; эффективность же религии определяется точностью соблюдения ритуала. Взгляд на новые религиозные течения в той же Африке как на некое искажение христианства нельзя считать историческим. Как мы помним, еще первые Вселенские соборы занимались тем, что пытались определить, какое христианство правильное, а какое нет. На самом деле новые религиозные течения – это те формы, которые христианство приобретает сегодня. И поскольку роль Глобального Юга возрастает, в частности, в результате миграций, то, наверное, будет повышаться роль религиозности. Да и на Глобальном Севере проявляются признаки духовного кризиса, выходом из которого для некоторых становится обращение к восточным религиям, движениям нью-эйдж и т.д. Приведут ли эти поиски к каким-то новым формам секулярности или же они вернут религиозность в ином облики, возможно, в форме духовности, не связанной с конкретной религией? Расцвет религиозности на Глобальном Юге и одновременно духовные искания на Глобальном Севере дают основания, пусть не утверждать, но допускать усиление религиозности на глобальном уровне.

Е.Ф.: Возвращаясь к Вашей мысли о том, что постколониальным является весь современный мир, можно вспомнить о “колониальном бумеранге” (Х. Арендт): действительно, именно для оправдания колониальных завоеваний и рабовладения был “изобретен” расизм, в интересах колониальной администра-

ции была институализирована этничность; эти и другие колониальные инструменты были затем перенесены и в метрополии, где “привели к тому, что Запад смог практиковать в отношении самого себя нечто вроде... внутренней колонизации” (Фуко 2005: 117). Применительно к России М.Е. Салтыков-Щедрин, как мы помним, называл это “ташкентством”. С началом постколониальных миграций культурная иерархичность вновь переносится с имперского уровня на внутрисоциальный, подрывая основу нации – гражданское равенство и порождая системный расизм.

Д.Б.: Я задумывался над соотношением расизма и колониализма, хотя этого нет в книге, читал довольно много трудов колониальных деятелей, записок путешественников. Надо, наверное, различать две категории людей. Первая – это циничные колонизаторы, думавшие только о наживе и презиравшие колонизованных (напр., С. Родс или король Бельгии Леопольд II), и вторая – просвещенные гуманисты, призывавшие к колониальной экспансии во имя выполнения цивилизаторской миссии европейца (такие как Д. Ливингстон, в свое время заваливавший письмами королеву Викторию с просьбами ускорить строительство железной дороги на юге Африки, что должно было помочь колонизовать континент и позволить африканцам стать цивилизованными в европейском смысле людьми). А отцом-основателем активно сотрудничавших с колониальными властями Общества исследований Центральной Африки и Германского африканского общества Берлина был никто иной, как классик германской антропологии А. Бастиан, которого тоже трудно заподозрить в негуманистичности взглядов. Кроме того, я интересовался, почему таким разным было отношение к местному населению колонизаторов из Германии, Англии, Франции, Бельгии – при том, что все они говорили о “бремени белого человека”, по Р. Киплингу, и – более того – были уверены, что именно их нация может принести истинное просвещение и истинную цивилизацию в Африку?

Е.Ф.: Это как раз то, что дает основание М. Тлостановой назвать колониальность “изнанкой модерности”, ее неотъемлемой частью, поскольку фундаментальные для модерности дискурсы прогресса и развития позволяют оправдать любые действия с целью уничтожения или преодоления “варварства” и “традиционализма”. С. Абашин высказывается достаточно радикально, называя попытки постколониальных стран построить у себя национальное государство по западным лекалам свидетельством того, что политическая деколонизация не означает деколонизацию сознания (Срапян 2023).

Д.Б.: О необходимости деколонизации сознания как необходимом условии подлинной деколонизации в прошлом колониальных народов писали и пишут многие известнейшие авторы, включая такого классика темы, как Ф. Фанон. Примечательно (возвращаясь к африкано-американской проблематике), что в освобождении сознания черных американцев и всех людей африканского происхождения видит залог обретения ими подлинной свободы и главный теоретик афроцентризма М.К. Асанте. Я отмечаю в своей книге, что парадоксальным образом борцы с колониализмом видели будущее своих народов и стран подобием европейских наций и европейских национальных государств. Победившие национально-освободительные движения в постколониальных государствах воспроизводили политическую логику колонизаторов.

Е.Ф.: Наряду с проектами построения классических или неклассических национальных государств в африканских странах (напр., в Мали и Буркина-Фасо) описаны альтернативные формы власти, возникающие прежде всего на террито-

риях, не контролируемых существующими государствами: отряды самообороны, народные милиции, джихадисты, которые берут на себя защиту населения, сбор налогов, отправление правосудия в локальных микросоциумах, выступают посредниками при урегулировании конфликтов. Монополия на насилие перешла от государства к воинствующим группировкам этнического, религиозного или сепаратистского толка (Бужю 2021).

Осознанно антигосударственной была и политика сирийской революции, бойцы которой, создавая “освобожденные зоны”, сражались как против законного правительства, так и против “исламского государства”, пытавшегося занять его место (Сахи 2021). Не является ли это проявлением политической деколонизации, нежеланием воспроизводить “западные” образцы политического устройства?

Д.Б.: Говоря о насилии, мы должны вернуться к М. Веберу. По М. Веберу, государство обладает не просто монополией, а легитимной монополией на насилие – эта монополия является производной от его легитимности. При переходе к негосударственным институтам монополия на насилие утрачивает легитимность. Джихадисты утверждают там, где власть государства с его институтами, в том числе институтами легитимного, подчеркиваю, насилия, слаба. Но это не делает джихадистов легитимными, не ставит на один уровень с государством.

Е.Ф.: Но ведь можно сформулировать вопрос и так: что такое легитимность? Это то, что записано в конституции и законах, или то, что реально признается населением? Население само зачастую призывает джихадистов на роль защитников.

Д.Б.: И то, и другое. Но если мы говорим о национальном государстве, то здесь все же правовой аспект очень важен. Тем же джихадистам не позволяют (до сих пор не позволяли) создать собственное государство и тем более получить международную легитимность, даже если их признает часть подконтрольного населения. Поскольку весь мир сегодня состоит из национальных государств, которые в Новое время стали “единицей измерения” в международных отношениях, то международная легитимность есть не что иное, как признание в качестве национального государства. Относительно второй части вопроса, – не является ли антигосударственность сирийской революции проявлением отказа от “западной” модели мироустройства – замечу: отчасти является, по крайней мере, на уровне идеологическом. Но есть масса проявлений такого отказа, не связанных с революцией и гражданской войной (как в Сирии или Мали) или вообще с действиями тех, кто противостоит государству. Можно вспомнить Иран после революции 1979 г., можно вспомнить Заир с идеологией аутентичности при Мобуту, северо-корейский строй чучхэ или каддафиевскую джамахирию и другие более или менее успешные попытки самих незападных государств избегать западных моделей политического устройства или наполнять связанные с западной моделью политические институты не западным, а своим собственным содержанием. Можно заметить, конечно, что часто такие незападные модели начинают внедрять после насильственного прихода к власти в результате революций или войн, как та же иранская модель или утвердившаяся после Второй мировой войны северо-корейская. Но если бы сирийская оппозиция или малийские джихадисты пришли к власти, им все равно пришлось бы создавать современные государственные институты и обретать легитимное право на насилие. Иначе просто

невозможно существовать в современном мире. Другое дело, что всплеск подобных движений в последние десятилетия можно рассматривать как одно из проявлений важнейшего феномена – кризиса национального государства, о котором ныне все чаще пишут исследователи, в частности Б. Капферер (Kapferer 2018: 6–7). Кризис национального государства – один из аспектов кризиса классической модели нации, о котором мы говорили выше.

Научная литература

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Баунов А.* Конец режима. Как закончились три европейские диктатуры. М.: Альпина Паблшер, 2023.
- Блундо Д.* Коррупция и государство в Сахеле // Антропологии. 2021. № 1. С. 97–120.
- Бондаренко Д.М.* Оттенки черного: культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2016.
- Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2022.
- Бужю Ж.* “Организованный хаос” как политическая договоренность, или насилие в ходе распада государства в Мали и Буркина-Фасо // Этнографическое обозрение. 2021. № 2. С. 25–44.
- Манн М.* Темная сторона демократии. М.: Пятый Рим, 2016.
- Сахи М.* Противогосударственные политики в сирийской революции: пример освобожденных зон // Этнографическое обозрение. 2021. № 2. С. 45–60.
- Срапян Е.* “Декolonизация освобождает от одних зависимостей, но несет другие”: антрополог Сергей Абашин – о белом мужчине из метрополии и сложностях деколонизации знания // Perito. 21.02.2023. <https://perito.media/posts/dekolonizatsiya-osvobozhdaet-ot-odnikh-zavisimostei-no-neset-drugie-antropolog-sergei-abashin-o-belom-muzhchine-iz-metropolii-i-slozhnostyakh-dekolonizatsii-znaniya>
- Тейлор Ч.* Секулярный век. М.: ББИ, 2017.
- Тлостанова М.* Колониальность переживет колониализм // Theory and Practice. 15.10.2015. <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote>
- Фуко М.* Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.
- Шнирельман В.А.* Введение // Современный расизм: идеология и практика / Ред. В.А. Шнирельман. М.: Дашков и К°, 2022. С. 4–10.
- Deleuze G., Guattari F.* The Thousand Plateaus. L.: Continuum, 1991.
- Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.
- Eisenstadt S.N.* (ed.) Multiple Modernities. L.: Routledge, 2002.
- Eisenstadt S.N.* Comparative Civilizations and Multiple Modernities, 2 vols. Leiden: Brill, 2003.
- Kapferer B.* Crises of Power and the State in Global Realities // State, Resistance, Transformation: Anthropological Perspectives on the Dynamics of Power in Contemporary Global Realities / Ed. B. Kapferer. Canon Pyon: Sean Kingston Publishing, 2018. P. 1–22.

Interview Article

Bondarenko, D.M., and E.I. Filippova. Not Only Former Colonies but the Whole Contemporary World Is Postcolonial [Postkolonial'nyi mir – eto ne tol'ko strany, v proshlom byvshie koloniami, eto ves' sovremennyi mir (interv'iu)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 165–186. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030090> EDN: CPLDFC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Dmitri Bondarenko | <http://orcid.org/0000-0003-2020-3553> | dbondar@hotmail.com | Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia)

Elena Filippova | <http://orcid.org/0000-0001-9186-6763> | elena_filippova89@yahoo.fr | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

postcolonialism, nation, state, culture, civil society, democracy, authoritarianism, totalitarianism, neotraditionalism, neopatrimonialism, tribalism, Tanzania, Zambia, Uganda, Swahili

Abstract

A wide range of issues related to attempts at nation-building in formerly colonial African and Asian countries is discussed in the interview with the corresponding member of the Russian Academy of Sciences, vice-director of the Institute for African Studies, Dmitri Bondarenko, around his new book “Postcolonial Nations in Historical and Cultural Context”. These issues are considered in a broader cultural, historical, and geographical context that covers countries of the Global North and the Global South from Antiquity to the present. The central topic is multiplicity of manifestations of phenomena such as nation, modernity, secularity, and democracy. The prospects of multiculturalism as the basis for emerging and transforming nations are assessed.

References

- Arendt, H. 1996. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom.
- Baunov, A. 2023. *Konets rezhima. Kak zakonchilis' tri evropeiskie diktatury* [End of the Regime: How Three European Dictatorships Ended]. Moscow: Al'pina Pablisher.
- Blundo, G. 2021. Korruptsiia i gosudarstvo v Sakhele [Corruption and the State in the Sahel]. *Anthropologies* 1: 97–120.
- Bondarenko, D.M. 2016. *Ottenki chernogo: kul'turno-antropologicheskie aspekty vzaimovospriiatiia i vzaimootnoshenii afrikano-amerikantsev i migrantov iz stran subsakharskoi Afriki v SShA* [The Shades of Black: Cultural and Anthropological Aspects of Mutual Perception of and Relation between African Americans and Migrants from Sub-Saharan Africa in the USA]. Moscow: Fond razvitiia fundamental'nykh lingvisticheskikh issledovaniï.
- Bondarenko, D.M. 2022. *Postkolonial'nye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste* [Post-Colonial Nations in Historical and Cultural Context]. Moscow: Izdatel'skii dom YaSK.

- Bouju, J. 2021. “Organizovannyi khaos” kak politicheskaiia dogovorennost’, ili nasilie v khode raspada gosudarstva v Mali i Burkina-Faso [Organized Chaos as Political Agreement, or Violence in the Course of State Disintegration in Mali and Burkina Faso]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 25–44.
- Deleuze, G., and F. Guattari. 1991. *The Thousand Plateaus*. London: Continuum.
- Eisenstadt, S.N. 2000. Multiple Modernities. *Daedalus* 129 (1): 1–29.
- Eisenstadt, S.N., ed. 2002. *Multiple Modernities*. London: Routledge.
- Eisenstadt, S.N. 2003. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*, 2 vols. Leiden: Brill.
- Foucault, M. 2005. *Nuzhno zashchishchat’ obshchestvo: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976]. St. Petersburg: Nauka.
- Kapferer, B. 2018. Crises of Power and the State in Global Realities. In *State, Resistance, Transformation: Anthropological Perspectives on the Dynamics of Power in Contemporary Global Realities*, edited by B. Kapferer, 1–22. Canon Pyon: Sean Kingston Publishing.
- Mann, M. 2016. *Temnaia storona demokratii* [The Dark Side of the Democracy]. Moscow: Piatyi Rim.
- Sakhi, M. 2021. Protivogosudarstvennye politiki v siriiskoi revoliutsii: primer osvobodennykh zon [Anti-State Politics in the Syrian Revolution: The Case of Liberated Zones]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 45–60.
- Shnirelman, V.A. 2022. Vvedenie [Introduction]. In *Sovremennyi rasizm: ideologiya i praktika* [Contemporary Racism: Ideology and Practice], edited by V.A. Shnirelman, 4–10. Moscow: Dashkov i K°.
- Srapian, E. 2023. “Dekolonizatsiia osvobodhaet ot odnikh zavisimostei, no neset drugie”: antropolog Sergei Abashin – o belom muzhchine iz metropolii i slozhnostiakh dekolonizatsii znaniia [Decolonization Frees from Some Dependencies but Brings Others: Sergei Abashin on the White Metropolitan Man and Difficulties of the Decolonization of Knowledge]. *Perito*. 21.02.2023. <https://perito.media/posts/dekolonizatsiya-osvobodhaet-ot-odnikh-zavisimostei-no-neset-drugie-antropolog-sergei-abashin-o-below-muzhchine-iz-metropolii-i-slozhnostiakh-dekolonizatsii-znaniya>
- Taylor, C. 2017. *Sekuliarnyi vek* [A Secular Age]. Moscow: BBI.
- Tlostanova, M. 2015. Kolonial’nost’ perezhivet kolonializm (Interv’iu) [Coloniality will Survive Colonialism]. *Theory and Practice*. 15.10.2015. <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote>

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ АЙНОВ В ЖИВОПИСНЫХ РАБОТАХ И ГРАВЮРАХ XVI – НАЧАЛА XIX В.: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЛИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ?

М.В. Осипова

Марина Викторовна Осипова | <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | к. и. н., доцент, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

айны, визуальный образ, портрет, сюжетная композиция, визуальный источник, историко-этнографический источник

Аннотация

В статье рассматриваются основные визуальные источники XVI – начала XIX в., которые знакомят зрителя с коренным малочисленным народом тихоокеанских островов – айнами в период бытования их традиционной культуры. Шелковые и бумажные свитки, гравюры в книгах всегда привлекали внимание к айнской теме. Дискуссионными остаются многие вопросы этнической истории народа, его расовая принадлежность, истоки орнамента и татуировки. Появившиеся в период Эдо портреты айнов, выполненные японскими, российскими и европейскими художниками и граверами, способствовали распространению знаний об этом народе. Но зачастую визуальные образы отражали субъективный, часто политически ангажированный взгляд мастера на передаваемый художественными средствами объект. Несмотря на это, изучая живописные работы, гравюры и рисунки, можно получить определенное представление о внешнем облике айнов и особенностях их материальной и духовной культуры. Цель данной статьи – рассмотреть возможность использования образцов изобразительного искусства в качестве историко-этнографического источника.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено в рамках плана НИР МАЭ РАН

Зрение – один из основных каналов получения информации человеком. Мозг, осознавая и анализируя увиденное, активно конструирует видимый мир, а средством этого конструирования является визуализация – воспринимаемое зрительно и наглядно изображение, в том числе в виде рисунка или фотографии.

Статья поступила 20.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 20.04.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Осипова М.В. Визуальный образ айнов в живописных работах и гравюрах XVI – начала XIX в.: историко-этнографический источник или художественный вымысел? // *Этнографическое обозрение.* 2023. № 3. С. 187–205. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030107> EDN: CPQKFZ

Osipova, M. V. 2023. Vizual'nyi obraz ainov v zhivopisnykh rabotakh i graviurakh XVI – nachala XIX v.: istoriko-etnograficheskii istochnik ili khudozhestvennyi vymysel? [Visual Image of the Ainu in Paintings and Engravings of the 16th – Early 19th Centuries: Historical and Ethnographic Source or Artist's Imagination?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 187–205. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030107> EDN: CPQKFZ

Именно рисунок был одной из первых попыток человека представить увиденное другим членам сообщества (Zeki 1992: 33; Полякова 2012: 180). Именно рисунок с расширением знаний о мире играл в определенном смысле просветительскую роль, знакомя зрителя с новыми образами, историческими событиями, странами, народами. Поэтому основная тема и цель этой статьи – анализ ранних изображений айнов, коренного малочисленного народа тихоокеанских островов, в историко-этнографическом аспекте и изучение возможности использования рисунков в качестве источникового материала.

Работ, рассматривавших вопрос визуализации образа айнов в изобразительном искусстве, немного. Это в основном статьи японских ученых Тории Рюдзо (鳥居龍藏), Киндаити Кёсукэ (金田一京助), Сасаки Тосикадзу (佐々木利和), Такакура Синъитиро (高倉新一郎), Синмё Хидэхито (新明英仁), Сираиси Эри (白石絵理), изучавших хранящиеся в музейных коллекциях и библиотеках шелковые и бумажные свитки (*какэмоно* – 掛物 и *эмакимоно* – 絵巻物) и – частично – иллюстрации к книгам, которые сегодня в рамках визуальной антропологии могут рассматриваться как равноценные другим источники. В своих работах ученые концентрировали внимание на времени и истории создания изображений, их типах, жанрах – например *айну-э* (アイヌ絵) – или личности авторов. В отечественной науке в последнее десятилетие тоже стали появляться статьи (А.Ю. Синицына, С.П. Сорокиной, А.Е. Жабревой, Е.А. Вишленковой, Н.О. Михайловой и др.), в которых рисунки, гравюры, художественные полотна представлены в качестве источника, способного расширить знания об особенностях какого-либо предмета или явления.

Подкрепленное литературным описанием, произведение изобразительного искусства или иллюстрация в научном труде дает возможность сравнить нарисованное и написанное и может рассказать о многом: о том историческом периоде и событиях, в контексте которых создавалось полотно или рисунок, о расовой принадлежности изображенных героев и их антропологическом типе, об особенностях костюмов и аксессуаров. И здесь уместен вопрос: могут ли образцы изобразительного искусства считаться надежным источниковым материалом для этнографов и историков, так как зачастую они носят субъективный, а порой и ангажированный характер. Художник фактически принуждает зрителя принять свое представление о запечатленном объекте, иногда абсолютно неизвестном. Это справедливо и в отношении представителей коренных народов (в частности айнов¹): их визуальные образы, созданные живописцами иной (японской, российской, европейской), по их собственному мнению, более развитой культуры, иногда далеки от действительности. Не является ли сюжетная композиция или портрет, на которые ссылается исследователь, плодом фантазии художника?

К визуальным источникам, повествующим о жизни айнов в XVI – начале XIX в., можно отнести: 1) шелковые свитки с сюжетами, посвященными встречам представителей этого народа с японскими правителями или военным столкновениям с японцами; 2) иллюстрации к запискам ученых, обобщивших устные и письменные свидетельства японских чиновников, по поручению правительственных органов побывавших в местах проживания айнов; 3) зарисовки с натуры, сделанные художниками, в обязательном порядке присутствовавшими на кораблях мореплавателей, совершавших кругосветные путешествия. Все изображения айнов можно разделить на портреты и сюжетные композиции. В данной статье речь пойдет о портретах XVI – начала XIX в.

Портрет считается одним из самых сложных жанров изобразительного искусства. Художник, представляя человека (или группу людей), должен пере-

дать его характерные черты, эмоциональное состояние и душевный настрой. А с историко-этнографической точки зрения портрет должен раскрывать образ через особенности внешности, одежды, позы, через предметы, которые персонаж держит в руках, через детали обстановки.

Если на рисунках и гравюрах эпох Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333) были запечатлены сюжетные композиции, героями которых были жители земли варваров Эдзо ти (蝦夷地), своей внешностью и одеждой отличавшиеся от японских чиновников и священнослужителей, то эпоха Эдо в Японии (1603–1868), именуемая в Европе ранним Новым временем или поздним Средневековьем, принесла новые веяния. С началом кругосветных путешествий в Стране восходящего солнца, а затем и в странах Старого Света, и в Российской империи стали появляться научные труды о неведомой территории Эдзо, проиллюстрированные помимо сюжетных композиций портретами отдельных местных жителей. Это книги японских авторов: “Японо-китайская иллюстрированная энциклопедия трех начал” (Вакан сансай дзюэ – 和漢三才図会) (1712), автор Тэрадзима Рёан (寺島良安, 1654–?); “Описание Эдзо” (Эдзо ти – 蝦夷志) (1720), автор Араи Хакусэки (新井白石, 1657–1725); “Иллюстрированное описание айнских земель Мацумаэ” (Мацумаэ эдзоти дзуси – 松前蝦夷地圖誌) (1737/1939?), автор Сакакура Гэндзио (坂倉源次郎, ?–?); “Записки об Эдзо” (Эдзо ти – 蝦夷志) (1785), автор Хаяси Сихэй (林子平, 1738–1793); “Описание Северного Эдзо” (Кита Эдзо цусэцу – 北蝦夷圖説) (1855), автор Мамия Риндзо (間宮林蔵, 1780–1844); “Удивительные виды острова Эдзо” (Эдзо сима кикан – 蝦夷島奇観) (1799), автор Мураками Симанодзё (村上嶋之允, 1760–1808) (второе имя Хата Авакимаро – 秦憶丸). Портреты айнов можно встретить в российских изданиях, таких как “Описание всех в российском государстве обитающих народов...” (1777) этнографа и путешественника И.Г. Георги и “Атлас к путешествию вокруг света капитана И.Ф. Крузенштерна” (1813), а также в книге английского мореплавателя У. Броутона “Путешествие открытий в северную часть Тихого океана...” (1804). Однако наиболее содержательными с позиций этнографии являются выполненные на шелке портреты 11 айнских вождей и одной женщины из серии “Исю Рэцудзо” (夷酋列像) (1790) японского художника Какидзаки Хакё (蠣崎波響, 1764–1826); портреты не раз копировались разными авторами (их переносили на шелк, бумагу, дерево). Обращаясь к перечисленным визуальным источникам, следует учитывать цели, которые преследовали авторы изображений: хотели ли они передать свои впечатления от увиденного или стремились точно отобразить действительность?

Прежде чем говорить о портретах айнов как историко-этнографическом источнике, необходимо упомянуть о том, как характеризовали этот коренной народ японцы и европейцы. В качестве примера можно привести отображающие общий настрой слова Сакакура Гэндзио: “Все они нравом прямодушны и глупы. Не имея плодов цивилизации, они остаются дикарями, обликом подобные животным...” (Щепкин 2022: 165). Исходя из этого описания, можно предположить, каким образом изображали айнов художники.

Антропологический тип айнов в работах художников

В этнической истории айнов самым главным и до сих пор нерешенным остается вопрос их расовой принадлежности. Сегодня в интернете можно встретить следующие описания представителей этого коренного народа: “айны изначально выглядели больше, как европейцы, нежели чем азиаты” (Синельщикова 2019);

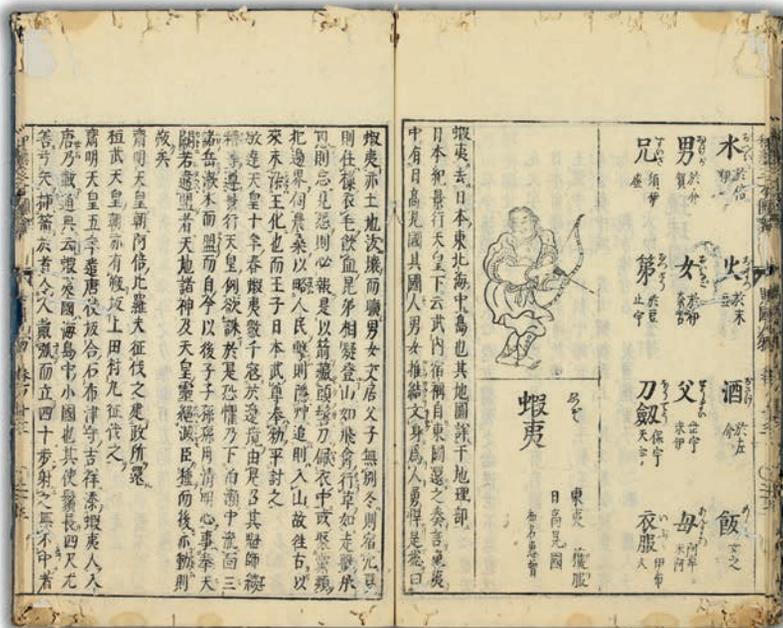

Рис. 1. Эдзо (Тэрадзима 1712).

Источник: 寺島良安 (尚順) 編『和漢三才図会』中之巻, 中近堂, 明17-21.
 国立国会図書館デジタルコレクション
<https://dl.ndl.go.jp/pid/898161> (参照 2023-04-23)

“крепкие, светлокожие и ясноглазые воины, они совершенно не похожи на азиатов, у них больше преобладают европейские черты” (Гольд 2014). Но если рассматривать первые портреты айнов, то эти слова не подтверждаются.

Так, рисунок к статье, озаглавленной “Эдзо”, из “Японо-китайской иллюстрированной энциклопедии трех начал” во многом повторяет полотна эпохи Хэйан. На них воинственные жители северо-востока о-ва Хонсю (современная территория региона Тохоку, включающего префектуры Акита и Иватэ), именуемые тогда эмиси (эбису, эдзо – 蝦夷), изображались полумифическими существами с рогами и лицами демонов (свиток 1517 г., художник Тоса Мицунобу [土佐光信, 1434–1535]) или коленопреклоненными людьми неопределенной расы (свиток 1069 г., художник Хата-но Титэй [秦致貞, 901–1200]) (Sasaki 1993: 219–220). На рисунке к статье “Эдзо” изображен мужчина – представитель этого народа, держащий в руках натянутый лук со стрелой (см. Рис. 1); в комментариях сказано, что внешностью эти люди “напоминают духов-якша” (Щепкин 2022: 54), в буддийской мифологии духов лесов и гор – привычной среды обитания эдзо. Автор рисунка Тэрадзима Рёан придал лицу персонажа злобное выражение, телу – угрожающую позу; мужчина ассоциируется со злыми духами, вредящими людям. На портрете обозначен и самый яркий антропологический признак, отличающий эмиси (эбису, эдзо) от японцев, который подчеркивался всеми художниками во все времена – повышенная волосатость мужской половины айнского сообщества. Такой образ вполне соответствует и описанию, данному северо-восточным племенам в “Нихон сёки”: “...эти восточные дикари неистовы по характеру и нападают внезапно... и все промышляют разбоем. Кроме того,

Рис. 2. Тёсама. Какидзаки Хакё. 1790

(© Le musée des Beaux-Arts et d'Archéologie de Besançon – Photographie P. Guenat; M0332-3796).
Reproduced with permission of the Museum of Fine Arts and Archeology of Besançon

Рис. 3. а) Курилец (Георги 1777: табл. 75)
б) Айны бухты Вулканов (Broughton 1804)

в горах есть дурные божества, а в полях вредоносные демоны. Они чинят помехи на перекрестьях дорог, преграждают пути, всячески терзают людей. Среди восточных дикарей самые сильные – эмиси” (Нихон сёки б.г.).

В трудах Араи Хакусэки, Сакакура Гэндзиро, Хаяси Сихэя и Мамия Риндзо создается иной визуальный образ айнов. Здесь на портретах (жанр *жэньбу*), выполненных под влиянием китайской живописной традиции (стиль *гунби* – “тщательная кисть”) с ее точно выписанными контурными линиями и повышенным вниманием к деталям (Чай Хун 2014: 22), изображены скорее представители восточноазиатской (дальневосточной) расы – люди со смуглой кожей, жесткими прямыми черными волосами, сильно развитой складкой верхнего века, относительно узким и высоким лицом, утолщенными губами.

Портреты айнов серии “Исю Рэцудзо” резко отличаются от всех, созданных ранее. Написанные художником и поэтом Какидзаки Хакё не в китайской, а в западной манере, стилизованные изображения людей характеризуются нарочитой декоративностью, преувеличенными деталями внешности и костюма при формальном сохранении антропологических особенностей (см. Рис. 2). У изображенных мужчин густые, сросшиеся в одну линию брови, большие носы и уши, длинные бороды, повышенная волосатость тел, огромные глаза с яркими зрачками и обращающей на себя внимание белизной белков. Такие причудливые визуальные образы, в которых сочетаются реальность и гротеск, в некоторой степени являются плодом фантазии художника (Исю Рэцудзо 2015).

На страницах книги И.Г. Георги “Описание всех в российском государстве обитающих народов...” впервые появляется портрет курильского айна (Георги 1777: табл. 75), но, как справедливо заметила Е.А. Вишленкова, граверами Х. Ротом и Д. Шлеппером, авторами иллюстраций, не была проведена «визуаль-

Рис. 4. а) Изображение Аино, жителя острова Эзо (Атлас 1813: табл. LXVII)
б) Грудное изображение женщины народа, называемого Аино (Атлас 1813: табл. LXVIII)

ная граница между “русскими” и “не-русскими”» (Вишленкова 2007: 69–70). Поэтому, глядя на портрет, трудно определить расовую принадлежность курильца (см. Рис. 3а). Это справедливо и для гравюры из книги У. Броутона (см. Рис. 3б), где на портретах мужчины и женщины, написанных в западной манере, изображены и не азиаты, и не европейцы (Broughton 1804: 98–99, 105): у них прямые или волнистые мягкие волосы, широкий разрез глаз, средние или сильно выступающий нос, тонкие или умеренно толстые губы, сильная или средняя волосатость лица и тела, цвет кожи разный – от светлого до темного.

Ближе всего к созданию истинного внешнего облика айнов подошел естествоиспытатель, художник и гравер В.Г. Тилезиус фон Тиленау (1767–1857), участник кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна. Выполненные по его рисункам портреты вполне определенно указывают на антропологические признаки курильской (айнской) расы (Атлас 1813: табл. LXXVII, LXXVIII). У айна и айнки с о-ва Эдзо смуглая кожа, темные и жесткие волосы, развитый волосяной покров, крупный нос и большой рот (см. Рис. 4а,б), что полностью соответствует описанию, оставленному казаком О. Аргуновым, который встречался с курильскими айнами лично:

Курильцы возрастом (ростом. – М.О.) средние, а больше что малые, а очень дебелих мало в них находится, но больше сухощавые... Лица больше что круглы и широки, носы него-раздо высокие, но короткие, щеки толсты, рот велик, толстые губы, зубы белые, велики и широки, бороды и ус густы, широки и черные, волосы на голове густы, недолги, жестки и черны... Кожа на теле жестка и смугла и больше таких что очень черны и по большей части мохнаты, а именно на грудях, на руках, на ногах, на спине и на крыльцах, почти и на всем теле (Полевой 1988: 76).

Рис. 5. Айны Северного Эдзо (Мамия 1855)

Оружие, орудия промысла и животные айнов на рисунках и гравюрах

Следующей темой историко-этнографического сюжета могут стать запечатленные на рисунках и гравюрах орудия промысла и оружие айнов. Об охотничьих традициях и воинственности этого народа говорят исторические источники и устные предания. На многих портретах из серии “Исю Рэцудзо”, помещенных в книгах “Описание Северного Эдзо” и “Удивительные виды острова Эдзо”, у мужчин в руках лук и колчан со стрелами, копье или меч (см. Рис. 5) (Мамия 1855; Ezo Shima Kikan n.d.; Исю Рэцудзо 2015: 27, 29, 31, 33, 35, 41). Меч был важным предметом мужской жизни мира айнов – именно он использовался в междоусобной борьбе, в столкновениях с нивхами и тунгусо-маньчжурами, в борьбе с японцами, о чем свидетельствуют многочисленные жанровые сцены. Меч был не только грозным оружием, но и маркером высокого социального и имущественного статуса владельца. Доказательством этому служат портрет айна из “Удивительных видов острова Эдзо” Мураками Симанодзэ (Ezo Shima Kikan n.d.) и портрет мужчины с мечом из “Записок об Эдзо” Араи Хакусэки (позднее изображение было напечатано в книге с одноименным названием Хаяси Сихэя), в комментарии к которому говорится: “На этом рисунке изображен знатный человек, который может быть начальником-отона. <...> Айн на этом рисунке одет в китайскую одежду, в головном уборе из Московии, а на поясе – японский меч” (Щепкин 2022: 187). Айны считали себя потомками божеств

(*камуй сани*) и во владении оружием пытались быть под стать своему культурному герою Аиойна камуя, владевшему воспламеняющимся мечом. А.М. Соколов, кроме трех перечисленных (оружие, атрибут героя/божества, маркер статуса), определил и другие функции айнского меча (апотропей; посредник в общении с божествами; подношение; атрибут свадебного обряда; штраф за провинность; оплата; игрушка; инструмент для использования в хозяйственных целях; предмет погребального культа; материал для изготовления орудий) (Соколов 2022: 20–69). Отметим, что в эпоху Эдо айнам было запрещено иметь боевые мечи.

Важную роль в жизни айнов еще с неолитических времен играл лук (*ку*), о чем свидетельствуют археологические находки (Соколов 2014: 325). И это не случайно. Вторым по значимости после рыболовства промыслом у айнов считалась охота, где главным образом использовался лук. Размер айнского лука варьировался от 60 см до 4 м. На рисунках из серии “Исю Рэцудзо” представлены небольшие луки – до 1,5 м. История сохранила имя гравера, иллюстрировавшего второй том “Описания Северного Эдзо” – Дзютансай (重探齋), на его черно-белых рисунках изображены охотники в зимней и летней одежде с копьем и луком в руках (Мамия 1990: 112; 1855). Стоит упомянуть, что лук был не только промысловым, но и боевым оружием айнов. А.М. Соколов привел выдержку из китайского источника Синь Тан Шу, в котором говорилось о том, что *эмиси* демонстрировали превосходное искусство стрельбы из лука (Соколов 2014: 326). Об этом свидетельствует и свиток с сюжетом подавления восстания *эмиси* войском генерала Саканоуэ-но Тамурамаро (坂上 田村麻呂, 758–811).

На картинах часто изображалась добыча охотника. На одном из рисунков серии “Исю Рэцудзо” старейшина Нотикуса несет на себе убитого оленя (его мясо было одним из основных компонентов рациона айнов), на другом – к поясу старейшины Симоти приторочены добытые им утки, на третьем – старейшина Ининкари ведет на веревке живого медвежонка: его ловили и выращивали в селении для медвежьего праздника *йомантэ* (Исю Рэцудзо 2015: 33, 35, 37).

Неизменным спутником человека была собака. О ее значимой роли в жизни айнов писал еще Мамия Риндзо: “Важнейшим занятием аборигенов является разведение собак. <...> Все они служат человеку... Есть много примеров хорошего, заботливого обращения туземцев с собаками. Собаки платят хозяину любовью и не покидают его ни днем, ни ночью. Эти люди живут с собаками буквально одной семьей” (Мамия 1990: 108). Собаки айнов служили им охранниками, тягловой силой – их запрягали в нарты, пищей, они сопровождали душу медведя-первопредка к горному духу. Из 11 иллюстраций ко второму тому “Описания Северного Эдзо” на восьми изображены собаки. В “Исю Рэцудзо” возле старейшин Ининкари и Пороя – на поводке собаки (Исю Рэцудзо 2015: 35, 39). Животные написаны с большой любовью; рисунки отличаются реалистичностью благодаря тщательно воспроизведенным деталям: передана структура шерсти, ее цвет, физиологические особенности собак (см. Рис. 5).

Одежда, обувь и аксессуары

На японских шелковых полотнах, на рисунках и гравюрах, посвященных айнской теме, можно найти немало наглядного материала, дающего представление об одежде и обуви людей в XVI – начале XIX в. В большинстве своем на портретах простолюдинов и старейшин их одежда (зимняя и летняя, верхняя и нижняя) тщательно, детально выписана и отличается высокой достоверностью. Можно заметить, что для ее изготовления использовались не только ткани (в том

числе растительного происхождения) промышленного и кустарного производства, но и другие материалы. Каждый вид одежды имел собственное название: *эдзо-нисики* и *дзиттоку* (айнск. *сантачимип/манчюкосонто*) – шелковые халаты из Китая; *сярамэ* (шелковая) или *чимип* (хлопковая) – одежда из японских тканей; *аттус* – одежда из растительных волокон; *ур* – одежда из кожи/шкур животных/птиц/рыб (*ранур* – из птичьей кожи, *юкур* – из оленьих шкур, *моур* – из шкурок мелких зверей, *ченур* – из рыбьей кожи, *камуйрус* – из меха нерпы, *сетарус* – из меха собаки, *исорус* – из шкуры медведя) (Китахара 2016).

Одежда изображенного на портрете человека указывала на его статус в айнском обществе. Обеспеченные, высокого ранга мужчины и женщины одевались иначе, чем простолюдины. Как сообщается в рукописи Хаяси Сихэя, богачи носили халаты в основном из тканей японского, китайского или российского производства, люди среднего достатка – перешитую из старой одежду из импортной материи и халаты из тканей собственного производства, все элементы костюма бедняков были исключительно из материи, изготавливаемой айнками (Щепкин 2022: 187–189).

Одежда и другие изделия иностранного производства могут рассказать и о внешнеторговых связях айнов. Эта страница истории коренного народа до сих пор привлекает ученых. Самым ранним свидетельством наличия у айнов одежды, изготовленной в других странах, в частности в Китае, Сасаки Тосикадзу считает иллюстрацию к статье “Эдзо” из книги Тэрадзима Рёана. Исследователь предположил, что на изображенном мужчине поверх айнского халата *аттус* надет китайский, полученный в результате Сантан-торговли (*Sasaki* 1993: 220). Подтвердить это предположение трудно, так как рисунок очень схематичен и выполнен в черно-белой гамме. Но уже в “Описании Северного Эдзо” Мамия Риндзо и мужчины, и женщины одеты в халаты из китайского шелка (*Мамия* 1855), что подтверждается текстом: “Сантаны привозят сюда цветные шелковые ткани и парчу. Покрой одежды здесь иной, чем в Эдзо, это хорошо видно на иллюстрациях” (*Мамия* 1990: 104). Наиболее полно тема айнской одежды китайского покроя или сшитой из китайской ткани отражена в серии “Исю Рэцудзо”. На 11 портретах из 12 люди изображены в *нисики* и *дзиттоку*, и в комментариях всегда упоминается Сантан – так называли айны и японцы торговый путь, соединявший в XVI–XVIII вв. северную часть Китая с Курилами, Хоккайдо и Японией. Сантан проходил через Приамурье и Сахалин – территорию проживания нанайцев, ульчей и нивхов. По “Северному шелковому пути” из Китая и Маньчжурии к народам Нижнего Амура, а от них к айнам поступали маньчжурские шелковые костюмы и шелковая ткань, хлопчатобумажные костюмы и ткань (хлопковая *хоуси*, сатин *сапи*), ковры, нитки, иглы (*Sasaki* 2015: 121). Мураками Симанодзё в своем свитке “Удивительные виды острова Эдзо” сообщал: “Парчу производили в Сучжоу. Затем она попадала к монгольскому племени даттан (кит. дада), а от них в результате меновой торговли через Сантан на Эдзо” (*Sasaki* 1995: 18). Такую одежду из шелковой или парчовой ткани со вставками желтого и голубого цвета, с вышитыми золотыми и серебряными нитями мотивами зооморфного орнамента и изображениями мифологических существ, в частности драконов, надевали на официальные мероприятия. Представители династии Цин продавали такие ткани через Сантан, кроме того, они награждали старейшин айнских селений шелковыми одеждами *манпао*, *буфу* и *чаофу*, которые в Японии и на Нижнем Амуре назывались *сантан фуку* и *сантан нисики*. Представители клана Мацумаэ, управлявшие Хоккайдо, даже ввели правило для хоккайдских старейшин: появляться на приемах одетыми в *дзиммоку* (*Shiraishi*

Рис. 6. Икотой. Какидзаки Хакэ. 1790

(© Le musée des Beaux-Arts et d'Archéologie de Besançon – Photographie P. Guenat; M0332-3800).
Reproduced with permission of the Museum of Fine Arts and Archeology of Besançon.

2022: 100). О шелковых и хлопчатобумажных халатах жителей Кунашира упоминал Г.В. Стеллер: “Остров этот называется Кунашир <...> Его жители носят длинные шелковые или из китайчатой материи балахоны...” (Стеллер 1999: 33). Каждый кусочек ткани ценился на вес золота. Халат мог быть изготовлен даже из старых фрагментов ткани, сшитых вместе в целое полотнище. Затем на готовое изделие наносилась вышивка или аппликация. Н.В. Рудановский в своем отчете указывал, что богатые айны Сахалина под верхнюю одежду надевали по несколько халатов *мандшу*, получаемых ими от маньчжуров, бедные же под шубой носили *актус* (*амтус*) – халат из луба вяза или осины (Рудановский 2003: 163), что подтверждается имеющимися изображениями.

С приходом русских на Камчатку у жителей северных Курильских островов появилась возможность приобретать ткани и одежду российского производства:

Сами жители любят разное суконное, хлопчатобумажное, шелковое и льняное платье и рубахи, за которые они очень дорого платят русским <...> Они носят одежду из наилучшего сукна, самых ярких цветов, пунцовую, синюю и т.п., носят суконные рубашки с галунами, украшают платья золотыми и серебряными пуговицами и платят за все это бешеные деньги (Стеллер 1999: 37, 182).

Икотой – айнский старейшина из Аккэси (см. Рис. 6) и старейшина Цукиноэ с о-ва Кунашир (в серии “Исю Рэцудзо”), помимо китайских халатов *нисики*, одеты в российские военные суконные кафтаны красного цвета; на некоторых старейшинах белые лосины, а на ногах европейская обувь (Исю Рэцудзо 2015: 25, 27, 29, 31). Это указывает на то, что жители островов Кунашир и Итуруп одними из первых наладили торговые отношения с русскими. Сасаки Сиро считает, что наличие китайской и русской одежды у айнов очень определенно характеризует “политическую и экономическую ситуацию в Северо-Восточной Азии”, сложившуюся в этот период (Sasaki 2015: 123).

Хотелось бы обратить внимание на то, что практически на всех образцах одежды, изготовленных самими айнами, отмечаются традиционные геометрические орнаментальные композиции, а в некоторых случаях можно увидеть “мелкие и крупные крестики”, не свойственные орнаментам соседствующих этносов, что было отмечено еще патером Д. де Анджелисом во время посещения им Эдзо в 1621 и 1622 гг. (Schütte 1952: 75–76; Грааф, Наарден 2005: 40). Вопрос об истоках айнского орнамента является до сих пор предметом дискуссий ученых.

Обращают на себя внимание зафиксированные художниками мужские и женские аксессуары. На всех без исключения портретах можно видеть серьги *нинкари*, а на женщинах еще и бусы с серебряным зеркалом *ситоки* (см. Рис. 7). И серьги, и зеркало (металлическая круглая пластина), часто изготовленное из цубы – гарды от японского меча, служили амулетами, оберегающими владельцев от проникновения в тело злых духов. А.М. Соколов высказал мысль, что зеркала *ситоки* имели отношение к культу божества солнца Чуф камую, а стеклянные бусины были предметом меновой торговли с коренными народами Сахалина, но есть сведения, что они производились японцами специально для айнов (Соколов 2007: 138–140).

Часто на портретах в руках мужчин можно видеть странный предмет с круглой основой, от которой отходят две отдельные полосы или, как назвал их Хаяси Сихэй, ножи. Этот аксессуар держит, например, старейшина Тёсама на изображении из серии “Исю Рэцудзо” (см. Рис. 2) (Исю Рэцудзо 2015: 25). Это *кувагата* – металлическая рогообразная накладка на самурайский шлем. Айны называли этот предмет *нэра/кирай-усь-томи камуй* – “божество, у кото-

Рис. 7. Женщина с тагуировкой. Источник: Араи Хакусэки. Эдзо ги. 新井白石 『蝦夷志』
<https://digital.library.wisc.edu/1711.d1/3YQ7HOQB5ZJFT9C>

Рис. 8. Изображение айнской женщины. Источник: Мураками Симанодзэ. Эдзо сима кикан. 秦憶丸 『蝦夷島奇観』, 氏家厚時写, 万延1 [1860].
 国立国会図書館デジタルコレクション
<https://dl.ndl.go.jp/pid/2540810> (参照 2023-04-06) DOI 10.11501/2540810

рого растут рога”, он служил амулетом, отгоняющим заклятых врагов и болезни: “Когда айны заболевают, они кладут этот предмет у изголовья для молитвы” (Щепкин 2022: 208). Кроме того, *кувагата* была символом власти (Соколов 2014: 496–497).

Японские художники и гравёры предпочитали изображать мужчин, но женские портреты все-таки встречаются. И в этой связи возникает тема айнской женской татуировки. Как и упомянутый выше орнамент, рисунок, наносившийся на лицо и руки женщины, до сих пор остается часто обсуждаемым аспектом в исследовании культуры айнов. Непроясненными до конца остаются моменты, связанные с истоками этой традиции, а также с тем, в каком возрасте, с какой целью и кем наносились на кожу определенные узоры (Осинова 2016: 95–108). И в этом контексте возникает вопрос: встречалась ли женская татуировка на рисунках и гравюрах XVI – начала XIX в.? Известно, что и мужчины наносили на свои лица тату, достаточно взглянуть на портрет курильца из книги И.Г. Георги. В записях А.С. Полонского читаем: “В прежние времена оба пола, но после только одни женщины расшивали черною краскою разные узоры на губах и руках до самых локтей, в полном уповании достигнуть через то блаженство по смерти” (Полонский 1994: 29). Однако трудов эпохи Эдо с портретами татуированных людей немного, и рисунок на лице отличается схематичностью, а представленные описания узоров не совпадают с теми, которые запечатлены на фотографиях. У Араи Хакусэки и Хаяси Сихэя – это тонкие и изысканные цветочные узоры

(см. Рис. 6) (Щепкин 2022: 129, 187), хотя во всех более поздних источниках запечатлена татуировка на лице в виде усов, а на руках – в виде геометрических узоров, что подтверждается известным портретом девушки с ткацким станком (см. Рис. 8) из книг Мураками Симанодзэ (Ezo Shima Kikan n.d.) и Мацуура Такэсиро (Санко: эдзо нисси – 三航蝦夷日誌).

* * *

Подводя итог, можно сказать, что произведения изобразительного искусства с определенной долей условности можно рассматривать как историко-этнографический источник. Так, решение вопросов расовой принадлежности и антропологического типа народа на их основании затруднительно. Здесь срабатывает фактор зачастую субъективного восприятия действительности художником, на которого оказывали серьезное влияние внешние факторы. Японские и европейские художники, с позиции представителей “цивилизованных” народов воспринимая айнов как “варваров”, стремились подчеркнуть их “инаковость”. Что же касается объектов материальной культуры, то рисунки и гравюры могут рассматриваться как вполне надежные источники для получения информации о предметах, бытовавших в определенный период времени, а в качестве дополнительных могут быть привлечены фольклорные материалы. Необходимо отметить, что и сама книга, содержащая иллюстрации, может стать объектом исследования. И здесь нельзя не согласиться с Сасаки Сиро, который, приводя в качестве примера серию портретов “Исю Рэцудзо”, подчеркивал, что это не только живописное произведение, но важный исторический источник, “который следует рассматривать в контексте мировой истории, а не только истории северных границ Японии и культуры айнов” (Sasaki 2015: 123).

Примечания

¹ До позднего Средневековья племена, населявшие северо-восточную часть Хонсю, острова Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова, именовались эмиси (эбису, эдзо – 蝦夷), этноним “айны” в научной литературе появился в XIX в.

Источники и материалы

Араи 1720 – *Араи Х.* Эдзо ти. 1720. <https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/3YQ7HOQB5ZJFT9C>

Атлас 1813 – Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна. СПб.: Морская типография, 1813.

Георги 1777 – *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вере, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. В 4-х частях. Часть третья, Семоядские, манджурские и восточные сибирские народы. Переведено с немецкого. СПб.: Иждивением книгопродавца К.В. Миллера, у содержателей типографии Вейтбрехта и Шнора, 1777.

Гольд 2014 – *Гольд А.* Японский нацвопрос. Несколько слов об истории айнов // East Russia. 04.02.2014. https://www.eastrussia.ru/material/yaponskiy_natsvopros

Исю Рэцудзо 2015 – Исю Рэцудзо: эдзо-си имэ:дзи о мэгуру хито моно сэкай. Sapporo: Hokkaido Museum, 2015. (на япон. и англ. яз.)

- Мамия* 1855 – *Мамия Р.* Кита Эдзо цусэцу. 1855. Vol. 2. (на япон. яз.) <https://search.library.wisc.edu/digital/AS57CZK5HJYT638M> (дата обращения: 15.01.2012).
- Нихон сёки б.г. – Нихон сёки. Анналы Японии. Свиток VII, Небесный повелитель Опо-тараси-пико-вакэ-но сумэра-микото. Государь Кэйко: Небесный повелитель Вака-тараси-пико но сумэра-микото. Государь Сэйму / Перев. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_I/frametext7.htm (дата обращения: 09.12.2012).
- Синельщикова* 2019 – *Синельщикова Е.* Кто такие айны и почему их существование в России скрывается до сих пор // *Узнай Россию*. 26.06.2019. <https://ru.rbth.com/read/346-who-are-ainu-people>
- Тэрадзима* 1712 – *Тэрадзима Р.* Вакан сансай дзуэ. Кокурицу Коккайтосёкан дэдзитару корекусён. <https://doi.org/10.11501/898161>
- Ezo Shima Kikan n.d. – Ezo Shima Kikan (“Unusual Views of Ezo [Hokkaido], painted handscroll, Hata Awagimaro (1760–1808) // Akg-Images. <https://www.akg-images.co.uk/archive/-2UMEBMY8TA48L.html> (дата обращения: 18.02.2023).

Научная литература

- Вишленкова Е.А.* Тело для народа, или “увидеть русского дано не каждому” // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 64–99.
- Граф де Т., Наарден Б.* Описание нивхов и айнов и территорий их проживания в XVII веке по книге Н. Витсена “Северная и Восточная Тартария” // Краеведческий бюллетень. 2005. № 4. С. 3–62.
- Китахара Д.* “Синри уреспа” (сосэн но кураси) 15 // Сироро. 2016. No. 7. (на япон. яз.) <https://ainugo.nam.go.jp/siror/monthly/201607.html>
- Мамия Р.* Описание Северного Эдзо // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 85–130.
- Осипова М.В.* Декоративно-прикладное искусство айнов: от прошлого к настоящему (Очерки о духовной культуре айнов). Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2016.
- Полевой Б.П.* Неопубликованное сочинение О. Аргунова о северных айнах (к 250-летию начала камчатских исследований С.П. Крашенинникова) // Советская этнография. 1988. № 3. С. 72–83.
- Полонский А.С.* Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3. С. 3–86.
- Полякова В.Е.* Визуализация как эффективный метод представления информации в сознании человека // Альманах современной науки и образования. 2012. № 4 (59). С. 180–181.
- Рудановский Н.В.* “Поездки мои по острову Сахалину я делал осенью и зимою...”. Отчеты лейтенанта Н.В. Рудановского. 1853–1854 гг. // Вестник Сахалинского музея. 2003. № 10. С. 137–166.
- Сасаки Т.* Искусство айнов. Ремесла айнов. № 354. Токио: Сибундо, 1995. (на япон. яз.)
- Соколов А.М.* Украшения и пояса в быту и культуре айнов // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 138–149.
- Соколов А.М.* Айны: от истоков до современности. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Соколов А.М.* Пламенеющие клинки айнов. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.
- Чай Хун К* вопросу изучения специфики китайской традиционной живописи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 11–12. С. 21–23.

- Щенкин В.В.* Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022.
- Broughton W.R.* A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean: In which the Coast of Asia, from the Lat. of 35° North to the Lat. of 52° North, the Island of Insu (Common Known under the Name of the Land of Jesso), The North, South, and East Coast of Japan, the Lieuchieux and the Adjacent Isles, as well as the Coast of Corea, have been Examined and Surveyed. L.: T. Cadell and W. Davies, 1804.
- Sasaki T.* On Ainu-e – Pictorial Descriptions of Ainu Life and Customs // European Studies on Ainu Language and Culture / Ed. J. Kreiner. Munchen: Indicium-Verl., 1993. P. 217–227.
- Sasaki S.* The Ainu in Northeast Asia // *Ishuretsuzo, the Images of Ezo. Tracing Persons, Things and the World = 夷酋列像: 蝦夷地イメージをめぐる人・物・世界.* Ishū retsuzō: Ezochi imēji o meguru hito mono sekai. Sapporo: Ishūretsuzō ten Jikkō Inkai; Hokkaidō shinbunsha, 2015. P. 121–123.
- Schütte J.F.* Map of Japan by Father Girolamo de Angelis // *Imago Mundi.* 1952. Vol. 9. P. 73–78.
- Shiraishi E.* Fictitious Images of the Ainu: Ishu Retsuzo and Its Back Story // *Japan Review: Journal of the International Research Center for Japanese Studies.* 2022. Vol. 36. P. 89–109.
- Zeki S.* The Visual Image in Mind and Brain // *Scientific American.* 1992. Vol. 267 (3). P. 69–76.

Research Article

Osipova, M.V. Visual Image of the Ainu in Paintings and Engravings of the 16th–Early 19th Centuries: Historical and Ethnographic Source or Artist’s Imagination? [Vizual’nyi obraz ainov na zhivopisnykh polotnakh i graviurakh XVI–nachala XIX v.: istoriko-etnograficheskii istochnik ili khudozhestvennyi vymysel?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 187–205. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030107> EDN: CPQKFZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Marina Osipova | <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Ainu, visual image, portrait, composition, visual source, historical source, ethnographic source

Abstract

The article examines the main visual sources of the 16th – early 19th centuries, in which the images of the Ainu were introduced. The silk and paper scrolls, engravings in the books always attracted attention to the Ainu theme. Many issues in the ethnic history and physical anthropological type of the people, as well as the origins of their ornaments and tattoos remain debatable. The portraits of the Ainu that appeared during the Edo period, made by Japanese, Russian, and European artists and engravers, contributed to the spread of knowledge about this people. However, these visual images often reflected the artist’s subjective, often politically biased, views of the object. Despite this fact, one can get a certain idea of the Ainu appearance and the features of their material and

spiritual culture by studying these canvases, engravings and illustrations. The purpose of this article is to consider the possibility of using pieces of art as a historical and ethnographic source.

References

- Broughton, W.R. 1804. *A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean: In which the Coast of Asia, from the Lat. of 35° North to the Lat. of 52° North, the Island of Insu (Common Known under the Name of the land of Jesso), The North, South, and East Coast of Japan, the Lieuchieux and the Adjacent Isles, as well as the Coast of Corea, have been Examined and Surveyed*. London: T. Cadell and W. Davies.
- Chai, Khun. 2014. K voprosu izucheniia spetsifiki kitaiskoi traditsionnoi zhivopisi [On the Issue of Studying the Specific of Chinese Traditional Painting]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences* 11–12: 21–23.
- Graaf, de T., and B. Naarden. 2005. Opisanie nivkhov i ainov i territorii ikh prozhivaniia v XVII veke po knige N. Vitsena “Severnaia i Vostochnaia Tartariia” [Description of the Nivkhi and Ainu and the Territories of Their Residence in the 17th Century according to N. Witsen’s Book “Northern and Eastern Tartaria”]. *Kraevedcheskii biulleten* 4: 3–62.
- Kitahara, J. 2016. Shinri~tsuureshipa (sosen no kurashi) 15 [Shinri Uresipa (ancestral life) 15]. *Shiroro* 7. <https://ainugo.nam.go.jp/siror/monthly/201607.html>
- Mamiia, R. 1990. Opisanie Severnogo Edzo [The Description of The Northern Ezo]. *Kraevedcheskii biulleten* 2: 85–130.
- Osipova, M.V. 2016. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo ainov: ot proshlogo k nastoiashchemu (Ocherki o dukhovnoi kul'ture ainov)* [Ainu Decorative Art: From Past to Present (Essays about Ainu Spiritual Culture)]. Khabarovsk: KhKM im. N.I. Grodekova, 2016.
- Polevoi, B.P. 1988. Neopublikovannoe sochinenie O. Argunova o severnykh ainakh (k 250-letiiu nachala kamchatskikh issledovaniĭ S.P. Krasheninnikova) [O. Argunov’s Unpublished Work about the Northern Ainu (On the 250th Anniversary of the Beginning of Kamchatka Research by S.P. Krasheninnikov)]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 72–83.
- Poliakova, V.E. 2012. Vizualizatsiia kak effektivnyi metod predstavleniia informatsii v soznanii cheloveka [Vizualization as an Effective Method of Representing Information in the Human Mind]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia* 4 (59): 180–181.
- Polonskii, A.S. 1994. Kurily [Kuriles]. *Kraevedcheskii biulleten* 3: 3–86.
- Rudanovskii, N.V. 2003. “Poezdki moi po ostrovu Sakhalinu ia delal osen’iu i zimoiu...”. Otchety leitenanta N.V. Rudanovskogo. 1853–1854 gg. [“I made My Trips around Sakhalin Island in Autumn and Winter...”: Lieutenant N.V. Rudanovsky’s Reports; 1853–1854]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia* 10: 137–166.
- Sasaki, T. 1993. On Ainu-e – Pictorial Descriptions of Ainu Life and Customs. In *European Studies on Ainu Language and Culture*, edited by J. Kreiner, 217–227. Munchen: Indicium-Verl.
- Sasaki, T. 1995. *Ainu no kogeï. No. 354* [Ainu Crafts. No. 354]. Tokyo: Shibundo.
- Sasaki, S. 2015. The Ainu in Northeast Asia. In *Ishuretsuzo, the Images of Ezo: Tracing Persons, Things and the World = 夷酋列像：蝦夷地イメージをめぐる人・物・世界*, 121–123. Sapporo: Ishuretsuzō ten Jikkō linkai; Hokkaidō shinbunsha.
- Schütte, J.F. 1952. Map of Japan by Father Girolamo de Angelis. *Imago Mundi* 9:73–78.
- Shchepkin, V.V. 2022. *Ainy glazami yapontsev: neizvestnaia kolleksiia A.V. Grigor’eva* [The Ainu through the Eyes of the Japanese: The Unknown Collection of A.V. Grigoriev]. St. Petersburg: Arka.

- Shiraishi, E. 2022. Fictitious Images of the Ainu: Ishu Retsuzo and Its Back Story. *Japan Review: Journal of the International Research Center for Japanese Studies* 36: 89–109. <http://doi.org/10.15055/00007772>
- Sokolov, A.M. 2007. Ukrasheniia i poiasa v bytu i kul'ture ainov [Jewelry and Belts in the Everyday Life and Culture of the Ainu]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 138–149.
- Sokolov, A.M. 2014. *Ainy: ot istokov do sovremennosti* [The Ainu: From the Origin to Present]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014.
- Sokolov, A.M. 2022. *Plameneiushchie klinki ainov* [The Flaming Blades of the Ainu]. St. Petersburg: MAE RAN, 2022.
- Steller, G.V. 1999. *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the Land of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskii pechatnyi dvor.
- Vishlenkova, E.A. 2007. Telo dlia naroda, ili “uvidet' russkogo dano ne kazhdomu” [The Body for the People or “Not Everyone Can See a Russian”]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 6 (3): 64–99.
- Zeki, S. 1992. The Visual Image in Mind and Brain. *Scientific American* 267 (3): 69–76.

ТЕЛЕСНОСТЬ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ НЕГЕТЕРОСЕСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

П.А. Кислицына

Полина Андреевна Кислицына | <https://orcid.org/0000-0003-1795-0259> | pkislitsyna@eu.spb.ru | магистр (антропология и этнология), независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

Ключевые слова

гендер, тело, телесность, гомосексуальность, бисексуальность, сексуальность, сексуальная идентичность, биографический нарратив, стратегии нарративизации

Аннотация

В статье рассматриваются способы нарративизации телесности в биографических повествованиях негетеросексуальных людей на материалах интервью и письменных автобиографий. Рассказывая о своем опыте, негетеросексуальные люди проделывали поиск знаков в собственном теле и наделяли их определенными значениями. Для концептуализации этой процедуры поиска в статье используются уликовая парадигма К. Гинзбурга и соматические режимы внимания Т. Чордаша. Улики, найденные в телесном опыте прошлого, интерпретируются самими людьми как подтверждение их негетеросексуальности. Поиск таких уликов требует особого навыка внимания к своему телу, знания о (гомо)сексуальности. В статье анализируются язык описания тела, выбранные информантами фигуры речи и терминологический аппарат, прослеживаются гендерные различия в стратегиях нарративизации телесности. Основной стратегией описания негетеросексуального тела оказывается эссенциализация: информанты стремятся говорить о своей сексуальности в терминах “естественности” и “врожденности”, что выражается на разных уровнях текста. Эссенциализация является для рассказчиков способом нормализовать негетеросексуальность, продемонстрировать устойчивость сексуальной идентичности и сделать нарратив когерентным.

В повседневном знании сексуальность мыслится в первую очередь через тело: именно тело представляется и объектом, и субъектом сексуального желания, возбуждения и удовольствия. Социальные науки предлагают более сложное описание отношений между телом и сексуальностью. Во-первых, сексуальность понимается не как природная данность, а как социальный механизм, набор практик и дискурсов, обусловленный конкретным историческим контекстом (Рыклин 1994; Фуко 1996). Связь между сексуальностью и телом не

Статья поступила 22.09.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 06.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кислицына П.А. Телесность в биографических нарративах негетеросексуальных людей // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119> EDN: CPSWWN

Kislitsyna, P.A. 2023. Telesnost' v biograficheskikh narrativakh negeteroseksual'nykh liudei [Embodiment in Biographical Narratives of Non-Heterosexuals]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119> EDN: CPSWWN

однозначна, она возникает при переходе от дискурса к социальной практике и наоборот (Ваньке 2018). Телесные параметры сексуальности не существуют до или вне социальных практик, с помощью которых формируются и реализуются отношения между людьми (Коннелл 2005). Во-вторых, тело оказывается многозначным понятием. Оно существует не только как физический объект: также можно говорить о проживаемом, феноменологическом теле (Мерло-Понти 1999), социальном теле и теле как объекте контроля биополитики (Фуко 1996; Douglas 1970; Scheper-Hughes, Lock 1987; Turner 1984), теле гендерном, сексуальном и медикализированном (Lupton 2012 [2003]), гибридном (Haraway 1991) и множественном теле (Соколовский 2019; Mol 2002). Проживаемое тело остается недоступным для социального ученого, в особенности если материал исследования – нарративы. Когда люди говорят о своем телесном и сексуальном опыте, их “непосредственное” (а на самом деле обусловленное и физическими, и социальными, и культурными факторами) восприятие преломляется сквозь призму их рефлексии, искажений памяти, воображения, представлений о себе и о мире, стратегий самопрезентации, доступного инструментария описания. Поэтому нам доступны для изучения только репрезентации тела, его нарративное конструирование (Heavey 2015).

Как представлено тело в жизненных историях, в фокусе которых – сексуальная идентичность и негетеросексуальный опыт? В статье рассматриваются способы нарративизации телесности в биографических повествованиях негетеросексуальных людей. Я использую семиотические концепции К. Гинзбурга (Гинзбург 2004) и Т. Чордаша (Csordas 1993), для того чтобы описать процедуры поиска знаков в собственном теле и наделения их значениями, которые продельвали мои информанты в своих рассказах, когда говорили о становлении их сексуальной идентичности. Статья заполняет собой лакуны в антропологических исследованиях сексуальности в целом и негетеросексуального опыта в частности, выполненных на российском материале, а также вносит вклад в изучение устройства биографических нарративов.

Исследование выполнено на материалах биографических интервью и письменных автобиографий, собранных у негетеросексуальных людей¹ в 2018 г. 49 интервью (20 мужских и 29 женских) были проведены в Москве и Санкт-Петербурге. Для того чтобы получить письменные автобиографии, был организован конкурс при поддержке сайта Colta.ru (см.: Гомосексуальность 2018). В результате был собран корпус из 37 текстов (22 мужских и 15 женских) разной длины – от 1,5 до 21 страницы. Полученные нарративы представляют собой истории людей о их жизни с раннего детства до момента проведения исследования с фокусом на сексуальности². Возраст моих информантов составляет от 18 до 64 лет: средний возраст участников интервью – 36 лет, средний возраст авторов автобиографий – 28 лет (среди тех, кто сообщил его). В основном мои информанты – люди с высшим образованием и средним достатком, которые проживали на момент исследования в Москве или Санкт-Петербурге. Нужно учитывать, что и на просьбы об интервью, и на участие в конкурсе откликнулись те люди, которые были готовы и хотели обсуждать свою сексуальность, имели соответствующие навыки. В число моих информантов не попали те, для кого такие разговоры или письмо были затруднительны по тем или иным причинам (напр., из-за чувства стыда или страха за свою безопасность). Это накладывает значительное ограничение на исследование: в нем не представлены негетеросексуальные люди, которые не распространяются о своей сексуальности, ведут закрытую жизнь.

Теоретические подходы к изучению телесности

Социальное тело. Для западной традиции мысли характерно фундаментальное противопоставление тела и разума, происходящее из картезианской философии и во многом обуславливающее как клинический подход к человеческому телу, так и повседневные представления о нем (Heavey 2015; Scheper-Hughes, Lock 1987). Этому дуализму противостоит феноменологическая традиция, которая осмысляет тело как условие бытия личности, определяющее восприятие мира (Мерло-Понти 1999). Антропологическая традиция изучения тела как культурно обусловленного начинается с М. Мосса, предложившего понятие “техники тела”, под которым он подразумевал способы “пользоваться” своим телом, характерные для той или иной культуры (Мосс 1996). М. Дуглас рассматривала тело как символ, источник метафор, а также разделяла физическое и социальное тела: социальное тело определяет способы восприятия физического тела, а социальные категории модифицируют его физический опыт (Douglas 1970). Н. Шейпер-Хьюз и М. Лок развивают концепцию социального тела М. Дуглас, они пишут о том, как социальное истолкование тела подкрепляет представления об обществе и отношениях внутри него (Scheper-Hughes, Lock 1987). В результате развития постструктуралистской мысли тело стало пониматься как продукт определенных знаний и дискурсов, которые могут меняться, поэтому тело – это всегда незавершенный проект (Lupton 2012 [2003]).

Женское и мужское тела. Представления о “естественных” различиях между мужчинами и женщинами глубоко укоренены в культуре. Повседневное знание предполагает, что гендерные различия проистекают из того, что женские и мужские тела отличны друг от друга в репродуктивном плане. Однако социальные исследователи считают, что наделение значениями происходит в обратном направлении: структура социальных отношений переводит телесные отличия в социальные процессы (Connell 2002). Иначе говоря, наши представления о “естественных”, “природных” различиях мужских и женских тел – культурный конструкт: это не мужское тело наделяет человека маскулинностью, а, наоборот, тело получает маскулинность как социальное определение (Connell 1987). Дж. Батлер рассматривает мужское и женское тела как продукты дисциплинарных практик, которые и производят различия (Здравомыслова, Темкина 2015; Butler 1990). Гендер, сформированный культурой, определяет телесные практики, а также способы самоощущения и чувствования.

Негетеросексуальное тело³. Исторически изучение сексуальной инаковости (негетеросексуальности) началось с медицинского рассматривания тела. Это связано с нарастающей медиализацией сексуальности, начавшейся со второй половины XVII в. Именно медиализация негетеросексуальных практик приводит к возникновению гомосексуального субъекта и самого понятия гомосексуальности (Фуко 1996). Термин “гомосексуальность” был предложен в 1869 г. австро-венгерским публицистом и врачом Кароли Марией Бенкертом (Корбен 2014, Pickett 2021). Со второй половины XIX в. изучаются не только тела людей, практикующих негетеросексуальные контакты, но и их рассказы о чувствах. Негетеросексуальность превращается из порока, приводящего к физическому уродству, в психическую болезнь (Кон 2006; Фуко 1996). Развитие сексологии, появление общественных защитников в лице экспертов способствует рутинизации негетеросексуальных практик (Мюшембле 2021). Пионеры сексологии, например, Карл Ульрихс, Рихард фон Крафт-Эбинг, Магнус Хиршфельд, апеллировали к врожденности гомосексуальности, предполагая для нее различные

биологические причины, коренящиеся в теле (Walters 2014). С 1970-х годов бурно развивается освободительное гей-движение, и сексуальное предпочтение конструируется уже как политическая идентичность, тесно связанная с личной, вопросы тела и происхождения гомосексуального влечения отходят на второй план (Lupton 2012 [2003]; Walters 2014). Однако уже в 1980-е годы начинается эпидемия ВИЧ-инфекции, негетеросексуальное тело снова становится объектом медицинского внимания и патологизируется в медицинских текстах и медиа, а ВИЧ и СПИД называют “гей-чумой” (Lupton 2012 [2003]). Со второй половины XX в. ведутся социобиологические исследования, ставящие своей целью выяснить причины гомосексуальности человека (обзор подобных работ см.: Кон 2006; Walters 2014). С. Уолтерс обращает внимание на то, что они преимущественно посвящены мужской гомосексуальности, их гипотезы имплицитно содержат множество культурных предположений и гендерных стереотипов (Walters 2014). Генетическое обоснование ищут всегда для гомосексуального поведения, но не для гетеросексуального, что одновременно свидетельствует о господствующем взгляде на гетеросексуальность как “натурализованную” норму и способствует его утверждению. Тем не менее “социобиология становится здравым смыслом” (Lancaster 2003: 12), а биологическое объяснение гомосексуальности оказывается самым распространенным обоснованием правозащитной риторики.

Способы “чтения” тела. Если любое тело представляет собой социальный “текст” (Lupton 2012 [2003]: 25), значит можно концептуализировать навыки его “чтения” и “систему знаков”. Формулируя концепцию уликовой парадигмы, К. Гинзбург описывает методы Джованни Моррели, который по мелким деталям (напр., форме уха) отличал поддельные картины от оригиналов, Шерлока Холмса, раскрывавшего преступления с помощью незаметных улик, и Зигмунда Фрейда, который искал в скрытых слоях человеческой психики определенные симптомы (Гинзбург 2004). К. Гинзбург усматривает во всех трех случаях модель медицинской симптоматологии – дисциплины, позволяющей диагностировать болезни, недоступные для прямого наблюдения, с помощью неочевидных примет. Именно такой, “детективный”, подход и предполагает предложенная им уликовая парадигма – эпистемологическая модель, построенная на дешифровке “непрозрачной” реальности с помощью примет или улик (Там же: 224). К. Гинзбург называет этот метод “ретроспективным пророчеством”, поскольку это путь от следствия к причинам, а не наоборот (Там же: 216).

Чтобы найти в своем теле какие бы то ни было симптомы или признаки, нужно иметь навык особого внимания и распознавания. О таком культурном умении пишет Т. Чордаш, предлагая понятие “соматические режимы внимания”, под которым понимает выработанные культурой способы обращения к собственному телу и телам других (Csordas 1993). Для него важно феноменологическое понимание восприятия и чувственного опыта: речь идет не об абстрактных телах, а о воплощенном существовании в мире, конкретном положении тела, его определенном состоянии.

Говоря о поиске улик и выработке особого соматического режима внимания в контексте биографических нарративов, нужно сказать и о специфике построения таких текстов. Во-первых, они стремятся к связности, целостности и непрерывности: рассказчик представляет свою жизнь таким образом, что события вытекают одно из другого, переплетаются причинно-следственными связями (Linde 1993). Во-вторых, рассказчик, объясняя актуальную концепцию себя, склонен реинтерпретировать события прошлого, давая им оценку с уче-

том своей нынешней позиции (*Рождественская* 2013). Таким образом, в негетеросексуальных биографических нарративах улики негетеросексуальности⁴, обнаруженные в прошлом сейчас, когда рассказчик уже сформировал свою сексуальную идентичность, могут обеспечивать когерентность нарратива, но для того чтобы уметь находить такие улики в своем теле, необходимо освоить определенный режим внимания.

Язык описания тела и гендерные различия

Прежде всего я бы хотела сосредоточиться на фигурах речи и терминологическом аппарате, которые использовали мои информанты для репрезентации собственной телесности, а также на гендерных различиях в выборе языка описания.

Рассказчики использовали в речи телесные метафоры и другие тропы. Так, информант описывает себя: “Я гомосексуал от пяток до кончиков волос” (гомосексуальный мужчина, 1985 г.р.). Метонимический образ тела, представленный здесь, усиливает цельность его сексуальной идентичности, подчеркивает ее слитность с телом рассказчика. Информантка (ее идентичность и возраст неизвестны) рассуждает о гомосексуальных людях, встреченных ей на сайтах знакомств: “Большинство из них такие же, как я – трясущиеся люди, которые изъедают себя изнутри своим естеством, рвущимся наружу”. Гомосексуальность описывается здесь с помощью метафоры естества, природного свойства, которое лоцируется внутри тела, доставляет страдания и стремится вовне. В этом образе присутствуют также телесное напряжение, дрожь, страх, отражающие стигматизированность гомосексуального тела.

Свое гомосексуальное влечение информанты описывали через синекдохи, обращаясь к микроуровню строения тела: клетки, гормоны. Так, информант говорит о стремлении найти сексуального партнера следующим образом: “Естественно, гормоны брали свое” (гомосексуальный мужчина, 1974 г.р.). Он эксплицитно подчеркивает “естественность” с помощью вводного слова, а также через описание своего влечения через метонимический образ гормонов, которые выступают в данном случае агентами действия, подталкивая рассказчика к тем или иным поступкам. Другой информант так рассказывает о своей встрече с юношей: “Выброс гормонов, ножки подкашиваются, настроение приподнято. Я почувствовал влечение, желание мужского тела” (гомосексуальный мужчина, 1992 г.р.). Переживание сексуального возбуждения, эйфории от свидания рассказчик передает с помощью описания разных телесных ощущений, в том числе через образ гормонов. С помощью подобных телесных, даже биологизаторских тропов создается представление о негетеросексуальности как об укорененном в теле состоянии, о сущностной характеристике этого тела, происходит своего рода натурализация гомосексуального влечения. Кроме того, рассказчики использовали безличные конструкции для описания своего сексуального влечения, изображая его независимость от их воли (примеры и анализ этого приема будут приведены в следующем параграфе).

Мужчины и женщины выбирали разные стратегии нарративизации телесности, причем этот выбор был по-разному организован в интервью и в письменных автобиографиях. В разговоре со мной женщины делились откровенными деталями, такими как опыт мастурбации или вагинизм (мышечный спазм, препятствующий вагинальному проникновению), а в письменных автобиографиях были гораздо сдержаннее. Мужчины же, наоборот, в письменных текстах были

значительно откровеннее, чем в интервью. Авторы письменных автобиографий, создавая свой текст анонимно и наедине с самими собой, были свободнее, на их выбор в меньшей степени влияли необходимость держать лицо перед интервьюером и социальная приемлемость тех или иных слов. В то же время культурные нормы и образцы диктовали участникам конкурса, в каких терминах и образах писать о своей сексуальности. Несмотря на анонимность участия, конкурс все же предполагал публичную репрезентацию себя, пусть и без называния имени, в то время как доверительная беседа с интервьюером была интимной (конечно, если удавалось установить доверие). Сложная комбинация контекста порождения нарратива, коммуникативных задач рассказчика, гендеров нарратора и собеседника определяют выбор тем и средств описания для разговора о собственной сексуальности и телесности. Далее в этом параграфе, чтобы нивелировать фактор моего влияния на выбор стратегий описания тела, сделанный моими информантами, я сосредоточусь на языке письменных автобиографий.

Письменные мужские тексты насыщены откровенными физиологическими деталями, в числе которых – описание реакций тела, его органов и субстанций, названия различных сексуальных практик. Так, мужчины пишут о своих и чужих гениталиях (слово “член” является частотным в данном контексте), обсуждают их размер (“большой”, “маленький”, иногда размер указывается в сантиметрах в качестве комплиментарного эпитета для партнера), форму (“напоминает сардельку”) и состояние (используются слова “эрекция”, “стояк”, “сперма”, описывается эякуляция). Они упоминают названия различных сексуальных практик (“минет”, “оральный или анальный секс”), пишут об опыте мастурбации (помимо “мастурбации” используются слова “дрочить”, “дрочка”).

Мужская сексуальная биография в целом строится вокруг событий, связанных с телесными проявлениями собственной сексуальности. Обобщенный сценарий включает в себя первую эрекцию, первый опыт мастурбации, первые сексуальные эксперименты (иногда значимым оказывается дебют в определенной сексуальной роли или практике). Так, одна из автобиографий, которая будет цитироваться далее, начинается с эпизода коллективного просмотра порнофильма и первой эрекции. Далее следовал первый опыт мастурбации, описание фимоза, который, как позднее выяснилось, был у информанта, затем первый неудовлетворительный секс. Затем автор рассказывает об опыте гетеросексуальных отношений, о первой влюбленности в юношу, о попытке самоубийства из-за неразделенной любви, о последовавшем за ней каминг-ауте перед родителями и моменте окончательного принятия собственной идентичности. Остальные события в его жизни описаны вскользь. Таким образом, его биографический нарратив не сводится исключительно к говорению о телесности, однако эпизоды, в которых центральным было тело, занимают важное место, оказываются истоком его жизненной истории.

Анализируя мужскую гомосексуальную порнографию, Р. Дайер приходит к выводу, что мужская сексуальность преимущественно репрезентируется через ее визуальные проявления (Dyer 1985). Он говорит, что мужчины, описывая собственную эрекцию, редко акцентируют внимание на своих ощущениях, вместо этого фокусируясь на том, как выглядят их гениталии. И гомосексуальная, и гетеросексуальная порнография также акцентирует внимание на визуальном образе мужского оргазма, всегда демонстрируя семяизвержение как кульминацию действия, – таким образом порноиндустрия (вос)производит конструкцию мужской сексуальности. То же самое можно сказать и о мужских биографиче-

ских нарративах, которые вобрали в себя доминирующие формы репрезентации мужской сексуальности.

Женские письменные истории не так богаты эротическими и физиологическими подробностями. В нашей культуре отсутствуют устойчивые визуальные образы или нарративные структуры, передающие женское сексуальное удовольствие или возбуждение, – вероятно, поэтому рассказчицы избегали говорить подробно о телесных аспектах их сексуальности. В текстах не присутствует какое-либо описание или упоминание гениталий – нет ни их прямого названия (терминов или жаргонизмов), ни косвенных указаний, эвфемизмов или намеков. Мастурбация не встречается ни в одной письменной женской автобиографии. Чаще описывается переживание сексуального влечения и возбуждения (само слово “возбуждение” мужчины и женщины используют с одинаковой частотой), а непосредственное сексуальное взаимодействие упоминается в основном вскользь, без названия конкретных практик, через фигуры речи и умолчания. Так, информантка говорит о своем первом сексуальном опыте следующим образом: “Страсть, копившаяся годами внутри нас, выходила наружу в виде страстных поцелуев, ночных объятий и, в конце концов, мы перешагнули порог этих детских невинных отношений” (негетеросексуальная женщина, 1998 г.р.). Даже в тех женских автобиографиях, которые тяготеют к большей откровенности, конкретика опущена: “Она всецело отдала мне свое тело на исследование и стимуляцию эрогенных зон, потом она кончила и заснула” (бисексуальная женщина, 1988 г.р.). Несмотря на то, что рассказчица прямо говорит об оргазме (что само по себе редкость для женских историй), о каких именно сексуальных практиках идет речь, мы не узнаем из текста. Исключение составляет поцелуй, оказавшийся центральным для женского эротического опыта в биографических нарративах: женщины рассказывают о поцелуях гораздо чаще мужчин. Так, в одном тексте, написанном женщиной, слова “поцелуй”, “целовать” и их производные использованы 22 раза, но это экстремум, резко выделяющийся на фоне остальных. Многие мужчины тоже упоминают поцелуи, однако частотность их упоминания в рамках одного текста ниже. В сравнении с другими сексуализированными практиками поцелуй сам по себе лишен чрезмерной эротической окраски и гораздо более приемлем для публичной демонстрации с точки зрения социальных норм.

Таким образом, женская стратегия нарративизации телесности предполагает образность и умолчания вместо конкретных описаний практик и визуальных образов, женская сексуальность и телесность представлены в нарративах диффузными, отодвинутыми на второй план повествования.

Телесные признаки негетеросексуальности

Большинство информантов связывают появление у себя гомосексуального влечения с началом полового созревания. При этом интересно отметить, как эта связь риторически оформляется. Например, информантка говорит: “Всегда знала (о том, что нравятся девочки. – П.К.), лет с 13, с начала полового созревания” (гомосексуальная женщина, 1973 г.р.). “Всегда” быть гомосексуальной в ее речи соответствует обнаружению у себя влечения к девочкам в раннем подростковом возрасте, который является периодом социально ожидаемого пробуждения сексуальности. В целом можно говорить о том, что сама по себе связь между возникновением гомосексуального влечения и началом полового созревания имплицитно содержит в себе биологизаторское объяснение сексуальной

ориентации. Иными словами, гомо- или бисексуальность проявляется в ходе “естественного” физиологического развития подростка и обретения им осознанной сексуальности. В такой эссенциалистской перспективе рассказчик, еще не осознав свою сексуальность, не догадываясь о ней, уже имеет гомо- или бисексуальное тело, подающее своему обладателю сигналы, которые тот должен вовремя заметить и верно проинтерпретировать. Очевидно, что к таким сигналам относится замеченный сексуальный интерес к представителям своего пола, сопровождаемый различными физиологическими реакциями.

В нарративах по-разному фигурируют описания сексуального интереса, влечения, возбуждения, с которыми рассказчик сталкивается и которые вынужден каким-то образом интерпретировать, встраивать в собственные представления о себе и своем теле. Так, рассказчица пишет о появлении влечения к девочкам в возрасте 12 лет, подчеркивая его физиологичность, бессознательный характер, неконтролируемость: “К девочкам меня начало тянуть еще лет в 12, была такая физическая тяга к нежным прикосновениям подруг, хотелось контакта, поцелуев” (бисексуальная женщина, 1988 г.р.). Безличные формы глаголов подчеркивают неподконтрольность этих желаний: “не хотела”, а “хотелось”, не “тянулась”, а “начало тянуть”. Эта “тяга”, о которой говорит информантка, описывается как независимая от ее воли, как некая внешняя сила по отношению к ней самой.

Другая информантка в интервью рассказывала о своих телесных ощущениях в подростковом возрасте, вызванных прикосновениями других девушек, таким образом: “У меня были моменты, когда ко мне прикасалась девушка определенная, у меня электричество по телу шло. У меня было сексуальное возбуждение, наверное, какая-то эмоциональная вовлеченность. Хотя девочка не подозревала и ничего не имела в виду” (гомосексуальная женщина, 1978 г.р.). Сексуальное возбуждение здесь сравнивается с электричеством, неким процессом, который происходил в теле рассказчицы сам по себе и который она сама могла только засвидетельствовать, но не контролировать, поскольку не вполне осознавала его природу. В этой цитате важно также и то, что оценка реакции на прикосновения как сексуального возбуждения произошла позже. Рассказчица только подозревает, что в тот момент имело место гомосексуальное влечение.

Другой автор письменной автобиографии, делаясь своими ранними детскими воспоминаниями, описывает, какое впечатление на него произвел прошедший мимо молодой мужчина, подмигнувший ему:

Вы с интересом наблюдаете за ним. И замечаете, как он вам подмигивает. Просто так, по-доброму и легко, продолжая общаться со своими единомышленниками. В этот момент, внутри вас просыпается вулкан. Тепло которого ощущается в каждой клетке вашего тела. Но вы ребенок. Вы не знаете, что это такое. Что с этим делать, опасно ли это. Сказать ли об этом маме? Миллион мыслей, которые раньше никогда не приходили вам в голову. Новые ощущения на физическом уровне, которое до этого вы не испытывали (гомосексуальный мужчина, ок. 1993 г.р.).

В этой цитате случайная встреча, по словам рассказчика, порождает как новые мысли, эмоции, так и неизвестные, еще непонятные ребенку телесные ощущения. Теперь же, в момент порождения нарратива, будучи взрослым и идентифицируя себя как гея, рассказчик оценивает эти переживания как первые проявления своей гомосексуальности. Сексуальность имплицитно сравнивается с просыпающимся вулканом, некой стихией, которая до какого-то момента “спала”, но определенный стимул “разбудил” ее. Таким образом, (гомо)сексуальность оказывается внутренне присущей, имманентной, не развивающейся

под влиянием каких бы то ни было факторов, а скрывающейся внутри и в определенный момент обнаруживающей себя. Причем эта стихия захватывает все тело целиком: рассказчик подчеркивает это, используя синекдоху и говоря о “каждой клетке”, испытывающей это ощущение.

Описание физических признаков, подтверждающих наличие имманентного гомосексуального влечения, оказывается составной частью той нарративной стратегии, которая стремится реконструировать развитие сексуальности, представив его как связный, последовательный процесс. Наблюдение за своим телом тесно связано с процессом формирования сексуальной идентичности. При этом тело в рассказах оказывается агентным, оно проявляет себя как самостоятельный актер: посылает сигналы, требует желаемого, с ним приходится бороться или принимать и так далее. В то же время сам биографический субъект является пассивным наблюдателем, который фиксирует свои ощущения, пытается дать им оценку, но не управляет своими реакциями. Для того чтобы распознать сигналы тела, свидетельствующие о гомосексуальном влечении, необходимо обладать некоторой культурной компетенцией, уметь обращать внимание на те или иные ощущения. Чтобы заметить в себе тягу к людям того же гендера, нужно иметь какое-то представление о сексуальном влечении как таковом, а также быть внимательным к собственным импульсам и реакциям, умея при этом различать, какие из них носят сексуальную окраску. В этом смысле в цитируемой выше биографии у мальчика еще отсутствует необходимый соматический режим внимания, а взрослый рассказчик уже овладел им и приписывает себе-ребенку гомоэротические переживания. Кроме того, в случае негетеросексуальности доминирующая культура не предоставляет доступных образцов, с которыми можно было бы сравнивать свой опыт. Соответственно, выработка такого особого соматического режима внимания к своему телу осложняется и занимает больше времени.

Отсутствие гетеросексуального влечения как улика

В случае гомосексуальных биографий значимую роль в нарративном построении играют не только положительные признаки гомосексуального влечения (указывающие на его наличие), но и отрицательные, которые подтверждают отсутствие гетеросексуального влечения. Иначе говоря, негетеросексуальной уликой может быть как наличие определенных особенностей, так и отсутствие ожидаемых гетеронормативных знаков. Одним из самых распространенных элементов повествования такого рода является подчеркнутое отсутствие какой-либо заинтересованности в романтических или эротических отношениях с противоположным полом. Так, рассказчица акцентирует внимание на своем безразличии к отношениям с молодым человеком в юности: “Дима... предложил встречаться. Я согласилась, но предприятие это не продлилось и недели, потому что мне было настолько не интересно, что притворяться не было смысла” (гомосексуальная женщина, 1986 г.р.).

На телесном уровне это выражается в отсутствии физиологической реакции на типичные гетеросексуальные стимулы, включая физический контакт с людьми или мысли о его возможности, эротическую и порнографическую продукцию. Чаще всего речь идет о ранней юности, когда информанты и авторы собственных биографий впервые замечали свою негетеросексуальность. Ориентируясь на предложенный культурой сценарий, рассказчики имплицитно, а иногда и эксплицитно предполагают, что “обычный”, гетеросексуальный

подросток хочет вступать в сексуальные и романтические отношения с противоположным полом, испытывает повышенный эмоциональный интерес и сексуальное возбуждение, видя обнаженные тела людей другого пола, и подчеркивают, что сами не ощущали ничего подобного. Автор одной из письменных автобиографий описывает, как в 11 лет они с друзьями собрались посмотреть найденный у родителей порнографический фильм. Рассказчик отмечает, что сексуальное взаимодействие между мужчиной и женщиной не вызвало никакой реакции: “Зажегся экран телевизора и на затертой, переписанной не один раз записи, появляется первое в моей жизни порно. <...> А вот спустя минут 20 просмотра я потерял интерес даже к сюжету” (гомосексуальный мужчина, 1984 г.р.). Используя усилительную частицу (“даже”), он подчеркивает полное безразличие. Это безразличие проявляется не только на уровне эмоциональной вовлеченности, но и физиологически: в то время как у его ровесников при просмотре записи появилась эрекция, герой биографии испытывал другие ощущения: “И стал изучать поведение и реакцию тех, кто был со мной в комнате. И... патетическая пауза... я наблюдаю у всех троих оттопыривающиеся шорты. Физиологию происходящего я уже знал в том возрасте, но интереса не было. И вот он, тот первый звоночек. У всех уже эрекция, а у меня встал, только когда я смотрел на них” (гомосексуальный мужчина, 1984 г.р.).

Возбуждение при виде чужой эрекции оказывается для автора первым и самым выразительным признаком собственной гомосексуальности, уликой или, как он сам выразился, “звоночком”. Здесь важно, во-первых, визуальное проявление мужской сексуальности: сексуальное возбуждение (и у биографического субъекта, и у окружающих его персонажей) находит явное воплощение в эрекции. Информант не знает, какие чувства переживали в тот момент его товарищи, но делает выводы, опираясь на увиденное. На том же основании он заключает и о собственном возбуждении: он почти не говорит о своих ощущениях (помимо отсутствия интереса к тому, что происходило на экране), но довольно механически соотносит момент эрекции с тем, куда был направлен его взгляд. Его телесная реакция, эрекция, ярко проявляющая себя визуально, оказывается лакмусовой бумажкой в этом эмпирическом исследовании себя. Во-вторых, рассказчик имеет возможность сравнить себя не только с воображаемой нормой, но и с конкретными людьми: в этой комнате он оказывается в меньшинстве, противопоставлен всем остальным. Информант завершает этот эпизод своей биографии следующими словами: “Дальнейшие события того дня не имеют никакого значения, так что можно их опустить. Это всего лишь констатация первой на моей памяти эрекции. Все это лишь анализ моих воспоминаний”. Рассказчик признает, что это не просто воспоминание о прошлом, это анализ воспоминаний. Выводы о значении тех телесных признаков, которые он обнаружил в своем прошлом, были сделаны позже.

Другой автор демонстрирует безразличие к женской наготы, используя сравнение обнаженного женского тела с научными схемами: “...изображения (обнаженной женщины. – П.К.) не вызвали у меня ровным счетом никаких эмоций, как если бы я рассматривал в учебнике по химии строение молекулы водорода. Абсолютное эмоциональное равнодушие: да, мне было любопытно, как устроена физиология человека, но исключительно с научной точки зрения” (гомосексуальный мужчина, 1991 г.р.). Рассказчик отрицает и эмоциональное, и физиологическое возбуждение при виде женской наготы в своем опыте: она не могла вызвать эротические ощущения в нем, как не мог это сделать учебник по химии.

В некоторых нарративах важное место занимает сравнение чувств, вызываемых гетеросексуальными и гомосексуальными контактами. Рассказчики отмечают, что их тело ярче, сильнее реагирует на взаимодействия с людьми своего пола. Информантка описывала свое недоумение по этому поводу так: “Просто не могла понять, почему у меня так реагируется на девочек, а на мальчиков вообще такого нету” (гомосексуальная женщина, 1978 г.р.). Здесь снова используется безличная конструкция, а также авторский неологизм “реагироваться”. Этот неологизм интересен тем, как он трансформирует значение слова “реагировать” (откликаться, отвечать на какое-то внешнее воздействие) во что-то независимое, отдельное по отношению к субъекту действия: сама реакция оказывается внешней силой, не зависящей от рассказчицы: не “я реагирую”, а “у меня реагируется”. Гомосексуальное влечение снова описывается как бессознательное, укорененное в теле.

Другая рассказчица пишет о разнице между поцелуем с мужчиной и с женщиной: “Меня убило в нирвану. <...> От макушки до поясницы тело пронизывали волны блаженства и возбуждения, тело стало воздушным, а ноги ватными. Счастье длилось секунд 30-40. Ничего подобного с парнями я не испытывала. Там целоваться было, как руку пожимать: по-братски или как Брежнев-Хонеккер. А еще женские губы мягкие и податливые, мужские жестче и больше диктуют, чем уступают” (гомосексуальная женщина, около 1978 г.р.). Здесь, как и в цитируемых ранее нарративах, присутствует сравнение гетеросексуального взаимодействия с чем-то по определению асексуальным (как рукопожатие), возможно, даже отталкивающим⁵. Кроме того, рассказчица делает наблюдение относительно отношений власти в мужском и женском взаимодействии, хотя в женском взаимодействии, как она его описывает, отношения власти остаются. Женские губы называются податливыми, что дает возможность субъекту повествования занимать активную, властную позицию.

В женских нарративах встречается описание отвращения, которое вызывают сексуализированные взаимодействия с мужчинами (поцелуи, прикосновения, признания в любви). Там, где в мужских историях фигурирует просто отсутствие влечения, в женских иногда появляются сильные негативные эмоции, сопровождающиеся физическим отторжением. Тексты насыщены эпитетами, которые выражают соответствующие чувства: “противно”, “ощущала себя оскорбленной, разозленной и униженной”. Это отвращение иногда подается рассказчицами как неосознанная телесная реакция, не поддающаяся контролю и поначалу не находящая объяснения. Так, информантка описывает свои гетеросексуальные отношения в юности следующим образом: “Мне нравились мальчики, и я встречалась с некоторыми, был один нюанс, который не нравился никому и вызывал подозрения у всех моих бывших и у самой себя – мне было противно целоваться с ними, одна мысль о том, что кто-то засунет мне в рот свой язык, уже вызывала панику, поэтому все мои недоотношения продлились недолго” (негетеросексуальная женщина, 1996 г.р.). В этой цитате информантка акцентирует внимание на физиологических деталях поцелуя, подчеркивая таким образом свое физическое отвращение, а гетеросексуальные отношения называет “недоотношениями”, не признавая их настоящими. Любопытно, как она оговаривает, что ее отвращение стало поводом для подозрения, уликой не только для нее самой, но и для ее гетеросексуальных партнеров. Они оказываются свидетелями, способными подтвердить ее инаковость.

Другая рассказчица описывает разнообразие своих чувств, вызванных даже не физическим контактом, а просто выражением симпатии со стороны юношей:

Я ненавидела, когда мне признавались в чувствах мальчишки. Я ощущала себя оскорбленной, разозленной и униженной. Мне хотелось никогда больше не видеть этого мальчишки. Мне хотелось сказать ему – “уйди подальше и никогда не напоминай мне о своем существовании”, а самой спрятаться под одеяло и плакать. Это, правда, странная реакция. Я воспринимала мальчишек как глупых, неинтересных, некрасивых, и мне было противно их внимание (гомосексуальная женщина, около 1993 г.р.).

Чувство униженности и отвращения, которые описывает информантка, можно интерпретировать как то, что любой интерес к ней со стороны мальчишек она воспринимала как имеющий сексуальный подтекст, а потому в ее реакции активно участвует тело.

Возможно, такое различие в реконструкции опыта и самопрезентации также связано с агентностью разного типа у мужчин и женщин. Мужская гетеросексуальность мыслится активной, и поэтому отсутствие интереса оказывается достаточным для негетеросексуального рассказчика-мужчины, чтобы продемонстрировать свою инаковость. Женская гетеросексуальность мыслится более пассивной и уступительной, поэтому принятие ее означает уступку активным действиям мужчины, которые в гомосексуальном нарративе будут интерпретироваться как назойливые или вызывающие отвращение.

Специфически мужской является дискурсивная стратегия, включающая описание физической неспособности вступить в сексуальный акт с женщиной или получить от этого действия удовольствие или удовлетворение. Рассказчики иногда подчеркивают, что виной всему их собственная физиологическая реакция: по их словам, сами они хотели бы заняться сексом с партнершами, которые действительно их привлекали, но их тело было не приспособлено к этому, не отвечало на гетеросексуальные стимулы. В рамках этой дискурсивной стратегии снова возникает особая агентность тела: оно как будто обладает собственными намерениями и не поддается социальному влиянию, требующему гетеросексуального поведения. Подобные описания включают в себя чувство стыда, страха быть осмеянным, не состоять как мужчина, а, соответственно, в них имплицитно проявляются нормы маскулинности, которым рассказчикам не удалось соответствовать, и связанная с этим стигма. Так, информант рассказывает, что получал удовольствие от платонических отношений с девушкой, но сексуального интереса к ней не испытывал: “Оказавшись наедине, я немного опешил. Общение и флирт давались легко и приносили удовольствие, но физического притяжения не было. Все завершилось симуляцией оргазма с моей стороны. Да, я не оговорился, стремился скорее все прекратить. Близки мы больше не были” (гомосексуальный мужчина, 1992 г.р.). Рассказчик подчеркивает, что был вынужден изобразить оргазм перед своей партнершей. Нормы маскулинности и мужской сексуальности не позволили ему остановить процесс, требуя от него кульминации в виде достижения оргазма (Dyer 1985). Причем удовольствие партнерши вообще не фигурирует в тексте, читатель не знает ничего о том, достигла ли она оргазма и как она сама оценивала этот сексуальный опыт. Она выступает здесь исключительно в роли биографического помощника, который невольно способствует осознанию биографическим субъектом своей сексуальности. Интересно также, что имитация оргазма, по мнению рассказчика, требует особой оговорки, пояснения, – вероятно, потому, что воспринимается как типично женский сценарий поведения, странный в мужском нарративе.

Еще один информант рассказывает о своем стремлении получить социальное одобрение и престиж, вступив в сексуальные отношения с привлекательной, популярной девушкой: “Девушка не возбуждала меня, но само осознава-

ние факта, что переспать с ней мечтали все парни на факультете и половина преподавателей, а она выбрала именно меня, невероятно льстило самолюбию. Когда мы гуляли по городу под ручку, машины не переставали ей сигналить. Наша первая и единственная ночь была ужасной” (гомосексуальный мужчина, около 1973 г.р.). Рассказчик противопоставляет тот эффект, который производила внешность девушки на всех мужчин вокруг, и отсутствие возбуждения у него самого, завершившееся неудачным сексуальным опытом. Его первоначальная цель – поднять свой социальный статус посредством сексуального контакта – не была достигнута, вместо этого он испытал стыд и разочарование. Здесь видна логика достижения: сексуальный опыт (особенно с привлекательной женщиной) воспринимается как социально приемлемый способ утвердить себя (Ваньке 2018).

Другой рассказчик описывает сексуальный опыт с девушкой как настойчивый поиск в себе гетеросексуального влечения, происходящий вопреки собственной телесной реакции:

Со стороны, наверное, это выглядело смешно – я то и дело отводил ее руки от лица, ее губы от своих губ, выбирался из-под ее тела, чтобы выскользнуть из кровати, и старательно тянул время, чтобы подольше не возвращаться в кровать. Одновременно все эти минуты я спрашивал себя внутри, испытываю ли я сексуальное влечение к ней, и всякий раз ответ отправлял меня в нокаут: нет! Я сильно старался, изображая страстного любовника, но во мне ничего не шевелилось к Лене. В итоге я собрал силу воли и ушел домой (гомосексуальный мужчина, 1982 г.р.).

Информант говорит об этом процессе так, как будто он принуждает себя к сексу с женщиной, но в то же время пытается его избежать. Он также подчеркивает имитационный характер своей деятельности, стремление разыграть сценарий идеальной маскулинности, роль “страстного любовника”. Тем не менее его попытки не увенчались успехом, и для того чтобы прервать это действие, как он пишет, ему потребовались усилия. Соответственно, те нормы, которые принудили протитированного выше информанта имитировать оргазм, оказывали давление и на него.

Иногда мужчины говорят о том, что намеренно искали возможности проверить, способны ли они на секс с женщинами. Замечая у себя гомосексуальное влечение, они нуждаются в некоем подтверждении, эмпирическом доказательстве. Это можно обозначить как дискурсивную стратегию тестирования и подтверждения подозрений: “Вечно так продолжаться не могло, и в 18 лет я отчетливо понял, что тянуть с определением своей ориентации больше нельзя: я решил устроить себе единственно возможную проверку – оказаться в одной постели с девушкой” (гомосексуальный мужчина, 1991 г.р.). Этот информант рассказывает далее, как решил во время поездки за границу воспользоваться услугами секс-работницы. Однако этот опыт оказался неудачным, и затем, по возвращении в Россию, как он пишет, “настало время принимать себя”, т.е. в этот момент он определил свою сексуальную ориентацию, идентичность.

В качестве объяснения своей неудачи рассказчики приводят только собственную гомосексуальность. Никакие другие факторы, которые могли бы оказать влияние, не появляются в рассказе. Мы мало знаем о том, как реагировала партнерша на происходящее, что говорила или делала. При этом неудачный первый сексуальный опыт может совершенно иначе монтироваться в гетеросексуальной биографии, где вина может возлагаться на нечуткую или чрезмерно пассивную партнершу, или в асексуальной биографии, где неудача будет связы-

ваться с отсутствием сексуального интереса вообще. Соответственно, важным оказывается не мотив сам по себе, а его функция в биографическом нарративе.

* * *

Итак, гомосексуальное и бисексуальное тела в биографических нарративах предстают иными, отличающимися от нормативного, гетеросексуального. Рассказчики описывают процесс узнавания собственной сексуальности как обнаружение некоторых телесных знаков и их интерпретацию. К этим знакам относятся телесные реакции на какое-либо гомосексуальное взаимодействие и (в случае гомосексуальных рассказчиков) отсутствие реакции или негативная реакция на гетеросексуальное взаимодействие. Для того чтобы заметить эти признаки в себе и дать им верную трактовку, необходимо обладать соответствующими знаниями о сексуальности вообще и гомосексуальности в частности. Поскольку информанты описывают свое прошлое, все эти знания и оценки носят ретроспективный характер.

Неудачный или неудовлетворительный сексуальный опыт с женщиной и выявленная таким образом неспособность к гетеросексуальным отношениям фигурируют в мужских рассказах как показатели подлинной гомосексуальности. С точки зрения некоторых рассказчиков, сексуальная ориентация должна проверяться сексуальным опытом от противного. Иными словами, окончательное доказательство мужской гомосексуальности не в эротических фантазиях, наличии влечения к мужскому телу и даже не в успешном, удовлетворительном гомосексуальном опыте, а в невозможности (физической) заниматься сексом с представителем противоположного пола. При этом опыт с конкретной женщиной обобщается, становится опытом с любой женщиной вообще, теряет свою уникальность и контекст. Это распространенное представление подтверждает бинарную модель, в которой существуют только гомосексуальная и гетеросексуальная ориентации, а бисексуальность, как и континуальность, гибкость сексуальности, невозможна.

Однополое сексуальное влечение оказывается органической частью тела, иногда даже его основной особенностью. Природа этого тела такова, что его невозможно принуждать к гетеросексуальному поведению (или исключительно гетеросексуальному в случае, если речь идет о бисексуальности). Основным способом нарративизации негетеросексуального опыта оказывается его эссенциализация. Эту тенденцию замечал еще М. Фуко: «Гомосексуальность стала говорить о себе, отстаивать свою законность и свою “естественность”, и часто в тех же терминах, в тех же категориях, посредством которых она была дисквалифицирована медициной» (Фуко 1996: 202). Он комментирует это кажущееся противоречие следующим образом:

Дискурсы являются тактическими элементами или блоками в поле отношений силы; внутри одной и той же стратегии могут быть самые различные и даже противоречащие друг другу дискурсы; и, наоборот, они могут обращаться, не меняя своей формы, между противоположными стратегиями. <...> Их (дискурсы о сексуальности. – П.К.) следует расспрашивать на двух уровнях – на уровне их тактической продуктивности: какие реципрокные эффекты знания и власти они обеспечивают, и на уровне их стратегической интеграции: какое стечение обстоятельств и какое отношение силы делает их использование необходимым в таком-то и таком-то эпизоде происходящих столкновений (Там же 1996: 202–203).

Эссенциализация негетеросексуальности позволяет нормализовать ее с помощью аргументов из области естественнонаучного знания, которое остается более влиятельным, нежели социальные науки, не допускает разночтения и предлагает простое объяснение. В отличие от социально-конструктивистского подхода к сексуальности, предполагающего множественность и гибкость человеческой сексуальности и отсылающего к постструктуралистским концепциям, биологическое объяснение негетеросексуальности компактно и понятно неспециалисту. В этом смысле можно говорить о стратегическом эссенциализме (*Spivak* 1990), необходимом для противостояния гомофобной риторике о гей-пропаганде, распушенности или греховности⁶ (о проблематичности такой стратегии см.: *Walters* 2014). С тактической точки зрения, эссенциализация позволяет каждому негетеросексуальному рассказчику продемонстрировать устойчивость своей сексуальной идентичности и одновременно сделать свой биографический нарратив связным, цельным и последовательным, решив таким образом сразу несколько вопросов саморепрезентации.

Примечания

¹ В работе я использую термин “негетеросексуальные люди” как зонтичное понятие, включающее в себя гомосексуальных, бисексуальных, пансексуальных людей, а также тех, кто не определяет себя через сексуальность, но имеет гомосексуальный опыт. Отказ от навязывания чуждой идентичности был важен для меня как по этическим соображениям, так и потому, что я стремилась к точности описания и анализа. Среди моих информантов нет трансгендерных или небинарных людей, и термин “негетеросексуальные люди” подчеркивает фокус исследования на сексуальной, а не гендерной инаковости (в отличие от “квир”, например, который к тому же чужд или не знаком части информантов). В своем выборе терминологии я во многом следую за Ф. Стеллой (см.: *Stella* 2015). Подробнее о терминах и практиках самоидентификации моих информантов см.: *Кислицына* 2021.

² Схожая методология использовалась А. Роткирх, которая также собирала материал с помощью автобиографического конкурса (см.: *Роткирх* 2011).

³ Этот обзор включает исследования, выполненные в основном на европейском и американском материалах. О негетеросексуальной телесности в российском контексте, помимо указанной работы И.С. Кона (*Кон* 2006), см.: *Барчунова* 2010; *Нартова* 2008; *Омельченко* 2004.

⁴ О том, какие негетеросексуальные улики, помимо телесных, представляют в своих биографических нарративах негетеросексуальные люди, см.: *Кислицына* 2023.

⁵ Поцелуй Брежнева и Хонеккера был изображен Д. Врубелем на Берлинской стене в 1990 г.; его работа имеет два названия: “Господи, помоги мне выжить среди этой смертной любви” и “Братский поцелуй”. Эти названия, как и визуальный ряд, порождают массу интерпретаций, хотя сам художник, по всей видимости, не закладывал гомосексуальных коннотаций в свою работу. Рассказывая о том, как у него появилась идея граффити, он говорил об “омерзении” и “отвращении”, которое испытывал, увидев впервые фотографию поцелуя Брежнева и Хонеккера (см.: *Делимбетов* 2014). Тем не менее изображение иногда обыгрывается как гомоэротическое. Например, в Алматы гей-клуб создал рекламный постер с поцелуем Пушкина и Курмангазы, казахского народного музыканта, и этот постер был выполнен как оммаж работе Врубеля (см.: *Shoshanova* 2021).

⁶ Подробнее об изобретении этого дискурса и его влиянии на жизнь негетеросексуальных людей в России см.: *Соболева, Бахметьев* 2014; *Healey* 2018.

Источники и материалы

Гомосексуальность 2018 – Гомосексуальность в России: конкурс ваших историй // COLTA.RU. 10.07.2018. <https://tinyurl.com/ycufy2hp> (дата обращения: 18.11.2018).

Делимбетов 2014 – *Делимбетов О.* “Пограничники не пускали меня в Западный Берлин, но давали воду для рисования”: Дмитрий Врубель о Берлинской стене и “Братском поцелуе” // *Коммерсантъ*. 07.11.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2601591>

Научная литература

Барчунова Т., Парфенова О. SHIFT-F2: Интернет-фактор, массмедиа и интимное поведение молодых сибирячек // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2010. №. 3. С. 150–172.

Ваньке А. Мужские тела, сексуальности и субъективности // *Логос*. 2018. № 4. С. 85–108. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-4-85-105>

Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. М: Новое издательство, 2004. С. 189–141.

Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015.

Кислицына П. “Мы выходим из шкафа не единожды, а много-много раз”: каминг-аут, доверие и вариации открытости в биографиях российских негетеросексуальных людей // *Cahiers du Monde Russe*. 2021. Т. 62 (2–3). С. 307–332. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12465>

Кислицына П. Негетеросексуальные улики: расследование собственной сексуальности в биографических нарративах // *Антропологический форум*. 2023. № 56. С. 93–119. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119>

Кон И.С. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп. 2003.

Коннелл Р. Основные структуры: труд, власть, катексис // *Гендерная социология. Хрестоматия по курсу* / Ред. И.Н. Тартаковская. М.: Вариант, 2005. С. 287–319.

Корбен А. Тела встречаются // *История тела: В 3-х т. Т. 2, От Великой французской революции до Первой мировой войны* / Ред. А. Корбен, Ж.-Ж. Куртин, Ж. Вигарелло. М.: НЛЮ, 2014. С. 123–178.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, 1999.

Мосс М. Общества, Обмен, Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Наука, 1996. С. 242–263.

Мюшембле Р. Оргазм, или Любовные утехы на Западе. История наслаждения с XVI века до наших дней. М.: НЛЮ, 2021.

Нартова Н. Другое (ли) тело: производство лесбийского тела в лесбийском дискурсе // *В тени тела. Сборник статей и эссе* / Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008. С. 93–110.

Омельченко Е. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2004. № 2–3. С. 74–86.

- Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Роткирх А.* Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011.
- Рыклин М.* Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // Логос. 1994. № 5. С. 196–206.
- Соболева И., Бахметьев Я.* “Меня как будто вытолкали за ворота”: реакция ЛГБТ на запрет “пропаганды гомосексуализма” // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12 (2). С. 217–232.
- Соколовский С.В.* Множественное тело и мультимодальность смерти // Социология власти. 2019. № 2. С. 155–175. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-155-175>
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. N.Y.: Routledge, 1990.
- Connell R.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Connell R.* Gender. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers, 2002.
- Csordas Th.J.* Somatic Modes of Attention // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8 (2). P. 135–156. <https://doi.org/10.1525/can.1993.8.2.02a00010>
- Douglas M.* Natural Symbols: Explorations in Cosmology. L.: Routledge, 1970.
- Dyer R.* Male Gay Porn: Coming to Terms // Jump Cut. 1985. Vol. 30 (1). P. 27–29.
- Haraway D.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Routledge, 1991.
- Healey D.* Russian Homophobia from Stalin to Sochi. L.: Bloomsbury Publishing, 2018.
- Heavey E.* Narrative Bodies, Embodied Narratives // The Handbook of Narrative Analysis / Eds. A. De Fina, A. Georgakopoulou. Malden: Wiley Blackwell, 2015. P. 429–446.
- Lancaster R.N.* The Trouble with Nature: Sex in Science and Popular Culture. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Linde C.* Life Stories: The Creation of Coherence. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Lupton D.* Medicine as Culture: Illness, Disease and the Body. L: Sage, 2012 [2003].
- Mol A.* Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham: Duke University Press, 2002.
- Pickett B.* Homosexuality // The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive / Ed. E.N. Zalta. Spring 2021 Edition. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/homosexuality>
- Scheper-Hughes N., Lock M.M.* The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology // Medical Anthropology Quarterly. 1987. Vol. 1 (1). P. 6–41. <https://doi.org/10.1525/maq.1987.1.1.02a00020>
- Shoshanova S.* Queer Identity in the Contemporary Art of Kazakhstan // Central Asian Survey. 2021. Vol. 40 (1). P. 113–131.
- Spivak G.* Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / Eds. C. Nelson, L. Grossberg. Urbana: University of Illinois Press, 1990. P. 271–313.
- Stella F.* Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Turner B.* The Body and Society: Explorations in Social Theory. L.: Sage, 1984.

Walters S.D. *The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions Are Sabotaging Gay Equality*. N.Y.: New York University Press, 2014.

Research Article

Kislitsyna, P.A. **Embodiment in Biographical Narratives of Non-Heterosexuals [Telesnost' v biograficheskikh narrativakh neheteroseksual'nykh liudei].** *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119> EDN: CPSWWN ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Polina Kislitsyna | <https://orcid.org/0000-0003-1795-0259> | pkislitsyna@eu.spb.ru | independent researcher (St. Petersburg, Russia)

Keywords

gender, body, embodiment, homosexuality, bisexuality, sexuality, sexual identity, biographical narrative, narrative strategies

Abstract

The article examines the ways in which embodiment is narrativized in biographical stories of non-heterosexual people based on interview and written autobiographies. When talking about their experiences, non-heterosexuals searched for signs in their bodies and endowed them with dimensions of meaning. To conceptualize this search procedure, I use Ginzburg's evidence paradigm and Csordas's somatic modes of attention. The participants interpreted clues found in the body experience of the past as proof of one's non-heterosexuality. The search for such evidence requires a specific mode of attention to one's body and knowledge about (homo)sexuality. The article analyzes the language of description of the body, such as figures of speech and terms used by the participants, and traces gender differences in strategies for narrativizing the body. Essentialization is the most popular strategy of narrativization of non-heterosexual body. The participants talked about their sexuality in terms of "naturalness" and "innateness". Different levels of texts reflect this tendency. Essentialization is a way to normalize non-heterosexuality, permeate sexual identity, and make narratives coherent.

References

- Barchunova, T., and O. Parfenova. 2010. SHIFT-F2: Internet-faktor, massmedia i intimnoe povedenie molodykh sibiricheskikh zhenshchin [SHIFT-F2: The Factor of Internet, Mass-Media and Intimate Behaviour of Young Siberian Women]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 3: 150–172.
- Butler, J. 1990. *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Connell, R. 1987. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, R. 2002. *Gender*. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers.
- Connell, R. Osnovnye struktury: trud, vlast', kateksis [Basic Structures: Labour, Power, and Cathexis]. In *Gendernaia sotsiologiia. Khrestomatiia po kursu* [Sociology of Gender: An Anthology], edited by I.N. Tartakovskaia, 287–319. Moscow: Variant.
- Corbin, A. 2014. Tela vstrechaiutsia [Bodies Meet]. In *Istoriia tela: V 3-kh t.*

- [A History of the Body, 3 vols]. Vol. 2, *Ot Velikoi frantsuzskoi revoliutsii do Pervoi mirovoi voyny* [From the French Revolution to the First World War], edited by A. Corbin, J.-J. Courtine and G. Vigarello, 123–178. Moscow: NLO.
- Csordas, Th. J. 1993. Somatic Modes of Attention. *Cultural Anthropology* 8 (2): 135–156. <https://doi.org/10.1525/can.1993.8.2.02a00010>
- Douglas, M. 1970. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. London: Routledge.
- Dyer, R. 1985. Male Gay Porn: Coming to Terms. *Jump Cut* 30 (1): 27–29.
- Foucault, M. 1996. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow: Kastal'.
- Ginzburg, K. 2004. *Mify – emblemy – primety: morfologiia i istoriia* [Myths – Emblems – Clues: Morphology and History]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo.
- Haraway, D. 1991. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge.
- Healey, D. 2018. *Russian Homophobia from Stalin to Sochi*. London: Bloomsbury Publishing.
- Heavey, E. 2015. Narrative Bodies, Embodied Narratives. In *The Handbook of Narrative Analysis*, edited by A. De Fina and A. Georgakopoulou, 429–446. Malden: Willey Blackwell.
- Kislitsyna, P. 2021. “My vykhodim iz shkafa ne edinozhdy, a mnogo-mnogo raz”: kaming-aut, doverie i variatsii otkrytosti v biografiakh rossiiskikh negeteroseksual'nykh liudei [“We Come Out of the Closet not Once, but Many, Many Times”: Coming Out, Trust and Degrees of Openness Non-Heterosexuals' Biographies]. *Cahiers du Monde Russe* 62 (2–3): 307–332. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12465>
- Kislitsyna, P. 2023. Negeteroseksual'nye uliki: rassledovanie sobstvennoi seksual'nosti v biograficheskikh narrativakh [Non-Heterosexual Clues: Investigating One's Sexuality in Biographical Narratives]. *Antropologicheskii forum* 56: 93–119. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119>
- Kon, I.S. 2003. *Liki i maski odnopoloi liubvi. Lunnyi svet na zare* [The Faces and Masks of Same-Sex Love: Moonlight at Dawn]. Moscow: Olimp.
- Lancaster, R.N. 2003. *The Trouble with Nature: Sex in Science and Popular Culture*. Berkeley: University of California Press.
- Linde, C. 1993. *Life Stories: The Creation of Coherence*. Oxford: Oxford University Press.
- Lupton, D. (2003) 2012. *Medicine as Culture: Illness, Disease and the Body*. London: Sage.
- Mauss, M. 1996. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Merleau-Ponty, M. 1999. *Fenomenologiia vospriiatiia* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg: Nauka.
- Mol, A. 2002. *Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Muchembled, R. 2021. *Orgazm, ili Liubovnye utekhi na Zapade. Istoriia naslazhdeniia s XVI veka do nashikh dnei* [Orgasm and the West: A History of Pleasure from the Sixteenth Century to the Present]. Moscow: NLO.
- Nartova, N. 2008. Drugoe (li) telo: proizvodstvo lesbiiskogo tela v lesbiiskom diskurse [The Other Body? The Production of the Lesbian Body in Lesbian Discourse]. In *V teni tela. Sbornik statei i esse* [In the Shadow of the Body: A Collection of Articles and Essays], edited by N. Nartova and E. Omel'chenko,

- 93–110. Ul'ianovsk: Izdatel'stvo Ul'ianovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Omel'chenko, E. 2004. Razmytoe nachalo: gomodebiut v kontekste seksual'nogo stsenarii [A Blurred Beginning: A Homo Debut in the Context of a Sexual Script]. *Interaksiia. Interv'iu. Interpretatsiia* 2–3: 74–86.
- Pickett, B. 2021. Homosexuality. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/homosexuality>
- Rotkirch, A. 2011. *Muzhskoi vopros: liubov' i seks trekh pokolenii v avtobiografiakh peterburzhtsev* [The Man Question: Love and Sex of Three Generations in the Autobiographies of the People from St. Petersburg]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Rozhdestvenskaya, E.Y. 2012. *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE.
- Ryklin, M. 1994. Seksual'nost' i vlast': antirepressivnaia gipoteza Mishelia Fuko [Sexuality and Power: Michel Foucault's Antirepressive Hypothesis]. *Logos* 5: 196–206.
- Scheper-Hughes, N., and M.M. Lock. 1987. The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology. *Medical Anthropology Quarterly* 1 (1): 6–41. <https://doi.org/10.1525/maq.1987.1.1.02a00020>
- Shoshanova, S. 2021. Queer Identity in the Contemporary Art of Kazakhstan. *Central Asian Survey* 40 (1): 113–131.
- Soboleva, I., and Y. Bakhmetjev. 2014. “Menia kak budto vytolkali za vorota”: reaktsiia LGBT na zapret “propagandy gomoseksualizma” [“I Was Basically Kicked Out”: Reaction of LGBT on the Prohibition of “Homosexuality Propaganda”]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 12 (2): 217–232.
- Sokolovskiy, S.V. 2019. Mnozhestvennoe telo i mul'timodal'nost' smerti [The Body Multiple and the Multimodality of Death]. *Sotsiologiya vlasti* 31 (2): 155–175. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-155-175>
- Spivak, G. 1990. Can the Subaltern Speak? In *Marxism and the Interpretation of Culture*, edited by C. Nelson and L. Grossberg, 271–313. Urbana: University of Illinois Press.
- Stella, F. 2015. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Turner, B. 1984. *The Body and Society. Explorations in Social Theory*. London: Sage.
- Vanke, A. 2018. Muzhskie tela, seksual'nosti i sub'ektivnosti [Masculine Bodies, Sexualities and Subjectivities]. *Logos* 28 (4): 85–108.
- Walters, S.D. 2014. *The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions Are Sabotaging Gay Equality*. New York: New York University Press.
- Zdravomyslova, Y.A., and A.A. Temkina, 2015. *12 lektsii po gendernoi sotsiologii: uchebnoe posobie* [12 Lectures on Gender Sociology: Textbook]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УЦЕЛЕВШИЕ ЧАСТИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХИВА ШИРОКОГОРОВЫХ
(РЕЦ. НА: ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕРЕЗ СИБИРСКУЮ СТЕПЬ И ТАЙГУ
К АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ КОНЦЕПЦИЯМ. ЭТНОИСТОРИЯ
СЕРГЕЯ И ЕЛИЗАВЕТЫ ШИРОКОГОРОВЫХ:
В 2 т. Т. 2. Ч. 1, 2 / ПОД РЕД. Д. АРЗЮТОВА, Д. АНДЕРСОНА,
С. ПОДРЕЗОВОЙ. М.: ИНДРИК, 2022. 1232 С., ИЛ.)

А.А. Сирина

Анна Анатольевна Сирина | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru |
д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленин-
ский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Информация о финансовой поддержке
Рецензия подготовлена в рамках НИР ИЭА РАН

Редко кому из этнологов удается (и хочется) еще при жизни опубликовать весь массив материалов, накопившихся за долгие годы своей работы, как это сделала, например, известный угровед З.П. Соколова (Соколова 2016). В основном документы оседают в архивах, ими пользуются специалисты, на их базе пишутся статьи и книги, в которых порой заметны субъективизм и власть их авторов. Именно поэтому так важна публикация подобных источников.

Особый интерес представляют документы, связанные с именами классиков мировой антропологии, к числу которых, несомненно, относится Сергей Михайлович Широкогоров. Оправдалось предположение, что целе-

---

Рецензия поступила 11.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 15.02.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сирина А.А. Уцелевшие части: возвращение архива Широкогоровых (рец. на: Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых: В 2 т. Т. 2. Ч. 1, 2 / Под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. М.: Индрик, 2022) // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 3. С. 226–231. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030120> EDN: CPWUNL

Sirina, A.A. 2023. Utselevshie chasti: vozvrashchenie arkhiva Shirokogorovykh [Surviving Fragments: Regaining the Shirokogoroff Archive]: A Review of *Puteshestviia cherez sibirskuiu step' i taigu k antropologicheskim kontseptsiiam. Etnoistoriia Sergeia i Elizavety Shirokogorovykh: V 2 t. T. 2. Ch. 1, 2* [Journeys through the Siberian Steppes and Taiga to Anthropological Concepts: The Ethno-history of Sergei and Elizabeth Shirokogoroff. Vol. 2. Pt. 1, 2], edited by D. Arzyutov, D. Anderson, and S. Podrezova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 226–231. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030120> EDN: CPWUNL

направленный поиск архива Широкогоровых, распыленного из-за отсутствия прямых наследников и перипетий мировой истории, может дать новые открытия (*Широкогоров* 2016: 4). Завершилось издание двух книг документов, некоторых музейных и литературных источников, связанных с именами супругов Широкогоровых. В истории российской этнологии это позитивный опыт наиболее полной публикации архива, рассеянного по разным странам, крупным хранилищам и личным коллекциям собирателей. Появление первого тома уже было отрецензировано (*Сирина* 2022). Остановлюсь на втором томе, состоящем из двух частей (фактически из двух книг) со сквозной нумерацией страниц (Т. 2. Ч. 1 – 456 с.; Т. 2. Ч. 2 – 776 с.; всего – 1232 с.).

Концептуализируя свой опыт поисков архива супругов Широкогоровых, Д. Арзютов и Д. Андерсон в статье “Целые части: транснациональные траектории архивов Сергея и Елизаветы Широкогоровых”, опубликованной в журнале “Антропологический форум”, отметили, что они “выходили на чужие маршруты и находки, что расширило понимание жизни документов и их материальной связи с жизнью исследователей” (*Арзютов, Андерсон* 2021: 175). Само внимание антропологов разных стран к архиву Широкогорова говорит не только о его выдающемся вкладе в востоковедение, тунгусоведение и религиоведение, но и об обаянии его противоречивой, но цельной личности, об уникальности супружеского и научного тандема. Похоже, что встреча с удивительным человеком, всю жизнь собиравшим архив С.М. Широкогорова, Дональдом Тумасоном, которому и посвящено данное издание, стала отправной точкой, приведшей к самой идее публикации двухтомника. Кроме документов, обнаруженных в результате собственной кропотливой работы редакторов-исследователей и многочисленных ассистентов, в книгу вошли и документы, найденные и опубликованные этнологами и историками А.М. Решетовым, А.М. Кузнецовым, М.В. Крюковым, Н.П. Крадиным, А.А. Сириной, В.Н. Давыдовым, А.А. Закурдаевым. Специально обращаю на это внимание, поскольку ни в упомянутой выше статье, ни в предисловиях к рецензируемым томам это никак не отмечено, и у читателя может создаться одностороннее, неполное представление об истории поисков архива Широкогоровых.

В состав первой части второго тома вошли документы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, в основном датированные 1915–1917 гг., когда супруги Широкогоровы работали в Маньчжурской экспедиции, снаряженной Академией наук на Дальний Восток России и Северо-Восток Китая (*Сирина* 2018). Большинство архивных документов опосредованно хорошо известны: они использованы разными исследователями как источники для написания статей, некоторые письма опубликованы. Состав документов разнообразен. Большая часть их представляет собой переписку С.М. Широкогорова с коллегами из Музея антропологии и этнографии – его директором В.В. Радловым, старшим этнографом Л.Я. Штернбергом, сотрудником Б.Э. Петри и др., – в которой исследователь делится своими планами, раскрывает подробности полевой работы, просит советов и денег. Кроме того, в первую часть вошли письма В.К. Арсеньева, А.З. Федорова, П.В. Афанасьевой, А. Пешкова и др. Здесь же опубликованы фрагменты полевых дневников Широкогоровых и статьи, увидевшие свет в 1920-е годы: Е.Н. Широкогоровой по географии Северо-Западной Маньчжурии (1919) и С.М. Широкогорова об этнологических исследованиях в Сибири, Монголии и Северном Китае (1923). Здесь же приведены краткие сведения о собранных в этой экспедиции коллекциях, хранящихся в настоящее время

в институтах Российской академии наук: в Кунсткамере (МАЭ) (вещевые и фотоколлекции) и Пушкинском Доме (фоновалики). С. Подрезова дала наиболее полную сводку и анализ фонографической коллекции Широкогоровых с учетом вновь открытых материалов, но ее соавторы несколько преувеличили свою роль в обнаружении фонографических записей (Арзютов, Андерсон 2021: 192) – специалисты работали с ними начиная с 1930-х годов (Бурыкин и др. 2008; Бурыкин 2008).

Содержание второй части второго тома, с моей точки зрения, наиболее интересно. Большинство представленных в ней документов хранятся в архивах разных стран – в России, Польше, США, Англии и др. Это новые, пока еще не осмысленные в полной мере источники, относящиеся к малоизвестному периоду (1922–1942) жизни супругов Широкогоровых на Дальнем Востоке и в Китае. Исключение составляют письма Широкогорова к китаисту, будущему академику В.М. Алексееву, опубликованные отдельным изданием (Широкогоров 2016). Документы, содержащиеся в рецензируемой книге, подтвердили, что переписка с В.М. Алексеевым прекратилась по политическим мотивам (с. 1006).

Именно письма были тем основным каналом связи, через который Широкогоров поддерживал научные и просто человеческие отношения с коллегами, поэтому эпистолярный архив Широкогоровых очень интересен. Представление всех выявленных писем в хронологическом порядке позволяет видеть широту и интенсивность контактов, контекст жизни русского ученого-эмигранта в Китае, процесс и итоги обдумывания и обсуждения различных идей и теорий, актуальных вопросов научной жизни, проблем этнологии первой половины XX в. Эти письма приоткрывают кулисы организации антропологической науки в Европе, прежде всего в Германии, в Америке, а также в Китае и Японии. В томе опубликованы письма С.М. Широкогорова к археологу и антропологу из США А. Хрдличке, российскому и польскому лингвисту В.Л. Котвичу, музыковеду и пианисту И.С. Яссеру. Единичные послания декану восточного факультета Дальневосточного госуниверситета, востоковеду, лингвисту Е.Г. Спальвину, директору Института истории и филологии АН Китая Фу Сыняню, американским антропологам Ф. Боасу, Б. Лауферу, Р. Лоуи и некоторым другим исследователям связаны с поисками С.М. Широкогоровым работы в 1920-е годы, с различными рабочими вопросами или пересылкой научных трудов.

Наибольшую ценность, на мой взгляд, имеют письма С.М. Широкогорова к одному из признанных авторитетов в области изучения калмыцкого, монгольского и алтайских языков, главному редактору журнала *Rocznik Orientalistyczny*, профессору и члену-корреспонденту АН СССР В.Л. Котвичу, который с 1924 г. работал в Польше. Письма хранятся в архиве Польской академии наук. Ценность этим документам придает довольно большая протяженность переписки (1916–1939 г.), ее нарастающая с годами интенсивность, а главное – насыщенность богатым научным содержанием, в основном касающемся различных проблем общей и прикладной лингвистики, прежде всего тунгусо-маньчжурской и монгольской, и частных вопросов языкознания. Письма также содержат характеристики коллег и новые подробности личной и научной жизни Широкогоровых. В.Л. Котвича и С.М. Широкогорова сблизило то, что оба они когда-то жили и работали в Петербурге, имели общих знакомых и общие исследовательские интересы, но уехали за пределы России. И это обстоятельство заставляет их внимательно следить за политическими событиями в мире и в России/

СССР. Пожалуй, нет таких тем, которые бы ими не обсуждались. Кроме уже упомянутых, это и борьба с шаманством в Сибири, и последствия революции и эмиграции для развития русской науки, и профессиональная этика. Единственную возможность сохранить “нужную для существования науки традицию” Широкогоров видел в “настойчивом продолжении старого”, т.е. этического, с его точки зрения, поведения, и во “взаимной моральной поддержке” (с. 1057–1058). Авторы классических академических текстов в письмах открываются по-иному, и мы видим проявление обычно скрытых человеческих чувств и эмоций.

Из документов можно узнать, что в 1935–1936 гг. Широкогоровы побывали в Европе, совершив “полукругосветное путешествие” из Китая в Германию морским путем. Как писала Е.Н. Широкогорова И.С. Яссеру, “все путешествие длилось 74 дня; посетили 22 порта и 11 мест inland” (с. 1028). В Германии С.М. Широкогоров много работал в библиотеках, участвовал в различных научных собраниях, встречался с коллегами, писал, в свободное время супруги посещали театры, музеи. В письмах переданы “физические” ощущения нависшей над Европой катастрофы, осмысленной позже, по возвращении в Китай.

Особо интересно звучал голос Е.Н. Широкогоровой в письмах к И.С. Яссеру – пианисту и музыковеду, к Д.П. Пантелееву – секретарю Русской духовной миссии в Пекине, редактору журнала “Китайский благовестник”, автору некролога С.М. Широкогорова (*Хисамутдинов* 2021), а также к И.И. и А.Н. Серебренниковым. Елизавета Николаевна тяжело пережила потерю мужа, однако справилась с трудностями и с удвоенной энергией продолжила выполнять наказ Сергея Михайловича, данный им еще при жизни: завершить публикацию его трудов. С этой целью она контактировала с разными лицами, в частности, с японскими и немецкими учеными.

Из собранных Д. Тумасонисом воспоминаний людей, лично знавших Широкогорова, можно почерпнуть интересные факты: ученый великолепно играл в шахматы, был большим эрудитом. Д. Тумасонису даже удалось пообщаться с теми, кто был на скромных похоронах С.М. Широкогорова. А из писем Е.Н. Широкогоровой узнаем, что ее муж написал либретто к зафиксированному им у старой маньчжурки историческому преданию. Он настолько проникся этим материалом, что хотел познакомить с ним как можно больше людей. Планировалось, что впоследствии кто-то из известных композиторов сочинит музыку (мотивы были предложены самой Елизаветой Николаевной) и будет поставлена опера, которую ждал бы успех “Хованщины” (с. 1105–1106). Здесь Широкогоров открылся с еще одной, неожиданной стороны – как поэт. Рукопись перевода предания (около 300 отпечатанных на машинке страниц) и либретто Широкогорова, написанное белым стихом, пока не найдены.

Соглашаясь с тем, что различные “транснациональные части архивов” Широкогоровых переплетены и связаны между собой, отмечу, что они есть лишь формы существования единого целого (одного семейного архива), отражающие судьбу ученых-эмигрантов, чьи материалы рассеялись по миру и осели в самых неожиданных местах. И хотя Д. Арзютов и Д. Андерсон замечают, что их “путешествие так и не привело к *одному-единственному (или единому) антропологическому архиву*” (*Арзютов, Андерсон* 2021: 193), на самом деле рецензируемые книги и есть попытка его воссоздания. Возвращение документов, существовавших в хаосе разрозненных “транснациональных частей”, в цельный архив, который, несомненно, будет пополняться новыми находками, поможет более объективно и объемно представить фигуру Широкогорова, даст

дополнительные материалы для понимания процесса формирования и трансформации его научных взглядов и мировоззрения.

В заключение хотелось бы отметить огромное значение публикации архива Широкогоровых. Новые документы не только могут пролить свет на историю российской и мировой этнологии/антропологии, но и будут чрезвычайно полезны этнографам, лингвистам, фольклористам и ученым некоторых других специальностей, занимающимся народами, языками, культурами Дальнего Востока. Повторю вновь то, что уже подчеркивалось в статье “О малоизвестном наследии С.М. Широкогорова”: только совместными усилиями представителей разных научных дисциплин можно вернуть в историю российской этнологии наследие выдающегося ученого (Сирина, Давыдов 2017). На первый план в настоящий момент выдвинулась задача публикации еще не освоенных отечественными этнографами и антропологами классических трудов С.М. Широкогорова, без которых и самый полный архив не сможет раскрыть все свои смыслы.

Научная литература

- Арзютов Д., Андерсон Д. Целые части: транснациональные траектории архивов Сергея и Елизаветы Широкогоровых // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 175–198.
- Бурыкин А.А. Фонографические коллекции С.М. Широкогорова и Е.Н. Широкогоровой, хранящиеся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения) / Отв. ред. А.М. Кузнецов. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 130–135.
- Бурыкин А.А., Кастров А.Ю., Светозарова Н.Д. Софья Давыдовна Магид – исследователь музыкальных записей из коллекций С.М. Широкогорова // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения) / Отв. ред. А.М. Кузнецов. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 135–141.
- Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Этнография. 2018. № 1. С. 64–85.
- Сирина А.А. Архив Широкогоровых и тайны антропологических концепций (рец. на: Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям. Этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Д. Арзютова, Д. Андерсона, С. Подрезовой. М.: Индрик, 2021 // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 228–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020142> EDN: НТАСВН
- Сирина А.А., Давыдов В.Н. О малоизвестном наследии С.М. Широкогорова: введение // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 5–8.
- Соколова З.П. Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы: полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016.
- Хисамутдинов А.А. Русские этнографы в Китае: материалы к биобиблиографическому справочнику // Вестник Сахалинского музея. 2021. № 2 (35). С. 118–156.
- Широкогоров С.М. Письма к В.М. Алексееву (1927–1932) / Отв. ред. А.А. Сирина; вступит. статья, комм. и аннотир. указатели А.А. Сириной, А.А. Закурдаева. М.: Восточная литература, 2016.

Book Review

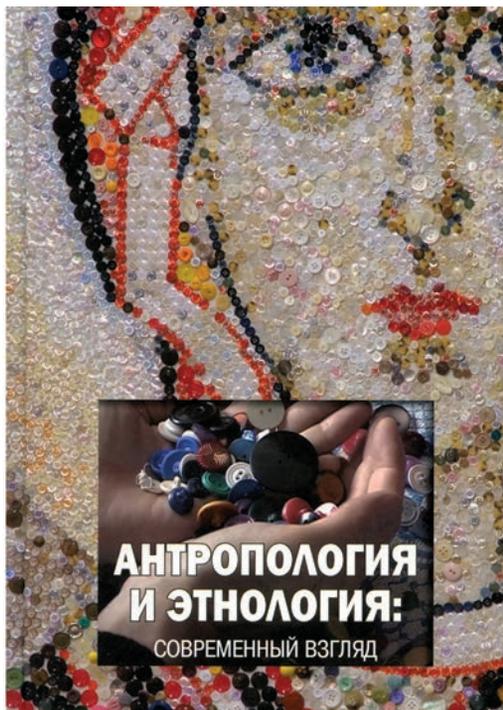
Sirina, A.A. Surviving Fragments: Regaining the Shirokogorov Archive [Utselevshie chasti: vozvrashchenie arkhiva Shirokogorovykh]: A Review of *Puteshestviia cherez sibirskuiu step' i taigu k antropologicheskim kontseptsiiam. Etnoistoriia Sergeia i Elizavety Shirokogorovykh: V 2 t. T. 2. Ch. 1, 2* [Journeys through the Siberian Steppes and Taiga to Anthropological Concepts: The Ethno-history of Sergei and Elizabeth Shirokogoroff. Vol. 2. Pt. 1, 2], edited by D. Arzyutov, D. Anderson, and S. Podrezova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 226–231. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030120> EDN: CPWUNL ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna Sirina | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

**БЫТЬ УСЛЫШАНЫМ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ
(РЕЦ. НА: АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД / ОТВ. РЕД. А.В. ГОЛОВНЁВ,
Э.-Б.М. ГУЧИНОВА.
М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2021. 559 С., ИЛ.)**

Т.Д. Соловей

Татьяна Дмитриевна Соловей | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | д. и. н., профессор кафедры этнологии исторического факультета | Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, ГСП 1, Москва, 119991, Россия)

Сборник статей приурочен к 80-летию юбилею академика В.А. Тишкова. Это часть давно сложившегося корпоративного ритуала празднования круглых дат, включающего публичное чествование, публикацию трудов юбиляра, посвящение ему специальных изданий со статьями учеников и почитателей. Тем более, если речь идет не только о фигуре значительной по совокупности общественных и академических заслуг, но и о человеке, дожившем до почтенного возраста, сохранившем ясность и остроту ума, живую связь с обществом, наукой, молодежью. Прибавлю еще публичность Тишкова (академическую, общественно-политическую), чья жизнь проходила “на виду”, на глазах строгих “правдолюбцев” из числа сограждан и “инквизиторов” от науки. Такова обратная сторона

Рецензия поступила 16.01.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 25.01.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соловей Т.Д. Быть услышанным властью и обществом (рец. на: Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021 // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 232–236. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030132> EDN: CQNQIC

Solovei, T.D. 2023. Byt' uslyshannym vlast'iu i obshchestvom [To Be Heard by the Authorities and Society]: A Review of *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzglyad* [Anthropology and Ethnology: A Modern View], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 232–236. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030132> EDN: CQNQIC

известности и влияния: ты принадлежишь толпе так же, как толпа принадлежит тебе.

Фигуре юбиляра посвящен первый раздел сборника – “Конструируя Тишкова”. Биографический очерк “Антропология и этнология академика Тишкова” написан А.В. Головнёвым так мощно и размашисто, что успешная (даже блестящая – с точки зрения общепринятых представлений о социальном успехе) биография советского/российского ученого выглядит величественной и почти героической. Это героический миф о культурном герое, который *участвовал в конструировании эпохи* (с. 17). Здесь верно схвачена квинтэссенция эффективной профессиональной самореализации, где административная карьера, число публикаций и материальный успех лишь средства, а подлинная цель – востребованность, участие в государственном целеполагании, влияние на умы и установление обратной связи с обществом. Автор биографического очерка, находящийся в восходящем административно-карьерном и академическом тренде, на пике интеллектуального расцвета, неизбежно самоопределяется посредством одной из самых успешных в этнологической корпорации постсоветского времени карьер, бессознательно соотносит собственный опыт и картину мира с плодами общественно-научной деятельности старшего коллеги.

Тишкову благодаря уникальной костелляции обстоятельств (внешних/контекстуальных, биографических, характеристик психотипа) выпал редкий шанс выступить в роли не пассивного наблюдателя и/или жертвы драматических социо-политико-культурных коллизий 90-х годов прошлого века, а влиятельного их актора. На протяжении более чем 30 лет он определял облик отечественной этнологии, воплощал нормативистские характеристики ученого. Возникает естественный соблазн оценить результаты этой общественно-научной активности.

Тишков небезуспешно пытался реализовать экспертный потенциал этнологии, осуществив глубокую аналитическую проработку истоков, хода, результатов двух чеченских войн. Наилучшей демонстрацией экспертных возможностей этнологии могло бы стать *предотвращение* этой военно-политической трагедии, чего, к сожалению, не случилось. Результаты интеллектуального штурма чеченского “кейса”, осуществленные постфактум, а также главный вывод, будто “сторонниками конфликта выступают отнюдь *не народы* (курсив мой. – Т.С.)” (с. 17), представляют собой проекцию личностной картины мира эксперта, элиминирующего этничность. Однако эти трагические события были вызваны не “рептилоидами” с планеты Нибиру, а участниками их стали не социологические абстракции. Беспрецедентная демографическая динамика титульного *этноса* республики и радикальное изменение *этнического* баланса в Чечне послужили истоком сепаратистских тенденций.

Тишков выступил главным протагонистом разработки и продвижения концепции “российской нации”, формирования политического/гражданского сообщества “россиян”. Головнёв тезизирует это следующим образом: “Реквием по этносу” стал “концептуальной платформой”, а вышедшая через 10 лет книга “Российский народ” – “стратегией действия” (с. 18). Этот вдохновляющий проект в случае успеха его реализации мог стать триумфальным свидетельством участия этнологической науки в государственном целеполагании. Открытым остается вопрос, был ли голос ученого-этнолога услышан властью и обществом.

Казавшийся необратимым кризис имперской и мессианской идентичности, который охватил население России в 1990-х и начале 2000-х годов, не ведет автоматически к выводу, будто в России сформировалась политическая, граж-

данская нация “россиян”. Да, росло число жителей России, идентифицирующих себя как “граждане России”. Но что это для них значило? Прежде всего, идентификацию с территорией и государством, а не с политическим сообществом “россиян” – общностью, имеющей интегрирующие ценности, интересы и символы. Все это блистательно отсутствовало. На символическом уровне “россиян” объединяло и объединяет лишь одно событие – Великая Отечественная война. А ведь “только широко разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок могут обеспечить низовую (базовую) легитимизацию и делают государство жизнеспособным” (см.: Тишков 1997: 115).

Во втором десятилетии XXI в. концепт “русской нации” переместился на периферию общенациональной повестки, постепенно выходил из употребления, а в последние 7–8 лет вообще исчез из официального дискурса (его ситуативное возвращение в публичное пространство произошло в 2018 г. в связи с обсуждением поправок к Конституции РФ). Эвфемизм “дружный народ”, предлагаемый Тишковым, выглядит в современной России таким же далеким от реальности, как химера “дружба народов” в СССР. А на уровне официальной государственной риторики происходит очевидная реанимация квазиимперских великодержавных образов и символов, апологетика советских практик.

Что касается плодов сугубо академической деятельности юбиляра, то их серьезный разбор и осмысление до сих пор не сделаны. Тишков *конструировал* постсоветскую этнологию, исходным пунктом чего стала *деконструкция* советской этнографии. Избыточный нигилизм и гиперразрушительный пафос в отношении советского наследства отпечатался болезненной травмой в умах и сердцах предстателей профессии профессионального цеха. Но в лихорадочном возбуждении хаоса декоммунизации об этом не думалось. Главным казался достигнутый результат: после отмены “единственно верного учения” в академическом сообществе воцарились “вольнодумие и мультиметодологичность” (с. 20). На естественно возникающий вопрос, удалось ли этнологам преодолеть коллективную травму и сформировать на развалинах советской науки новый дисциплинарный Космос, еще предстоит дать развернутый и аргументированный ответ.

Не менее важным, чем определение теоретико-методологических контуров русской этнологии/антропологии, в деятельности Тишкова в должности директора ИЭА РАН стало продвижение нового научного этоса и нормативистских характеристик ученого.

Идеал ученого, отекающий юбиляром, – “особый род людей, менее одержимых жизненным преуспеванием, но любящих самоорганизацию и не терпящих внешних вмешательств” (с. 21) – демонстрирует критическое недопонимание психологического профиля интеллектуального класса и его социального запроса, а также слабо соотносится с реальностью. Попытки приписывать российским ученым якобы свойственные им аскетизм, надмирную/идеальную ориентацию и одержимость наукой, очевидно, игнорируют фундаментальную природу человека. Людьми в их деятельности движут сложные комбинации интересов – идеальных и материальных, и их разведение, тем более противопоставление, возможно лишь как чисто интеллектуальная операция. Стремление к “жизненному преуспеванию” представляет собой психологическую и социальную норму, а достойное вознаграждение интеллектуального труда есть базовое условие успешного развития науки. Глубоко ненормальным является тот факт, что ученый в России, влача нищенское существование, “одержим” борьбой за выживание.

“Любовь” к самоорганизации, а тем более способность к ней – удел немногих, цельных и волевых личностей. Ученый вправе предпочесть “самоорганизации” плановость в организации научной деятельности, реализуемую коллективными усилиями в рамках хорошо структурированного сообщества. Но если отсутствует внятный государственный запрос, если академические институты не способны сформулировать исследовательский вектор, ученые выживают, самоорганизуясь каждый на свой лад. В российской ситуации “самоорганизация” носит вынужденный характер, выступает отражением предельной атомизации научного сообщества, синонимом стихийного “самотека” этнографической работы, а в худшем случае – синонимом “ненужности”.

Способность противостоять “внешним вмешательствам” – это крайне редко встречающееся, практически уникальное в гуманитарном цехе качество. Ровно наоборот, как свидетельствует мой многолетний опыт историографических изысканий, высокая адаптивность, готовность терпеть “внешние вмешательства” и соотнобразовываться с ними, массовый конформизм отечественных ученых в протяженной исторической ретроспективе составляют устойчивую тенденцию, интеллектуальную и психологическую норму.

Записанное Э.-Б.М. Гучиновой интервью с Тишковым – это яркий образчик автоэтнографии, прекраснодушный миф о времени, об этнологии и о себе в этнологии. Тишков, например, подчеркивает, что никогда не был сторонником директивного стиля управления: “За четверть века уверенного директорства мне не удалось изменить выбранную или навязать новую тему ни одному своему сотруднику” (с. 21). Боюсь ошибиться, но здесь устами Тишкова, который много лет занимал должность директора ИЭА РАН, говорит *самонадеянность силы*. Люди в массе своей конформны, и ученые не составляют в этом смысле счастливого исключения. Риторика начальства априори воспринимается как директива и непосредственное руководство к действию. А система грантов (стимулирующих надбавок) через материальное поощрение “актуальных” тем (степень их актуальности определяет лицо, облеченное административной и финансовой властью) фактически означает их жесткую селекцию, осуществляемую сверху.

В отношении современного состояния цеховой дисциплины (дисциплин), Тишков демонстрирует оптимизм: в 1990–х годах это исследовательское направление отсутствовало, а спустя 30 лет “можно уверенно сказать, что сегодня есть такая наука – российская антропология и этнология” (с. 3). Подобная рефлексия исходит от человека, претендовавшего на то, чтобы стать “локомотивом” науки нового мира и в этом смысле “обреченного” утверждать ее триумфальное рождение. Иначе придется признать неуспешными результаты 30-летней интеллектуальной инженерии.

Рецензируемый сборник предназначен выступить зримым доказательством этого впечатляющего успеха. Его проблемно-тематическая и теоретико-методологическая калейдоскопичность, очевидно, свидетельствует о “цветущей сложности” российской этнологии. Но, возможно, это отражение ее постдисциплинарного статуса и размывания предметной определенности.

Впечатляющий круг авторов (40 видных ученых!), представляющих научные учреждения (обеих столиц и региональные) этнологического и не этнологического профиля, демонстрирует триумфальную экспансию этнологии и антропологии в социогуманитарное знание, *антропологический поворот* интеллектуального дискурса. Но если верна максима “антропология – наука без границ, свод знаний о человеке”, то для ее демонстрации следовало бы включить в сборник труды маркетологов, экспертов моды, медиков, фармацевтов,

косметологов, чья деятельность строится на глубоком знании и понимании природы человека. А если имеется в виду антропология в узком цеховом смысле, то ее контуры должны быть обозначены, а исследовательское поле – структурировано.

Участие в рецензируемом сборнике зарубежных ученых служит зримым доказательством вписанности отечественной этнологии/антропологии в мировой интеллектуальный контекст. Или, что вероятнее, демонстрирует личный авторитет юбиляра и наработанные им индивидуальные интеллектуальные связи.

Подытоживая: юбилейный сборник статей как минимум свидетельствует о том, что этнология и антропология в России существуют (при этом представители данных дисциплин сохраняют способность к научной рефлексии), как существует и современный взгляд на их бытие. Это тем более важно, потому что современность характеризуется упадком и постнормальностью.

Научная литература

Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нации-строительства) // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 115–138.

Book Review

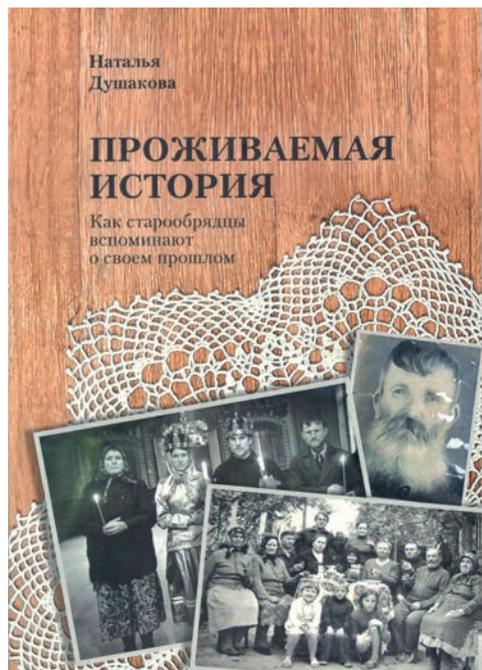
Solovei, T.D. To Be Heard by the Authorities and Society [Byt' uslyshannym vlast'iu i obshchestvom]: A Review of *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzgliad* [Anthropology and Ethnology: A Modern View], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 232–236. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030132> EDN: CQNQIC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana Solovei | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, GSP 1, Moscow, 119991, Russia)

**СОВРЕМЕННОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО
КАК ЖИВАЯ ПАМЯТЬ (РЕЦ. НА: ДУШАКОВА Н.С.
ПРОЖИВАЕМАЯ ИСТОРИЯ: КАК СТАРООБРЯДЦЫ
ВСПОМИНАЮТ О СВОЕМ ПРОШЛОМ. М.: РГГУ, 2022. 180 с.)**

О.К. Шиманская

Ольга Константиновна Шиманская | <http://orcid.org/0000-0002-4185-5553> | shimansk@mail.ru | к. филос. н., старший научный сотрудник отдела социальных и политических исследований Центр по изучению проблем религии и общества | Институт Европы РАН (ул. Моховая 11-3, Москва, 125009, Россия)

Монография Н.С. ДушакOVA “Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом” заставляет задуматься о нелинейной взаимосвязи истории (как прошлого и всего зафиксированного в нем) и исторической памяти (т.е. значимых событий запечатленных в памяти людей). Автор изучает влияние исторических коллизий на выбор жизненной стратегии человеком и этноконфессиональным сообществом русских старообрядцев в Северо-Западном Причерноморье – регионе, входящем в разные периоды в состав разных государств, ныне относящемся к Молдове, непризнанному Приднестровью и Румынии.

Старообрядчество – благодатная тема для историков, филологов, философов, этнографов, антропологов и др. Об интересе к ее комплексному изучению свидетельствует изданный

Рецензия поступила 05.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 08.02.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Шиманская О.К. Современное старообрядчество как живая память (рец. на: ДушакOVA Н.С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: Алетейя, 2022) // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030144> EDN: CQRDAJ

Shimanskaya, O.K. 2023. *Sovremennoe staroobriadchestvo kak zhivaia pamiat'* [The Old-Believing of Nowadays as a Live Memory]: A Review of *Prozhivaemaya istoriia: kak staroobriadtsy vspominaiut o svoem proshlom* [The Lived History: How Old-Believers Remember Their Own Past], by N.S. Dushakova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030144> EDN: CQRDAJ

С.В. Таранцом в 2018 г тиражом 100 экземпляров первый том энциклопедического словаря “Исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX – начала XXI вв.” (Таранец 2018). Часто староверие рассматривается через оптику историко-культурной традиции, истоки которой восходят к средневековой Руси. При таком позитивистском историко-антропологическом подходе, позволяющем обратиться к исчезающему под натиском глобализации прошлому, зачастую ускользает подлинная сущность старообрядчества: оно перестает быть духовным бунтарством за чистоту веры и традиции (чем оно и являлось начиная с 1653 г. – с реформ патриарха Никона и раскола русской церкви), а превращается в реконструкцию Средневековья, в этнографическую диковинку. Такой укор бросает исследователям К.М. Товбин в своей статье “Современное старообрядчество: между деконструктивизмом и традиционализмом” (Товбин 2014: 56).

Монография Н.С. Душакловой, основанная на многолетних полевых экспедициях, наблюдениях, массиве глубинных и полуструктурированных интервью, анализе источников, убедительно доказывает, что старообрядчество – явление живое и развивающееся. Автор поясняет, что эта книга о том, как сегодняшние старообрядцы вспоминают и рассказывают о своем прошлом и, самое главное, “как представления об общем прошлом влияют на современные процессы самоидентификации. Иными словами, в центре внимания – *проживаемая история*” (с. 9). Некоторые интервью, предваряющие или подтверждающие выводы исследователя, приведены в тексте в качестве иллюстраций. Сильная сторона монографии не в событийно-повествовательной описательности (что и как помнят, в какой манере рассказывают о событиях прошлого), а в анализе влияния исторической памяти на сегодняшнее самосознание этноконфессионального сообщества.

Систематизация массива источников определила и структуру исследования; оно состоит из трех частей. Первая часть посвящена теоретическим вопросам: закономерностям функционирования памяти о прошлом, многослойности и вариативности исторического знания и исторической памяти. Вторая и третья части монографии строятся на анализе устных нарративов старообрядцев о прошлом, рефлексии сообщества о самобытной картине мира и перспективах самосохранения этноконфессиональной и культурной традиции. Н.С. Душакова хорошо знакома с историографией вопроса, пользуется апробированным понятийным аппаратом и инструментарием исследователя в области исторической антропологии. Она пишет: “Отталкиваясь от идеи о непрошедшем прошлом, в этой книге я рассматриваю и то, в какую картину складываются отдельные элементы прошлого и как они переосмысляются при столкновении с настоящим, как корректируется историческая память под влиянием актуальных событий” (с. 25). Автор обращается к двум основным видам воспоминаний: автобиографическим – к памяти-опыту и поколенческим (о событиях отдаленного прошлого) – к постпамяти, в терминологии М. Хирш. При этом Н.С. Душакова указывает на активный характер любого вида памятования, а также на переосмысление человеком произошедшего в процессе рассказывания и взаимодействия с интервьюером. В устных повествованиях ценны и подлинные исторические факты, и их оценки, и стереотипы, и эмоциональное отношение к событиям, и предметы, пробуждающие воспоминания. Автор монографии артикулирует связанность исторической памяти и идентичности, полагая, что их “продуктивнее рассматривать не как явления и свойства, а как текущие процессы” (с. 33). Именно поэтому “мнемоническая социализация играет важную роль во включении в

сообщество новых членов” (с. 34), она не позволяет утрачивать специфическую идентичность в пределах устоявшихся старообрядческих институтов.

История старообрядчества представляет собой совокупность историй возникновения и развития всех его направлений. Н.С. Душакова справедливо отмечает, что “наряду с еще распространенными и известными в селе так называемыми народными, или вернакулярными, версиями выделяется авторитетная версия истории” (с. 48), когда, рассказывая о событиях, респонденты ссылаются на работы известных историков. Обращение к академическим и публицистическим практикам при структурировании устной истории – общее место в нарративах староверов. Так, в Нижегородской области старообрядцы чаще всего ссылаются на авторитетный для них источник – газету “Старообрядец”, издаваемую журналистом и краеведом С.В. Рудаковым, реже – на работы историков-краеведов А.В. Морохина и Ф.А. Селезнёва (ПМА 2019). Для выявления оригинального пласта воспоминаний необходим опыт работы с информантами, который, несомненно, есть у автора рецензируемой книги. Подлинность памятования дополняется сохраненными предметами обихода: печью, баней, самоваром, сарафаном, рубахой – их показывают исследователям.

Во второй части книги «“Чего нам нельзя забыть”: события прошлого в устных нарративах старообрядцев» Н.С. Душакова выявляет значимые для всех опрошенных моменты истории и то, как они переосмысляются ныне живущими людьми, анализирует их влияние на повседневность, на религиозные искания и практики. К таким событиям-вехам, переломным и травматичным для группового сознания, относятся: “(а) события, связанные с началом старообрядческой истории, своего рода значимая точка отсчета, (б) миграции (как добровольные, так и вынужденные), (в) антирелигиозные кампании” (с. 62). Все респонденты одинаково уверены в том, что Никон искажил веру, что именно он был инициатором гонений, которым подверглись их предки, он вынудил раскольников бежать на новые, неосвоенные места – так локальная история интегрируется в общую историю старообрядчества. Такие же мотивы зарождения старообрядчества фиксировала на материалах Урало-Поволжья Е.С. Данилко (*Данилко* 2002). Звучащие рассказы – “это история на языке традиции” (с. 68); с расколом начинается новый миропорядок, уходит гармоничное прошлое, искажается вера. Поэтому в каноническую историософию зачастую врывается современность: так, “старообрядцы Молдовы проводят параллели между церковным расколом середины XVII в. и современными событиями, в частности с распадом СССР” (с. 67); крушение огромной страны и болезненное становление новой карты Евразии – это тоже результат своего рода раскола.

Иные представления о начале старообрядческой истории у староверов-липован Румынии. Здесь под влиянием странового культурного контекста во всемирной истории появляются сюжеты о расколе в 1054 г. христианской церкви на западную и восточную, о Флорентийской унии 1439 г. У старообрядцев Добруджи расколом именуется эпизод, относящийся к образованию белокриницкой иерархии и личности митрополита Амвросия, остановившегося по пути в Белую Криницу в с. Сарикёй. С визитом Амвросия связывают разделение села на две общины – белокриницкое согласие и согласие “раздорников” (ныне новозыбковцев).

Анализируя миграции, автор выделяет два их подвида в Новейшее время: добровольное переселение староверов на историческую родину из Румынии во время голода 1947 г. и переселение, связанное с раскулачиванием в Молдове. Сегодня еще живы свидетели и участники тех трагических событий, в то время

бывшие детьми. В случае с переселенцами из Румынии – люди были намеренно введены в заблуждение. Им обещали богатые наделы и устроенный быт, но на новом месте они оказались на бросовых землях, им не предоставили ни домов, ни материалов для строительства. Приехавшие из Румынии остро переживали отрыв от родного места, образа и уклада жизни, невозможность участия в привычной культовой практике. Попавшие же под каток раскулачивания говорили не только о лишениях, но и о людях, которые помогли им выжить. В условиях отсутствия предметов культа, церкви, священников и религиозной литературы на первый план выходили молитва и личная стойкость. Общие гонения, которым подвергались люди, независимо от их вероисповедания, размывали рамки, изолирующие сообщество, вели к нарушению табу на общение с иноверцами, разрушали установку на чистоту веры. Н.С. Душакова отмечает:

В повествованиях о миграции важную роль играет память о взаимодействии с иноконфессиональным окружением как на бытовом уровне (совместное проживание и/или экономическая взаимопомощь), так и на уровне религиозных практик (например, коллективное чтение религиозных текстов в ссылке в Курганской области) (с. 100).

То есть воинственный секуляризм спланировал мозаичные части христианского сообщества, приводил к осознанию общности их ценностного ядра как основы возможного межконфессионального диалога.

Разбираются в монографии и способы преодоления травматического опыта с помощью религиозных ресурсов: памятование о пережитом старших родичей, выразившееся, например, в обетных праздниках (с. 97–98); покаяние и христианское прощение тех, кто инициировал гонения или был к ним причастен (с. 100). Мне довелось присутствовать на интервью, проводившихся Натальей Душаковой, и меня поразил акцент на христианском прощении в рассказах депортированных.

Антирелигиозные кампании в Молдове в 1958–1964 гг. не были особенно жесткими. Несмотря на партийную установку на закрытие церквей, все зависело от авторитета священников на местах и личной позиции местных властей, о чем говорят материалы интервью. Автор монографии подчеркивает, что для середины XX в. было характерно сочетание народной религиозной традиции и приватизации веры – ухода религии из публичной сферы в частную (с. 124). Среди старообрядцев Молдовы “распространено мнение о том, что в советское время, несмотря ни на какие действия властей, вера была крепче, люди больше молились” (с. 123), это подтверждается и *Pew Research Center* (Исследовательский центр Пью) (Религия... 2017), отметившим, что верующих людей в Молдавии в 70–80-е годы XX в. было на 10% больше, чем сейчас. Румынские же старообрядцы, по словам Н.С. Душаковой, советский период своей истории именуют не иначе как “фальшивая коммунизма” (с. 124). Надо сказать, что приход к власти в Румынии после Второй мировой войны коммунистов не сопровождался массовой секуляризацией, сравнимой с той, что была в СССР (*Биткова* 2006), и староверы жили традиционным укладом.

В третьей главе “Мнемонические сообщества: память о принадлежности и выстраивании групповых границ” автор анализирует влияние исторической памяти на процессы самоидентификации, технологию включения и исключения из сообществ – «как происходит разделение на “своих”, “других”, “чужих”» (с. 125). Признаками идентичности выступают традиционная одежда и самоназвания. Наиболее распространены в регионе наименования “кацапы” и “липоване”, хотя используются также “кержаки” и “макогоне” – все они не имеют

негативного оттенка. Применение самоназвания “кацапы”, по составленной автором карте, больше характерно для востока и северо-востока Молдавии, “липоване” – для юга и юго-запада.

Выстраивание отношений с иноконфессиональным окружением у старообрядцев всегда жестко регламентировалось: определялись четкие границы взаимодействия с “иноверцами”, немирщение с ними в быту и т.д. Современные процессы (глобализация, урбанизация и переезд в города и т.д.) не обходят стороной и старообрядцев. Так, если до 80-х годов XX в. у них почти не было смешанных браков, то сейчас они встречаются все чаще. Полевые материалы автора показывают, что в настоящее время запретительные предписания передаются молодому поколению как рекомендации, следование им желательно, при возможности. Тем не менее люди, соблюдающие запреты, уважаются иноверцами. Н.С. Душакова делает важный вывод: “Внутри традиции постоянно вырабатываются способы смягчения правил... ликвидации последствий их нарушения – вплоть до изменения самих правил, их адаптации к меняющемуся социокультурному контексту” (с. 163). Традиция из нормы становится идеалом, а выстраивание отношений с “другими” допускается при условии проведения очистительных, умиловительных обрядов, восстанавливающих ритуальную чистоту.

Изученная Н.С. Душаковой стратегия адаптации староверов Северо-Западного Причерноморья через функционирование исторической памяти свидетельствует о том, что старообрядчество оформляется сегодня в особую религиозную субкультуру, ищущую свое место в современном мире, но стремящуюся сохранить свои самобытные идентичность и веру.

Источники и материалы

- ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Семёновский р-н Нижегородской обл., июль 2019 г. (информанты: А.С. Лебедев, 1937 г.р.; А.И. Ильин, 1954 г.р.; отец Игорь, 1965 г.р.; М.В. Алмазова, 1980 г.р.).
- Религия 2017 – Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе // Pew Research Center: Мировая динамика: цифры, факты, тенденции. 2017 г. <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf>

Научная литература

- Биткова Т.Г. Церковь в Румынии // Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 42–72.
- Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002.
- Таранец С.В. (науч. ред. и сост.) Старообрядоведение: энциклопедический и биобиблиографический словарь: исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX – начала XXI вв.: к XVI Международному съезду славистов в г. Белграде: В 3 т. Т. 1. Киев: Ліра-К, 2018.
- Товбин К.М. Современное старообрядчество: между деконструктивизмом и традиционализмом // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия, Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 52–59.

Book Review

Shimanskaya, O.K. The Old-Believing of Nowadays as a Live Memory [Sovremennoe staroobriadchestvo kak zhivaia pamiat’]: A Review of *Prozhivaemaia istoriia: kak staroobriadtsy vspominaiut o svoem proshlom* [The Lived History: How Old-Believers Remember Their Own Past], by N.S. Dushakova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030144> EDN: CQRDAJ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Olga Shimanskaya | <http://orcid.org/0000-0002-4185-5553> | shimansk@mail.ru | Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (11-3 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia)